

245

cat. 27

Алисавета приветствует Гражданъ
Брюссельскихъ.

245
924
A

Р 1-77 - 91
16564

ПУТЕШЕСТВІЯ ПИФАГОРА,

ЗНАМЕНИТАГО САМОССКАГО ФИЛОСОФА;

и л и

801-18
1635
*Картина древнихъ славнѣйшихъ
народовъ,*

*изображающая ихъ происхожденіе, обыкши,
богослуженіе, таинства и достопамятности.*

Въ сей Картинѣ оживлены всѣ важнѣйшія
произшествія древнихъ временъ.

Переводъ съ Французскаго.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Изданіемъ

Ивана Нехачина и Ивана Переплетчикова.

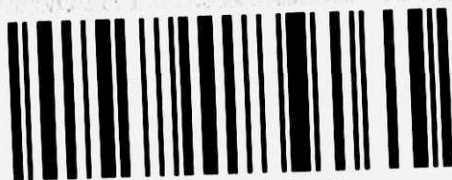
МОСКВА, 1810.

Въ Университетской Типографіи.

60925-50

Съ одобренія Цензурнаго Комитета,
учрежденнаго для Округа Импера-
торскаго Московскаго Универ-
ситета.

2011120995

О Г Л А В Л Е Н І Е
ШЕСТОЙ ЧАСТИ
Путешествій Пифагора.

Спран.

I. Топографія Агригенна и его округа. Пифагоръ и Абарись.	1
II. Пифагоръ освобождаетъ Сицилію отъ Фаларида.	21
III. Топографія Сициліи. Праздникъ Венеринь.	38
IV. Продолженіе Сицилійской Топо- графіи.	51
V. Пифагоръ и Симихъ, тираннъ Цен- турипскій.	63
VI. Пифагоръ на горѣ Эпнѣ.	73
VII. Капана и Харондъ. Тавроменія, Мессана и пр.	87
VIII. Пифагоръ путешествуетъ въ Италіи. Регіумъ, Локры, Зелевкъ.	103
IX. Путешествіе Пифагора на Везувій.	114
X. Пифагоръ идетъ въ Геркуланъ и посѣщаетъ заводы Эпсурскихъ со- судовъ.	132

IV   Оглавленіе.

	Спран.
XI. Кумы и Сивилла. -	140
XII. Топографія Италіи. Развалины Альба. -	150
XIII. Пиеагоръ въ Римѣ. Спикхи Сивиллины. -	166
XIV. Топографія Рима. Тиранство Тарквинія. -	179
XV. Революція въ Римѣ. Лукреція. Брушь. -	197
XVI. Юній Брушь и Пиеагоръ. -	209
XVII. Пиеагоръ въ Карфагенѣ. Перидлъ Ганноновъ. -	233
XVIII. Пиеагоръ въ Гимнезіяхъ и Сардиніи. -	259
XIX. Пиеагоръ въ Корсикѣ. -	267
XX. Пиеагоръ въ Марсели. -	280
XXI. Пиеагоръ въ Галліи. Нравы Галловъ. -	298
XXII. Землеописаніе Галловъ. -	336
XXIII. Пиеагоръ у жрецовъ. -	351
XXIV. Пиеагоръ въ Лютецѣ. -	383
XXV. Пиеагоръ въ Гельвеційскихъ горахъ. -	393

Оглавленіе.   V

	Спран.
XXVI. Похороны Бруша. -	404
XXVII. Пиеагоръ идешь къ Сабинамъ и Самнишянамъ. -	415
XXVIII. Пиеагоръ въ Сибарисѣ. -	441
XXIX. Пиеагоръ въ Кропонѣ. -	457
XXX. Пиеагоръ предпринимаесть отдать послѣдній долгъ Фересиду. -	494
XXXI. Возвращеніе Пиеагора въ Кропону. Политическое состояніе и нравы сего города. -	506
XXXII. Главныя начала Пиеагоровой Системы. -	536
XXXIII. Внутреннее правленіе Пиеагоровой Школы. -	614
XXXIV. Кончина Пиеагорова. -	625

ПУТЕШЕСТВІЯ ПИΘΑΓΟΡΑ.

I.

Голографія Агригента и его округа. Пиѳагоръ и Абарись.

Я сначала разспрашивалъ о образованіи и памятникахъ страны Агригентской; они подали мнѣ благопріятную идею о народѣ и его Гени; чувствованіе изящнаго въ немъ весьма примѣтно. Зданія построены въ благородной простотѣ, и самой способъ строенія заслуживаетъ вниманіе. Фаларидъ началъ строить храмъ Минервы, который никогда не окончился. Разсматривая то, что уже было ошстроено, я замѣтилъ, что Агригентцы не связываютъ камни известью. Для упвержденія ихъ, провертываютъ четвероугольныя дыры въ центрѣ двухъ подобранныхъ камней (1), проводятъ сквозь

---

(1) Барш. *Письма о Сициліи*. Том. II.
Часть VI. А

онья кусокъ твердаго дерева, который наполняетъ совершенно оба отверстія. Сіе дерево по половинѣ входитъ въ шовъ и другой камень.

Нѣкоторые Сицилійскіе архитекторы употребляютъ способъ еще простѣе: посредствомъ вырубокъ, съ великою точностію принаровленныхъ одна къ другой, камни сдѣпляются между собою, и соединяются непосредственно, безъ помощи посторонняго шва, такъ что всѣ сіи отдѣльныя части образуютъ одно прочное цѣлое, могущее одною своею громадою противиться насилию времени. Не всегда будутъ стоять сіи великія зданія; онѣ подвергнутся участи общей для всѣхъ произведеній руки смертныхъ, но не отъ связей своихъ начнутъ разваливаться сіи камни.

Островитяне Сициліи, а особенно Агригентцы, повидимому довольно занимались и знаютъ свойство матеріаловъ, употребляемыхъ ими въ дѣло. Желая дать публичнымъ своимъ монументамъ прочность, способную удостовѣрить въ продолжительномъ существованіи оныхъ, они свараются строить изъ бѣлой глинистой земли предпочтительно самому

твердому мрамору, который гораздо скорѣе можетъ измѣниться отъ вліянія воздуха.

Между прочимъ всѣ почти Агригентскія улицы прямы и кривы, и Фаларидъ не печется о поправленіи оныхъ. Четыре солдата могутъ защищать свободное употребленіе каждой изъ сихъ улицъ противу всей черни (1). Впрочемъ городъ построенъ по плану Дедала. Уже ли сей великій человекъ хотѣлъ соглашаться съ намбреніями деспотовъ? Весьма много городовъ похожи въ этомъ на Агригентъ (2)!

Я проклиналъ еще болѣе тираннію Фаларидову, узнавъ характеръ и нравы народовъ, носившихъ ея тяжесть. Я нашелъ между ими много добродѣтелей; недоставало одного только мужества. Иго, пягопѣвшее надъ главами ихъ, сдѣлало ихъ молчаливыми, робкими, недобрчивыми; однакожь въ нихъ видна еще первобытная ихъ искренность: они милосерды даже и къ живопнымъ. Крепости Агригента наполнены гробница-

(1) Діод. Сиц. IV.

(2) Аристот. о республик.

ми лошадей (1); надобно сказать, что это первое богатство житей. Между тѣмъ они начинаютъ съ Карфагеномъ заводить торгъ винами, который со временемъ можетъ сдѣлаться весьма прочнымъ (2).

Госпепрїимство есть для нихъ столько же священная обязанность, какъ и почитаніе самыхъ боговъ. Они обнаружили ко мнѣ самое нѣжное усердіе. Мнѣ не трудно было снискавъ ихъ довѣренность; я употребилъ всѣ свои старанія къ тому, чтобы изцѣлить ихъ отъ набожнаго предразсудка, на которомъ покоился тираннъ. „Боги, говорили они мнѣ, благопрїятствуютъ Фалариду, ибо громъ не гремитъ надъ его головою.“

П и е а г о р ъ. Вы обманываетесь, друзья мои (3)! Какая нужда богамъ

(1) Солинъ.

(2) Діод. Сиц. XIII.

(3) *Primo in Italiam et Siciliam adventu, quas urbes a se invicem vel olim vel nuper in servitutem redactas apprehendit, illis animum ad libertatem erexit, et in pristinum statum per suos auditores illarum cives asseruit: adeoque liberis fecit Crotonem, Sybarim, Catanem, Phegiũm, Himaerum, Agrigentum, Tauromenas, et alias quasdam, quibus, etc. . . .*

до тиранна, и гражданъ имъ прїиснѣемыхъ? Они оскорбили бы васъ, если бы объявили себя вашими защитниками. Неужели вы не имѣете столько силы, чтобы низпровергнуть тираннію? Фаларидъ одинъ; а васъ многія тысячи. Что можетъ одинъ противу всѣхъ? Все, ежели всѣ дозволятъ одному умершвлять ихъ; ничего, ежели одинъ найдетъ преградою своимъ злодѣяніямъ сопротивленіе всѣхъ (1). Боги должны покровительствовать, и покровительствуютъ невинности, когда она слаба порока ея угнѣтающаго. На высотѣ Олимпа, они пребываютъ простыми зрителями сраженія, когда видятъ, что добрые имѣютъ средства съ успѣхомъ защищать себя отъ злодѣевъ. Отважьтесь только. Граждане! вы виноватѣ Фаларида, потому что вы его сильнѣе. Если бы лютой звѣрь, оставивъ свое логовище, пришелъ въ ваши стѣны, даже во внутренность вашихъ домовъ пресыщаться членами вашихъ дѣтей (2),

(1) Jambl. с. XXXII. *Vita Pythag.*

(2) Пиеагоръ принаравливается къ народному слуху. Говорилъ, что Фаларидъ ѣлъ грудныхъ младенцовъ.

расперзанныхъ прожорливымъ его зубомъ, — то не уже ли бы вы пустили ему продолжитъ свои опустошенія? Не воспалъ ли бы весь городъ изпребитъ животное, и изпоргнутъ у него окровавленную добычу? Чего же вы медлите? чего ждете? Когда вы увидѣли мѣднаго быка, влекомаго по повелѣнію Фаларидову на публичное мѣсто; когда вы увидѣли, что для раскаленія онаго подкладывали горячіе уголья; когда вы увидѣли, что изобрѣтатель сей адской машины первой испыталъ въ ономъ казнь (1): кто препятствовалъ вамъ, среди рукоплесканий сему наказанію, подвергнувъ оному же и тиранна - учредителя? Помощество благословило бы васъ; а теперь вы понесете отъ него одни только проклятія, дадите ему отчета во всѣхъ жертвахъ, заключенныхъ въ утробу Фаларидова быка: оно вамъ вмѣнитъ ихъ смерть, которую вы могли бы остановить. Я уже вижу васъ обезславленныхъ въ Исторіи. Она объ васъ скажетъ: изъ всѣхъ народовъ самый подлый, самый нечувствительный, самый жестокий былъ Агри-

(1) Перилль, *лисьм.* Фаларид. LXXXII.

гентской. При его глазахъ устроено было безъ всякаго помѣшательства ужаснѣйшее изъ всѣхъ орудій казни; у Агригентцовъ любѣйшій изъ тиранновъ, выгнанный изъ своего отечества, нашелъ себѣ убѣжище и проиъ. Имена Агригентцовъ и Фаларида будутъ произносимы въ одно время, и сопровождаемы одинаковыми поношеніями. — Вы уже сдѣлались баснею у сосѣднихъ націй; онѣ называютъ васъ свиньями, откармливаемыми для сполы Фаларидова. Сашира идетъ на счетъ вашихъ продолжительныхъ споловъ. Агригентцы, говорятъ, бдятъ такъ, какъ будто бы имъ оставалось жить одинъ только день (1). Ваше имя уже вошло въ пословицу для означенія повара (*). Какая имъ нужда до рева несчастныхъ, заключенныхъ въ мѣдномъ быкѣ! Они сполько же имъ прогаются, какъ и спраданіями, которымъ подвергаютъ домашнихъ своихъ птицъ (2),

(1) Эліан. *Ист.* V.

(*) *Sicula mensa, coquus siculus.* Пословица Лашинская.

(2) Агригентцы откармливали своихъ домашнихъ птицъ, вонзая имъ въ черепъ иглу. Сей варварской обычай дошелъ и до насъ.

дабы сдѣлать сочине ихъ мясо. Фаларидъ, прибавляють съ насмѣшкою, не столько виновенъ, какъ думаютъ. Онъ поступаетъ съ своими народами такъ, какъ они заслуживаютъ. Въ чемъ его укорить? Онъ имѣетъ причину поступать такимъ образомъ, потому что его сносятъ. Если бы не было подлецовъ, то не было бы и тиранна. И такъ Фаларида не должно наказывать, потому что весь народъ позволяетъ ему пиздаться человѣческимъ мясомъ, и повидимому рукоплещетъ его безчестнымъ дѣламъ и позорнымъ жестокостямъ (1). — Граждане! вы удивляетесь смѣлости моихъ словъ. Послушайте, — вы не знаете всего. Рассмотрите все презрѣнне, которое вы внушаете даже самому Фалариду. Онъ

(1) Ямблихъ Фаларидово царствованіе въ Агринтѣ полагаетъ во времена Платоновы. . . Царствованіе сего тиранна продолжалось около шестнадцати лѣтъ.

Фаларидъ, говоря, съѣлъ собственнаго своего сына (*ethic. nicom. cap. V lib. 6*). Аристопель въ той же главѣ приводитъ Фаларида по пожирающаго молодыхъ мальчиковъ, по употребляющаго ихъ орудіями безумной любви.

столько думаетъ о низкости вашего характера, что не боится вызывать меня на сраженіе. Ты можешь, сказалъ онъ мнѣ, у сего слабого народа употребить противъ меня оружія разума, справедливости и человѣчества. Я позволяю тебѣ это. Ревниваго моего быка уничтожитъ дѣйствіе словъ твоихъ, хотя бы ты имѣлъ краснорѣчіе Меркурія. . . . Граждане! вотъ что Фаларидъ думаетъ о жителяхъ Агринта. Но не зная меня, вы можете быть усомнитесь повѣрить мнѣ, и сочтете меня за одно съ подлыми царскими агентами, которые, вѣшавшись между вами, безъ сомнѣнія расскажутъ Государю своему все то, что происходитъ на семъ мѣстѣ. Знайте же, что я Посвященный въ Эвскія Таинства; что меня привело сюда одно негодованіе; что я пришелъ раздѣлить съ вами славу и опасности сихъ послѣднихъ дней тиранніи; ибо я не оставляю вашей области до тѣхъ поръ, пока Фаларидъ не оставитъ свой тронъ, слишкомъ долгое время утверждаемый на трупахъ и костяхъ. Умы ваши занимаетъ презрѣнная боязнь — я это вижу. Вы спрашиваете шлохранищелей тиранна. Съ ними онъ

всемогущь. Но что могутъ они для него сдѣлать противу гряды согласнаго между собою народа? Тираниъ васъ обезоружилъ. . . . Народъ, стоящій на ногахъ, не имѣетъ нужды въ оружіи. При первой казни, коея честь безъ сомнѣнія предоставитъ онъ мнѣ, явитесь всѣ. Ваше одно присутствіе, ваше соединеніе достаточно будетъ къ тому, чтобы привести его въ робость. Это будетъ новымъ зрѣлищемъ для него и его шлохранителей. Подайте руку помощи симъ послѣднимъ; я вамъ отвѣчаю за Фаларида. . . . Онъ узнаетъ все. Предупрежденный о томъ, что для него приуготовляется, онъ не преминетъ привести себя въ оборонительное состояніе. Я уже знаю его довольно; желѣзная душа его напряжетъ послѣднія усилія. Онъ воспользуется можетъ быть всякимъ, какой только ему предспавитъ, предлогомъ для усугубленія своей жестокости. Теперь время заградить вамъ многогѣшнее соумышленіе въ злодѣйствахъ, положивъ наконецъ предѣлъ законопреступному вашему шерпѣнію. Пусть Фаларидъ останется одинъ при своемъ мѣдномъ быкѣ! Заставьте его составлять съ нимъ

одно. Положитесь на помощь боговъ и вашихъ братьевъ, жителей Агригентскаго округа. Повѣрьте также, что вашъ примѣръ пронесется во всѣ мѣста Сициліи: Леонтины, Гимера, Катана, Сиракузы, Мессана, Тевроменъ, вся Греція, цѣлый свѣтъ будетъ подкрѣплять васъ. Ваше дѣло есть дѣло всѣхъ земныхъ народовъ. Я пойду возвѣстить вашу благородную рѣшительность во всѣхъ окрестныхъ селеніяхъ. Приготовьтесь до моего возвращенія къ сему великому произшествію!

Я долженъ еще вамъ сказать, что боги въ сію ночь предувѣрили меня въ томъ, что они повелѣли тиранну повиноваться моимъ совѣщаніямъ съ опасностію самой жизни (1).

Сіе разсужденіе привело весь городъ въ нѣкоторое тихое волненіе. Но не столько моя рѣчь, сколько мой видъ и святость характера, которымъ я былъ облеченъ, произвели свое дѣйствіе. Не

---

(1) Геркулесъ сказалъ во снѣ Фересиду, что онъ повелѣлъ Царямъ ему повиноваться. Это приписываютъ Пинеагору. Диог. Лаэрт. Жизнь Фересидова.

осмѣливались этакъ слишкомъ обнаруживать; страхъ перешелъ въ привычку. Но я легко примѣшилъ, что разгоряченные умы едва удерживали въ себѣ огонь. Я совѣщавалъ имъ потерпѣть еще нѣсколько дней. Мнимая тишина могла послужить обманомъ для Фаларида, скрывая отъ него близость опасности, ему угрожающей.

Я отправился потчасъ въ окрестности Агригенна. Сей участокъ Сициліи есть самой прелестнѣйшей и плодоноснѣйшей. Двѣ рѣки, *Аграгасъ* (*), отъ которой городъ получилъ свое имя, и *Гинса* (**), прежде впаденія въ Ливійское море орошаютъ сіи прекрасныя долины. Красивые лебеди, по видимому, весьма любятъ тутъ жить. Всегда зеленѣющіеся холмы устланы бальзамическими растеніями. Каждое помѣстье отгорожено плетнемъ изъ лавро-розы и шильной травы, изъ ясмينا и сабура. Сіе послѣднее деревцо тутъ обыкновенно цвѣтетъ, а пальмовые плоды созрѣваютъ. Финики совсѣмъ не имѣютъ такого вку-

(*) Нынѣ *Драго*.
(**) Нынѣ *Наро*.

са, какъ въ Африкѣ; золотояблочное дерево растетъ по всему округу; Минервино дерево даетъ въ изобиліи самое сладкое масло, не смотря на неблагодарность жителей, которые не старались окончить сдѣланнаго въ чернѣ храма подвѣшенемъ сей мудрой богини. Божество жавѣ оспариваетъ всю сію страну у бога виноградовъ.

Выкопанъ прудъ, долженствующій имѣть двадцать локтей глубины и семь сажень окружности (1): онъ доставляетъ самую отборную рыбу для лучшихъ столовъ Агригенна.

Виноградъ и маслина составляютъ главной торговъ Агригеннцовъ съ Карфагеномъ (2). Сей Ливійской городъ, не имѣющій еще сихъ двухъ растеній, много обогащаетъ ихъ.

Я не прошелъ по этой прекрасной сторонѣ трехъ часовъ, какъ одинъ невольникъ подошедъ ко мнѣ сказалъ съ удивительною учтивостію: „Почтенный путешественникъ! Господинъ мой, коего печать ты видишь висящую на моей шеи, ожидаетъ тебя къ себѣ за столъ.

(1) Диод. Сицил.

(2) Bonamy, rech. sur. Empedoc. mem. acad. inscript. Tom XIV. p. 16.

Пиѳагорѳъ. Но я чужестранецъ.

Невольникъ. Для этого-то онъ и ждетъ. Сдѣлай ему предпочтеніе предъ его сосѣдями; ты не знаешь здѣшнихъ обыкновеній. Жители Агригентской области упрекаютъ себя обѣдомъ, если не раздѣлятъ оной съ путешественниками. Господинъ мой будетъ очень доволенъ; ты будешь второй, которому онъ нынѣ оказываетъ гостепріимство. Пойдемъ.

Онъ привелъ меня въ весьма богатой домъ; хозяинъ на порогѣ воротъ своихъ дождался возвращенія невольника, котораго послѣ вѣлѣлъ награждать за его успѣхъ.

„Путешественникъ! сказалъ онъ мнѣ, садись. . . . Сія священная повязка, продѣтая сквозь волосъ твоихъ, возвѣщаетъ мнѣ, что я гораздо щастливѣе, нежели сколько смѣлъ надѣяться. Мое жилище почтено присутствіемъ Посвященнаго. Для чего я не могъ этого предузнать! я бы самъ пошелъ къ тебѣ на встрѣчу. Но прости моему любопытному желанію. Ты не можешь быть Тайнственникомъ Фивскимъ, проведши сіи послѣдніе дни у Фаларида, который не обыкъ выпускаетъ изъ рукъ своей добычи.

Пиѳагорѳъ. Когда чудовище удостоено, что она не можетъ отъ него уйти. . . .

Другой весьма молодой путешественникъ сидѣлъ вдали отъ меня за тѣмъ же столомъ. Тотчасъ онъ всталъ и сказалъ съ жаромъ: „Великодушный хозяинъ! позволь мнѣ сѣсть поближе къ сему знаменитому несчастливцу. Я не хочу разлучаться съ нимъ даже и въ мѣдномъ быкѣ.“

Меня поразило сіе доброе движеніе. „Поди ко мнѣ, сказалъ я ему; наши души сдѣлались согласными, прежде нежели мы узнали другъ друга. Кто ты такой?“

Абарисъ. Абарисъ, сынъ Севты, Гиперборейской уроженецъ (1). Будучи стольже скоръ, какъ копье, брошенное Геркулесовою рукою, я прибѣгаю изъ хладныхъ странъ Ретіи требовать совѣта у Греческихъ оракуловъ и обращаться съ мудрыми. Тайнственникъ Фивской! теперь я не разстанусь съ тобою.

Великодушный хозяинъ пригласилъ насъ прежде всего къ столу, которой

(1) Житель подошвы Алпійскихъ горъ, по системѣ автора о происхожденіи перелетѣ обществъ. смр. боб.

весь уставленъ былъ блюдами (1). Пиршественною палатою было широкое темно, открытое съ двухъ концовъ прохладенія собесѣдниковъ проходнымъ воздухомъ. Ведры вина безпрестанно умножались передъ нами. По неоднократно моему требованію, принесли для меня большой серебряный сосудъ чистой воды. Чаша, которую подали вмѣстѣ съ нимъ, была золотая, оправленная слоновою костью. Главнымъ кушаньемъ, по моему замѣчанію, была морская рыба, похожая на угрей, коея весьма бѣлое мясо должно быть очень вкусно. Я ѣлъ только плоды, коихъ наставлено было множество всякаго рода. Ихъ подавали вмѣстѣ съ мясомъ. Финики и персики ставили съ орѣхами. Земляника съ молокомъ могла бы обойтись и безъ меду, которыми ее приправляли; она весьма душиста въ Сициліи. Женщины съ нами не кушали. Я примѣтилъ, что присутствіе Посвященнаго удерживало охотниковъ отъ пищи; и это обстоятельство благопріятствовало моимъ видамъ.

(1) Брідоне, путешествіе въ Сицилію, Том. II.

Я имѣлъ нужду въ людяхъ горячихъ; но не пьяныхъ отъ вина. Видя всѣхъ въ два расположенными меня слушаешь, я началъ рѣчь:

„Ведикодушный хозяинъ, и вы всѣ Агригенцы, меня слушающіе! извѣстите мнѣ феноменъ, которой я вижу только здѣсь на вашемъ островѣ. Нравы ваши тихи, страннолюбивы и пріятны столько же, какъ и земля, по которой вы ходите. Семейства ваши живутъ въ добромъ согласіи; вы имѣете всѣ добродѣтели общезжитія: не уже ли для того, чтобы онѣ служили противоположенію, вы позволяете насильствовать надъ вами человѣку, или паче чудовищу кровожадному, которое, повидимому, не можетъ жить безъ человѣческаго мяса? Скажите мнѣ, прошу васъ, какая вамъ нужда терпѣть Фаларида на тронѣ? Я понимаю, почему онѣ остается на немъ; такъ, вы опасаетесь, чтобы не увидѣть у себя еще злѣйшаго деспота. Не можете ли вы имѣть такое опасеніе? Если бы опредѣляли награду совершеннѣйшему изъ тиранновъ, такъ какъ награждаютъ на Олимпійскихъ играхъ искуснѣйшаго изъ Аплетовъ, то не зѣ-

служилъ ли бы себѣ Фаларидъ вѣнка? До сихъ поръ не наслаждается ли онъ жестокою славою, что варварскими своими изобрѣшеніями превзошелъ все, что только извѣстно было ужаснѣйшаго прежде его? Ни одинъ деспотъ не равняется съ нимъ; трудно будетъ превзойти Фаларида. Скажитежь мнѣ, какая вамъ нужда имѣть сего злаго Генія на тронѣ Агригента и всей Сициліи? Если бы Капанскіе жители могли найти средство къ погашенію огня Этны, то не уже ли бы они тотчасъ не произвели его въ дѣйство, не желая быть ежедневно подверженными опасности горящихъ лавъ сего волкана? И ежели бы вамъ предложили на выборъ два зла, то не рѣшились ли бы вы избрать меньшее? И Сицилія не находится ли теперь въ соспояніи сего ужаснаго выбора? Чтожь она медлитъ? Не довольно ли одной Этны для испытанія ея терпѣнія? Для чего терпитъ она еще Фаларида? Если не дано человѣческимъ силамъ останавливать изверженія волкана и погашать опустошительные его огни, то по крайней мѣрѣ не отнята власть низложить деспота. Этна возжена рукою боговъ; Фаларидъ

царствуетъ потому только, что этого хопятъ люди. Вы сами понимаете ли это странное положеніе цѣлой націи, которая давно бы уже была въ мѣдномъ быкѣ, если бы она имѣла одну только голову и тѣло? Благородные Агригентцы! что думаете вы о замѣчаніяхъ чужестранца - путешественника, которой не могъ выдти на берегъ и сдѣлать на вашемъ островѣ одного шага, не бывъ пораженъ симъ политическимъ феноменомъ? Вы молчите; спасительный стыдъ разливается на вашихъ лицахъ.“

Юный Абарисъ не могъ удержатъ долѣ своей кипящей горячности. Онъ вспалъ и прервавъ меня вскричалъ: Хорошожь! мы двое, мы одни освободимъ Сицилію! Много ли надобно людей для наказанія тирана? Мудрый Таинственникъ! пойдѣмъ, освободимъ Агригентъ. Возьми мою руку. Я поражу, и Фаларидъ перестанетъ жить. Пойдѣмъ! это копье, священное на жертвенникѣ Гиперборейскаго Аполлона, это копье, вѣрный спутникъ моихъ путешествій, употребляемо было только для пораженія нѣкоторыхъ дикихъ животныхъ: да послу-

житъ оно теперь низверженію съ прона-
люшаго звѣря. Пойдемъ!

Вы не пойдете одни, сказалъ намъ,
останавливая насъ, хозяинъ дома; мы васъ
будемъ сопровождать всѣ. Молчаніе наше
не есть молчаніе робости. Мы призна-
емся въ своей винѣ, и здѣсь всѣ беремъ
на себя обязательство ее загладить. При-
ими въ семъ обѣтъ отъ насъ, мудрый
Таинственникъ Фивъ!

Я началъ опять рѣчь свою, бывъ
удовольствованъ въ успѣхѣ своихъ словъ.
Для внушенія добра душамъ благород-
нымъ не нужно быть очень краснорѣчи-
вымъ.

Но, сказалъ мнѣ одинъ изъ собесѣд-
никовъ, будутъ ли намъ вспомошество-
вать Агригентскіе граждане?

Пифагоръ. Они васъ ожидаютъ.
Мнѣ столь же легко было уговорить ихъ,
какъ и васъ. Вы и они были весьма близ-
ки къ чудовищу, и можете судить о
всѣмъ омерзении, каковое онъ должен-
ствуемъ внушать къ себѣ. Я прибавилъ
къ сему: „Соберите всѣхъ своихъ друзей,
прошеките весь округъ Агригентской, и
явитесь въ городъ на публичномъ мѣстѣ
предъ Фаларидовыми чертогами. Абарисъ

и я предваримъ васъ; и солнце, возшед-
шее надъ пригнѣсненною еще Сициліюю,
да узришь ее независимою въ сей вечеръ.

II.

*Пифагоръ освобождаетъ Сицилію
отъ Фаларида (1).*

Я едва успѣвалъ идти за юнымъ сво-
имъ спутникомъ. Абарисъ удваивалъ ша-
ги свои, неперпѣливо, желая вступить
съ деспотомъ въ борьбу. По прибытіи
нашемъ къ Агригентскимъ воротамъ, насъ
остановили и повели прямо къ Фалари-
ду. „Чтобы изготовленъ былъ раскален-
ной быкъ! (2)“ сказалъ онъ, увидя
насъ.

Тираннъ! вскричалъ Абарисъ, я одинъ
заслужилъ смерть. Накажи одного меня.

Пифагоръ. Этого молодой че-
ловѣкъ не заслуживаетъ твоего гнѣва;

(1) *Solvit (Pithagoras) Siciliam atrocissimā Phalaridis tyrannide.* Nic. Scutel. *vita Pythag.* p 20.

(2) *Вридоне, Путешествіе въ Сицилію,*
Том. II.

только на мою главу излей свою жестокость.

Фаларидъ. Вы оба будете удовлетворены (1). Справедливость требует общей награды, потому что прекрасное дѣяніе, вами начатое, есть общее ваше произведение. Не правда ли, что вы намѣрены были освободить Агригентъ и Сицилію, отнявъ у меня жизнь?

Абарисъ. Такъ! вотъ и подарокъ (указывая на копье), копорой я назначилъ для тебя.

Пифагоръ. Фаларидъ! не рѣшено еще, для насъ ли, или для тебя долженъ служишь мѣдной быкъ, копораты велишь разкалешь.

Фаларидъ. По крайней мѣрѣ достоверно то, что я узналъ почти все, что ты зло умышлялъ противъ моей особы. Какъ могъ ты подумать, чтобы на шестнадцатомъ году царствованія, я приобучался еще къ трону? Я взошелъ на него хитростію, и страхомъ умью

---

(1) *Phalaris, audito illo divino viro (Pythagorâ) deterior et tyrannidis appetentior factus.*

Nic. Scutellii, *vita Pythag.* p. 20.

утверждать себя на немъ. Въ ожиданіи часа вашей казни, я хочу рассказать вамъ то, что вы должныствовали бы знать прежде учиненія на меня нападенія. При Элевскихъ Посвященіяхъ не научаешь разбивать корону Царей, имбующихъ уже нѣкоторую опытность.

Изгнанный изъ отечества, копорое не умью цѣнить меня, я прѣзжаю въ Сицилію, и принимаю въ Агригентъ скромную должность сборщика податей (1). Тогда намѣревался построить храмъ Юпитеру Олимпійскому на Акномскомъ утесѣ, прикрывающемъ городъ. Двѣсти талантовъ назначены были для сего великаго зданія. Я вызываюсь смотрѣть за работою; меня принимаютъ. Съ помощію общественныхъ денегъ, мнѣ ввѣренныхъ, подъ защитою, копорую мнѣ удалось найти себѣ, я принимаю на свое жалованье многихъ чужестранцевъ, и покупаю множество невольниковъ. Они складываютъ всѣ нужные матеріалы, и начинаютъ рыть фундаментъ строенія. Я подсылаю надежнаго челоука въ городъ, чтобы онъ на площади обнаро-

---

(1) Полиен. V. г. Том. I.

доваль слѣдующее объявленіе, которое всѣми почтено за истинное: „Подрядив-
 „щійся строить Юпитеровъ храмъ обѣ-
 „щаетъ награжденіе тому, кто откроетъ
 „имя святошапцовъ, похитившихъ у не-
 „го лѣсъ, желѣзо и другіе матеріалы,
 „назначенные для стройки священнаго
 „зданія.“ Народъ раздражился при сей
 новости, Все, относящееся до его бо-
 говъ, его трогаетъ чрезвычайно. Я воз-
 пользовался симъ случаемъ. — „Граж-
 дане! естли вы хопите, чтобы я испол-
 нилъ мои обязательства, и чтобы ве-
 ликій Юпитеръ посреди васъ имѣлъ на-
 конецъ храмъ, то позвольте мнѣ прежде
 всего оградить его хорошею и прочною
 стѣною.“ Предложеніе сіе принято; пра-
 вители утвердили волю народа, не
 помышляя о слѣдствіяхъ. Цитадель по-
 строена. Я дожидаюсь праздничнаго дня,
 чтобы совершить великое свое намѣреніе.
 Наступаютъ *Фесмофоріи*. Между тѣмъ
 какъ народъ прославляетъ благодаренія
 Цереры; я разрываю оковы у своихъ не-
 вольниковъ; вооружаю ихъ камнями и
 другими принадлежащими къ стройкѣ
 орудіями; принимаю надъ ними предводи-
 тельство; говорю къ нимъ приличную рѣчь.

Послѣ сего бросаемся на Агригентцовъ,
 собравшихся въ храмъ Добрай богини.
 Большая часть изъ мужчинъ, могшіе за-
 щитаться, схвачены и умерщвлены;
 прочіе разбѣжались. Я беру женщинъ и
 дѣтей вмѣсто заложниковъ, и такимъ
 образомъ дѣлаюсь Агригентскимъ Царемъ.

Пизогоръ! ты вѣрно не зналъ сихъ
 подробностей, прежде нежели направилъ
 шаги свои къ моему двору. Вотъ дру-
 гія. Узнай меня совершенно. Естли я
 служу ужасомъ для живыхъ, то по
 крайней мѣрѣ повѣствованіемъ моихъ
 приключеній вы можете еще развеселить
 мертвыхъ, къ которымъ я васъ отпра-
 вляю.

Граждане Агригента покорились, и
 наименовали меня своимъ Царемъ; но
 многіе изъ нихъ имѣли еще въ домахъ
 своихъ оружіе. Тиранинъ для личной сво-
 ей безопасности не долженъ никому поз-
 волять сіе. Я назначаю за городомъ
 публичныя игры Аппетовъ. Всѣ жипели
 бѣгутъ туда. Агригентъ пустъ. Я при-
 казываю запереть ворота, дабы дать
 время къ похищенію изъ внутренности
 домовъ всякаго оружія, какое только най-
 дется. Приказъ мой исполненъ въ поч-

ности. Городъ отворяется. Граждане весело возвращаются въ дома; но поспѣшъ печаль заступаесть мѣсто радости. Жизнь ихъ и смерть въ моей власти.

Оставалось еще нѣсколько высокоумныхъ людей (1), подобныхъ этому молодому челоѣку, сопровождающему (2) меня, мудрый Тайнственникъ. Произходилъ ропотъ. Слова: мщеніе, вольность, пиранно-убійство, переходили изъ устъ въ уста. Чтобы заставить народъ молчать, нѣтъ надежнѣйшаго средства, какъ голодъ. Подъ предлогомъ заготовленія на будущее время, я завожу магазейны. Весь хлѣбъ собранъ въ обширныя житницы, у коихъ, по тайному приказанію, искусно сняты крышки, дабы чрезъ то весь сей сборъ подвергнущь насиліямъ воздуха. Жатва была неудачна; вся надежда на хорошій урожай пропала. Стали жаловаться на небреженіе сторожей. Я отсылаю ихъ къ наказанію. Для поправленія сего общественнаго бѣдствія, изпощаю имущества частныя. Наконецъ народъ, извуренный

(1) Полиен. VI. *отдѣл.* 2. Фронин. III. 4.

(2) Письмо Фаларида къ Абарису. LIV.

долговременною скудосцію, не имѣесть довольно голоса, чтобы жаловаться на судьбу свою; а я царствую въ мирѣ, не опасаясь во время сна безпокойствъ отъ дерзкой черни.

Я упошребляю иногда кротчайшія средства, смотря по характеру тѣхъ, копорыхъ надобно мнѣ обуздать. Леонтины были безпокойны; я сперва отбираю у нихъ копья и мечи. Но зная, что они, такъ сказать, существуютъ только для того, чтобы пить — заперши ихъ арсеналъ, отъ котораго ключи хранятся теперь у меня, я приказываю въ семъ городѣ и окрестностяхъ открыть новыя питейныя дома: доколѣ сей народъ будетъ перять свой разумъ за столombъ между чашами вина (*), дотолѣ я буду спокоенъ о прочемъ.

Наконецъ выслушай послѣднее повѣствованіе, которое я намѣренъ предложить тебѣ, Пиваторъ; оно будетъ для тебя тѣмъ занимательнѣе, что ты самъ представляешься онаго героямъ. Купцы приходятъ ко мнѣ жаловаться на тебя въ обидѣ, которую ты имъ сдѣлалъ въ Беотіи, и

(*) Отсюда произошла пословица: *Leontini semper juxta rosula.*

предваряють меня о швоемъ прибытіи въ мои области. Я даю приказаніе привести тебя сюда. Для меня нужно было одно произшествіе, чтобы вызвать Агригентской народъ и показати новыя, поразительныя дѣйствія строгости. Чернь привыкаетъ къ нему, даже къ самой жесточайшей тиранніи; при всемъ томъ пошребно предохранять ее отъ нѣкоторыхъ главныхъ соумышленниковъ, которые гораздо болѣе завидуютъ верховной власти, нежели друзьямъ независимости. Не проходитъ недѣли, въ которую бы внутри сихъ стѣнъ не составился противъ меня заговоръ. До сей самой минуты я разсѣвалъ всѣхъ злоумышленниковъ. Мнѣ пошребно было сдѣлать блистательной по шупокъ, чтобы наконецъ совершенно отшратить народъ отъ возмущеній, коихъ дѣлаютъ его орудіемъ. Ты показался мнѣ человекомъ способнымъ для произведенія въ дѣйство послѣднихъ моихъ видовъ. Я отложилъ швою казнь, дабы дать тебѣ время умножить число швоихъ соумышленниковъ. Я увѣдомленъ обо всемъ, что ты покушался сдѣлать въ семъ городѣ, принявъ слово въ слово данное мною тебѣ полномочіе, —

възвѣситъ власшь мою, противопологая ей власть разума. Увѣдомленъ, что ты предпринялъ взбунтовать окружныя селенія. Агенты мои, разсѣянныя по всѣмъ пунктамъ Сициліи, съ пошностію донесли мнѣ о коварныхъ швоихъ рѣчахъ и о встрѣчѣ при сполѣ съ симъ молодымъ Гиперборейцомъ.

Противу всего онаго вотъ какія противупологаю я мѣры: „Всякое сообщеніе между жителями Агригента и его округа пресѣчено. Ворота заперты въ слѣдъ за тобою и швоимъ спутникомъ, съ тѣмъ чтобы болѣе не отворяться. Многочисленность отборнато войска отшвѣчаетъ мнѣ за сей важный постъ. Безоружныя Агригентцы могутъ сбѣжаться шолпами на сію площадь, охраняемую шпиринными колоннами; но кромѣ пролишя слезъ они ничево не могутъ для тебя сдѣлать. Почтенное званіе Посвященнаго въ шайншва не спасетъ тебя. Мнѣ легко будетъ огласить тебя обманщикомъ; а иначе, скажу я народу, попустили ли бы боги бышь его казни?.. Согласись же, Пивагоръ! передъ своею кончиною, что оружія одного разума никогда не берутъ преимущества надъ

оружіями благоустроенной силы. Согласись, что мудрецъ не въ состояніи бороться съ тиранномъ. Сраженіе очень неровно. Твое высокомеріе опказывается сдѣлать такое признаніе; но мученія твои уже начались, ибо я заставилъ тебя молчать. Не думаешь ли ты дать мнѣ отвѣтъ посредствомъ жѣднаго моего быка? Въ немъ бывали и другіе подобные тебѣ мудрецы. Смотрижь, до чего простирается моя увѣренность въ моихъ мѣрахъ. Я позволилъ тебѣ возмутить противъ меня народъ. Я позволяю тебѣ еще поговорить съ нимъ передъ послѣдней твоей минутой. Горе тѣмъ, которыхъ обольстятъ краснорѣчивыя слова твои!“

Молодой Абарисъ съ великимъ трудомъ могъ удержатъ себя. Три раза я останавливалъ его, чтобы онъ не прерывалъ тирана. Когда сей окончилъ свою рѣчь, то я сказалъ ему сіи только немногія слова: „Тиранъ! ты погибнешь прежде меня.“

Онъ отвѣчалъ мнѣ: „Въ этомъ мы потчасъ удостоверимся. Исполнитель моихъ повелѣній! готовъ ли быкъ для пріянія виновныхъ (1) ?“

(1) См. Фаларида Лукіанъ.

Народъ спекался на площадь со всѣхъ сторонъ. Царскіе тѣлохранители, стѣнные одинъ противъ другаго въ приряда, представляли какъ бы валъ, уставленный дрошиками и копьями. Фаларидъ сѣлъ на своемъ пронѣ, сдѣланномъ изъ слоновой кости и золота, въ преддверіи своихъ чертоговъ. Орудіе казни находилось между имъ и предстоящимъ народомъ. Тиранъ требуетъ *келсидрѣ* (водяные часы) и говоритъ мнѣ: „Для твоего разговора я даю тебѣ четверть часа; воспользуйся симъ временемъ. Я хочу доставить Агригентцамъ удовольствіе послушать лебединого пѣнія. Начинай.“

Тутъ я возвысилъ голосъ и сказалъ: „Народъ Агригентскій! будь судіею между тиранномъ и Посвященнымъ въ шаниства! . . .“

Фаларидъ потчасъ всталъ: „Народъ! сказалъ онъ, это обманщикъ! поустятъ ли боги казнить Посвященнаго?“

Я обратилъ рѣчь къ многочисленной гвардіи, построеной вокругъ насъ: „Воины! Фаларидъ отнимаетъ у меня шанило Посвященнаго; но онъ самъ почно ли вашъ Царь? Нѣтъ! Фаларидъ не есть

живой образъ боговъ. Я ссылаюсь въ этомъ на верховнаго Юпитерова жреца. Пусть придетъ онъ сюда опивчатъ мнѣ на одинъ вопросъ, коимъ я намѣренъ ему предложить касательно Фаларида!“

Фаларидъ. Воины и народъ! этотъ неизвѣстной возмутитель старается продолжить свою порочную жизнь.

Пиѳагоръ. Народъ и воины! не уже ли вы откажете Посвященному говорить съ верховнымъ жрецомъ первѣйшаго изъ вашихъ боговъ?

Тѣлохранители не сдѣлали никакого движенія, не препятствуя народу привести великаго первосвященника, требуемаго мною. „Жрецъ Юпитеровъ! сказалъ я ему, признаешь ли ты въ особѣ Царя живой образъ боговъ?“

Верховный жрецъ. Безъ сомнѣннѣя.

Пиѳагоръ. Пошербятъ ли боги, чтобъ ихъ образъ, вверженный внутрь сего мѣднаго быка, былъ тамъ изшребленъ огнемъ?

Верховный жрецъ. Боги скорѣе сдѣлаютъ чудо, нежели поусыпятъ сему быку. Добрый Царь, ввергнутый

въ сего пламенѣющаго быка, выйдетъ опшуда такимъ же, какимъ вошелъ.

Пиѳагоръ. Народъ и воины, примитежъ! Фаларидъ споритъ, что я не настоящій Таинственникъ; а я утверждаю, что онъ не законной Царь. Чтобы узнать истинну, заставьте насъ обоихъ, Фаларида и меня, выдержать испытаніе, предложенное великимъ жрецомъ Юпитеровымъ. Фаларидъ первый возвалъ прошивъ меня боговъ: пусть онъ первый взойдетъ въ этого мѣднаго быка; я спущу его мѣсто, какъ скоро онъ выйдетъ опшуда. Воины и народъ! принимаете ли вы мое предложеніе? Первосвященникъ Юпитера! вопросы у вооруженныхъ и невооруженныхъ гражданъ, согласны ли они на это?

Фаларидъ. Воины Царевы! отдайте обманщика палачу.

Верховный жрецъ. Воины! именемъ Юпитера, остановитесь немного; будетъ еще время и послѣ испытанія. Фаларидъ! ты не можешь отказываться отъ суда боговъ. Они одни имѣютъ право судить Монарха съ Посвященнымъ.

Часть гвардіи подвинулась нѣсколь-
ко впередъ, чтобы меня окружить; дру-
гая половина выступила, дабы сдѣлать
ей сопротивление. Народъ, ободренный
симъ послѣднимъ обстоятельствомъ, раз-
шорнулъ преграды, содержащія его въ
отдаленіи, и спалъ позади верховнаго
жреца. Сей, чувствуя всю свою силу,
будучи подкрѣпленъ множествомъ гра-
жданъ, требуетъ снова и припомъ еще
сѣ большею величавостію предложеннаго
испытанія. — „Именемъ Юпитера, воин-
ны! положите оружіе до тѣхъ поръ,
пока Фаларидъ вамъ докажетъ, что онъ
вашъ Царь.“

Воины въ недоумѣніи повинувались.
Съ сей минуты сцена переѣнилась. Вѣсть
о семъ происшествіи сѣ быстротою мол-
ніи дошла до городскихъ воротъ. Стра-
жа, содержащая ихъ запертыми, раз-
бѣжалась. Агригентцы сосѣднихъ полей
вступили толпами. Публичная площадь
вся была усѣяна ими. Абарисъ и я чув-
ствовали, что всѣ друзья наши тѣсни-
лись около насъ. Верховный жрецъ меж-
ду тѣмъ понуждалъ къ окончанію дѣла.
Палачъ, по его повелѣнію, осмѣлился
взнести руку свою на Фаларида, изум-

леннаго шель внезапнымъ переворотомъ.
Его пощипали къ быку (1), и насиль-
но вполкнули въ его бока (2). Отвер-
стіе было зашворено за нимъ. Тотчасъ
сдѣлался слышенъ ужасной ревъ, и опъ
Фаларида не осталось ничего, кромѣ не-
большаго количества пепла и памяти
его злодѣяній (3).

„Пойдемте всѣ, сказалъ великій
жрецъ воинамъ и гражданамъ, пойдемте
всѣ воздать благодареніе Юпитеру - Осво-
бодителю. Тайнственникъ Фивскій! ска-
залъ онъ мнѣ въ сторону, предводитель-
ствуя народомъ, какъ хорошо ты былъ
вдохновенъ, призывая меня въ свидѣ-
тельство! Безъ сей щастливой идеи ты

(1) Фаларидъ умеръ въ шель самомъ
быкъ, въ кошоромъ умерщвлялъ другихъ.
Хелидоній.

(2) *Eo ipso die Phalaridem ab aliis trucidatum
esse, quo die Pythagorae et Abaridi mortem fu-
erit machinatus.* Jambl. XXXII.

(3) *Dacier, de Pythag.* p. 213. & 214.

*Phalaris, tyrannus Agrigentinos, dum cives
suos multis torqueret suppliciis, a populo una
cum liberis et conjuge crematus est, et in eodem
tauro, quo reos puniebat, lege talionis sustoca-
tus.* Ovid.

Officina. J. Rar. Textoris Tom. I.

и твой юный спутникъ не сдѣлали бы этого.“

Пиѳагорѣ. Великій жрецъ! я напередъ увѣренъ былъ въ твоёмъ расположеніи. Меня предувѣдомили, что ты сколько же ненавидишь тирана, какъ и тираннію. Твой не слишкомъ гибкій, относительно его, характеръ навлекъ бы на тебя ту участь, которой онъ теперь подвергнулся самъ. Сія политическая драма играна съ умомъ и гармоніей. Гвардія Фаларидова имѣла въ числѣ своихъ начальниковъ одного допущеннаго къ меньшимъ Элевзинскимъ таинствамъ. Не трудно было ввести его въ сіе благородное соумышленіе; а Гений свободы старался о прочемъ.

Вся ночь прошла въ празднествахъ. Данъ публичный балъ, на которомъ принудили меня занять первое мѣсто, называя меня новымъ Геркулесомъ (1), укротителемъ чудовищъ. На другой день пришли просить меня въ Народное Собра-

(1) *Ita Pythagoras, Herculis ritu et virtute, mortalibus opem ferens, illum, a quo homines proterve nefarieque habitū fuerant, morte punivit. Jambl. XXXII.*

ніе. Тамъ находился верховный жрецъ и пошлѣ хозяинъ, которой столь хорошо меня принялъ. Они оба предложили гражданамъ наименовать меня первымъ правителемъ Агригента. Я отвѣщивовалъ:

„Граждане! не будьте очень торопливы. . . . Вы слишкомъ долго испытывали, сколь опасно ввѣрять скипетръ законовъ и мечъ правосудія въ чужеземныя руки. Для чего вамъ еще подвергаться опасности? Не уже ли въ областяхъ вашихъ не довольно отцовъ семейства? Пусть будутъ они вашими правителями! Сама Природа призываетъ ихъ къ сему. Но, Агригентцы, освободившись отъ одного, не сдѣлайте себѣ вдругъ многихъ другихъ тиранновъ. Помните Фаларида (1).“

(1) Повѣрятъ ли, что Фаларидъ нашелъ себѣ защитниковъ? Пусть прочтутъ Французское сочиненіе, напечатанное 1716 году, подъ названіемъ: *L'utilité du pouvoir monarchique, contenant l'histoire de Phalaris, avec ses lettres par M. C. de S. M.*, содержащее въ себѣ около 400 страницъ.

Р. С. Фаларидовы письма отъ нѣкоторыхъ приписываются Лукіану.

Они наспаввали; но я въ сопровожденіи Абариса увернулса изъ середины шолты, и дождавшись ночи, мы вышли изъ города, занимающагося избраніемъ тысячи правителей, которые должны составлать Верховный Сенатъ: выборъ палъ на самыхъ богатѣйшихъ гражданъ.

Пи а г о р ъ. Теперь пойдѣмъ къ Эпнѣ.

А б а р и с ъ. Для чего же намъ не поѣхали сперва горы Эрикса?

III.

Толографія Сициліи. Праздникъ Венеринъ.

Я согласился на сіе путешествіе; которое впрочемъ отвлекало меня отъ главной моей цѣли. Но мы были за сіе довольно вознаграждены. Какое прекрасное зрѣлище, видѣть народъ, воздымающій наконецъ главу свою, которая многіе годы была поникшею подъ бременемъ мѣднаго ига! Во всѣхъ городахъ, гдѣ

мы проходили, гражданае, собравшись на публичное мѣсто, пользуясь наконецъ своими правами, избирали себѣ Сенаторовъ и поправляли законы. „Не изъ Агригенша ли вы идете? спросили насъ. Вы присудствовали при казни тиранна? Какъ вы щасливы, что были свидѣтелями сего переворота, который стоилъ жизни одного только человека!“

Спихотворцы, съ люпною въ рукахъ, воспѣвали на прагахъ храмовъ гимны Свободѣ; другіе читали элегію о *бѣдствіяхъ рабства*. Прилично представлять себѣ опасность, отъ которой недавно избавились! Жрецы едва успѣвали совершать приносимыя жертвы. Повсюду видны были пиршества, пляски, священныя церемоніи. Во многихъ селеніяхъ дали свободу невольникамъ, дабы достойно праздновать великую революцію Агригенша.

Въ ворапахъ *Камика* (1), небольшого города, на рѣкѣ сего имени, основаннаго Дедаловымъ сыномъ, намъ дали вѣнки, прося насъ не снимать ихъ съ головы во все время нашего тамъ пребыванія. Жители Миносовой Тераклеи и

---

(1) Dict. Ch. Etenne.

Анкиры * (1) посадили насъ за столъ въ Пританъ, раздѣлишь съ ними возліянія въ память Фаларидовой смерти.

Въ первомъ изъ сихъ городовъ Спарфійшины собрались на публичное мѣсто, и читали народу Критскіе законы, сочиненные Миносомъ, вшорымъ основателемъ Гераклеи (2).

Гора Капріанъ освѣщена была огнями.

Мы сошли въ Селинунтскую (*) долину; насъ едва ли примѣтили. Эта небольшая республика въ сію минуту обратила все свое вниманіе на свои древніе законы, желая ихъ ввести опять съ новымъ блескомъ. Гордыя пальмы ошѣняли гутьбища сего города и Дедаловъ гробъ.

Въ Лелибеѣ (**) толпа народа насъ потащила къ грошу, находящемуся внутри мыса. Туда носили гирлянды, пучки цвѣшовъ и корзины съ плодами къ уединенной Сивиллѣ, предсказавшей за нѣсколько дней въ пророческихъ снахъ своихъ превращеніе тирана въ быка.

(1) См. *Sicilia. ant. Ph. Cluv.*

(2) См. *Aelianus, ex Heraclide. De politis.*

(*) Нынѣ *Сіанка*.

(**) Нынѣ *Мурсалла*.

Лелибейской заливъ; близъ Дрелана, насупрошивъ острова *Лотофагитиса* (такъ названнаго потому, что жипели онаго питаются лотосовымъ цвѣшомъ), привелъ намъ на память *Циклоловъ*, воспѣтыхъ Гомеромъ въ безсмертной его *Одиссеѣ* (1). Мы направили къ нимъ шаги свои, любопытствуя, не найдутся ли какія черты сего древняго и слишкомъ мало извѣснаго народа. Мы пробѣжали горы, по которымъ они прежде жили въ великомъ числѣ. Теперь осталось только нѣсколько семействъ, которыя довольно вѣрно хранятъ первобытныя свои нравы и характеръ (2). Мы отдали честь почности пера Гомерова. Семейства сіи мирны (3), но грубы еще и необщежителины: онѣ живутъ весьма уединенно въ пространныхъ ущеліяхъ изрытыхъ рукою Природы.

(1) Пѣснь VIII.

(2) *Cyclopica. vita*, Греческая пословица. О семъ говорятъ Гомеръ и его Схоліастъ Евстаѣій, Спрабонъ, Діонъ Хрисостомъ.

(3) Циклоповъ было три рода; они не всѣ были безчеловѣчны. Voy. P. Petiti, D. M. *de moribus antropophagorum.*

„О Греки легкомысленные! сказалъ намъ одинъ изъ нихъ, попавшійся на встрѣчу: вы умѣли сдѣлать насъ ненавистными подъ именемъ Циклоловъ; но вы гораздо лучше бы сдѣлали, естли бы подражали намъ, да и теперь еще естли на это время: живите такъ, какъ мы; не знайте другаго законодателя, другаго правителя, кромѣ промысла Натурь; пусть каждый изъ васъ, такъ какъ здѣсь (1), управляетъ своимъ семействомъ, царствуетъ надъ своею женою и дѣтьми; откажись отъ всякой власти другъ надъ другомъ. Какая нужда людямъ дѣлать политическія собранія, для сужденія о дѣлахъ общихъ? Пусть каждой ограничитъ себя своимъ. О Греки! вы насъ изображаете съ однимъ глазомъ по срединѣ лба: это ли дань уваженія къ умѣренности нашихъ желаній? Такъ, сообразуясь съ именемъ, которое намъ даютъ, и которое несправедливо принимаютъ въ худую сторону, мы примѣтаемъ спокойно то, что происходитъ вокругъ насъ (*), не возмущая спокойствія нашихъ сосѣдей. . .“

(1) Аристотел. Нрав. Кн. V.

(*) Циклолъ по Гречески значитъ это самое.

Не могли привыкнутьъ къ рѣчамъ сихъ дикихъ семействъ, мы опять пустились въ свой путь. Намъ надобно было долгое время карабкаться, чшобы достигнуть вершины горы Эрикса (*), главнаго мѣста одной Сицилійской колоніи, которая, съ помощію Алкида, изъ Монархіи перешла къ республиканскому правленію. Дорога была гораздо ушѣисше прежде Дедала, и храмъ не такъ великолѣпенъ прежде благочестиваго Энея. Мы увидѣли прехъ молодыхъ жрицъ, всѣхъ совершенной красоты, идущихъ медленно вокругъ священной ограды, и горстью бросающихъ чрезъ рѣшетку мѣлкія зерна. Молодой Абарисъ спросилъ причину такой церемоніи у верховнаго жреца, слѣдовавшаго за ними. „Это для того, чшобы дать пищу пролетающимъ голубямъ, которые, направляя свой полетъ между Африкою и Италією, всегда осшанавливаются на семъ возвышенномъ мѣстѣ; они къ этому привыкли съ древнихъ временъ; ихъ-то привычкѣ одолжены основаніемъ храма и богослуженія“

(*) Нынѣ Сан-Юліано.

ніемъ Венеры - Эрицины (*). Древніе жители сей страны лишь только замѣтили сей феноменъ, возобновляющійся въ извѣстныя времена года, по почли оный за очевидное повелѣніе богини посвятить ей жертвенники на сей горѣ; а съ сихъ поръ тѣ же самыя Венерины птицы спали чаще посѣщать сіи мѣста.“

Приемъ, дѣлаемый имъ жрицами, извѣщаетъ сей феноменъ, возразилъ юный Абарисъ верховному жрецу.

Мы вошли во внутренность священнаго двора; намъ показали всѣ сокровища. Мы воздали поклоненіе спашу бѣгивни, сѣдящей на овнѣ, — образцовое произведеніе Дедала! Подлѣ нее находилась золотая корова того же художника, также медовыя соты, изъ того же металла сдѣланные съ совершеннымъ искусствомъ. Нѣтъ ничего драгоценнѣе предметовъ, находившихся предъ нашими глазами. Все, относящееся до богослуженія, производится съ распочисельно-

---

(*) Форму сего храма можно видѣть на задней сторонѣ нѣкоторыхъ медалей, принадлежащихъ фамиліи Консидеа, съ греческими словами: *Эрукъ*, *Эриксъ*.

стію. Семнадцать богатѣйшихъ городовъ Сициліи берутъ на свой отчетъ всѣ издержки. Весьма удивителенъ выборъ жрицъ; кажется въ прочихъ частяхъ земли не возможно найти такого соединенія красавицъ. „Мудрый Пивагоръ! оказалъ мнѣ съ откровенностію юный Абарисъ, не оставяй меня ни на одну минушу. . . . Не дѣзья ли намъ побывать на какомъ-нибудь празднествѣ? Черезъ два дни будемъ праздновать возвращеніе Венеры (1), отправившейся въ Ливію (*) уже назадъ тому семь дней, мнѣ сказывали жрицы. Венера не одинъ имѣетъ праздникъ въ году.“

Пивагоръ. Подождемъ; я на это согласенъ. Мы употребили время на обзорѣ Сицилійскихъ береговъ; сходили въ прекрасныя мраморныя каменоломни; посѣтили мысъ *Дрелану*, и ближнія болота, съ которыхъ собираютъ прызнатную соль; видѣли, какъ достаютъ кораллы и амбру, какъ ловятъ *тунца*, которой въ сихъ водахъ ужасенъ. Жители сей части

---

(1) Эліан. *Ист.* IV.

(*) Или Африку; сіи два имени долгое время были синонимами.

Тринакрии (*) дѣятельны и прудобивы: они любятъ Художества и довольно въ нихъ успѣваютъ; съ великимъ искусствомъ гравируютъ на камнѣ; дѣлаютъ также весьма красивые и разноцвѣтные узоры изъ алебастра и мрамора. Городъ Дрепана напаяется водами изъ Эрикса, на которой мы взошли опять, обозрѣвши гроты. Тутъ показали намъ гигантскія кости, не позволяя впрочемъ изслѣдывать, людямъ или слонамъ принадлежатъ онѣ (1).

Мы были не одни, и не первые на горѣ. Многие Сицилійцы, прибывшіе еще съ вечера, провели ночь въ Священной рощѣ. Я никогда не видалъ такого множества Венериныхъ птицъ разнаго рода. Нѣжное воркованье голубки и горлицы слышно во всѣхъ рощахъ храма.

Тотчасъ опиворили онаго врата, увѣшанныя розовыми вѣнками и мирповыми вѣшьями; отсюда пошелъ благовонный паръ, которымъ не лзя дышать безъ

(*) Название Сициліи, по причинѣ треугольной ея формы.

(1) *Memorie istoriche in Sicilia*. . . . . Batt. Caruso, Palermo.

наказанія; пріятное расслабленіе овладѣваетъ душою. Я сказалъ своему Гиперборею: Юный Абарисъ! ты захотѣлъ здѣсь остаться.

Абарисъ. Мудрый Писагоръ! не оставляй меня.

Появился Герольдъ, и повторилъ прираза сіе оглашеніе: „Юные мужчины! юныя женщины! во время священнаго таинства употребляйте слова только пріятныя (1).“

Раздались гимны Лидійскаго напѣва. Передъ святилищемъ спустили большую завѣсу (2); вдругъ мы увидѣли, что она раздѣлилась на двое. Неожиданное зрѣлище поразило всѣхъ взоры. Надъ жертвенникомъ, на мѣсто Венерина кумира, казалось, Венера сошла сама для принятія гимнама и молитвъ народа, среди круга своихъ жрицъ. Изъ всѣхъ сихъ красавицъ выбрана была самая прекраснѣй-

(1) *Bona verba.*

. . . . *Vos, o pueri et puellae,
Jam virum expertae, male nominatis
Parcite verbis.*

Horat. od. 14. lib. III.

(2) Бридон. путешеств. въ Сицил. Том. II.

шая, дабы представлять возвратившуюся Венеру - Эрицину. Правильность черт, удачная соразмерность во чашах стана, свѣжестъ колорита еще не заслуживаютъ высокой чести представлять богиню. Юная, избранная жрица, со всеми сими преимуществами должна соединять пріятность и миловидность, а паче всего шу милую улыбку, которая отличаетъ Венеру, и полагаетъ совершенное различіе между прекрасною женщиною и прекрасною статуею.

Мечта была во высочайшемъ степе-
ни; народъ-обожатель уже былъ пред-
уговоренъ къ сему всеми обстоятель-
ствами; онъ думалъ, что во самомъ
дѣлѣ наслаждается присутствіемъ Без-
смертной. Я слышалъ, что вокругъ
меня молодые супруги, даже и старики
кричали во восторгъ: „Вотъ она! это
точно она! О Венера - Эрицина! какъ
ты прекрасна! Такъ! это ты благово-
лишь сходить съ Олимпа, и посѣщать
щасливую Тринакрию.“

Не лзя было спустить съ нее глазъ;
каждой старался стоять такъ, чтобы сдѣ-
лать кругъ около жертвенника, къ коему
пусть устали благовоными цвѣтами.

Не возможно изобразить чувствованія во первые минуты сего празднества. Краснорѣчивое молчаніе удивленія оковы-
ваетъ все способности; всеми наслажде-
ніями, какія только человекъ способенъ
вмѣстить въ себѣ, зритель упоевается
во одно и то же время.

Я примѣчалъ за Абарисомъ; онъ не
менѣе былъ тронутъ. „О Пифагоръ! ска-
залъ онъ мнѣ, схвативъ мою руку: смо-
три! не правда ли, что красота есть
вещь божественная? Здѣсь только, у
ногъ Венеры - Эрицины народъ имѣетъ
справедливость вѣрить богамъ. Ахъ! на
что ему имѣть другихъ?“

Завѣса опустилась. Мы вышли пош-
часъ изъ храма съ тѣмъ, чтобы опять
направить путь свой къ волкану; впро-
чемъ позволили себѣ сдѣлать еще изво-
ротъ къ Сегестѣ и Панормѣ. Дорога, на-
ми взятая, была совершенно пастуше-
ская, и вела чрезъ плодоносную и раз-
нообразную страну.

Цвѣты, которыхъ путь великое
множество, показались мнѣ гораздо ду-
шисше, нежели во всякомъ другомъ мѣ-
стѣ, особенно тѣ, которые устилаются
по бокамъ горы Эрикса.

„Это не должно удивлять васъ, сказалъ намъ одинъ молодой паспухъ; всѣ сіи цвѣты (1) произошли изъ бани, въ которой была Венера, сошедши съ супружескаго ложа, на другой день своей свадьбы съ Вулканомъ.“

Сіе пріятное мѣсто даетъ еще убѣжище и другимъ птицамъ, кромѣ Циперскихъ. Здѣсь слышны сладкія пѣсни *пустыннаго воробья* (2).

Мы перешли бы многіе утѣсы, лежащіе близъ горы, не останавливаясь; но одинъ шутошній житель задержалъ наше шествіе, сказавъ: „Какъ это, путешественники! вы проходите, не замѣтивъ слѣдовъ Геркулесовыхъ ногъ, положенныхъ во время борьбы его съ Эрикомъ, Венеринымъ сыномъ (3)?“

(1) Athenée, XV. *Deipnos.*

2) Родъ чернаго дрозда. См. Аристот. *Ист. Живот.*

(3) Діод. Сицил. XVIII. 21. Геродот. IV. 22. *Ист.*

Продолженіе Сицилійской Толографіи.

Въ округѣ *Сегесты* (*) бывають обильныя жатвы пшеницы; что самое было причиною имени, которое теперь носитъ сей городъ. Со времени Троянской осады (1) онъ былъ столицею небольшой Монархіи. Сегестцы ласково приняли чадъ *Пріамовыхъ*, оказали имъ гостепримство и дали убѣжище.

Не ходивши въ Троаду, мы отвѣдали водъ *Ксимоиса* и *Скамандра* (2). Во время своего прибытія въ Сицилію, *Эней* далъ сіи имена двумъ рѣкамъ, орошающимъ округъ Сегестской.

За тысячу шаговъ до города, намъ попался храмъ Дорической архитектуры, прикрываемый горюю и построенный въ глубинѣ долины; въ немъ поклоняются тремъ весьма любимымъ божествамъ Сицилійцевъ: *Цереръ*, *Бахусу* и *Пану*.

(*) Нынѣ *Кастроаль марь ди Голфо*.

(1) Плин. *Ист. Нат.* III. 8. Страб. VI. Геогр. Діод. Сиц. II.

(2) Страб. Геогр.

Въ городѣ достоинѣ особливаго примѣчанія другой храмъ, коего колонны сдѣланы изъ Египетскаго гранита. Святилище сіе сокрываетъ Діану, имѣющую героическій станъ, одѣтую въ длинное платье, достигающее до конца ногъ ея; сверхъ колчанъ и лука (1) Сегестцы влагаютъ ей въ лѣвую руку пламеникъ. Юный Абарисъ спросилъ у верховнаго жреца: „Когда Діана бываетъ на охотѣ, то что она дѣлаетъ своимъ пламеникомъ? Для чего вы обременяете боговъ своихъ принадлежностями, противорѣчущими другъ другу?“

Молодой человекъ! отвѣчали ему, благоговѣй и иди своей дорогой.

Прежде прибытія въ *Панорму* какъ бы останавливаетъ пупешественниковъ довольно высокая гора, которая по видимому владычествуетъ надъ городомъ и всею окрестною странюю. Верхушка ея занята стариннымъ зданіемъ; мы не могли различить, храмъ ли это, или чертоги. Нѣкоторые пастухи намъ сказывали, что оно построено Самурномъ.

---

(1) *Galerie de Verrès, par fraguier, mém. acad. insc. et belles lettres.*

Какъ бы то ни было, старый Самурнъ не могъ выбрать щасливѣйшаго мѣстоположенія. Отсюда мы могли считать вулканическіе острова до другаго конца Тринакрии, и видѣть пламя, выходящее изъ горы Эпны.

Мы сошли къ *Панормѣ* (*) по предѣстной долинѣ; ее называютъ садомъ Сициліи, въ означеніе отличнаго ея плодоносія предъ прочими странами. Пристань ея есть одна изъ величайшихъ, прекраснѣйшихъ и покойнѣйшихъ, какія только быть могутъ. Она простирается до самой середины города, построеннаго въ видѣ Венериной раковины. Панормитяне предками своими почитаютъ одну Халдейскую колонію: они предложили намъ разобрать надпись на одномъ древнемъ бломъ мраморъ изъ липеръ, которыя мнѣ показались Финикійскими (1); я едва могъ прочесть сіи, почти стертыя слова: „Они избрали себѣ въ жилище шреугольной островъ. . .“

(*) Нынѣ *Палерма*.

(1) Бридоне, *Путешеств. въ Сицилію*, Том. II.

Я сожалѣлъ болѣе о другой надписи, которую для сбереженія помѣстили на воротахъ города; осталось одно только ея начало:

„Одно только божество есть *Натура* . . . она одна всемогуща. . . . —“

Народъ Панормскій занимался священнѣйшимъ и важнѣйшимъ дѣломъ (1) въ храмъ Цереры, которую почитаетъ онъ первою своею законодательницею. *Эліанатъ* (2), изъ города Гимеры, братъ стихотворца Слезихора, предлагалъ Панормитянамъ новый образъ правленія; онъ былъ старикъ исполненный опытности, коего мудрые совѣты, прикрытые прелестію поэзіи его брата, предохранили опеченіе его отъ ужасовъ рабства. Его имя, поставленное въ началѣ списка ссылочныхъ, заставило его искать убѣжища въ сей пристани; онъ только хотѣлъ сѣсть на судно, какъ пришло извѣстіе о паденіи Фаларида. Жители Панормы удержали старика

(1) Varch. Tom. II. p. 63.

(2) Иные называютъ *Геліанаксомъ*, а другіе *Америстомъ*.

Прокль.

у себя, дабы онъ имъ помогъ привести въ порядокъ новые законы. Мы, оставивъ ихъ въ семъ важномъ занятіи, пошли къ Гимерѣ. Мы много наговорили о свѣденіяхъ *Эліанатъ* въ Геометріи (1).

Здѣсь общая радость была еще живѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ, кромѣ Агригентъ. Тиранинъ на канунъ своей казни прислалъ къ Гимерійцамъ (2) грозное письмо. Когда мы вступили въ ихъ стѣны, то они дѣлали нѣкоторое празднество вокругъ Слезихоровой гробницы, который, не смотря на Фаларида, жилъ девяносто пять лѣтъ (3). Городской Сенатъ издалъ опредѣленіе поставить въ память его публичной монументъ; рѣзецъ искуснаго художника долженъ изобразить на мраморѣ башню лошади (4), оленя и челоука, которую выдумалъ сей стихотворецъ для того, дабы отвратить своихъ согражданъ отъ всякой связи съ Фаларидомъ.

(1) Прокль Діодохъ II о Эвклидѣ.

(2) *Письма Фаларидовы*. Очевидно, что онъ подложныя; но во многихъ мѣстахъ принаровлены къ Исторіи.

(3) Лукіанъ.

(4) См. Федра и Лафоншеня.

Гимерійцы подарили мнѣ прекрасную медаль, на которой представленъ пѣсухъ (1) — символъ ихъ города.

Я замѣтилъ, что въ сѣверной Сициліи семнадцать частей тѣни могутъ произойти изъ двадцати одной части тьмона (2). — Въ Гимерѣ самой должайшей день долженъ имѣть четырнадцать часовъ.

Мы пошли опять во внутренность Сициліи, переправившись чрезъ воды Гимеры. Мы были въ мѣстечкѣ Перияѣ, лежащемъ среди небольшой долины, замыкаемой многими горами. *Энгіонъ* и *Петра Гербита* (*) сущь другія увеселительныя селенія, находящіяся близъ прелестныхъ долинъ Энны. Храмъ и городъ сего имени возвышаются въ центрѣ (3), и образуютъ, какъ говорятъ Сицилійцы, высокой пупъ (4) прекраснѣйшаго острова. Спашуя Цереры (5) средней вели-

(1) *Met. Acad. inscript.* Tom. XI. p. 203.

(2) *Плин. Ист. Нат.* VI. 34.

(*) Нынѣ Св. Николай.

(3) Цицеронъ на *Верреса*.

(4) *l'umbilic de la Sicile.* Діод. Сиц. XXIV. 37.

(5) *Каллимах. гимн. Церерѣ.*

чины, вооружена двумя пламенниками. Рѣзьба необыкновеннаго рода. Искусство безъ сомнѣнія произведетъ большіе успѣхи. Но художникъ, творецъ сего изваянія, далъ ему особенной видъ, совершенно соотвѣтствующій преданію. Въ странѣ сей увѣряютъ, что сей кумиръ увидѣли въ одинъ день спадшимъ съ неба на жертвенникъ Эннской.

Въ продолженіи разсматриванія сего благочестиваго памятника, одна Сициліянка совершенныхъ лѣтъ подошла въ великихъ мысляхъ къ жертвеннику. Мы могли на досугъ разсмотрѣть двойное ея одѣяніе (1), состоящее изъ весьма длинной туники и короткаго сверху плащя безъ рукавовъ (*), которое по бокамъ совсѣмъ распушено, а съ концовъ округлено. Сія набожная женщина, шедшая безъ обуви, держала рукой поросенка за заднюю ногу. Четвероногое сіе назначено было въ жертву Церерѣ, во изъясненіе благодарности за казнь Фаларидову. Мы поскорѣй вышли вонъ, чтобы

(1) *Saylus. antig. gr.* Tom. VI.

(*) Родъ ризы, употребляемой Каполическими священниками.

не слышать пронзительныхъ криковъ издыхающей жертвы, не заботясь при семъ посмотрѣть въ томъ же храмѣ другой жершвенникъ, которой посвѣщаютъ еще болѣе, нежели Цереринъ. Всѣ великіе *ѣдоки*, употребляя во зло примѣръ Геркулесовъ, которой, по словамъ ихъ, не очень былъ воздерженъ, приносятъ жертву божеству, называемому ими (1) *Адафагіей* (обжирство). Человѣкъ повсюду искалъ возможности освятить свои пороки. Но для чего сближать подъ одну крышку необходимость и злоупотребленіе? Мы не могли признать справедливымъ замѣчаніе, сдѣланное другими путешественниками на Энской равнинѣ. Воздухъ тамъ, говорятъ, столько благовоненъ отъ множества цвѣтущихъ, что собака теряетъ слѣды животнаго, ею преслѣдуемаго (2). Весьма достоверно и важно только то, что тамъ собираютъ прекрасную пшеницу, которая очень много имѣетъ тяжести (3). Египетская пшеница гораздо легче.

(1) Montfaucon, *antiq. explic. I. Myth. de Bannier.*

(2) Діод. Сицил.

(3) Theophrast. *de causis. IV.*

Намъ оставалось не болѣе нѣсколькихъ часовъ пути до подошвы горы Эпны. Мы шли вдоль одного ручья чрезъ обширное поле, покрытое шафраномъ (1): вдругъ попадается земледѣлецъ, ворча про себя слѣдующія слова: „Нѣтъ! я не „хочу болѣе быть когда-нибудь въ Центурипѣ.“

Я подошелъ къ нему. „Что же такое случилось въ семъ городѣ? Позволь чужеземцу, который уже перестаетъ быть такимъ, когда встрѣчаетъ подобныхъ себѣ въ печали, позволь путешественнику спросить тебя, какъ могъ ты получить неудовольствіе среди всеобщей радости? Не уже ли неизвѣстна тебѣ участь Фаларида?“

„Слушай, отвѣчалъ онъ мнѣ, и узнай причину справедливаго моего безпокойства. Поелику тебѣ извѣстно уже Агригентское происшествіе, то посмотри, что сдѣлалось въ Центурипѣ, коея стѣны ты видишь на концѣ эпаго поля. Мы носили общее иго, наложенное на Сицилію; мы раздѣлили благодѣяніе осво-

(1) *Crocus Centuripinus. Плин. Ист. Нат. XXI. 6.*

божденій; но въ тотъ самый день, когда пришла щастливая вѣсть о казни тиранна, Симиха, богатѣйшій изъ городскихъ гражданъ, осмѣлился тотчасъ возвести себя на мѣсто Фаларида. Онъ сдѣлалъ подавнїя неимущимъ семействамъ, и легко могъ увѣрить народъ, что для него нуженъ начальникъ, и что каждый городъ на островѣ готовъ приступить къ подобному предпрїятію — такъ что Сицилія вмѣсто одного, увидала бы столько же тиранновъ, сколько находится селеній. Наши правители, понуждаемые народомъ, не могли не подписать вѣроломной совѣтъ Симиха. Онъ скоро приметъ верховное достоинство, единогласно ему предложенное. . . . Впрочемъ онъ для меня не страшенъ. Я не думаю, чтобы онъ имѣлъ развратныя наклонности Фаларида. Но для чего судьбу всѣхъ соединять съ судьбою одного? Для чего не сообразоваться гербу нашего города? Пусть бы каждой отецъ семейства управлялъ самъ своимъ плугомъ (*).“

(*) На Ценшурипскихъ медаляхъ находится плугъ.

Гражданинъ Ценшурипы! сказалъ тотчасъ молодой Абарисъ, который не могъ удержатъ себя, успокойся! завтра ошечесиво швое будешь также свободно, какъ птица, парящая по швоему полю. Я увѣряю тебя симъ дрошикомъ, который всегда попадалъ въ цѣль. Мы умѣемъ поразить сердце Симиха, и изъ незаконнаго Государя сдѣлаемъ добраго гражданина.

Мы удвоили шаги свои, чтобы поскорѣе придти въ Ценшурипу (1).

Абарисъ. Учитель! не ужели ты отъ меня ошступишь?

Пивагоръ. Нѣтъ, юный Абарисъ! Но справился ли ты хорошенько съ своими силами, принимая такое обязательство? Не ужели ты считаешь себя вторымъ Геркулесомъ, предназначеннымъ очистишь землю отъ всѣхъ чудовищъ, которые оскверняютъ ее или опустошаютъ?

(1) Нынѣ *Ченторби* или *Ченторве*. *Diction geogr.* par. T. Corneille. — *Ценшурипа* или *Ченшурипы*, мѣстечко Сициліи, въ долинѣ Демонъ, лежащей при подошвѣ горы Гибелы съ западной стороны на рѣкѣ Хіарамъ, при миліи выше Матерно. Прежде шуть былъ большой городъ. . .
Спраб. *Геогр. Сицил.* Кн. VI.

Абарисъ. Я чиналъ, казалось, въ глазахъ своихъ сіе благородное намѣреніе. Меня ободряютъ успѣхи, оказанные нами въ Агригентѣ; тайное предчувствіе говоритъ мнѣ, что мы успѣемъ еще.

Пифагоръ. Я принимаю это за предсказаніе. Пойдемъ прямо къ новому тиранну (1).

Кучи народа, толпившіяся вокругъ его жилища, оглашали воздухъ буйными криками. Они вызывали Симиха, дабы проводить въ Сенатъ и тамъ короновать его съ помпой.

Абарисъ шелъ передо мною. Граждане Центурипы! закричалъ онъ въ срединѣ толпы, дайте дорогу Посвященному въ великія Таинства Фивъ и Элевзиса.

Многіе голоса повпоряли: „Посторонимся предъ Посвященнымъ! онъ безъ сомнѣнія идетъ дать хорошіе совѣты новому нашему монарху. Пусть онъ взойдетъ!“

---

(1) *Symichus, Centuripinorum tyrannus, qui Pythagorá uudito, imperium deposuit, opesque sua partim sorori, partim civibus donavit. Porphyr. XXI.*

Пифагоръ и Симихъ, тираннъ Центурипскій.

Когда мы вошли къ Симиху, то онъ, казалось, удивлялся сему нечаянному явленію: „Таинственникъ Фивъ и Элевзиса! чего ты отъ меня хочешь?“

Пифагоръ. Симихъ! ибо я не хочу привѣтствовать тебя тиранномъ Центурипскаго тиранна, которое ты безъ сомнѣнія отвергнешь, какъ скоро слушаешь меня. . . .

Сей приступъ усугубилъ изумленіе Симиха. Я сказалъ ему, указывая на Абариса, коего примѣтно было копье, зашкнутое за поясъ: „Мы идемъ изъ Агригента, гдѣ мы были болѣе нежели зрители великаго произшествія, о которомъ ты знаешь. Мы были естли не первой причиною, то по крайней мѣрѣ поводомъ къ оному; мѣдный быкъ отверзъ былъ для насъ прежде, нежели зашворился за Фаларидомъ. Мы пришли къ нему также, какъ шеперь къ тебѣ. Было еще время. Естли бы онъ уважилъ наши совѣты, то Сицилія обязана бы ему

была своею независимостію вмѣсто того, чтобы ему самому быть очистительной жертвою оной.

Симихъ. Не уже ли ужь я Фаларидъ?

Пиагоръ. Нѣтъ еще; ты начинаешь, также какъ началъ онъ. Не уже ли ты не спрashiшься имѣть подобной конецъ?

Симихъ. Проходя ко мнѣ, ты могъ узнать, что желаніе народа возводитъ меня на верховное достоинство.

Пиагоръ. Я узналъ также, чего тебѣ стоило приобрести сіе желаніе. Народъ ничего не даетъ даромъ: онъ продаетъ все. Довѣренность, оказываемая имъ тебѣ, есть плата за щедрыя подаянія, которыя ты ему сдѣлалъ. Для чего такъ дорого покупаешь разкаянія? Будучи Центурипскимъ гражданиномъ въ богатѣйшемъ классѣ жителей, чего тебѣ недоставало? Корона на главѣ прибавляетъ ли душевнаго спокойствія? Спрashiсь привлечь на чело свое народный перунъ, который гораздо страшнѣе Юпитерова, представленнаго на вратахъ сего города! Честолюбіе, слава, можетъ быть . . .

Симихъ. Ни то, ни другое. Я имѣлъ самое благороднѣйшее побужденіе: любовь къ мѣсту своего рожденія. Я говорилъ самъ себѣ: казнь Фаларида не исправитъ злодѣевъ! они примутъ дерзновенное намѣреніе содѣлаться его преемниками. Центурипа! преклоняла главу подъ мѣдный жезлъ находящагося въ отдаленіи тиранна; есльи какой-нибудь доброй гражданинъ не пожертвуетъ собою благосостоянію опечества, то оно упадетъ тиранніи домашней, и отъ того сдѣлается еще несчастнѣе. Предупредимъ сіе бѣдствіе; поспѣшимъ занять мѣсто, на которое чудовище какое-нибудь въ человѣческомъ видѣ можетъ быть въ сію минуту помышляетъ возсѣсть.

Пиагоръ. Такимъ образомъ, чтобы предохранить опечество отъ рабства, ты даешь ему господина въ своей особѣ! А будешь ли ты всегда добрымъ господиномъ? По крайней мѣрѣ ты общалъ это легковѣрному народу. Чтобы удержать свое слово, ты увѣренъ въ произшествіяхъ и самомъ себѣ. Ты отвѣчаешь, что всегда будешь ходить по прямой линіи правосудія; ничто не вос-

можешь совратить себя съ оной. Ты никогда не заснешь на пронѣ: скипетръ въ рукѣ твоей будетъ по же, что невинной посохъ въ рукѣ пасхуха Энскихъ равнинъ; непостоянство или неблагодарность народа не будетъ огорчать тебя; ты будешь умѣешь управляешь собою, убѣжденный въ справедливости сей политической аксіомы: „*Монархъ во гнѣбѣ есть всегда тираннъ.*“ Ты не менѣе увѣренъ и въ другой апогеѣ: „*Благодѣянiя тиранна суть подозрительныя добродѣтели.*“ И такъ ты не допустишь поколебаться общественному благосостоянію, и свѣтъ увидитъ, что ты одною уздою законовъ удерживаешь въ предѣлахъ всю чернь, коея голоса ты подкупилъ своими корыстными дарами. Я полагаю, что ты имѣешь всѣ таланты исправнаго правителя, — даже высочайшее знаніе, приписываемое богамъ: и изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы ты имѣлъ болѣе, нежели сколько требуетъ твоя санъ; ибо ты знаешь, что надлежитъ быть по крайней мѣрѣ полубогомъ, чтобы повелѣвать людьми. Всѣхъ стады трудѣе управляешь народомъ. — Но пусть бы имѣлъ ты мудрость Минервы

и прозорливость Цереры; должно ожидать вспрѣчи недовольныхъ даже между лучшими гражданами Центурипы: у насъ есть уже на это доказательство. Прежде вступленія нашего въ городъ, одинъ честной земледѣлецъ рассказалъ намъ о тебѣ, и это — то самое привело насъ сюда.

С и м и х ъ. А что вамъ говорилъ этотъ человекъ?

П и е а г о р ъ. Что онъ не взойдетъ въ городъ до тѣхъ поръ, пока будетъ въ немъ тираннъ; и что онъ оплакиваетъ уже судьбу Сициліи, которой угрожаетъ опасность послѣ примѣра Центурипы, имѣешь столько же деспотовъ, сколько городовъ. Вошь его выраженія! Мы почли за нужное уведомить тебя о семъ дѣлѣ; иначе оно никогда бы не дошло до тебя. Безъ сомнѣнія не одинъ этотъ гражданинъ смотритъ съ невыгодной стороны на Центурипскую революцію; и тѣ, которые раздѣляютъ съ нимъ сіе чувство, не всѣ можешь быть согласны довольствоваться тѣмъ только, чтобы оплакивать въ тишинѣ и отдаленности; не всѣ захотятъ быть произвольными изгнанниками: многие ос-

нанутся въ городъ, дабы сѣдовать за первыми шагами твоими на поприще, на которомъ ты будешь сражаться; ибо всякой общественный человекъ есть Аппелъ, который, выдерживая отъ всѣхъ нападеніе, долженъ защищать себя противу всѣхъ. Самые умѣренные изъ гражданъ будутъ осмѣивать твои замыслы; тѣ, которыхъ одушевляетъ любовь къ отечеству, предубѣжденные съ худой стороны касательно власти одного, будутъ подозрѣвать самые невинные твои поступки. Тиранъ Цензурипскій! тебѣ надлежитъ ожидать всего; должность Посвященнаго обязываетъ меня ничего не скрывать отъ тебя; можетъ быть пылкіе молодые граждане поставятъ въ числѣ добродѣтельныхъ дѣяній убійство Деспота, и будутъ другъ у друга оспаривать честь нанести тебѣ первой ударъ. Если ты избѣгнешь убійственнаго орудія, то убійца не избѣгнетъ казни; ибо ты почтешь справедливымъ и нужнымъ подать великій примѣръ: одного будетъ мало. Первая жертва, принесенная личной твоей безопасности, будетъ имѣть оптимистелей; тебѣ надобно будетъ умножить палачей; оградить себя наемными

тѣлохранителями; тогда не трудно будетъ уговорить народъ, благословляющій тебя въ сію минушу, чтобы онъ проклиналъ тебя, и помѣстилъ твое имя непосредственно послѣ Фаларидова имени.

Симихъ. Слушая тебя, Посвященный! самъ Геркулесъ не осмѣлился бы прикоснуться къ скипетру.

Пизагоръ. Я такихъ же мыслей. Такъ! ежели должно (да и въ самомъ дѣлѣ должно) исполнять всѣ обязанности и хранить всѣ правила правосудія, дабы хорошо царствовать, то и самъ Юпитеръ къ сему былъ бы неспособенъ. — Царь, умѣющій поправлять свои ошибки, говоритъ безсмертный пѣвецъ Агамемнона, дѣлаетъ честь скипетру. Симихъ! сдѣлай лучше, предупреди зло, которое могъ бы ты учинить, будучи въ такомъ санѣ, въ которомъ можно все; паче всего спросись превратности счастья! — Позволь мнѣ напомнить тебѣ совѣтъ, данный мудрымъ Біасомъ Царю Аліатту: *Увѣнчай себя луковицами . . .* дабы напередъ возбудить въ себѣ слезы о бѣдствіяхъ, сопряженныхъ съ верховнымъ достоинствомъ. Ты, повидимому, не дозволено еще пронуть.

Симихъ. Впрочемъ Исторія представляетъ намъ Монарховъ побѣдѣвшихъ подѣ діадимую: Нестора въ Пилосѣ, Алкиноя, самаго Улисса. . . .

Пиеагоръ. И многихъ еще, которыхъ ты можешь противоположить Тезею, выгнанному изъ Афинъ; великому Агамемнону, умерщвленному своею женою; Поликрашу, распятому на крестѣ; Типпарху, пронзенному кинжаломъ, и множеству другихъ. Смори, хочешь ли ты рѣшишься идти такимъ образомъ между терніемъ и розами, усѣянными вокругъ трона! Ты не такъ былъ высокъ за нѣсколько дней предъ симъ; но менѣе также былъ подверженъ и опасностямъ: признайся. Во все печеніе своей жизни чувствовалъ ли ты когда-нибудь черныя безпокойства, возмущающія тебя теперь при словахъ моихъ? Что будетъ, когда другъ истины, оставившись опять въ свой путь, оставитъ тебя на произволъ ласкашелей? Они сдѣлаютъ тебѣ болѣе зла, нежели кинжалъ тиранноубицы. Я держу передъ тобою всы выгоды и неудобствъ сопряженныхъ съ царскимъ вѣнцомъ. Избирай. Согласись быть жертвою, или сдѣлаешься тиранномъ. Верховныя

почести цѣнятся такимъ образомъ. Имѣешь ли ты дѣтей? Какой родъ жизни ты велъ прежде исканія величія?

Симихъ. Я жилъ мирно съ сестрою, которая любитъ меня такъ какъ супруга. Владѣя богатою отчиною своихъ предковъ, я проводилъ дни въ нѣдрѣ удовольствій и дружества, а ночи въ тишинѣ и спокойствіи. Меня возмущали одни только общественыя несчастія.

Пиеагоръ. Какой злой духъ присовѣщивалъ тебѣ выйти изъ сего круга чистыхъ наслажденій? кто можетъ воспрепятствовать тебѣ опять вступить въ оной?

Симихъ. Вступитъ опять?

Пиеагоръ. Да! такъ какъ возвращаются въ домъ свой, оставленный во время бури. Не ужели одно пруднѣ другаго? не ужели ты считаешь за ничто великой урокъ, который ты дашь своему отечеству, цѣлому свѣту и потомству? Объ тебѣ скажутъ: „Симихъ, Цинтурипской гражданинъ, побывъ не много времени на тронѣ; онъ не захотѣлъ сидѣть на немъ долѣе одного дня: на другой день возвратился домой, любя

лучше жить съ равными себѣ, нежели ими повелѣвать.“

Симихъ. Если же кто-нибудь другой, съ видами столь же развратными, сколько невинны мои, восхитишь власть, отъ которой я откажусь . . . .

Пиѳагоръ. Симихъ! лучше быть тиранноубійцею, нежели тиранномъ. . . .

Симихъ. Я уступаю сей послѣдней чертѣ. Посвященный! сопутствуй мнѣ на публичную площадь. Прежде отбытія въ путь твой, будь свидѣлемъ, сколько я послушенъ гласу разума.

Народъ, столь же нетерпѣливый имѣть новаго Царя, какъ и скорый наскучить имъ, насъ ожидалъ, и безпрестанными своими криками требовалъ совершенія коронаціи. Мы вышли всѣ трое, и сквозь толпу народа прошли къ подножію престола, на которой долженъ былъ взойти Симихъ. Онъ остановился на первыхъ ступеняхъ, и началъ говорить къ собравшимся гражданамъ слѣдующее:

„Жители Цензурипы! совѣты боговъ благи. Они подали мнѣ одинъ посредствомъ сего Посвященнаго въ великія Таинства Оивъ и Элевзиса: воспользуемся

онимъ. Такъ! я думаю, что столько же опасно для васъ избрать Монарха, сколько для меня быть онимъ. Вы и я можемъ обойтись безъ онаго. Агригентъ да послужитъ намъ въ томъ урокомъ. Исправимъ наши законы, будемъ смотрѣть за нашими начальствами, и возложимъ прочее на боговъ.“

Не ожидая окончанія совѣтовъ удивленнаго народа, Симихъ сжавъ меня въ своихъ объятіяхъ, идетъ въ свой домъ. Избранныя друзья поздравляютъ его съ принятымъ имъ намѣреніемъ, и мы узнаемъ, что страна Цензурипская была предостережена, послѣдуешь великодушному совѣту ей данному.

VI.

Пиѳагоръ на горѣ Элнѣ.

Послѣдними шатами прошли мы сіе мѣсто, и не замѣтили ничего достойнаго любопытства, кромѣ соли, похожей цвѣтомъ на пурпуръ.

Симихъ рѣшился быть товарищемъ нашего путешествія по горѣ *Эпиѣ*. Едва поднялись мы на тридцать стадій, какъ на дорогѣ нашей показался Волкановъ храмъ. — „Войдемъ въ него, сказалъ онъ намъ, и принесемъ жертву; въ противномъ случаѣ Сицилійскій народъ будетъ негодовать на насъ.“ — Священныя охраняются станицею собакъ, выученныхъ ласкаться къ набожнымъ странникамъ; онъ лаялъ на того, кто не приносилъ жертвы.

Зданіе построено на берегахъ самой лавы, которая протекала до сихъ поръ со времени того изверженія, котораго эпоха потерялась въ мрачной забвенности прошедшаго. Нѣкоторыя относятся къ тому времени, когда Іонійцы ворвались въ Сицилію — тому уже шесть вѣковъ, но, кажется, должно далѣе проспираться въ Исторіи временъ.

Предѣлы священнаго лѣса, окружающаго храмъ, означены камнями, которые на сіе разстояніе выбрасываемы были жерломъ Волкана. Если бы не было сихъ камней, трудно бы повѣришь, что мы подходимъ къ *Эпиѣ*; ибо оная страна подобна Темпейскимъ долинамъ, опи-

сываемымъ Стихотворцами. Оставивъ сіи плодоносныя и хорошо обработанныя поля, мы пошли въ лѣсъ, образующій собою широкій поясъ всей горы. Прохладная тѣнь дубовъ, вѣчно зеленѣющихъ, вливаетъ въ странника какую-то сомнительность и страхъ потерять между ими. Трудно повѣришь, чтобы огненной пропасти могла предшествовать столь пріятная окружность. Молодой Абарисъ раздѣлялъ съ нами наши чувствованія. Проводники на каждомъ шагу давали намъ замѣчать нѣкоторыя слѣды Волкана, коего изверженія, утучняя сію страну, производилъ самыя прекрасныя прозябенія. Но какъ поздно онъ должны были явиться! Надлежало пройти многими годами, чтобы превратить въ плодоносныя земли толикое число ушѣсовъ, пережженныхъ огнемъ и покрытыхъ густымъ слоемъ жгучей пыли. Много пребывало времени, чтобы изъ подъ-сихъ обширныхъ развалинъ вытекалъ эоноу ручей Аписа и Галашей, котораго чистую и прохладную воду пили мы въ его изтокъ на сѣверномъ боку *Эпиѣ*. Онъ наполяетъ всѣхъ жителей мѣстечка,

называемаго *Каллилолиса*, лежащаго при подошвѣ огненной горы.

Въ сей прелестной долинь, называемой нынѣ Демонною, часто встрѣчали мы подъ ногами нашими живошное *Домоноску*, которое могло служить намъ объясненіемъ Изіода.

Удивленіе наше увеличивалось съ каждымъ шагомъ. Здѣсь собраны величайшіе контрасты Натуры. Иной сказалъ бы, что Природа смѣшала здѣсь законы ума человѣческаго. Молодой Абарисъ не могъ понять, почему онъ срывалъ прекрасныя и мягкія смоквы на пошвѣ, которая составлена изъ слоевъ лавы и укрыша Волкановыми каменьями. Это было для него нѣкоторый родъ страннаго замѣшательства, что въ нѣсколько часовъ на той же самой горѣ переходилъ онъ изъ самаго жаркаго лѣта въ пріятнѣйшую весну, и потомъ въ самую жестокую зиму. Ибо выходя изъ сего густаго лѣса, окружающаго Эпну, возвышенность ея, на которую мы обратились, представила намъ свѣжныя и лдяныя груды, нерасшавяющія и отъ самаго сильнаго пламени, избрасываемаго Волканомъ. Здѣсь Елисейскія поля со-

предѣльны шартару, и адъ сей столькѣ же возвышенный, сколько Поэты называютъ его низкимъ и глубокимъ, раздѣляется на двѣ страны, изъ которыхъ каждая имѣетъ противоположныя мученія, ужасный холодъ и сильное пламя (1).

Дошедши до *Поливеловой* или *Циклоловой*, нынѣ *Козьей* пещеры, всѣ наши поварищи, даже самый Симихъ и проводники, по нѣкоторымъ несчастнымъ признакамъ, которые одинъ изъ нихъ давалъ замѣчать другимъ, единогласно рѣшились не ходить далѣе, и общали дожидаться насъ въ сей пещерѣ, еслии будемъ столько безразсудны, что отважимся приблизиться къ самому жерлу Волкана.

Абарисъ! сказалъ я молодому моему поварищу, — ты не оставишь меня идти одного?

Абарисъ. Никакъ! . . . Но безъ тебя я не пошелъ бы далѣе; съ тобою сойду въ самое жерло. Твой примѣръ будетъ для меня правиломъ.

Пиоагоръ. Идемъ! пусть первые лучи солнца найдутъ насъ завтра на

---

(1) Aetna Petri Bembi.

самомъ краю Эпны. Пламя Волкана будешь намъ служить ночнымъ свѣшльникомъ.

Недостатокъ свѣта замѣняемъ былъ смолистыми деревьями, копорыхъ мы около себя встрѣчали въ большомъ количествѣ, и копорыя названы были *священными* съ того времени, какъ Церера, по сказанію народа и жрецовъ его, взяла изъ нихъ два для освѣщенія своихъ ночныхъ походовъ, предпріятыхъ для поиска своей дочери.

Наконецъ, сквозь тысячу опасностей, для насъ непримѣтныхъ, — сквозь тысячу препятствій, не могшихъ остановить насъ — преодолевши всѣ затрудненія, послѣ трехъ часовъ утомительнаго путешествія, еще до разсвѣта, достигли мы самой вершины огненной горы и краевъ сего всегда пламеннаго жерла. Мы могли измѣрить ширину его, простирающуюся до двадцати стадій. Вверху не болѣе, какъ на сто пяденей разстояніемъ, густое дымное облако казалось недвижимымъ. Мы осмѣлились бросить взоръ свой въ глубину жерла; тамъ увидѣли вершину освѣчивающейся горы, т. е. подземнаго огня, подобную

неизмѣримой грудѣ слившихся металловъ. Чтобы насладиться симъ неизбяснимымъ зрѣлищемъ, мы сдѣлали большую насыпь изъ извѣстковыхъ камней, копорые всякой разъ пряслись подъ нами. Напрасно хошбли мы говорить. Всякой разъ были заглушаемы спрашнымъ воемъ, производимымъ отъ боренія всѣхъ спорящихся элементовъ. Удары грома при самой сильной бурѣ ни мало не могли сравниться съ спрашнымъ продолжительнымъ шумомъ, вырывающимся изъ неизмѣримой бездны и по времени перерывающимся между упѣсами. Эпна однакожь была спокойною. Но что, когда Волканъ начинаетъ клокопашъ при восхожденіи Сирія (въ началѣ каникуловъ), тогда никакой смертный не можетъ къ нему приблизиться! . . . .

Абарисъ хошблв бросить въ жерло сіе одинъ изъ пѣхъ кремней, копорые оно выбрасываетъ вокругъ себя во время малыхъ изверженій. Мы скапили туда одинъ, имѣвшій четыре фута въ діаметрѣ. Тридцать разъ совершилось біеніе пульса, прежде нежели камень долетѣлъ до дна сей пропасти. Паденіе его сопровождало было прескомъ, копорый

привелъ насъ въ шрепетъ, и за копы-
рыми послѣдовало пламя, освѣтившее
эирный сводъ всего горизонта.

Въ сію минуту, казалось, видѣли
мы высокой огненной столбъ (*), под-
держивавшій все небо. — Ахъ! какъ Эп-
на на эпонтъ разв способна была возжечь
въ другой разъ огонь Орфея (**)!

Послѣ первыхъ движеній мы пришед-
ши въ себя, могли дать свободу взо-
рамъ нашимъ блуждать по окресно-
стямъ и замѣчать положеніе неба и зем-
ли, зримыхъ съ сей удивительной воз-
вышенности, гдѣ совершается самый древ-
нѣй и самый спрашный изъ всѣхъ фено-
меновъ. Никогда блудящія звѣзды, вра-
щающіяся въ Эмпирейскихъ равнинахъ,
не казались мнѣ бросающими чистѣйшій
и блистательнѣйшій свѣтъ. Никогда я
не видалъ ихъ въ столь великомъ мно-
жествѣ. Казалось, что до сихъ поръ я
разсматривалъ ихъ сквозь грубое покры-
вало. Мой взоръ непосредственно ихъ

(*) Пиндаръ, описывая Эпну, говоритъ:
небесный столбъ.

(**) Древнѣй Поэтъ описалъ сей фено-
менъ мѣсяцами въ своей Поэмѣ.

касаясь, и чело мое, подобно челу Ат-
ланта, поддерживало всю швердь. Гус-
тыя испаренія на пять или на шесть
тысячъ стадій не раздвѣляли меня съ не-
бомъ. Я могъ видѣть его во всей его
наготѣ; казалось, можно было оплечь
Юпитерову планету и его спутниковъ.
Я удивлялся бѣлизнѣ млечнаго пути,
подобной легкому и чистому пламени.
Новыя группы звѣздъ открылись мнѣ въ
первый разъ. Новые метеоры, неизвѣ-
стные для тѣхъ, которые никогда не
были выше обыкновенной пошвы, порази-
ли взоръ мой; я чувствовалъ, что во-
ображеніе мое увеличивалось. Никогда
лучше не познавалъ я вліянія веществен-
ныхъ предметовъ на мысли человѣческія.
Мозгъ мой — естли могу такъ выра-
зить — разгорячился, кипѣлъ вмѣстѣ съ
Эпною и освобождался отъ всего того, что
полагало препятствіе силѣ воображенія.

Понятія мои стали обширнѣе, упои-
ченнѣе и быстрѣе. Тамъ сдѣлалъ я два
открытія касательно Луны и Вечерней
Звѣзды. Собирая свои идеи, я узналъ,
что Луна зажигала свой свѣтильникъ
отъ Солнца; узналъ, что Венера или

Веспербъ есть то же созвѣздіе, какъ Люциферъ и Фосфоръ.

Я и Абарисъ погрузились въ восторгъ, который могъ бы для насъ сдѣлаться роковымъ, если бы дневное свѣтило не возбудило насъ изъ онаго. Что бы взиравъ на восхождение солнца, должно быть на самой вершинѣ Эшны. Мы можемъ хвалиться, что были при самомъ твореніи міра. Зрѣлище, которымъ наслаждались, было истинный образъ сего творенія. Что лучше Эшны можетъ дать понятіе о хаосѣ Спихотворцевъ? Солнце, какъ Геній Природы, возвратило порядокъ и бытіе земному шару, погруженному во время ночи въ ужасное смятеніе. Здѣсь - то узналъ я, какимъ образомъ сіи два великія начала *добра* и *зла*, принятыя всѣми почти народами, родились въ умѣ человѣческомъ. При образованіи нашего земнаго шара, каковъ онъ теперь, не было другихъ видимыхъ огней, кромѣ солнечнаго и того, который зажигали его лучами. Сей блистательный шаръ, раздѣляющій правильно свѣтъ и тепло, долженъ былъ почестся величайшимъ благодѣніемъ Природы; онъ сдѣлался предметомъ всеобщаго обожанія.

Тогда Сицилія не была еще островомъ; она соединялась съ Италійскими берегами. — Тогда счастливые смертные въ невинной простотѣ своей не думали о бытіи *зла*: все въ глазахъ ихъ было прекрасно.

Но когда сѣра и смола по глухому броженіи въ бокахъ Эшны, съ шумомъ вырывались на поверхность ея; когда нѣдра земныя разрываемы были сими разрушительными ударами; когда одна часть земли отъ сраженія воздуха, огня и воды отдѣлялась отъ другой; когда земной шаръ не иначе могъ быть покоенъ, какъ держа въ себѣ множество Волкановъ въ непрерывной дѣятельности: тогда воображеніе человѣческое разгорячалось предъ сими огненными ошверсіями; и какъ въ Солнцѣ полагало оно своего Бога - благопловрителя, такъ сотворило себѣ злаго Генія, Тифона, заключающагося въ самой глубинѣ Волкановъ для изверженія на землю огня и для разпространенія опустошеній. Первое богопочтеніе людей состояло въ выраженіи признательности ихъ. Чувство страха заставило ихъ воздвигнуть новые олтари. Человѣкъ, пораженный ужасомъ, но

поддерживаемый надеждою, представлялъ себя между двухъ сильныхъ властей, спорящихся безпрестанно, изъ коихъ одна изливала на него всѣ блага, а другая была виною всѣхъ золъ. Всѣ народы такъ думаютъ; всю жизнь они проводятъ въ шомъ, чтобы приклонить первую и заставить любить себя другую.

Она сей первой иди родилась другая. Не трудно было увѣрить, что Эшна и другіе Волканы суть врага ада, жилище злыхъ людей по смерти. Съ тѣхъ поръ изверженія Волкановы считаются были наказаніемъ боговъ за преступленія смертныхъ. Вдругъ предстаетъ мудрый и говоритъ возмущенной толпѣ:

„Сыны земли! что вы дѣлаете? еще поражаетъ васъ мысль о помощи, покрывавшемъ землю предковъ вашихъ? Для чего жь подвергаться противоположной крайности? Не гнѣвъ Неба возжегъ этотъ Волканъ; онъ не есть дверь шара. Осмѣльшись послѣдовать быстрому теченію сей огненной рѣки, стремящейся въ лѣсъ. Она объемлетъ и пожираетъ всѣ великія прозябенія, какія встрѣчаетъ на своемъ пути. Но подите да-

лѣе: рассмотрите хладнокрѣвно обширное пространство, ею занимаемое. Сей пожирающій пламень можетъ быть для васъ столь же полезенъ, столь же благотворителенъ, какъ и лучи солнца. Онъ защититъ васъ отъ суровостей зимы; онъ доставитъ вамъ здоровую и приятнѣйшую пищу; онъ будетъ источникомъ новыхъ художествъ. Благословляйте Волканъ сей такъ, какъ и благодарное солнце!“

Послѣ сихъ словъ онъ покусился сдѣлать нѣсколько опытовъ, которые всѣ были удачны; и вскорѣ сердечная признательность ихъ принесла ему первыя священныя почести подъ именемъ *Волкана* (*).

На сей разъ польза заставила забыть страхъ. Народъ, разсѣиваемый прежде ужасомъ, сталъ сосредоточиваться и приобывать къ самымъ ужаснымъ феноменамъ. Вскорѣ увидѣли его обрабатывающаго металлы на пламени Волкановъ; и сіе явленіе, по видимому угрожавшее человѣческому роду всеобщимъ разрушеніемъ, способствовало успѣхамъ народнаго образованія.

(*) *Элиней* есть одно изъ названій Волкана.

Пламень Этны произвелъ во мнѣ и Абарисѣ дѣйствіе равное тому, какое производящъ воды забвенія. Мы не думали болѣе ни о товарищахъ насъ дождавшихся, ни о самихъ себѣ. Подземный шумъ, нами (*) услышанный, и колебаніе всей горы напомнили намъ, что время возвратиться. Опасность увеличивалась; намъ должно было поспѣшать; уже трескъ горячихъ маперій Волкана поражаѣ слухъ нашъ; увеличивающійся сѣрный запахъ становился чувствительнѣе; дымныя облака носились надъ нашими головами; уже пепелъ, далеко разносимый вѣтромъ, подобно жгущему дождю, покрывалъ наше платье. Мы нашли пещеру Циклоповъ пустою, достигши дубоваго лѣса; мы остановились на минутку, дабы разспрашивать то, что происходило надъ нами. Ужасный мракъ скрывалъ отъ глазъ нашихъ небо, и время отъ времени сгущался болѣе. Мы могли видѣть одну только вершину Этны, извергающей между разноцвѣтными огнями массы горящей маперіи. Мы, вы-

---

(*) Пифагоръ былъ свидѣтелемъ изверженій Этны въ Италіи.

шедъ изъ лѣсу, спустились въ плодосную долину; зрѣлище перемѣнилось, когда лава, стремившаяся подобно быстрой рѣкѣ, открыла себѣ новую дорогу. Огненные волны, съ кипѣніемъ извиваясь между камнями, падали въ озеро, которое въ короткое время онѣ высушили, и, повергаясь въ сію новую бездну, оставляли по себѣ влажные пары, разбываемые чернымъ вихремъ пыли.

VII.

Катана и Харондъ. Тавроменія, Мессана и пр.

Изверженіе не имѣло другихъ послѣдствій; ужасъ, который оно причинило, былъ необычаенъ. Мы очутились на *Катанской* дорогѣ: все зданія сего города, отстоящаго отъ Волкана на три часа пути, сильно были колеблемы; а сіе служило обыкновеннымъ предзнаменованіемъ великой катастрофы (развязки). Мы не имѣли краснорѣчія, чибобы въ эпомъ разувѣришь бѣдныхъ гражданъ.

Тщательно мы говорили имъ: „Посмотрите внимательно на направление лавы; не видите ли, что она обращается къ боку горы вамъ прошиву положенному? Не видите ли, что она разсыпается сама собою: низвергается для того, чтобы не казаться болѣе? Боги хотятъ только на этомъ разв научить васъ.“

Ничто не могло вывести ихъ изъ страха. Уже казалось имъ, что среди пламенной рѣвки видятъ они камни, падающіе на ихъ страну и погасающіе въ водахъ Сицилійскаго моря. Величайшій безпорядокъ царствовалъ на всѣхъ распутьяхъ и публичныхъ мѣстахъ; каждое семейство оставяло свой домъ, чтобы избѣгнуть двойной опасности — паденія зданій и паденія Волкановыхъ камней. Но вышедши изъ своихъ стѣнъ, жители положеніе свое представляли гораздо менѣе ужаснымъ; всякой убѣгая, несъ съ собою свои драгоценности. Скупой помышлялъ о своихъ сокровищахъ; ваятель о своихъ лучшихъ произведеніяхъ; женщины о своихъ богатыхъ уборахъ. Среди сей блуждающей и смущенной толпы мы увидѣли самое внимательное зрѣлище. Два брата шли вмѣстѣ, неся на

плечахъ своихъ одинъ отца, а другой мать. Изъ всѣхъ великихъ благъ, которыми они обладали въ Катанѣ, не хотѣли сохранить ничего, кромѣ виновниковъ своей жизни. „Пусть пропадетъ все наше наследство (говорили они, выходя изъ города), только бы остались живы родители.“

Абарисъ хотѣлъ знать имена сихъ образцовъ сыновней любви. Онъ спросилъ объ нихъ у одного молодого гражданина, который, по видимому, усремлялъ на насъ все свое вниманіе. Имена ихъ были *Амфиномъ* и *Анафій*. При семъ зрѣлицѣ я выдумалъ одно средство къ возстановленію тишины и порядка въ Катанѣ, которое сверхъ чаянія моего удалось мнѣ. „Граждане! вскричалъ я, примѣйте со мною одно изъ величайшихъ чудесъ. Куда бѣжите вы? Возвращитесь въ ваши дома. Боги перемѣнили свой гнѣвъ; сыновняя любовь сихъ братьевъ умилосердила ихъ; посмотрите! очевидно изверженіе Эпны уменьшилось съ этой минуты, какъ Анафій и Амфиномъ подали вамъ примѣръ такой добродѣтели, которая сильна обезоружить самое небо. Видите ли, что лава течетъ въ споро-

ну для пощады города, содѣлавшагося священнымъ ошѣ такого превосходнаго поступка двухъ братьевъ? Громы Волкана умолкають, атмосфера очищается, солнце хочетъ освѣтить ваши стѣны, въ которыхъ заключаются добродѣтельные души; — принесемъ благодарность богамъ при самой подошвѣ Волкана. Граждане Кашаны! помните, что одна только добродѣтель могла бы потушить цѣлой пожаръ вселенной.“ — Кашанцы, занимаясь личными своими выгодами, почти не примѣтили сихъ двухъ братьевъ; у нихъ въ виду были только собственные опасности. Послѣ моего замѣчанія начали они мало по малу возвращаться. Послѣдствіе, по видимому, оправдывало мои слова; хотя изверженіе не прекратилось мгновенно при моемъ гласѣ, по крайней мѣрѣ оно ни мало и не разпространялось столь сильно. Въ самомъ дѣлѣ, казалось, будто бы было нѣкоторое соотношеніе между тѣмъ, что происходило на вершинѣ Эпны и въ стѣнахъ Кашаны. Всѣ шѣвнулись около благочестивыхъ дѣтей, и пошли приносить жертву на олтаряхъ Цереры и Волкана.

По окончаніи сего обряда, я убѣдилъ правительство предложить всему народу основать храмъ и посвятить оный сыновней любви. Съ того дня одна улица въ Кашанѣ получила названіе благочестивыхъ дѣтей. Городъ Сиракузы, изъ котораго происходила ихъ фамилія, рѣшился изъ благородной ревности воздвигнуть также въ стѣнахъ своихъ монументъ, въ память сего протасельнаго происшествія.

Кашанцы удержавъ насъ у себя еще три дня, оказали намъ величайшія почести. Прощаясь съ ними, я почелъ долгомъ своимъ предохранить ихъ отъ того страха, которому они подвержены. „Граждане! сказалъ я имъ, старайтесь предусматривать бѣдствія, коими ежедневно угрожаетъ вамъ столь ужасный соседъ, какова эта гора. Будьте готовы къ несчастнымъ приключеніямъ, но между тѣмъ уповайте на Провидѣніе и тогда, когда вы уже увидѣли бы, что лава печетъ по вашему городу, дабы низвергнуться въ море. У васъ нѣтъ прислани; — не были ли бы вы поражены пріятнымъ удивленіемъ, если бы сильное изверженіе, вмѣсто того, чтобы

разрушить вашъ городъ , доснавило ему тавань , которой не могли вы соорудить? Добро иногда раждается отъ зла.“

При выходѣ нашемъ изъ города , молодой гражданинъ , сказавшій намъ имена двухъ братьевъ , навсегда прославившихся сыновнею любовію , подошелъ къ намъ. Онъ былъ одѣтъ по дорожному и съ сильнымъ чувствіемъ сказалъ мнѣ : „Или я ошибаюсь , или ты долженъ быть тотъ священный мужъ , который смирилъ бунтъ въ Агригентѣ ; рѣчи твои въ Катанѣ меня въ томъ увѣряютъ. Позволь мнѣ сопутствовать тебѣ въ продолженіе остальныхъ твоихъ путешествій. Я хочу воспользоваться совѣтами , которые ты давалъ моимъ соотечественникамъ. Добрый Геній , тебѣ руководствующій , не отвергнетъ и меня , возымѣвшаго къ тебѣ величайшую привязанность. Этна дала мнѣ первые уроки мудрости ; присоедини къ онымъ свои. Я ознакомился съ великими явленіями Природы ; но мнѣ недостаетъ зрѣлаго разсудка. Позволь мнѣ идти съ тобою ; уже ль ты мнѣ въ томъ откажешь , что уже получаю отъ тебя

этотъ молодой человекъ изъ сѣверной Сираны ? Меня зовутъ Харондомъ !“

Пиѳагоръ. Абарисъ ! дай руку Харонду и оба обоймите Пиѳагора.

Всѣ шрое , мы ходили по окрестностямъ Катаны. Пошва , на которой лежитъ сей городъ , составлена изъ многихъ слоевъ лавы ; въ одномъ рвѣ , находящемся за городскими стѣнами , я насчиталъ ихъ до пяти , что служитъ доказательствомъ глубокой древности Волкана. Между каждою изъ сихъ лавъ находится слой *прозвѣстной* земли. Нѣтъ сомнѣнія , что съ самыхъ давнихъ временъ любопытство привлекало людей въ окрестности Этны , и въроятно , Катана была столицею оныхъ селеній , извѣстныхъ подъ именемъ Гигантовъ и Циклоповъ. Ихъ преемниками поставляютъ Янигеновъ или Гигеновъ (дѣтей земли) , за коими въ свою очередь послѣдовали Сиканіане или Сикулы ; а сія была протоняема частыми нападеніями столь сильного врага , каковъ Этна , уступили мѣсто иностранцамъ , которые , выгнаны будучи изъ Италіи Аборигенами , сдѣлались извѣстными подъ именемъ Сицилійцевъ.

Не смотря на сего опаснаго гостя, сказалъ намъ Харондъ, указывая на Эпну: — Сицилія имѣла свой золотой вѣкъ, но онъ протекъ очень скоро. Со времени Янигеновъ, у насъ не было ни законодательей, ни письменныхъ законовъ; мы изъ роду въ родъ послѣдовали одному обыкновенію. Молодые соображались со старыми; каждый отецъ былъ царь въ своемъ семействѣ; жена и дѣти составляли его народъ. О погдашнемъ положеніи вещей говоритъ намъ Гомеръ и преданіе. Тогда Сицилійцы не имѣли публичныхъ собраній для разсужденія; каждая фамилія, удаляясь на горы, образовала частное общество, не имѣя понятія о большомъ обществѣ. Сей образъ правленія, по погдашнему времени, былъ самый натуральный. Тогда ничего лучше не могли дѣлать, какъ слѣдовать какому нибудь предку или отцу своему; по примѣру пшеницовъ мы перешли къ ближайшимъ наблюденіямъ...

Жители Капанъ для зданій своихъ ничего другаго не употребляющъ, кромѣ большихъ кирпичей; стѣны, колонны въ храмахъ и колодези дѣлающъ они изъ зловонной земли и имѣющъ искусно прида-

вать ей такую крѣпость, что прочностію равняется она съ твердыми камнями.

Когда тиранъ Фаларидъ былъ наказанъ; когда Сицилія получила свою независимость и когда гору Эпну я разсмотрѣлъ вблизи: — то уже болѣе ни что не могло замѣдлить моего путешествія въ Авзонію. Мы прошли рѣку Тавромиону или Кантару, дабы нѣсколько побыть въ городѣ *Тавроменіи* (нынѣ называемой *Тарминою*), въ которой находятся два только публичныхъ монумента — храмъ Венеры и жертвенникъ Аполлона Архегеша; его стѣну вся изъ чернаго дерева, а лира его начеканена на монетѣ первобытныхъ гражданъ города Наксъ, въ островѣ сего же имени, въ особенноти посвященномъ богу *Гармоніи*. Намъ не могли сказать, для чего Афинская *сова* изображалась на вратахъ Тавроменіи такъ, какъ мы послѣ ее видѣли на вратахъ Тарентскихъ? Въ святилищѣ Венеры мы примѣтили на стѣнѣ великолѣпное изображеніе обоихъ половъ. Жители мало пекутся объ немъ.

Мы вышли изъ Тавроменіи вечеромъ въ шомъ намбрени, чтобы путешество-

вать ночью по жаркой спранѣ, въ коню-
рой за недостаткомъ времени не лѣзя
ходить днемъ. Мы приближались къ го-
родскимъ воротамъ: сильный шумъ у
дверей одного сосѣдственнаго дома при-
влекъ наше вниманіе. Труппа молодыхъ
оспровилянъ, упоенныхъ виномъ и раз-
пущствомъ, хотѣла силою вломиться въ
убѣжище одного честнаго и мирнаго се-
мейства, извлечь прехъ сестеръ и при-
соединить ихъ къ святошамъственнымъ
своимъ пиршествамъ. Одна женщина съ
флейшою начальствовала ими. Они за-
ставляли ее повторять одни только по-
ны, способные возбуждать въ нихъ боль-
шую продерзость.

Имена Орфея и Терпандра потчасѣ
встрѣтились моимъ мыслямъ. Съ важ-
ностію приближаюсь я къ молодой музы-
каншѣ и говорю ей: „Именемъ боговъ,
покровительствующихъ общему спокой-
ствію и охраняющихъ святыя нравы, по-
велѣваю перемѣнить употребленіе твоего
орудія. Воспой Доріана; пусть всѣ напѣ-
вы твоей флейшы будутъ спонтанически-
ми; Аполлонъ, по закону порядка, удо-
стоитъ нѣкогда наградить тебя цѣною
твоего искусства.“

Молодая Сициліянка повиновалась безъ
замедленія. Съ первыхъ ея поновъ при-
мѣненъ былъ успѣхъ. Вся труппа, уди-
вленная внезапною перемѣною, внимаетъ;
каждый изъ нихъ оспашается въ безмол-
віи. Очаровательная сила музыкальнаго
искусства пронула ихъ; ужасъ овла-
дѣлъ ими. Они отвращаютъ взоры, по-
никаютъ головы, не смѣливаются взгля-
нуть другъ на друга, и замѣшательство,
свойственное добродѣтели, открылось въ
чертахъ лицъ ихъ. Стыдясь самихъ се-
бя, они между своею сволочью старались
укрыться отъ нашихъ взоровъ; прину-
ждены были разсѣяться и вскорѣ въ до-
мѣ все успокоилось. Мы предпріяли
опять наши путешествія, и предме-
томъ нашего разговора было то, что
музыка способна успокаивать спраси и
предупреждать пороки.

Мы переходили чрезъ Пелоркія го-
ры, просирая путь въ Занкло - Мес-
сану (что нынѣ Мессина), не боль-
шой, но прекрасной городъ, который
прежде подъ симъ именемъ былъ не бо-
лье слободы. Здѣсь укрылись Греки,
выгнанные изъ Ахаіи. Они плѣни-
лись выгоднымъ положеніемъ Харипской

тавани, пограничной съ ними. Молодой Абарисъ много настаивалъ идти въ Сатурновъ храмъ, посмотрѣвъ *косу*. Надзиратель храма не совѣтовалъ входить намъ во внутренность сего древняго святилища. Онъ сказалъ только намъ, что орудіе сіе находится въ Сициліи; но Сатурнъ такъ умѣлъ скрыть ее, что мы не знаемъ ея мѣста.

Абарисъ отвѣчалъ: Она безъ сомнѣнія находится среди семи стадъ волвъ и столько же овецъ, состоящихъ каждое изъ пятидесяти никогда неумирающихъ животныхъ. Подобное сему рассказываетъ у Гомера Сирсей Улиссу. — „Нѣтъ, отвѣчалъ Харонъ, благодѣтельный Сатурнъ прежде возвращенія своего въ другую Грецію поднялъ *косу* свою не прежде, какъ напечатлѣлъ при удара въ предзнаменованіе того плодороднаго обилія, которымъ отличаетъ она отъ прочихъ земель. Тогда обѣ сіи области составляли одну, какъ свидѣтельствуешь ты совершенная соотвѣстственность земныхъ слоевъ, лежащихъ на противоположныхъ берегахъ пролива.“

Эпоха, въ которую отдѣлилась сія часть земли, гораздо древнѣе Сицилій-

екой въ Тринакрии. Она случилась во время папства Алціонеи, Аргосской жрицы, за сто лѣтъ до Троянской войны.

Теперь Европа въ различныхъ своихъ видахъ, кажется, изображаетъ Царицу, одѣтую длинною мантіею, сѣдующую на тронѣ своемъ, и раздающую законы всему свѣту. Италия изображаетъ правую ея руку, поддерживающую треножникъ или треугольный *слудъ* — символъ плодоносной и гостепріимной Тринакрии.

Весь сосѣдственный планжажъ пролива, столь опаснаго для мореходцевъ, покрытъ перловыми раковинами. По берегамъ его производится ловля *латосовъ*, коихъ роскошные находятъ для вкуса пріятными и кои передали названіе свое одному городу въ Верхнемъ Египтѣ. Тамъ часто встрѣчали мы также морскую рыбу, известную подъ именемъ *мезъ*; челюсти ея равняются величиною со всѣмъ ея тѣломъ.

Здѣсь на многихъ прибрежныхъ мѣстахъ встрѣчаются *тунцы*, большія морскія рыбы, но которыя не столь велики, какъ Самосскія, впрочемъ для вкуса гораздо пріятнѣе.

Томеръ полагаетъ разстояніе Сициліи отъ матерой земли на цѣль спрѣлы. Пространство сіе можетъ заключать въ себѣ около тысячи шаговъ. Здѣсь узнали мы, что безъ лая Сицилійскихъ собакъ мы могли бы слышать пѣніе птицъ даже отъ самыхъ отдаленнѣйшихъ береговъ.

Мы простились съ Сициліею, признаваясь, что Натура, казалось, для того только отдѣлила ее отъ матерой земли, чтобы смертнымъ, ушомленнымъ деспотическою властію, доставить безопасное убожище. При пространствѣ и видѣ острова сего не требуется необычайныхъ средствъ къ оборонѣ, кромѣ того и мѣсто полагаетъ его въ выгодномъ отношеніи ко всему земному шару, которому она, такъ сказать, служитъ центромъ. Въ другое время она могла бы служить жилищемъ для сосѣдственныхъ народовъ. Ужасный врагъ, котораго она питаеи въ вѣдрахъ своихъ, могъ бы внушить островитянамъ, привыкшимъ уже равнодушно смотрѣть на сей страшный феноменъ, споническую важность и необыкновенную продержность. Угрозы и предпріятія господствовавшей тиранніи должны бы-

ли, безъ всякаго вліянія на жителей, борются съ свирѣпою стихіею. Для чего же Сицилія не наслаждалась ни одною минутою свободы, не видала никакого легкаго для себя счастья? Можетъ быть Фаларидъ будетъ имѣть своихъ послѣдователей.

Если бы Природа, разсматриваемая на вершинѣ Этны во время изверженій сего волкана, кажется для дѣшей своихъ мачихою: то при подошвѣ сей горы для глазъ строгаго наблюдателя она покажется отдушиною всего шара, находящагося въ безпрестанной дѣятельности, способствующаго къ прозябенію травъ обильнымъ и неизчерпаемымъ источникомъ, который предупреждаетъ труды земледѣльца, а иногда совсѣмъ забываетъ ихъ. Сицилія ни чѣмъ не заимствуетъ отъ матерой земли.

Горные жители Этны имѣютъ свѣжую кровь и пылкое воображеніе. Ахъ! какъ не быть Поэтамъ въ такой землѣ, гдѣ Натура собрала всѣ живописные контрасты, гдѣ роскошная земля, не пребуя излишнихъ трудовъ, доставляетъ много свободнаго времени тѣмъ, кои считаютъ обрабашиваніе пріятнымъ для

себя занятіемъ? Можно ли бытъ хладнокровнымъ, взирая на сей вулканъ, всегда горящій, и который доставляетъ артистамъ такія картины, которыхъ и самые Геніи, въ вышшей степени своей пылкости, въ сильныхъ восторгахъ, не могутъ изобрѣсть? Какое глубокое впечатлѣніе въ умѣ зрителя оставляетъ это величественное зрѣлище, когда, достигши самой вершины Эпны чрезъ улыбающіяся долины и огромныя кучи снѣговъ, путешественникъ бросаетъ робкой взоръ на огненную стремнину, древностію своею равняющуюся съ свѣтомъ, и когда, услышавши воображеніе свое ужасною сценою, взглянетъ на горизонтъ, который можетъ окинуть только умомъ своимъ, - и въ которомъ блуждающіе глаза могутъ открыть вдругъ нѣсколько другихъ міровъ? Въ Сициліи я не замѣтилъ такой спрашной дѣятельности вулкана, чтобы онъ, снѣдая внутренность острова, могъ производить ужасные пожары.

Законы Полипики, кои гораздо сильнѣе законовъ Природы, могли бы воспрепятствовать добрымъ островитянамъ возвышать мысли свои на степень физи-

ческихъ революцій, которыхъ они были жертвою и свидѣтелями?

VIII.

*Пифагоръ путешествоуетъ въ Ита-
ліи: Регіумъ, Локры, Зелевкъ.*

Рукавъ моря, чрезъ который намъ должно было переправляться, не оправдалъ собою страха, который поселяетъ въ насъ чтеніе Одиссеи; нашъ кормчій умѣлъ избѣжать Харибды и Сциллы. Счастливо приплыли мы къ возвышеннымъ берегамъ матерой земли, къ тому мѣсту, гдѣ оканчивается цѣпь Аппенинскихъ горъ между мысомъ Латиніумъ, освящаемомъ храмомъ Юноны, и между городомъ Регіумъ.

Сей послѣдній городъ обязанъ своимъ происхожденіемъ голоду, опустошавшему Эвбейскій островъ. Народъ, до безмѣрности умножившійся, вышелъ изъ предѣловъ Калциса, и расположился на берегахъ другой Греціи, называемой нынѣ Нижнею Калабриєю, въ странѣ, въ то время сколько же неславной, сколь

и необитаемой, хотя бы того и не заслуживала. Оракулъ Аполлона былъ вождемъ для эмигрантовъ: новая колонія посвятила ему десятину плодотворной земли, гдѣ себя основала. Спустя нѣсколько времени, Регіумъ далъ убѣжище и остальнымъ народамъ несчастной Мессины, сдѣлавшейся такою послѣ бѣдственнаго состоянія Итомы. Нѣтъ сомнѣнія, что жители Регіума успѣли наградить столь похвальную полицику столько, что въ нынѣшнее время могутъ вооружить 6,000 пѣхоты, 600 конницы и 50 галеръ. Заключивши союзъ съ прочими Эвбейскими колоніями въ Сициліи и другихъ мѣстахъ, она управляется тѣми же законами, или лучше подобными обыкновеніями. Правленіе его есть аристократическое, и не умѣряется никакою демократіею. Онъ имѣетъ многочисленный законодательный Сенатъ, состоящій изъ тысячи отборныхъ гражданъ, или лучше сказать мужей, произшедшихъ изъ тѣхъ семей, которыя платятъ республикѣ великія подати, соразмѣрныя всему имѣнію. Сіи Сенаторы назывались *Гиллоботами*. — Тысячу Сенаторовъ! . . . Часто напоминалъ я имъ, что это много.

Первыя должности повѣряются небольшому числу другихъ семей, происходящихъ непосредственно отъ основателей селенія. Одно изъ сихъ правленій должно имѣть одиъ только временныя преимущества предъ другими. Въ бытность нашу въ первый разъ въ Регіумъ, отправлявшій сію верховную должность былъ родомъ изъ Мессины, и казалось, очень мало занимался ею. Граждане не примѣчали его хладнокровности, не имѣя другихъ упрековъ для Анаксила.

Между тѣмъ другой Сенаторъ Андродимъ османилъ городъ и избѣгъ общественнаго ига, воспользовавшись просьбою жителей Колхиды (что во Фракіи), которые имѣли нужду въ умѣ его, чтобъ поправить свои законы.

Еще до отъѣзда нашего, мы посетили ваятеля Клеарка, одного аристепа въ Регіумъ, который искусствомъ своимъ дѣлалъ честь всему городу.

Жители Регіума болѣе гордятся своими винами. Онѣ бывають у нихъ густыя и шипотятъ голову; но съ лѣтами дѣлаются лучше. Съ пятилисточками онѣ бывають совершенны.

Много говорили намъ о прекрасныхъ утряхъ, которые ловащя въ проливѣ на берегу Регіума, — но ни одинъ гражданинъ не могъ указать жилища Теагенова, сего ревностнаго мужа, который посвятилъ себя Исторіи и разсматриванію твореній Гомера.

Всѣ мы сдѣлали совѣтъ. Молодой Типербореецъ предложилъ намъ покуситься въ Регіумъ на то, что намъ такъ хорошо удалось въ Центурипѣ. Харондъ и я говорили противное.

Чтобы возвратить народу его независимость, должно быть по крайней мѣрѣ съ нимъ одинакихъ мыслей. — Здѣсь никто не ропщетъ; пойдѣмъ своею дорогою. Городъ сей не имѣетъ законовъ, безъ которыхъ свобода есть бесполезный подарокъ, — не говорю вредный. — Пойдѣмъ лучше въ *Локры*; тамъ жители не очень спокойны; узнаемъ этому причину.

Насъ предупредили не выходить изъ Регіума, не посѣдивши древней буксовой статуи, одаренной магическою силою, предохраняющею городъ отъ изверженій волкана и отъ непріятельской высадки на берега ихъ.

Предѣлы Регіумскихъ владѣній означены небольшими башнями, столь узкими, что можно считать ихъ простыми столбами.

Мы пустились въ дорогу. Пять часовъ пути раздѣляютъ Регіумъ отъ Локровъ. Рѣка Алесъ служитъ пограничною линіею для обихъ республикъ. Во все время пути нашего мы обезпечиваемы были жужжаніемъ кузнечиковъ, не смотря на ругательства, сдѣланныя имъ Геркулесомъ, которому они не давали уснуть. — Намъ показывали то самое дерево, подъ которымъ утомленный полубогъ тщетно старался засыпать; но насѣкомое наконецъ побѣдило Героя. Эпосъ урокъ, которой не должно повторять народу, весьма бы былъ приличенъ для надмѣнныхъ его правителей. Со времени того происшествія Регіумъ принялъ гербомъ своимъ видъ *кузнечика*, лежащаго на лирѣ; но дубина была бы приличнѣе.

Владѣнія Регіума и Локровъ сближаются мѣстомъ, но раздѣляются разнообразностію. Изъ влажной и обильной лѣсомъ земли мы перешли въ сухую и не прикрытую ни одною рощею.

На нѣсколько стадій за городскими стѣнами Локровъ Абарисъ подошелъ къ одному пасуху спросить, можемъ ли мы войти.

Не мѣшаетъ, намъ былъ отвѣтъ. Локровы, которые бышемъ своимъ обязаны иностранцамъ, неблагодарно поступили бы, если бы не принимали путешественниковъ. — Прибавъ къ тому пасухъ, отвѣчалъ молодой Гипербореецъ, что мы прибыли изъ Агригента. — Мы готовы васъ принять, отвѣчалъ пасухъ, и за это не откажете вы рассказать намъ исторію вашихъ путешествій.

Абарисъ началъ рассказывать ее, и окончилъ сими словами: теперь скажи намъ въ свою очередь, что происходишь въ швомъ отечествѣ?

„Почтенные путешественники! въ Локрахъ нѣтъ тирана; но городъ сей не менѣе жалокъ, какъ и Агригентъ при Фаларидѣ. Онъ всегда знаешь свое происхождение; но весьма часто забываемъ мудрыя наставленія древняго законодателя своего Ономакрипа (*). Вы знаете,

(*) Другой, а не Спихопворецъ и Древнѣйшій.

что дабы удовольствоваться какой - то оракулъ, сто молодыхъ дѣвицъ изъ Греціи отправлены были изъ рабства въ Трою. Отвѣзжая изъ предѣловъ нашихъ, онѣ для пользы своей захватили гражданъ и невольниковъ, недовольныхъ отечествомъ и правителями ихъ. Пристали къ мысу Зефириумъ, и шамъ соединились предъ лицомъ Неба. Вскорѣ онѣ нашлись въ состояніи построить на горѣ Едоисѣ городъ, который вы видите. Дабы не соединиться съ жителями своего отечества, или лучше сказать своей матушки, они назвали себя *Локрійцами Озолами* (т. е. западными). — Чтобъ утвердить основанія свои, они призвали на помощь соседственныхъ себѣ народовъ. Оспровипяне Тринакрии поддерживали ихъ сильно. Мы поклялись имъ вѣчною благодарностію. Чувство сей клятвы достойно замѣчанія. „Такъ, говорили мы, общаемся оставить Сицилійцевъ въ покоѣ во все время, какъ продолжится жизнь наша!“ —

„Должно ли мнѣ вспоминать постыдное состояніе моего отечества и рассказывать отговорки, которыми предки наши прикрывали свою бѣдную участь? Прежде нежели произнесены были шор-

жественные обѣты, Локрійцы взяли предосторожность, положили земли въ свою обувь и скрыли подъ одеждою на плечахъ своихъ нѣсколько чеснока. Не успѣли совершить клятвы, какъ начали бросать отъ себя скрытый чеснокъ, встрясаи землю изъ обуви, и называя себя *свободными отъ обѣтовъ*, выгнали изъ селеній своихъ благодѣтелей. Мы строго были наказаны за неблагодарность нашихъ отцовъ: они оставили намъ въ наслѣдство одинъ изъ округовъ Авзоніи; но въ то же время оставили и свои сомнительные обряды. Наше правленіе столь же непостоянно, какъ и наши правила: древніе законы, общіе большей части Греческихъ колоній и предложенные на древній Локрической діалектѣ, служатъ законодательною книгою. Вѣрховные правители не происходятъ отъ однихъ и тѣхъ же фамилій, и Козмополъ (первый чиновникъ въ городѣ) во всякое время можетъ сдѣлаться тиранномъ. До сихъ поръ мы предохраняли себя отъ деспотизма одною только анархіею. Сіе положеніе тѣмъ несчастіе, что мои соотечественники, казалось, къ оному привыкли. Уже нѣсколько недѣль тому

назадъ, какъ я осмѣлился показать народному собранію необходимость новаго законодательства, или, по крайней мѣрѣ, преобразование стараго. Всѣ голоса возстали противъ меня. Я слышалъ повторяемые слова: „Мы довольны нашимъ закономъ, и не хотимъ никакой перемены. Мы живемъ хорошо, и могли бы жить гораздо хуже!“ Съ сей минутой я удалился изъ Локровъ, съ твердою рѣшимостію не возвращаться, какъ только тогда, когда переменится образъ мыслей ихъ. — Семейственное рабство, не вошедшее еще въ обыкновеніе, не совсѣмъ меня заставляетъ опечалываться въ успѣхахъ вразсужденіи моего отечества. Въ Локрахъ никакой гражданинъ не имѣетъ права принять подъ поручительство въ домъ свой рабовъ обоихъ половъ. Но сіе обыкновеніе, столь похвальное, можетъ ли быть столько продолжительно при роскоши, которая начинаетъ входить въ наши обыкновенія, и которой первые наши правители подають пагубный примѣръ? Соблюдая свято невинные обычаи нашихъ предковъ, я рѣшился пасти стадо моего родителя. Занимаясь симъ, имѣю довольно свободного времени, чтобъ разсуждать о луч-

шемъ порядкѣ вещей; но чувствую; что вождемъ своимъ мнѣ должно имѣть такого человека, который много видалъ бы народовъ. . . .“

Абарисъ безъ моего совѣта не усумнился сказать Локрійскому пастуху: „Будь нашимъ спутникомъ; мы постараемся склонить Пизогора остаться въ сей странѣ, когда окончитъ онъ свои наблюдательныя путешествія.“

Залевкѣ былъ бы весьма счастливъ; отвѣчалъ пастухъ, если бы онъ собою увеличилъ сіе общество: ахъ! если бы Минерва нашла здѣсь свое мѣсто!

Друзья мои! отвѣчалъ я имъ, — безъ сомнѣнія пора мнѣ остановиться. Ушомившаяся пчела остается въ дуплѣ дерева, или въ ульѣ, который она встрѣчаетъ на пути своемъ, чтобы спокойно обрабатывать въ немъ то, что собрала мучительными трудами. Но прежде мнѣ должно осмотрѣть два послѣдніе феномена: Везувій и Римъ. Залевя, отдавши одному изъ юнѣйшихъ, возлѣ его спявшихъ соотечественниковъ, вѣсивъ длиною въ пять футовъ, которую онъ

держалъ въ видѣ свирбли (1) и которая служила ему посохомъ и пашеннымъ инструментомъ, повелъ насъ чрезъ хребты Аппенинскихъ горъ, раздѣляющихъ на двѣ равныя части Брутъенскую область. Основаніе ихъ представляешь живой видъ каменнаго утеса, образующаго поясъ всей Авзоніи. Здѣсь находяшъ чистой кристаллъ. Сосновыя роши даютъ превосходную смолу; но Аппенинскія горы, кажутся, подвержены землетрясенію. Земля сія не столь давно извѣстна и также недавно населена. При самыхъ умѣренныхъ трудахъ земледѣлія, она могла бы быть одною изъ прекраснѣйшихъ и здоровѣйшихъ странъ въ свѣтѣ. Здѣсь не находили мы оленей, хотя свойство земли, казалось, и предполагало бы плодovitость сихъ животныхъ. Въ поляхъ встрѣчался намъ одинъ только *габанъ* — растение столь пріятное для четвероногихъ долгоухихъ, и столь опасное для прочихъ животныхъ и для дѣтей.

Попеченія, какихъ требуютъ большія снѣга, не позволили Залевку прово-

(1) *Utrumque est, stimulumque boum, mensuramque agrorum. Callimach.*

жать насъ далѣе. Онъ оставилъ насъ съ надеждою, какъ сказалъ самъ прощаясь съ нами, что для принятія насъ приготовитъ убѣжище, подобно какъ и многіе его соотечественники хотяишь освятившись глубокими таинствами его мудрости. Абарисъ вмѣсто меня общалъ исполнить ихъ надежду.

IX.

Путешествіе Пифагора на Везувій.

Поднявшись на нѣсколько шаговъ вверхъ Аппенинскихъ горъ, но не достигая еще вершинъ ихъ, которыя, начиная отъ одного конца сей цѣпи до другаго, называются *горами смерти*, — мы пробирались чрезъ прекрасныя Марменшинскіе виноградники, приближаясь къ Тиренскому морю и продолжая дорогу по берегу залива, называемаго *Оллидо*, мы достигли его при городѣ *Никотеръ*, или *Никодро*. Не заходя въ *Тролею*, построенную на вершинѣ утесовъ, остались въ *Гиллоніѣ*, гдѣ дышали воздухомъ наипан-

нымъ благоуханіемъ цвѣтущихъ, и потомъ пошли въ *Тезину*. Этотъ небольшой городъ, зависящій отъ Кротоны, получилъ свое названіе отъ одного ручейка, и передалъ его цѣлому взморью, которому онъ служитъ основаніемъ. Мореплаваніе на сихъ водахъ опасно, по причинѣ вѣтровъ, дующихъ изъ Африканскихъ странъ. Далѣе находится *Темеза* или *Темлса* (что нынѣ Сан - Марко), обогащаемая мѣднымъ рудникомъ, но при томъ менѣе облагодѣтельствованная Природою, нежели *Консенція*, главный Брюшпенскій городъ, орошаемый прохладными и чистыми водами Краписа. Оставивъ вправѣ *Скидры*, мы продолжали путь въ *Пандозію*, которая служитъ границею двумъ областямъ, Брюшпенской и Луканской. Сей городъ омывается водами Ахерона, ручьемъ, который, кромѣ имени, ничего не имѣетъ ужаснаго. Онъ соединяется съ моремъ, а не съ шартаромъ, какъ думаютъ Поэты. Другой ручей, вытекающій также изъ Аппенинскихъ горъ, но немного повыше, и который называется *Лаусомъ* (что нынѣ *Лаино*); сообщаетъ имя свое взморью въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится его усъе.

Небольшая буксовая роца служитъ вмѣсто насыпи для города *Пиксы*, называемаго жителями также *Буксеншомъ*. Мы перешли область города *Эли*, основаннаго Токійцами, продолжая идти въ *Посидонію*, прекрасный городъ, выстроенный древними жителями *Эпуріи*, между моремъ и благовонными полями, возлѣ устья Силара при Салернскомъ взморьѣ. Изъ города сего имени видна вершина *Везувія*. Прежде нежели осшавили мы *Пизантію*, продолжая идти въ *Кампанію* чрезъ *Цусерію*, и прежде нежели всступили на *Флегренскія* (сжєныя) поля, *Гитанскія* земли и одно изъ владѣній *Тафона* — ибо *Позны* говорятъ, что онъ обыкновенно царствуетъ на днѣ горящихъ пропастей *Эпны* — сказалъ я двумъ сопутникамъ: друзья мои! пойдѣмъ не такъ скоро; можешъ случиться, что на каждомъ шагу шадемъ впередъ мы будемъ попирашь ногами памятникъ или сѣды какого-нибудь народа, не уступающаго никакому въ древности и можешъ бышь въ мудрости. Мы можемъ вспрѣчь сѣды, часомъ для насъ насшавительныя и всегда почтенныя.

Земля прелестна, прекраснѣе самыхъ долинъ *Эпны*, и менѣе подвержена физическимъ революціямъ. Намъ сказали: уже пропекло болѣе нежели цѣлый вѣкъ, какъ *Везувій* доказываетъ бытіе свое однимъ дымомъ и нѣсколькими искрами, поздраватыми и шемными камнями, перешшанными съ желтымъ и краснымъ цвѣшомъ. Сія гора, имѣющая цвѣтъ пепла, возвышается среди зеленѣющагося поля, которое обязано ей всѣмъ своимъ плодородіемъ. Достигши ея подошвы, мы встрѣпили *Волкановъ* храмъ. Первосвященникъ сидѣлъ въ преддверіи на пѣдесталѣ колонны, въ которой нѣсколько замѣтили мы возникнувшихъ гвоздей. Жрецъ предупредилъ вопросъ нашъ: „Эпи мѣдые гвозди, сказалъ онъ намъ, суть хронологическія почки, показывающія число главныхъ волканическихъ изверженій *Везувія*; а я наблюдаешъ феноменовъ, и храню записки. Слава богамъ, покровительствующимъ *Эпуріи*! Моя должность не была еще въ дѣяшельности: сей храмъ, до сихъ поръ почиаемый, не подвергнулся никакому колебанію, и я всегда имѣлъ свободу продолжашъ собраніе моихъ свѣщевъ предъ лицемъ нашего благошзорища. Намъ должно шаъ насшавъ *Везувію*“.

зувій. Я занимаюсь продолженіемъ Эпуррской поэмы, вырѣзанной на седьми мѣдныхъ доскахъ, которыя вы можете видѣть, ежели путешествіе ваше продолжится до Евгубія (*), между Аппенинскихъ горъ и Адриатическаго моря.

Пиоагоръ. Ревностный жрецъ Волкана! ты можешь сократить нашу дорогу, раздѣливъ съ нами плоды своего ученія. Мы пришли въ твое отечество, какъ младенецъ выходитъ изъ чрева своей матери.

Жрецъ. Труды, занимающіе меня, тѣмъ тяжостнѣе, что въ нѣдрахъ моего отечества возстаетъ сильный врагъ, коего успѣхи меня устрашаютъ. Возникающій Римъ хотѣлъ бы затмить древнюю Эпуррию; это неблагодарное дитя, которое заставляетъ молчать мать свою, принявши отъ нее первые уроки. Правда, еще въ рукахъ нашихъ скиптръ всей Авзоніи и власть наша простирается еще далѣе; ибо Тибурейскіе жилища Бѣлыхъ горъ дикой Ретіи принадлежатъ намъ (**); это одно изъ нашихъ посе-

(*) Нынѣ *Уубіо*, Омбрийской городъ.

(**) *Альпы* (*Alpium*) — слово Пелагійское, употребляемое Сабинцами для означенія снѣжной бѣлизны.

леній, такъ какъ и Аппеницкія горы суть длинная опраса, кою Альпы служатъ корнемъ.

При послѣднихъ словахъ молодой Абарисъ удвоилъ вниманіе.

Жрецъ. Если бы мы могли имѣть вѣрное происхожденіе, то одни Финикійцы не присвоили бы себѣ славу, основанную на сходствѣ нашихъ съ ними литеръ. Мы, подобно имъ, такъ какъ и Грекамъ, пишемъ съ лѣвой на правую. — Столько народовъ приходили подъ кровъ нашего госпепріимства, что почти не возможно было намъ опять узнать тѣхъ, кои прежде къ себѣ населяли сію страну, возлюбленную самою Природою. Въ послѣдствіи времени большая часть иностранныхъ поселенцевъ нашла себя принужденною возвратиться въ прежнія мѣста свои. Не однократно предпринимаемы были набѣги на поля наши, обрабатываемыя нами, и на цѣлую область нашу; но мы не допускали никого заимствовать собою. Уже мы стѣснились между нижнимъ моремъ и Аппенинскими горами, но умѣли до сихъ поръ сохранить независимость и національнѣе свое. Людьми наши суть вольныя,

но соединенныя между собою вѣчнымиъ союзомъ владѣнія. Выборъ начальниковъ предославленъ нашей волѣ, и Римъ, отблѣившись отъ насъ, иногда занимаетъ у насъ себѣ законы. Онъ обязанъ намъ каедрюю, выдѣланною изъ слоновой кости, порфиною и ликшорами для членовъ Сената и для Государей. Онъ присваиваетъ себѣ всѣ наши изобрѣпенія, не исключая и Тиренійскихъ шрубъ, которыми надѣвшея устрашиль насъ самихъ въ какомъ-нибудь сраженіи.

Пиѳагоръ. Намъ много выхваляли ученіе Эпирусковъ о феноменахъ,

Жрець. Безъ сомнѣнія, посвященный путешественникъ! историкамъ угодно было изобразить Эпирурскихъ жипелей набожными, а гражданскихъ и духовныхъ правителей ихъ обольстителями. Посмотри на эпоху Волканъ; онъ произвелъ все добро и зло, какое только мы имѣемъ. Намъ не лзя сказать, какими были предки наши, жившіе до эпохи перваго изверженія. Она опадена отъ насъ; но другая хотя гораздо опаденѣе, за то ознаменована столько же достопамятныиъ произшествіемъ, сколько и противныиъ первому. Пламень, которымъ дышетъ Везувій, мо-

жетъ быть, есть послѣдствіе сильнаго пошпа, внезапнаго или постепеннаго. Тѣ, кои спаслись отъ древнѣйшаго потопа, нежели Огигейскій, будучи угрожаемы противныиъ сему бѣдствіемъ, сдѣлались слишкомъ внимательными къ новому сему феномену. Многократно повторенныя наблюденія познакомили насъ съ разрушительною стихією, возженною между нами. Мы узнали, какимъ образомъ можемъ предвидѣть періодическіе обороты воспаленій Везувія и считать удары грома, который завывалъ въ ндрахъ его. Перемѣны воздуха открыли намъ то, что обыкновенно скрыто бываетъ отъ глазъ холоднокровнаго наблюдателя. При первыхъ признакахъ изверженія, народъ нѣкогда споль былъ безразсуденъ, что желая отврашить пагубныя послѣдствія ихъ, привлекалъ къ жерлу Волкана несчастныхъ плѣнниковъ своихъ и повергалъ ихъ шуда. Благодаря попеченіямъ нашимъ, обыкновеніе сіе нынѣ прекратилось, и огнедышущая гора во время праздниковъ въ честь Волкану довольствуется нѣкоторыми только живошными.

Пиѳагоръ. Говоряшъ, вы учитете, что міръ сошворенъ въ двѣсти лѣтъ.

Часть VI.

К

Жрецъ. То есть, что въ извѣстныхъ эпохи міръ перемѣняетъ видъ свой и обновляется по огнемъ, по водою. Вотъ все, что мы слышимъ; суевѣрный народъ, внимая словамъ жрецовъ своихъ, присоединяетъ къ теоріи ихъ свою, а иностранцы суть эхо народа.

Писатель. Говорятъ также, что Этруски обожаютъ огонь и вѣтеръ, что сей видъ богопочтенія приняли они отъ Финикіянъ, передали его Сабинцамъ, а сіи послѣдніе гражданамъ Римскимъ подъ правленіемъ Нумы.

Жрецъ. Не удивительно, что народъ, издали разсмащивающій предметы, принялъ за религію свою ученіе о стихіяхъ, которому мы посвятили себя жрецами. Это потому, что предъ глазами всегда имѣетъ онъ одно изъ величайшихъ дѣйствій Натуры. Намъ должно было оставить народъ въ такой невинной вѣрѣ, которая иногда гораздо была полезнѣе для него, нежели для насъ самихъ. Виновны ли мы, если прослужимъ, воздавая почтеніе огнедышущей горѣ, перестали обожать въ ней бога Вулкана и богиню Весту? Для него это одинъ шагъ отъ истины къ выдумкѣ.

Наши Архисты - Поэты, — потому что не лзя быть однимъ, не бывши вмѣстѣ и послѣднимъ. — довершили ослѣпленіе его, изображая въ сочиненіяхъ своихъ Аквилона, стремительно дующаго въ пустотахъ Везувія. Ихъ воображеніе придало ему тѣло, которое не могло быть безъ крыльевъ. — Везувій открылъ намъ правила изящной архитектуры, и первые наши опыты могли служить для другихъ примѣромъ. Намъ должно было защищать себя отъ пламеннаго дождя, которымъ Волканъ покрывалъ всю нашу страну — и отъ землетрясеній, которыя чувствовали мы при наступленіи изверженій. Необходимость, источникъ всѣхъ наукъ, показала намъ фигуру строеній и швердость ихъ. Мы не употребляемъ большихъ каменьевъ, гладко обдѣланныхъ и правильно между собою расположенныхъ — обширность предпочитаемъ высотѣ. Наши колонны, капители, архитравы и фронтоны съ карнизами даютъ архитектурѣ нашей характеръ прочности и простоты, до которыхъ трудно бы было достигнуть жителямъ другой области. — Опасность со стороны Везувія принудила насъ

К 2

найми сей законъ Архитектуры, располагая главныя части зданія такими образомъ, чшобы всѣ онѣ, завися одна отъ другой, могли по крайней мѣрѣ разрушаться порознь, не подвергая паденію цѣлаго зданія. Чужеземцы! вы могли бы видѣть одинъ примѣръ тому въ *Посидоніѣ* (*). Архиправъ храма построенъ изъ большихъ каменныхъ плитъ, складенныхъ разнообразно — одинъ во всю ихъ длину, а другія сзади. Еслили одна изъ сихъ массъ какимъ-нибудь случаемъ или отъ выпхости отъ другой отдѣлился, то фризъ и карнизъ долго еще послѣ того будутъ держаться; но зданіе потеряетъ прочность свою, еслили архиправъ будетъ составленъ изъ одного камня. Верхъ зданія можетъ обрушиться и прочность всей массы будетъ ненадежна. — Еслили дорога ваша доведетъ васъ до Рима, то разсмотрите внимательными глазами сиб-

---

(*) Нынѣ *Песты*. Здѣсь не говоритъ Авторъ о прекрасныхъ развалинахъ, которыя видны въ семь городѣ, но о другихъ монументахъ, которые Г. Данкарниль полагаетъ черезъ сто лѣтъ послѣ Троянской войны.

ны городскія и вкусъ, который Архитекторы наши, названные такъ Римскимъ Тарквиніемъ первымъ, опредѣлили въ художествѣ своемъ. Вкусъ сей переживаетъ и самый Римъ, хотя бы славный городъ сей продолжилъ существованіе свое долѣе двухъ тысячъ лѣтъ. — Тамъ увидите вы статую Януса, которую Нума Помпиль посвятилъ сему богу. Разположеніе перстовъ на рукахъ сей фигуры означаютъ число 355 дней Римскаго года. Памятникъ сей также есть произведеніе Эпрусковъ.

Два молодые мои спутники пѣснились около меня, чшобы не пропустили ни одного слова изъ устъ Первосвященника. Сей послѣдній умолкъ, и по нѣкоторомъ молчаніи прибавилъ: священный мужъ! отъ тебя ничего не скрыто въ Элевкисѣ и Тивахъ; я не долженъ упайшь отъ тебя, что Эпрусской народъ одолженъ своею Религіею огнедышащему Везувію. Послѣ ужаснаго наводненія, о которомъ я уже рассказывалъ вамъ исторію, оставшійся народъ, занимаясь личными своими выгодами, которыхъ трудно было получить на столь маломъ пространствѣ земли, какое поз-

воляло населять имъ положеніе водъ, — легко забыли ввѣренныя имъ понятія предковъ ихъ; они какъ бы снова принуждены были начать науку о человѣческой жизни. Изъ числа семействъ сихъ, оставшихся послѣ древнихъ предковъ своихъ, вышло нѣсколько надмѣнныхъ горделивцевъ, которые предъ согражданами своими имѣли память оспрѣйшую и обширнѣйшую; они захотѣли быть правителями себѣ подобныхъ. Сатурнъ зная, что человѣкъ не можетъ управлять человекомъ безъ того, чтобы весь міръ не исполнился зломъ, ни одному смертному не далъ власти надъ другими. Для общественнаго блага онъ предложилъ намъ удѣлъ, подобный тому, какой беремъ мы въ разсужденіи спадовъ нашихъ. Спадо быковъ или овецъ не препоручаемъ мы какому-нибудь быку или овцѣ; но проводникомъ его бываетъ всегда или пастухъ, или животное, отличное отъ нихъ родомъ своимъ и вышшими понятіями. Онъ совѣтовалъ намъ не Князьямъ поручать правленіе, но духамъ превосходнѣйшей натуръ, нежели какою одаренъ человѣкъ — словомъ — богамъ, изъ которыхъ верховнѣйшій называется *Эзаромъ*. Во время сей-то эпохи мы въ пер-

вый разъ видѣли изверженіе Везувія, какъ бы боги хотѣли оправдать прекрасное ученіе Сатурна, между тѣмъ какъ послѣдній не говорилъ намъ ничего. Жители Авзоніи, кои въ то время солнце признавали богамъ и государемъ своимъ, видѣли въ горящемъ Волканѣ гнѣвъ той раздраженной власти, которая предъ глазами ихъ открывалась въ однихъ только благодѣяніяхъ Натуръ. Каждого честолюбца, врага первобытнаго равенства, осуждали они быть очистительною жертвою, надѣясь тѣмъ умиловить раздраженную власть. Они бросали ихъ немедленно въ горящую бездну, и съ того времени повторяли ужасное наказаніе при каждомъ сильномъ прескѣ, слышимомъ изъ нѣдръ Волкана — всякой разъ, какъ обыскивали между собою людей до той степени дерзкихъ, что хотѣли называться Тигантами. Сатурнъ продолжалъ хранить невинность нравовъ нашихъ. Онъ не былъ, какъ вообще всѣ думаютъ, первымъ изъ нашихъ законодателей: законы еще были намъ не такъ нужны, и правосудіе имѣеть ли тамъ мѣсто, гдѣ царствуетъ одна невинность? Теній Натуръ, или Солнце, было первымъ правителемъ, воз-

демъ и пастыремъ Авзонцевъ. Сатурнъ, подъ своимъ именемъ способствовалъ благоденствію ихъ столь же много, сколь и успѣшно. Народъ позволялъ управлять ему собою безъ сопротивленія, безъ ропота. Съ веселымъ духомъ повиновались они крошкѣ, но сильной его власти. Фавнъ наследствовалъ Сатурну и шелъ по слѣдамъ его, основывая богопочтеніе Натуры подъ именемъ бога Пана. Жители Авзоніи одни возхищались этимъ мирнымъ счастьемъ, которое было продолжительно и безъ примѣса во все время, какъ жили они въ неизвѣстности на сей прелестной землѣ. Первая колонія поселенцевъ, которые приходили подъ гостепріимный кровъ ихъ, принесли съ собою въ обмѣнъ новыхъ боговъ, ввели новые обычаи, и съ сей минутой все перемѣнилось. Преобразование сдѣлалось гораздо примѣннѣе подъ правленіемъ двуличнаго Януса. При всемъ томъ, что богъ сей былъ добрымъ правителемъ, народъ обязанъ ему шую двуобразною полишикою, которую онъ считалъ нужнымъ употреблять въ пользу народа, сдѣлавшагося для правительства труднѣе, нежели во времена Сатурна. — Я

примѣчаю въ глазахъ вашихъ похвальную неперпѣливость. Вы хопите непременно посѣтить гору Везувій, которая нѣсколько лѣтъ уже кажется спокойною и позволяетъ приближаться къ себѣ лѣбопытнымъ путешественникамъ. Смотрителя храма сего представляю проводникомъ вашимъ. Онъ понесетъ Волкану жертву, которую мнѣ препоручено было посвящать ему. Это обѣтъ одного торшѣчнаго художника въ Капубъ; жертва его сопровождается подаркомъ, однимъ изъ лучшихъ произведеній своей фабрики. Судите о немъ по глазамъ своимъ.

Жрецъ Волкана показалъ намъ эпортъ прекрасной Эпрусской сосуда, и объяснилъ намъ значеніе картины, на немъ изображенной: это геройская ловля. Сцена происходила въ Эполіи, въ Халидонской области. Здѣсь виденъ кабанъ необычайной величины, подкравшійся къ винограднику. Вооруженные охотники съ свипою собакъ атакуютъ животное. Одинъ изъ нихъ погибаетъ — при всадника помогаютъ имъ. Всѣ сіи лица означены надписями, возлѣ ихъ находящимися. Слова: *Pantippos, Polydore, Boudo-*

ros, *Antephata*, *Poluphas*, написаны Эгипетскими иероглифами. — Архитектура не оставляет никакого сомнения: все известно, даже и род собак. Судя по длине шерсти на хвосте и по форме головы и ушей, они должны быть из Эфиопии, где Эфиопия есть провинция.

Картина, изображенная на сосуде, особенно достойна замечания по рисовальному исполнению. Египетские архитекторы знают только чертежи и наброски. Они стараются представлять подробности внутренних частей видов своих, означая их параллельными линиями. Место между чертежами наполняется простыми цветами без грунта.

Живость сия вместо рамок украшается цветами красными, черными и белыми. Жрец Волкана известил нас, что при сиях цвета открыты были Клеопатром Коринским, который добыл их из обломков глиняных сосудов. Сей художник, прибавил Первосвященник наш, сопровождал Демарка, отца Императора Тарквиния на пути его в Рим.

Смотритель храма провожал нас к Везувия через тихую наклонность

горы между берегом моря и горами. Вся сия сторона покрыта утесами, составленными из лавы и других известковых материй. Вещества сия, неравномерно набросанные одни на других в различных эпохах, вероятно суть произведение Волкана, выбрасывавшего их из самых недров своих. На известное разстояние от Везувия показалось нам другое огненное жерло также погасшее. Вся поща земли кажется за несколько веков колеблена была многими Волканами, питающимися одним каналом, который может быть готовит будущему потомству новых разорений. Оно дорого заплатит за прекрасные плоды, обширные виноградники, составляющие все богатство предков их. Общій враг кажется теперь спокойным; но горе народу, который вблизи увидит его пробуждение! — Везувий не мог долго занимать странников, кои не опомнились еще и от ужасов Эфиопии. —

---

*Пифагоръ идетъ въ Геркуланъ и
посѣщаетъ заводы Эпрускихъ со-
судовъ.*

Обласкавши невинное живописное, которое смотритель храма долженъ былъ живымъ бросить въ огненную пропасть, мы пустились въ Геркуланъ (нынѣ Портики), древній, смежный съ Везувіемъ городъ, и которой будетъ одною изъ первыхъ жертвъ безразсудности. Бросивъ взоръ на всѣхъ жителей, окружающихъ пропасть сію, можно сказать, что земля недовольно обширна, чтобы помѣстить на себѣ всѣхъ людей. Пристань или городъ Геркулеса занимаетъ ничто иное, какъ песчаную мѣль. Городскіе дома, представляющіеся въ видѣ амфитеатра, кажется, построены между двумя рѣками; мѣстоположеніе прелестно, но подвержено въпрямь, дуящимъ изъ Африки (что новѣйшіе называютъ *Шшироко*).

Мѣсто столько же здорово, сколько и прекрасно, и кажется оправдываетъ собою невинные нравы жителей. Самая

Натура угождаетъ имъ; все здѣсь располагаетъ чувствамъ удовольствіе: чистое небо, прекрасныя женщины и прохладныя шубы. Сей родъ жизни несравненно превосходитъ скучную жизнь разбойниковъ, кои (это Телебоевцы) населяли Геркуланъ вскорѣ послѣ основанія его.

Область его была покрыта Авзонцами, родившимися изъ земли, когда Геркулесъ, побѣдивъ двухъ тиранновъ, Теріона и Какуса, плѣнивъ ихъ красотою мѣсна, положилъ здѣсь свою дубину. Во время его пребыванія онъ посѣщаемъ былъ многими разбѣянными семействами, кои научились отъ него искусству защищаться отъ изверженій смежной съ ними огнедышущей горы, и соединились въ одномъ кругѣ подъ эгидомъ законовъ, данныхъ имъ Финикійскимъ героемъ. Это произошло еще до Троянской войны. Геркулесъ начерпалъ имъ планъ смѣшеннаго правленія; — и есть ли на землѣ народъ, способный жить подъ одною только демократіею?

Геркуланъ называется республикою и имѣетъ главою, имѣя полную власнь, называемую Греками Демаркв. Подлиши-

ческой законъ Геркуланцевъ ограниченъ и постояненъ.

Эбалъ, начальникъ Телебоенцовъ, не преминулъ разрушить произведение Геркулеса. Тирренійцы напали на Геркуланъ съ намбрениемъ завладѣть имъ, и довершили неустройство законодательства.

Геркуланцы исключительно занимаются двумя предметами, коммерціею и виномъ. Я мало видалъ городовъ, гдѣ бы болѣе было пишеиныхъ домовъ, которые вмѣстѣ служашь мѣстами безстыдства, производимаго открытымъ образомъ.

На воротахъ находится изящной работы изображеніе Фаллуса, въ геройскомъ видѣ поставленное въ память нашего основателя, какъ говорятъ граждане Геркулана. Бесплодныя женщины ихъ носятъ на себѣ ожерелья.

Въ нашихъ горахъ, сказалъ мнѣ молодой Абарисъ, для оплодотворенія семейства не употребляютъ такихъ странныхъ средствъ: каждой вещи даютъ только свое мѣсто.

Почти на всѣхъ распутьяхъ встрѣчали мы изображенія Геркулеса, подобныя Пріаповымъ, съ Фригійскими на го-

ловахъ шишаками. При входѣ и во внутренности всѣхъ публичныхъ домовъ развѣшены были лампы. На одномъ кирпичѣ, выдавшемся наружу, означены были имена всѣхъ непопулярныхъ женщинъ, и цѣны ихъ.

Городъ сей богатъ статуями, по большей части столь грубо обдѣланными, что Геркулесову статую можно почестъ Сапиромъ съ длиннымъ львинымъ хвостомъ. Наши потомки легко могутъ въ нихъ обманываться. Не прудно будетъ увѣрить ихъ, что былъ нѣкогда родъ людей, родившихся въ волосахъ, и со всѣми характерами красныхъ животныхъ.

Насъ ничто здѣсь не удерживаетъ, сказалъ я двумъ моимъ поварямъ. Пойдемъ въ *Кулы*; вотъ озеро, принадлежащее сему городу; оно находится близъ лѣса, обитаемаго дикими куропашками, отъ которыхъ и получилъ свое названіе.

Намъ оставалось осмотрѣть только два предмета, — заводы Эпрускихъ сосудовъ и пещеру Сивиллы. Жители *Кулы* называютъ городъ свой самымъ древнѣйшимъ изъ тѣхъ, которые Финикіяне строили въ странѣ сей. Въ доказа-

шельство тому представляють гербъ; который сохранили на себѣ стѣны сего города. Это іероглифъ Солнца, Финикійскаго божества. Въ самѣмъ дѣлѣ во многихъ мѣстахъ, на городскихъ воротахъ, на крѣпостяхъ повсюду изображеніе быка съ человѣческою головою, которое Греки наши принимаютъ за Крипскаго Минотавра. Для избѣжанія сего почти всеобщаго заблужденія, обитатели Кумовъ соединяють сей астрономическій и сельскій символъ съ Аполлоновою головою, и лиру его изображаютъ посреди блестящаго поля.

Мы замѣтили, что человѣческая голова, приравненная къ шѣлѣ живописнаго, перемѣняетъ свой характеръ, смотря по времени года, которое хотятъ изобразить въ ней: осеннее Солнце имѣетъ черты Бахуса; но весною открываетъ оно въ себѣ всѣ свойства всераждающаго Бога. Жители Кумовъ хотѣли показать намъ въ Аполлоновомъ храмѣ зубъ необычайной величины; онъ изъ челюсти шель Эримантскаго кабана, котораго повернулъ некогда великій Геркулесъ.

И это, прибавилъ я, не было бы новою эмблеммою одного изъ шѣхъ вели-

кихъ дѣлъ, которыя каждый годъ производило солнце?“

Кумы занимають довольно пространное мѣсто между моремъ и двумя озерами. Въ области города сего нѣтъ глины, которая пригодна была бы на дѣланіе прекрасныхъ сосудовъ. Сей весьма мѣлкій песокъ собирають жители на берегу Вултурна, рѣки, которая вытекаетъ изъ Саленійскихъ горъ и омываетъ стѣны Капуи (1). Куменцы, очистивши глину сію, даютъ ей время разпустить въ водѣ столько, чтобы слизскія, гладкія и кубическія части ея сдѣлались клейкими и способными принять видъ, который даетъ ему форма.

Когда сосудъ еще бываетъ влаженъ, то художники наводятъ его желѣзною охрою, которая нѣсколько входитъ въ поверхность глины; съ помощію огня краска сія служитъ для фигуръ грунтомъ. — Сосудъ, одинъ разъ покрытый слоємъ симъ, и давши существу своему цвѣтъ немного темносинѣе природнаго своего, переходитъ въ руки живописца. —

(1) Подробнѣе описываетъ Данкарвилль antiq. Etrusques Tom. II.

Будучи гораздо плошнѣе, нежели ободокъ, ее покрывающій, и на которомъ рисуются изображенія, глина удобно сохраняется, естли будетъ влажнѣе. Это необходимо нужно для того, чтобы цвѣтъ не вошелъ и не соединился бы съ нею.

Мягкое существо сосудовъ сихъ не позволяетъ артистамъ класть ихъ на бокъ, или горизонтально на дно ихъ. Тяжесть ихъ могла бы переменить форму. Артистъ принужденъ бываетъ разрисовывать ихъ, придерживая въ своихъ колѣнахъ; почему живописецъ долженъ бываетъ перенести много трудовъ во всю работу. Они складываютъ колѣна, раздвигаютъ ноги, и держатъ себя въ соразмѣрномъ разстояніи отъ работы своей. Сіи разнообразныя положенія, скучныя и безпокойныя, удваиваютъ трудность работы, и не позволяютъ артисту употребить всю правильность, какую бы онъ способенъ былъ открыть въ чертежѣ фигуръ своихъ. Онъ не можетъ иначе означить ихъ, какъ только одними весьма простыми и легкими чертежами. Онъ принужденъ бываетъ дѣлать профиль однимъ почеркомъ.

Всѣ рисовки сосудовъ сихъ бывающъ на одноцвѣсныхъ грунтахъ, п. е. одного цвѣта, однихъ оттѣнковъ. По окончаніи сего сосудъ кладутъ въ печь, и тамъ оставляютъ его до той степени разженія, которая могла бы дать ему способность принять на себя бѣлый, красный, желтый, голубой, и даже, естли угодно, золотой цвѣты. Ибо Эпуррцы искуснѣе самихъ Египтянъ въ наукѣ наводить металлъ сей.

Послѣ сего сосудъ сей кладется въ печь, гдѣ остаётся до тѣхъ поръ, какъ получитъ соотвѣтственную твердость. Мы замѣтили, что художникъ, занимающійся рисованіемъ фигуръ, не тотъ же самый, которой довершаетъ украшеніе сосуда.

Капуа повѣрила Куменцамъ прекрасный серебряной сосудъ, посвященный Неспоромъ богинѣ Діанѣ, чтобы опять его обратить въ Эпуррскую глину. Намъ позволено было осмотрѣть его въ мастерской. Сей большой и довольно тяжелой сосудъ въ самомъ дѣлѣ приченъ бы былъ только одному Герою. Нѣсколько Гомеровыхъ стиховъ начертаны

на немъ золотыми липерами. У рукоятокъ изображены Плеяды въ видѣ двухъ голубей; — все это прекрасная работа.

 XI.

Кумы и Сивилла.

Заводы Эпрусскихъ сосудовъ достаточны бы были поддержать торговлю города Кумовъ; но пещера Сивиллы доставляетъ ему важнѣйшіе выгоды. Греція, Италія, Аборигенцы и Гиперборейцы, всѣ народы, извѣстные на обитаемой землѣ, не могли обойтись безъ оракуловъ Кумской Сивиллы.

Абарисъ и Харонъ, какъ бы колеблясь, спросили меня: Наставникъ нашъ! пойдѣмъ ли мы вопрошать ее?

Пи а г о р ъ. Безъ сомнѣнія, друзья мои!

На нѣсколько шаговъ отъ города при подошвѣ горы, выдавшейся въ море подобно мысу, большое озеро, высота береговъ, котораго предполагало бездонную

его пропасть; остановило путь нашъ. Окружающій его воздухъ наполненъ сѣрою. Густые пары покрываютъ непрерывно кипящія волны. Сіе озеро, осбняемое густымъ лѣсомъ, сквозь который едва можно пробраться, служитъ прибѣжищемъ пришлому, поселившемуся здѣсь въ непреступныхъ пещерахъ, и которому покровительствуетъ свращная богиня Гекапа. Обитатели Аверна, менѣе боязливые, добровольно осудили себя выкапывать богатые рудники, которыми занимаешь природныхъ жителей удерживаетъ одно суевѣріе. Они думаютъ, будто бы пагубный металлъ скрытъ отъ нихъ въ самомъ аду. Рудокопы съ величайшею трудностію допускаютъ къ себѣ проходящихъ, и весьма скрыты бываютъ отъ любопытныхъ зрительей. Страхъ, чтобы не открыли сокровищъ, ими обладаемыхъ, заставляетъ ихъ поступать такимъ образомъ съ посторонними. Всѣ дороги, ведущія къ мѣсту ихъ, таинственны и вливаютъ нѣкоторой ужасъ. Гомеръ удостоилъ ихъ кисти своей, но они гораздо значительнѣе бы были въ Исторіи. Для предохраненія себя отъ гнѣва Аполлонова, котораго

лучи кажется они презираютъ или убѣгаютъ ихъ, они посвящали ему самую большую и менѣ темную изъ всѣхъ пещеръ своихъ. Сивилла, которую они нашли уже тамъ въ почтеніи, напурано, сдѣлалась ихъ жрицею.

Входъ въ пещеру, гдѣ она имѣетъ пребываніе, освѣщается первыми лучами восходящаго солнца. Съ самаго разсвѣта пошли мы шуда, гораздо ранѣ обыкновеннаго часа, въ который стеченіе присутствующихъ бываетъ многочисленно. „Вы придете очень поздно, сказали намъ. Сивилла Демофильская скоро не покажется болѣе никому. Въ сію минуту оставляетъ она смертное поприще — вы не можете вопрошать ее — она изрекла послѣдніе свои оракулы.“

Не желая совершенно потерять времени пуши своего къ Сивиллѣ, я открылъ себя подъ своимъ именемъ Фивскаго и Елевксинскаго таинственника. Спустия минушу, одна старая женщина, которую едва можно было разсмотрѣть изъ подмножества суконныхъ доскушьева, которыми была уѣшена, приближалась къ намъ. Абарисъ и Харондъ почтительно преклонились предъ нею, почтя ее самою

Сивиллою. „Я воспитанница ея. Ахъ! наставница моя готова теперь оставить меня навсегда и отправиться въ блаженнѣйшую страну. Фивскій таинственникъ! ты можешь посѣпить ее съ двумя твоими сопутниками. Присутствіе твое не постыдитъ послѣднихъ минутъ ея.“

Умиравшая Сивилла лежала на лавровой постелѣ. Солнечные лучи перпендикулярно падали на нее сквозь своды ея грота. Возженный треножникъ горѣлъ при возглавіи ея. Листья Аполлонова дерева, нарочно приготовленные, покрытыя лакомъ и разбѣянные вокругъ ея, ожидали отъ жезла Сивиллы получить даръ пророчества. Абарисъ хотѣлъ собратъ изъ нихъ нѣсколько, кои приносили въ теръ къ ногамъ ея; суровый взглядъ пророчицы принудилъ его не прикасаться. Сивилла полумертвымъ голосомъ сказала мнѣ нѣсколько словъ: „Смертный! научись умирать; немного ранѣ, я научила бы тебя жить.“ Потомъ обратившись къ воспитанницѣ своей, сказала: „Амалтея! позади храма возвысь памятникъ мнѣ, и жершуй, чемъ тебѣ угодно.“

Она повиновалась набожно. „Амалтея! когда при послѣдней минутѣ ты при-

мешь духъ мой, по возми эти девять свертков холста, исполненных оракулами, и немедленно спулай прямо къ Тибру; пребуй, чтобы допустили тебя говоришь съ Государемъ Тарквинемъ; продай ему эти девять свертков; отъ нихъ зависить судьба Рима. Потомъ исчезни и возвратись сюда замѣнишь меня. Если безразсудный Тарквиній откажетъ тебѣ въ цѣнѣ книгъ Сивиллиныхъ, то сожги ихъ всѣ до одной въ его присутствіи. . . . Я жила. . . .“

Съ послѣдними словами тихо выпустила духъ свой. Амалтея похоронила ее, омывши напередъ три раза тѣло ея въ каждомъ изъ трехъ бассейновъ, высѣченныхъ въ такъ называемой *живой горѣ* (1) и наполненныхъ чистою водою. — Между тѣмъ, какъ мы въ самомъ глубокомъ мѣстѣ пещеры высѣкали Сивиллѣ могилу — Амалтея немедленно приготоовилась къ путешествію. Я предложилъ ей провожать ее до Рима, куда, сказалъ я ей, давно клонился планъ моего путешествія. — „Я желаю этого,

(1) S. Justin. martyr. *Exhortation aux Gentils.*

отвѣчала она мнѣ. Ты и поварищи твои можешь быть очевидными свидѣтелями моего посольства. Вы скажете, что видѣли и слышали. Въ три дни возвратитесь сюда взять меня съ собою.“

Время сіе употреблено было нами на посѣщеніе области города Кумы. Природный житель мѣста сего данъ былъ намъ новою Сивиллою вмѣсто Гермеса; онъ былъ хранителемъ пещеры.

„Весь сей прекрасный ландшафтъ, омываемый Тирреніенскимъ моремъ, сказалъ намъ онъ, пребывалъ въ продолженіи долгихъ вѣковъ столько же дикимъ, какъ и его жители. Одна колонія Аркадцевъ и другіе поселенцы удалились на два острова, которые вы видите предъ собою, *Анарію* и *Петекузу*, чтобы отсюда отправиться на твердую землю (*). Природные жители земли, столько же грубые какъ и жолуди, которыми питаются они, сопротивлялись нападенію — и это для Поэтовъ послужило матеріею къ войнѣ Гигантовъ.

(*) Нынѣ называемую *Процидою* и *Ишию*.

Харондъ. Но Олимпійскія горы и Оэпа принадлежали не Авзоніи, но Греціи.

Однакожь не долго, ствѣчалъ нашъ гордый разскащикъ мѣстныхъ своихъ познаній. Божественный Гомеръ не безъ причины полагаетъ здѣсь своихъ Леспригоновъ и Циклоповъ. Сицилійцы нимало отъ нихъ не отличились. Волканическія горы, сосѣдственныя намъ, и это Флегренское поле, откуда вышли они, подали обильную матерію воображенію Грековъ. Кумская земля по справедливости можетъ почтена быть Волкановою площадью; Авернскія горы должно необходимо признать какъ бы принадлежностію ада. Сѣрный запахъ, который испаряютъ онѣ, доказываетъ это; и ни одно мѣсто на землѣ не можетъ оспаривать у Кумской области тѣхъ ужасныхъ преимуществъ, естли не одна только область, гдѣ укрылись побѣжденные Сицилійцы подъ предводительствомъ Эиселада. Городъ сей основанъ былъ при самыхъ ужасныхъ предзнаменованіяхъ, между пламенемъ войны и пламенемъ Волкана; потому что онъ попеременно принуждаемъ былъ бороться

съ сими двумя опусшительными бѣдствіями. Хотя Кумы лежатъ на зыбкой пошвѣ земли, состоящей изъ жгучаго песка; но городъ сей, кажется, получилъ болѣе твердости. Не успѣли жители положить первыя основанія его, какъ начали уже устраивать *Дицсархию* (что нынѣ называется *Пудзоль*, *Путгалисѣ*), приморской оружейный домъ, посвященный послѣ Законодательнымъ Экспедиціямъ. Кумскіе жители увѣряютъ другихъ, что они всю власть свою будутъ основывать на одномъ правосудіи. — Безъ сомнѣнія это говорятъ они съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы загладишь несправедливость своей добычи. Страхъ отъ изверженій Везувія можетъ быть также участвуетъ въ поздномъ намѣреніи. Чужеземцы! удивляйтесь этому пышному монументу, эшимъ площадямъ, эшимъ насыпямъ, эшой цѣпи каменныхъ аркъ, выдавшихся въ море болѣе нежели на сто шаговъ. Всѣ сіи великолѣпные памятники, выстроеныя для усовершенствованія мореходства, достойны особеннаго замѣчанія по качеству цемента, которой соединяетъ всѣ части ихъ. Сей цементъ, имѣющій свойство придавать

всему твердость; равную той, какую имбють самые твердые камни, хотя употребляется на открытомъ воздухѣ, или на днѣ моря, обыкновенно составленъ бываетъ изъ песку, добываемаго въ большомъ количествѣ въ однѣхъ областяхъ Кумовъ и *Дицеархіи*; открытіе сіе много способствуетъ строенію пристаней. Здѣсь замѣтите вы, путешественники, что насыпь сія древнѣе первой эпохи Рима.

Кумское мѣстоположеніе показываетъ, что обстоятельства принудили поселенцевъ очень скоро рѣшиться на сей не очень выгодный выборъ. Эпо подало случай родиться другимъ Кумамъ, одному прекрасному городу (что нынѣ Неаполь), который съ правой стороны поддерживается горою и ограничивается моремъ. Надобно было сильнаго оракула, чтобъ согласить Сирену Партенсеу занять сей заливъ, и выстроить на берегу городъ. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкогда выстроитъ и другой возлѣ морскихъ теплицъ. Малое количество бань бываетъ здѣсь всегда здоровѣе и пріятнѣе.

Земля сія, въ нѣдрахъ своихъ нѣсколько вѣковъ уже пылающая пламенъ,

способна произращать виноградники. Въ самомъ дѣлѣ на поляхъ собирали мы довольно легкое вино, но оно непріятно для вкуса, выключая того, которое растетъ съ пятью листьями.

Кумская область производитъ нѣкоторой родъ капусты, цвѣтомъ похожей на устрицу. Жители называютъ ее *пророгескою калутою*, безъ сомнѣнія потому, что растетъ она по собственности Сивиллиной пещеры.

Разсматривая внутренность самаго города, намъ случилось быть свидѣтелями исполненія одного суднаго приговора, исполняемаго надъ женщиною, уличенною въ прелюбодѣйствѣ. Преступница, сидя на ослѣ, влачилась по разпушіямъ. Въ иныхъ случаяхъ сіе же самое животное иногда носило на себѣ священныя утвари.

Вожатый нашъ привелъ опять насъ къ Амалтеѣ, которая уже приготожилась къ путешествію. При насъ раздѣлила она девять книгъ на три связки, спрятала ихъ подъ длинную свою одежду, заперла пещеру, и мы всѣ пустились въ дорогу.

Труппа наша представляла каршину, нѣкоторымъ образомъ похожую на мис-

тическую. Молодой Абарисъ предшествовалъ намъ, неся въ рукахъ своихъ дрошкѣ, въ Цельтскомъ платьѣ, которое довольно было ему прилично, и сверху покрывшись короткою мантіею. Сивилла и я шли по слѣдамъ его; цвѣтъ длинныхъ одеждъ нашихъ довольно между собою различенъ; она шла большими шагами, и какъ бы казалась вдохновенною. Тщетно уговаривали ее остаться въ томъ состояніи, въ которомъ находилась. Харонъ слѣдовалъ за нами въ задумчивости, склонивши голову на грудь. Его можно бы было назвать старцемъ. Иногда цѣлые часы шли мы, не говоря между собою ни слова; встрѣчавшіеся путешественники смотрѣли на насъ, и предавались тысячѣ догадокъ.

ХІІ.

Толографія Италіи. Развалины Альба.

Такимъ образомъ переправлялись мы черезъ воды Вулпурна и прекрасные виноградники Фалерскіе, пробираясь въ

Минтурну по берегамъ моря и Сириса, потомъ въ *Фунди*. Здѣсь празднуемъ былъ небольшой сельской праздникъ, установленный Сервіемъ, Римскимъ Государемъ. Жители, собравшись на публичномъ мѣстѣ, плясали, держась за руки, вокругъ зажженной соломѣ. Корифей обоихъ половъ оканчивали невинное и веселое шоржество сіе, съ удивительною легкостью перепрыгивая при разѣ черезъ огонь въ честь Палесу.

Мы не заходили въ городъ *Феронію* (*), но посѣтили славный храмъ, находящійся по соседственности его одного съ нимъ названія. Набожная Амалтея хошѣла омыть лице и руки свои въ источникъ *Фероніи*, сельской богини, покровительствующей лѣсамъ и парникамъ. Ее также называютъ Юноною. Богиня Воздуха въ самомъ дѣлѣ есть первая стихія всякаго прозябенія. Кляшвы, посвящаемыя *Фероніи*, составляли часть первобытнаго богопочтенія, воздаваемого *Напурѣ*. Жертвенникъ ея занимаетъ вершину горы, обнѣяемой деревьями, коихъ зелень продолжается во

(*) Нынѣ *Монте - ди - Сан - Силвестро*.

весь годъ. Картина ея представляеть видъ мужественной женщины, но немного дикой: голова ея изображается увѣчанною тройною, или все равно, одною короною, составленною изъ листовъ, цвѣтовъ и плодовъ. Въ гимнахъ называютъ ее любовницею вѣнковъ.

Между тѣмъ какъ Сивилла наша приносила молитвы свои, мы удостоились бытъ свидѣтелями священнаго обряда, копорато я нигдѣ еще не видывалъ. Одинъ мущина съ открытою головою явился передъ жертвенникомъ, стоялъ нѣсколько минутъ, потомъ съ важностію надѣлъ на голову шлемъ свой, произнося сіе призываніе:

„Божество лѣсовъ и животныхъ,
„обитающихъ тамъ въ независимости!
„вдохни въ освобожденнаго предстоящаго
„тебѣ невольника чувства, сообразныя его
„новому соспоянію. Я навсегда вошелъ
„въ истинныя права челоука! — О!
„если бы мановеніемъ твоимъ я могъ
„исполнять ихъ безъ вреда подобнымъ
„себѣ!“

Сія богиня, покровительствующая добрымъ жителямъ, никогда не остаешся въ храмѣ своемъ одинокою. День, въ

который мы посѣтили ее, не былъ назначенъ для частнаго праздника; однакожь обожатели ея приходили къ ней толпами. Каждый приносилъ первые плоды сада, имъ обрабатываемаго — деревъ, имъ насаждаемыхъ. Кто не имѣлъ у себя деревенской собственности, давалъ то, что имѣлъ лучшаго въ своемъ домѣ. Между принесенными жертвами было много Эпрускихъ сосудовъ дорогой цѣны.

Выходя вмѣстѣ съ толпою изъ храма, остановились мы на минуту, чтобы посмотреть на жрецовъ (Фероніи, босыми ногами ходящихъ по горячимъ угольямъ. Одежда Таинственника; которую одинъ изъ нихъ примѣшилъ на мнѣ, казалось, нѣсколько его беспокоила. Я увидѣлъ его смятеніе, и опдалившись, сказалъ ему тихо: „Какъ тебѣ не стыдно! . . .“

Мы достигли только подошвы горы *Бѣлой*, которая служитъ основаніемъ городу Анхеуру, или Террацинѣ. Я хотѣлъ бы однакожь посѣтить въ ней храмъ Имбербскаго Юпитера. Мы почувствовали небольшую перемену въ здоровьѣ отъ вредныхъ болотъ, кои смежны съ бере-

гами Сетии, и которые Риму надлежало бы прежде всего засыпать. Это могло бы принести ему гораздо больше чести, нежели иные его победы. Разговаривая о предмете сем, мы переходили к Корюльской республике. Безразсудные жители едва могли нас послушать. Признаюсь, что шеперешный разум их не сдѣлаетъ ихъ щастливѣе Вольсковъ. Мы не могли судить о области Свессы Помпиди, столицѣ сихъ послѣднихъ. На всей странѣ еще видны ужасные слѣды Римскаго оружія. Тарквиній Гордый предавался здѣсь всей жестокости безчеловѣчнаго побѣдителя. Жители, гордый и пристрастный къ независимости народъ, при всемъ томъ, что были побѣждены, не считали себя довольно усмирёнными. Все встрѣчавшееся на дорогѣ, казалось, готово было возобновить бѣдствіе и стыдъ послѣднихъ кампаній.

Достигши подошвы горы Лавиніума, набожная Амалтея предложила намъ посѣтить храмъ Діаны и принести жертву (сказала она) сестрѣ бога, которому служу я жрицею. Мы успѣли отсоветовать ей. „Вы истощите всѣ силы свои, отвѣчалъ ей Харондъ, взби-

раясь на вершину Марціуса. Аполлонъ хотѣлъ бы видѣть васъ уже въ Римѣ предъ лицомъ Тарквинія. Пойдемъ и отдохнемъ въ Арисійской (*) рошѣ; чрезъ нее лежала наша дорога въ городъ одного съ нею имени. Мы замѣтили, что многіе всадники возвращались назадъ, какъ бы окружая небольшую напередѣ ея рошцу. Эта особенность поразила насъ — и вотъ какъ намъ объяснили ее: Вы знаете несчастную страсть Федры къ Ипполиту; знаете также клятву отца, произнесенную на своего сына. Непшунъ принялъ прозбу Тезея; но Діана, умоленная набожною Ариціею, избавила его отъ неистовства коней его и отъ паденія его колесницы. Два любовника получали отъ покровительствующаго себѣ божества позволеніе соединиться въ своего отечества, въ сей священной рошѣ, въ которую входъ запрещенъ четвероногому Непшуну живописному, изъ страха, чтобы богъ сей не былъ вторично удовлетворенъ.

Угадаете ли, спросили насъ, чья это гробница на берегу источника? Безъ со-

---

(*) Нынѣ *Рикція*, *Ришь* возлѣ *Аппіенской* дороги.

мибнія, Нимфы Эгеріи, отвѣчалъ Харондѣ. — Но не здѣсь, прибавили намъ, она принимала добраго Нуму каждую ночь: есть другія роци при воротахъ Римскихъ. Далѣе встрѣтите вы, сказали намъ, прекрасное озеро: берегитесь возмутить чистыхъ и спокойныхъ водъ его — это зеркало Діаны.

Небольшой холмъ, посвященный въ память Эгеріи и ограничивающійся храмомъ *Щастія мужчинъ* (*), снова возбуждалъ наше любопытство. Сдѣлавши нѣсколько шаговъ, встрѣтили мы прехдѣвицъ, кошорья, взявшись между собою за руки, слѣдовали за матерью. Онѣ спросили молодого Абариса, кошорый всегда шелъ напередъ насъ: „Чужеземецъ! куда идешь ты? оставь эту дорогу; всходѣ на этотъ холмъ запрещенъ мужчинамъ.“

Абарисъ. Любезныя дѣвицы! удостойте насъ своихъ наставленій! . . .

Самая младшая изъ нихъ говорила намъ такъ: Знайте, что однѣ дѣвицы, способныя вступить въ брачный союзъ, входятъ въ этотъ храмъ для испытанія

(*) Нынѣ церковь Маріи Египетской.

къ Первосвященнику. . . . Она замолчала и склонила голову.

Я ободрилъ ее, убѣждая продолжать рѣчь свою.

Дѣвица. Ахъ! знайте, что великій Первосвященникъ не нашелъ на всемъ тѣлѣ нашемъ ни одного недостатка, способнаго возбудить сожалѣніе какого-нибудь супруга.

Пиоагоръ. Какъ же можетъ судить объ этомъ жрецъ?

Дѣвица. Для него нѣтъ ничего легче. Священное мѣсто требуетъ, чтобы при подножіи жертвенника въ присутствіи жреца, снимаемы были всѣ покрывала. Первосвященникъ не пощадилъ насъ ни въ чемъ; онъ хотѣлъ осмошрѣть все, и довольно на то имѣлъ свободнаго времени, между тѣмъ какъ по повелѣнію его мы курили въ кадилицѣ ладанъ.

Во время сего открытаго разговора, мать, кошорая шла позади дочерей, настигла ихъ. Всѣ четыре обратились оубъ насъ, не сказавши болѣе ничего, и оставивши насъ въ безднѣ размышленій. Жрецы! жрецы! а вы называете себя наставниками добрыхъ нравовъ!! . . .

Намъ оставалось еще перейти шестнадцатъ Римскихъ шаговъ до воротъ столицы Ланіума.

Мы остановились въ развалинахъ несчастнаго города Длинной *Альбы*. Одинъ пасхухъ, снѣдаемый въ уединеніи скукою, не дождавшись прозбы нашей, постарался намъ рассказать исторію сего древняго города, коего бытность доказываютъ еще имя его и нѣсколько каменьевъ. Можно ли было, сказалъ намъ онъ, найти другое мѣстоположеніе, способнѣйшее для города, кромѣ сего? Эта высокая гора (нынѣ Монте-Каео) прикрывала его съ одной стороны, съ другой прекрасное озеро служило широкимъ ровомъ для стѣнъ его, и водами своими, съ отличною экономіею проведенными, оплодотворяло всю область. Длинной *Альбы* нѣтъ уже болѣе, но гора и озеро существуютъ. Рука человѣческая разрушила произведеніе свое; но, къ счастью, она слаба въ безсмертныхъ твореніяхъ благодѣтельной *Натуры*! Длинная *Альба* — надобно сказать вамъ, почтенные путешественники, городъ назывался такъ потому, что онъ выстроенъ былъ вдоль озера на половинной части берега, котораго занималъ все простран-

ство при всей небольшой широтѣ. *Альба* считала на тронѣ своемъ уже многихъ Царей, прежде нежели Римъ имѣлъ ихъ. Одинъ изъ нихъ, называвшійся *Алладіемъ* (видите ли нѣкоторые остатки его палаты на берегу озера?) имѣлъ великій умъ. Ахъ! для чего мудрецы такъ худо оканчиваютъ жизнь свою, какъ *Икаръ*, *Прометей* и другіе? — *Алладій* нашелъ искусство подражать грому и молніи; его назвали громоноснымъ *Юпитеромъ*. Называть такимъ священнымъ именемъ — значило льстить его желаніямъ — можетъ быть для того только, чтобы напомнить ему, что онъ есть смертный. Однажды въ самомъ дѣлѣ перунъ поразилъ его смертію.

Нѣсколько спольшій *Альба* была монархіею — она хотѣла испытать республиканское состояніе. Но какою бы она была республикою, если *Ромулъ* долженъ былъ давать ей своихъ *Диктаторовъ*? Для путешественниковъ, неперпѣливо желающихъ посмотрѣть Римъ, скучно было выслушать продолжительную исторію, по какому спеченію обстоятельствъ, изъ коихъ одно другаго было несчастіе, *Альба* увидѣла себя со-

вершено разрушеною. Мой прадедъ, который принадлежалъ къ числу гражданъ ея, никогда безъ слезъ не могъ рассказывать происшествія сего фамиліи своей. Дѣли мои! роковымъ былъ для насъ тотъ день, въ который увидѣли мы возвратившимся младшаго изъ трехъ Гораціевъ, побѣдителя нашихъ храбрыхъ Албанцевъ. Мы думали, что онъ пришелъ предписать намъ самое строгое повелѣніе продолжать войну. Прибывши на публичное мѣсто, созываетъ онъ всѣхъ гражданъ. Всѣ толпятся около своего вѣспника. Онъ развертываетъ бумагу, заключающую тайны Римскаго Сената съ повелѣніемъ Государя Туллія, и начинаетъ читать намъ:

„Римъ хочетъ и повелѣваетъ, чтобы во всѣхъ публичныхъ и частныхъ зданіяхъ, составляющихъ городъ Альбу, не осталось камня на камнѣ, исключая однихъ только храмовъ. Жителямъ позволяется перенести пенатовъ своихъ въ городъ Ромула. Горацію поручается исполнить опредѣленіе Рима.“

Глубокое молчаніе послѣдовало; вскорѣ оно прервано было шумомъ молотовъ и паденіемъ зданій. Лекіонъ, предводи-

тельствуемый Гораціемъ, успѣвалъ раззорять въ строгомъ порядкѣ Альбу въ присутствіи изумленныхъ ея жителей: каждый камень отрываясь съ верьху, казалось, на лету своемъ поражалъ ихъ. Туманы пыли, поднявшіеся изъ развалинъ сихъ, скрывали отъ глазъ ихъ печальное зрѣлище; они разсѣялись; едва имѣли столько присутствія духа, чтобы взять съ собою то, что необходимо для жизни ихъ.

Постъ, который жители Альбы наложили на себя, для умилоствленія боговъ своихъ, не могъ предохранить ихъ отъ сего послѣдняго бѣдствія.

Прочіе города *Лаціума* и *Этруріи* были спокойными зрителями сего великаго происшествія. Черезъ полвѣка только они примѣтили пагубныя изъ сего послѣдствія. Для справедливой защиты своей они согласились собраться въ развалинахъ Альбы, выдумать средства, могущія предупредить равную участь, которою, казалось, угрожалъ имъ Геній Рима. Храбрость Римлянъ взяла надъ ними перевѣсъ, и въ нѣсколько времени вся Италія падетъ невольницею или жертвою подъ тѣнію храма Лапинскаго

Юпитера, котораго Тарквиній Гордый воздвигъ на прежнемъ мѣстѣ Альбы. Чегобъ ни обѣщаль намъ каменный памятникъ, но наши праздники вскорѣ переѣнятся въ печальные дни.

Мы приблизились къ столбу, на которомъ вырѣзанъ былъ мирный трактатъ, заключенный между Римомъ и Латинцами. Первая сцена его состояла въ слѣдующихъ словахъ: „Да царствуетъ миръ между Римлянами и Латинцами столь же продолжительно, сколь между небомъ и землею.“

Столбъ сей занимаетъ средину обширнаго мѣста, называемаго *народною площадью*, на самой возвышеннѣйшей части горы Альбы. Не далеко отъ монумента растутъ два дерева, разстояніемъ одно отъ другаго не болѣе какъ на 5 или на 6 шаговъ, стоятъ какъ бы связаны между собою широкою перевязью. Харондъ, не упуская ничего безъ вниманія, спросилъ о причинѣ сей особенности. Пастухъ отвѣчалъ намъ, что они называются качелями, и что между невинными играми, употребляющимися на Латинскихъ праздникахъ, качель сія почиталась священной. — Чужезем-

цы! продолжайте путь вашъ; я возвращусь къ своему спаду.

Пастухъ припомнилъ намъ еще: „Я позабылъ, сказалъ онъ, извѣстить васъ, что боги нѣсколько поздно открыли грѣвъ свой. На другой день по разрушеніи Альбы низпалъ съ неба каменный дождь, истребивши всѣхъ завоевателей, елизи сіи послѣдніе жили на землѣ нашей.“

Сей случай заставилъ меня полюбопытствовати пошву, на которой нѣкогда лежала Альба. Я примѣтилъ, что возвышенность сія заключаетъ въ себѣ Волкана едва начавшагося, или уже погасающаго; припомнилъ, что въ царствованіе Алладія чувствуемо было тамъ нѣсколько разъ землетрясеніе. Съ тѣхъ поръ, кажется, оно перестало. Въ эпихъ мысляхъ долженъ былъ я оставить Альбскаго пастуха, воздыхающаго на развалинахъ любезнаго своего отечества.

Пастухъ, ободренный благосклоннымъ вниманіемъ нашимъ, воспользовался еще сказать намъ: „Знаменитые чужеземцы! вы идете въ Римъ: тамъ покажутъ вамъ наружный видъ храма Весты. При подошвѣ горы Квирина, въ мѣстѣ, называемомъ Долюла, васъ мо-

жетъ бытъ допусаятъ къ двумъ калямъ, гдѣ Веспалки, со времени всеобщихъ бѣдствій, скрываютъ священныя вещи, копорыя онѣ закапываютъ въ землю; но вамъ не покажутъ Палладіума, священнаго залога сей возникающей Имперіи; они имѣютъ свои причины дѣлать изъ нее себѣ тайнство, потому что она можетъ открытъ хитрости ихъ; этотъ Палладіумъ, похищенный въ Троѣ, былъ положенъ въ несчастномъ нашемъ городѣ Альбѣ: онъ принадлежалъ намъ; но побѣдитель . . .

Пивагоръ. Какой же это священный предметъ? —

Пастухъ. Это изображение Минервы, названной Палладою, вышиною въ три локтя, представленной въ видѣ идущей дѣвцы. Правая рука ея вооружена пикою, въ лѣвой держитъ она пряслицу и веретено. Изображеніе сіе, упавшее съ неба на землю по благоволенію судьбы къ Илу, Государю Иліона, Римляне поставили между Ангероною и Описомъ, такъ какъ оно было здѣсь.

Пивагоръ. Я такъ и думаю, сказалъ я моимъ спутникамъ, что Альба и Римъ по примѣру ея полага-

ли благоденствіе свое въ мудрости, сопровождаемой молчаніемъ и добрыми совѣтами. Это, кажешся, не должно быть тайною.

Пастухъ. Но въ Альбѣ этого не было. Путешественники! простите мнѣ, что я замедлилъ путь вашъ — безъ сомнѣнія . . .

Пивагоръ. Другъ мой! прими лучше отъ насъ благодарность. Будь щастливъ, если можно наслаждайся щастіемъ на развалинахъ своего отечества.

Амалтея сказала мнѣ: „Все, что рассказалъ тебѣ пастухъ сей, предсказано уже нѣсколько лѣтъ назадъ въ нашихъ Сивиллиныхъ книгахъ; связь происшествій, копорой не могъ онъ открытъ, находится тамъ въ такой же точности. Великому Аполлону, копорый видитъ все, знаетъ все, угодно было открытъ все своей возлюбленной Кумской жрицѣ. Сіи девять книгъ, препорученныхъ мнѣ, Сивилла, моя вдохновенная наставница, наполнила изустными его словами.“

Молодой Абарисъ услышалъ сей, кстати случившійся разговоръ; онъ прибли-

жился къ Амалтеѣ и предложилъ ей на рѣшеніе слѣдующую задачу: „Кумская Сивилла! солнце свѣтитъ для всѣхъ; скажи намъ, для чего Аполлонъ открываетъ себя только женщинамъ?“

„Молодой человекъ! отвѣчала съ важностію Амалтея, лѣта научатъ тебя тому. Удвоимъ шаги свои; я примѣчаю уже городъ на семи горахъ.“

XIII.

Пифагоръ въ Римѣ. Стихи Сивиллинны.

Опказавшись посѣтитъ *Тускулумъ* (что нынѣ *Фраскати*), мы не могли однакожь продолжать путешествія своего, не остановившись въ *полѣ Горациевъ* при каждой изъ пяти гробницъ, воздвигнутыхъ на помѣ самомъ мѣстѣ, которое два Римскихъ Героя и трое *Куріацевъ* ознаменовали своею смертію. Два *Горация*, упавши вмѣстѣ и подъ одними ударами, похоронены почти одинъ возлѣ другаго. Могилы трехъ *Альбанскихъ* воиновъ имѣ-

ютъ между собою небольшое разстояніе, которое послѣдній изъ *Горациевъ* имѣлъ искусство назначить между шреми противниками, которыхъ онъ не иначе надѣялся побѣдить, какъ по одному. Двѣ могилы *Горациевъ* ближе къ *Альбѣ*, а три *Куріацевъ* ближе къ *Риму*.

Съ самаго начала нашего пребыванія въ области сего славнаго города мы думали оставить путь свой. Жертва, сполововъ, принесенныхъ *Тарквиніемъ Гордымъ*, причинила эпидемическую болѣзнь. Беременные женщины, колеблясь нѣскольکو дней между жизнью и смертію, съ трудностію могли освобождаться отъ нее безплоднымъ разрѣшеніемъ бремени. Неосторожность *Тарквиніевыхъ* слугъ была главною причиною сей заразы. Они продали за дешевую цѣну остатки жертвы бѣднымъ семействамъ, которые употребляли ихъ себѣ въ пищу. Насъ скоро увѣрили, что атмосфера, очистившись отъ заразительныхъ началъ, болѣе не подвергала людей опасности. — *Сивилла*, шествуя впереди всей нашей шруппы, вошла въ *Римъ* чрезъ ворота, такъ называемыя, *Трионию*, построенныя въ

память сыновъ Горация, и приказала прямо опвести себя въ палаты Тарквинія. Именемъ Кумской Сивиллы она требовала видѣться съ Государемъ. Должно было ожидать окончанія сшранныго церемоніала, котораго позволено было намъ быть зрителями. Городъ Коллація, побѣжденный первымъ изъ Тарквиніевъ, покорила законамъ, которые угодно было наложить на него побѣдителю. Примѣръ таковой покорности есть одинъ изъ самыхъ грубыхъ и подлыхъ. Тарквиній, Второй по имени, рѣшившись совершенно заставить молчать жителей его, которые, казалось, стыдились униженія предковъ своихъ, призналъ нужнымъ обязать ихъ, и возобновить ту поносную клятву, которой они чувствовали всю шягость. Но по крайней мѣрѣ должно было повиноваться волѣ ширанна. Коллаціане опправили своихъ депутатовъ, и намъ случилось войти въ палаты въ то время, какъ они повшоряли сію формулу: мы все сохранимъ до слова. Со всею гордостію, которую внушало въ Римскаго Государя свойство его характера и положеніе обстоятельство, Тарквиній всшавши сказалъ имъ: „Вы ли

тѣ самые Посланники и Орапоры, которыхъ жители Коллаціи опправили ко мнѣ для утвержденія сдачи вашего города Государю, Сенату и народу Римскому?“ — Мы! — „Добровольно ли Коллашинской народъ произноситъ обѣтъ свой?“ — Охотно! — „И такъ вы Посланники Коллашинскаго народа, всѣ жители Коллаціи, городъ вашъ, ваша область, воды, границы, храмы, всѣ какъ священные монументы, такъ равно гражданскіе и другіе принадлежатъ мнѣ и навсегда останутся во власти Рима. Согласны ли вы?“ — Согласны! — „Я принимаю это, ступайте — возвратитесь къ своимъ согражданамъ!“

Наконецъ допущена была и Сивилла, а съ нею и мы, какъ бы составляя ея свиту. Тарквиній принялъ насъ предъ жертвенникомъ домашнихъ боговъ своихъ. Онъ одѣтъ былъ пышно; на діадимѣ, покрытой снизу волосами его, начертано было золотыми литерами его имя (1). Мантія его была изъ самаго дорогаго пурпура, а шупика его была съ низу сошкана изъ самаго чистаго

(1) Scaliger p. 241. art. *Tiara*, de ses *pensées diverses*.

Испанскаго льна, извѣстнаго подѣ именемъ Карбиза (*).

Государь Рима! сказала ему грубымъ голосомъ Амалтея: я пришла сюда продать тебѣ эти девять Сивиллиныхъ книгъ, въ коихъ сокрыты судьбы швоей Имперіи. Кумская Сивилла повѣрила мнѣ ихъ при своей смерти. Если сомнѣваешься, то сіи при иностранца могутъ быть поруками.

„Жена! спросилъ Тарквиній, какую цѣну полагаешь ты этимъ книгамъ?“

Амалтея, ни мало не колеблясь, назначаетъ важную сумму.

„Жена! отвѣчалъ ей Тарквиній, я не могу рѣшиться на такую высокую цѣну.“

Амалтея молча беретъ три изъ девяти своихъ книгъ, и бросаетъ ихъ въ жаровню на олшарь домашнихъ боговъ Тарквинія; потомъ говоритъ: Государь Рима! купи шесть Томовъ, которые остались у меня.

Тарквиній спросилъ цѣну имъ.

Цѣна та же, отвѣчала она, какая была и десяти Томамъ.

„Жена! сказалъ ей Тарквиній, если бы ты не была посланницею Кумской

(*) Какъ въ Голландское плотно.

Сивиллы, тогда я почелъ бы тебя сумасшедшею.“

Амалтея, не отвѣчая ничего, беретъ три новые свертка изъ шести, у ней оставшихся, и подвергаетъ ихъ такой же участи, какой и первые. Потомъ говоритъ важнѣйшимъ тономъ: „Государь Рима! купи три оставшіяся Сивиллины книги, но заплати за нихъ такую же цѣну, за какую предлагаемы были тебѣ всѣ девять.“

Тарквиній хотѣлъ на шредній запросъ дать такой же колкій отвѣтъ, какъ и первые. Многие Авгуры были свидѣтелями сцены сей и одинъ изъ нихъ вскричалъ: „Государь! въ поступкахъ и посылствѣ сей женщины нѣчто кроется сверхъестественное. Поведи освидѣтельствовать принесенныя ею книги: онѣ попались намъ къ сапи, послѣ того какъ одинъ изъ Дуумвировъ поступилъ неосторожно съ священными книгами Нумы.“

Тарквиній положился на слова верховнаго жреца. Сей послѣдній пробѣжалъ быстро глазами своими три полотняныхъ свертка, изрисованныхъ пророческими гieroглифами. Наконецъ начальникъ ихъ сказалъ въ присутствіи первыхъ вель-

можь Тарквиніева Двора, привлеченныхъ чуднымъ происшествіемъ: „Мы сдѣлали незагладимый проступокъ. Девять Сивиллиныхъ книгъ, принесенныхъ сею набожною женщиною — суть даръ самаго Неба; сохранимъ по крайней мѣрѣ остатокъ ихъ. — Судьба Рима зависить отъ нихъ. — Государь! не колеблясь болѣе, отдай требуемую сумму. Не торгуй никогда того, что посылаютъ намъ сами боги.“

Тарквиній не колебался болѣе. Казнохранители получили повелѣніе отсчитать набожной Амалтеѣ то, чего она требовала. Она приняла плашу, и мы вмѣстѣ съ нею возвратились. При дверяхъ палатъ мы ее не видали болѣе: она исчезла.

Абарисъ. Наставникъ нашъ! какъ ты думаешь объ этомъ?

Пиѳагоръ. Цѣлые народы, кои въ важнѣйшихъ дѣлахъ совѣщывались съ полетомъ птицъ и съ внутренностями жершвъ, весьма легко могутъ соединять судьбы свои съ набожными бреднями женщины, которая почитаетъ и называетъ себя вдохновенною богами пошому, что не имѣетъ никакой связи съ людъ-

ми. Должно, кажется, догадываться, что подлая женщины, замѣняя чѣмъ-нибудь удовольствію Гименея, которому онъ всегда служить съ ревностію, — получаютъ даръ пророчества. Съ того времени, какъ начали думать, что боги оказываютъ благосклонность свою къ соединенію съ смертными, люди воображали, что сіи самые боги должны имѣть полковниками своими особенно набожныхъ женщинъ, и коихъ слабость организациі могла бы ко всему принаровляться.

Дѣвицы особенно внушаютъ собою величайшій интересъ. Въ нихъ почитается твореніе Природы, непосредственно вышедшее изъ рукъ ея; слѣдствія снотатаго воздержанія, и продолженнаго далѣе обыкновенныхъ предѣловъ, предписываемыхъ нуждами, возбуждаютъ вниманіе и почтеніе; разстройство въ мозгѣ, причиняемое недостаткомъ въ равновѣсіи и обращеніи жидкихъ частей шѣла, поражаетъ простыхъ и суевѣрныхъ невѣжей. Народъ думаетъ найти тайные и божественные совѣты въ безсвязныхъ словахъ, произносимыхъ такою, которой живое воображеніе ослаблено сильнымъ волненіемъ чувствъ. Проворные Министры

ры и Государственные чиновники пользуются сими случаями, обманывая легковерных или занятых предразсудками людей, и умѣютъ обращать феномены сіи въ пользу полишки и Религіи.

Вѣроятно, таково было происхожденіе Сивиллы. Всякому извѣстны ихъ оракулы. авгуры, Тарквиній и Римскій Сенатъ знаютъ, для чего ихъ должно придерживаться. Важность, каковую приписываютъ *Сивиллинымъ* книгамъ, состоитъ въ наукѣ управлять множествомъ людей. Если нужно будетъ удерживать необразованныхъ подданныхъ подвѣлагоустройствомъ правленія; если нужно будетъ сильное возбужденіе пружинъ Государства: тогда самый законъ долженъ будетъ уступить мѣсто своимъ стихамъ Сивиллинымъ. Оракуль доставляетъ собою то, чего не можно будетъ достигнуть ни разумомъ, ни законами. Такимъ образомъ всегда Римляне проводили людей.

Если потребовать отъ Римлянъ ясной и подробной исторіи о Кумской Сивиллѣ, то они сами не въ состояніи будутъ произвести ея начало. Эта неизвѣстность, эта обоюдность особенно

будетъ способствовать славы сей женщины, или по крайней мѣрѣ славы глупыхъ ея манускриптовъ. Пустынное состояніе составляетъ весь ея авпоритетъ.

Харонъ. Ливія, Сардинія и Родосъ, Самосъ и Сицилія присвоиваютъ себѣ честь произведенія Сивиллы, которую прежде уступали другимъ. Но одна ли Сивилла прошла все сіи страны? или было ихъ много, кои употребляютъ хитрость отъ Вавилона и до Рима обольщать весь свѣтъ?

Абарисъ. Эти дѣвицы, кои почти всегда влачатся, не могутъ быть порядочнаго поведенія (*).

Пиэгоръ. Онъ принужденъ бываетъ скрывать нравственность гораздо болѣе, нежели сколько скрытны ихъ словесные или письменные откровенія.

Абарисъ. Однакожь извѣстно ли ихъ происхожденіе?

Пиэгоръ. Одно темное преданіе свидѣтельствуетъ, что набожницы сіи существовали еще до Троянской войны.

(*) *Mille mihi lecti, connubia nulla fuerunt.*
Орас. VII. Либ. ad finem.

Онѣ называютъ себя *дщерями Аполлона*. Впрочемъ не лзя этого принимать достойнымъ въроянiя. Рожденiе самой древнѣйшей изъ Сивиллъ полагаютъ въ Дельфахъ. Тирезiя называютъ отцомъ ея, который, можетъ быть, былъ особеннымъ въ своемъ родѣ. Будучи вмѣстѣ жрецомъ и гада-телемъ, онъ первый вздумалъ вводить женщинъ въ святилище Аполлоново, допускать ихъ къ самому преножнику, съ намѣренiемъ, Оракуламъ своимъ придать болѣе привлекательности. Ослѣпленный жрецъ, вводя новостъ сiю, имѣлъ свои особенныя причины. Онъ хотѣлъ оставить дочь свою въ состоянiи столь же славномъ, какъ и выгодномъ. — Дафна была одна изъ его воспитаницъ; но она не оставила по себѣ никакихъ записокъ. Сiя пророчица говорила всегда стихами, кои всѣ безъ сомнѣнiя были прекрасны. Увѣряютъ, что и Гомеръ помѣстилъ нѣкоторыя изъ нихъ въ своей Илiадѣ. Съ тѣхъ поръ Сивиллы перестали радѣть о стихотворенiи, и Поэзiя Кумской пророчицы слишкомъ не красна. — Юные друзья мои! замѣтите со мною эту историческую особенность. Римляне покровительствуютъ только женщинамъ

двухъ состоянiй; всю судьбу полагаютъ они во власти Сивиллъ и Веспалокъ.

Харондъ. Какой же родъ Поэзiи посвященъ Сивиллинамъ Оракуламъ?

Пиѳагоръ. Кумская Сивилла употребляла всегда въ стихахъ пышность, какая приходила ей на умъ. Она спаралась разполагать ихъ въ видѣ акростиха.

Абарисъ. Это не для того, чтобы сдѣлать ихъ гораздо яснѣе. — Нѣтъ сомнѣнiя, что жители города Герсита, гдѣ проходилъ я, посѣщая Трою, направливаются къ сему образу стихотворенiя, изображая Сфинкса подлѣ Гелле-спонтской Сивиллы, вычеканенной на монетѣ ихъ. Они показали также мнѣ гробницу сей женщины, похороненной ими въ Аполлоновомъ храмѣ.

Пиѳагоръ. Вавилонскiя Сивиллы не столько успѣли, сколько Греческiя и Римскiя, пошому что онѣ не умѣли возбуждать къ себѣ почтенiя. Ошибки послѣднихъ обманчивѣе, но наружность благороднѣе. Онѣ удаляются въ какойнибудь уединенной по собственности храмъ, и весь окружающiй ихъ народъ стекается толковать ихъ короткiе и

нѣскольکو времени выжидаемые отвѣты. Рѣдко бываетъ, чтобъ онѣ сами выспавляли пророческіе дары, которыхъ себя объявляютъ хранительницами. Возсѣвши на треножникъ свой, Самосская Сивилла кажется вмѣстѣ и жрицею и богинею; черты ея физиогноміи открываютъ сверхъестественный ея характеръ; чему способствуетъ мрачность мѣста, освѣщаемого слабымъ свѣтомъ лампы. Наболѣе же Сивиллы привлекаютъ къ себѣ благосклонность народа тѣмъ, что ихъ очень мало, и что онѣ весьма рѣдко занимаютъ настоящею ихъ должностію.

Харонъ. Наставникъ нашъ! одинакихъ ли ты мыслей, что жрецамъ это извѣстнѣе, нежели Государямъ?

Пивагоръ. Выключая только Римскаго Тарквинія, который, кажется, знаетъ до основанія науку тиранніи. — Юные друзья мои! разсмотрѣли ли вы его внимательнѣе? Этого человѣка погруженъ въ злодѣйствахъ. Это другой Фаларидъ. Посмотримъ, сколько ли къ нему расположенъ Римской народъ, сколько Агригентской?

Толографія Рима. Тиранство Тарквинія.

Я просилъ показать мнѣ таблицы, на которыхъ Анкъ Марцій приказалъ вырѣзать законы Ромула и Нумы. Онѣ были выставлены на публичномъ мѣстѣ: законодатель имѣлъ въ виду свое намѣреніе. Намъ сказали въ полголоса, что Тарквиній приказалъ ихъ снять и разбить, опасаясь, чтобы онѣ когда-нибудь не возбудили поднять противъ него оружія. На одной изъ таблицъ было начертано: „Законъ утверждаетъ совершенное равенство между всѣми, между богатымъ и бѣднымъ, между простолюдимами и Паприціями. Относительно до правосудія, народъ останется въ такомъ же положеніи, въ какомъ и Сенатъ. . . .“ „Жертвы должны быть приносимы вообще безъ различія чистоты, . . .“ — Увы! всѣ древніе наши законы перемѣнены и уничтожены. Они уступили мѣсто самопроизвольнѣйшей власни, и Римъ не осмѣливается ропсать. Граждане довольствуются тѣмъ, что тайнымъ образомъ призываютъ боговъ въ томъ храмѣ, ко-

порый Сервій Туллій, изъ невольника сдѣлавшійся Государемъ, посвятилъ *Кротокой Фортунѣ* сѣ пѣмъ, чтобы напоминать всему народу, что самыя малыя причины производятъ величайшія дѣйствія. Думаютъ, что сей мѣдной колоссъ, который пятититъ столько Римъ, и у котораго можетъ быть только одинъ глиняныя ноги, падеиъ отъ перваго удара.

Знаете, прибавили намъ, что Фортуна есть одно изъ пѣхъ божествъ, кои въ Римѣ находятся въ великомъ богопочтеніи. Чужеземцы! спѣшите къ олтарямъ ея; она также покровительствуетъ путешественникамъ; она предохраняетъ ихъ отъ всякаго злополучія.

Намъ разсудилось лучше осмотрѣть насыпи, которыя сѣ нѣкотораго уже времени называются Тарквиніевымъ именемъ, потому что выстроены по его повелѣнію, чтобы прикрыть городъ сѣ востока. Равняясь вышиною сѣ самыми сѣбнами, онѣ могутъ безъ вреда выдерживать сильнѣйшіе удары бараана. Онѣ лежатъ при рудокопной пропасти, которая принимая въ себя каналъ, дѣлаетъ сно фушовъ ширины и тридцать глуби-

ны. Сей огромный валъ въ длину простирается на семь стадій, въ ширину на 50 фушовъ. Сѣ сей стороны и безъ намѣренія защищать себя, Риму принуждено было предпринять на себя сѣ столь полезное строеніе, которое укрѣлено еще многими башнями, не въ большомъ одна отъ другой разстояніи. Туллій, начавши укрѣпленіе сѣ, былъ далековъ отъ той мысли, что преемнику своему доставляетъ новый родъ наказанія. Тарквиній свергъ въ ровъ большое число гражданъ только за то, что они показались ему подозрительными. Несчастный, шерзаемый сперва лозонами Ликтора, медленно издыхалъ въ ужасныхъ мученіяхъ между трупами другихъ, кои собственными руками убивали себя, чтобы избавиться отъ несносной работы, требуемой отъ нихъ Государемъ. Противниковъ сихъ Тарквиній приказывалъ вѣшать и лишать надлежащихъ похоронъ.

Насъ хотѣли увѣрить, что гордый *свидовникъ* (травяное произрастеніе), находящійся во внутренности сѣбнихъ, ничто иное есть, какъ превращившійся дротикъ, пущенный Ромуломъ сѣ Авеншинской горы для гаданія. Основа-

пель Рима сдѣлалъ еще нѣчто чудеснѣе и для славы своей продолжительнѣе. — Впрочемъ какъ прекрасное сіе дерево увѣшано было цвѣточными священными гирляндами, то мы поступили бы несправедливо, есшлы бы прошли мимо, не принеши надлежащаго почтенія. — Оно споитъ при входѣ въ священную рощу, которую Ромулъ давалъ убѣжищемъ другимъ, намѣреваясь ускорить населеніе возникающаго города.

Римъ уже готовъ вступить на степенъ соперника Греціи. Два Тарквинія украсили городъ сей Амфитеатромъ, который безъ сомнѣнія когда-нибудь сравнится можетъ съ Амфитеатромъ Пизы, служащимъ для него моделью. Ромулъ назначилъ для него мѣсто, которое посвятилъ онъ Солнцу, въ сосѣдственности Марсова поля, открытаго Маркомъ Анціемъ. Амфитеатръ сей, служащій вмѣстѣ и площадью, различествуетъ отъ Олимпійскаго тѣмъ, что долженъ представлять изъ себя нѣкоторымъ образомъ литеру V (1), славную въ нашей Школѣ. Любезные ученики мои!

(1) L' V. Dionis. Halic. III.

уже тамъ производимы были борьбы и конскія ристанія. Сенаторы занимали деревянныя мѣста, построенныя на собственномъ ихъ иждивеніи, въ верьху круговыхъ рядовъ, назначенныхъ для простонародной черни и укрытыхъ занавѣсками. Но камень и мраморъ безъ сомнѣнія будутъ составлять нѣкогда зданіе, столь скромное теперь для Римскаго народа. Геркулесъ и Венера имѣютъ въ немъ олтари свои. Съ нѣкошорато времени уже занимаются здѣсь украшеніями; но это происходитъ отъ негодованія и отчаянія.

Здѣсь, такъ какъ и при строеніи Капитоліи, Государь почелъ нужнымъ подать ужасные примѣры для удержанія рукъ самоубійцъ. Нѣсколько разъ находили мы трупы людей, удавленныхъ на висѣлицѣхъ и служащихъ пищею плошоднымъ пшицамъ.

Государь Тацій взялъ другія мѣры для поддержанія бодрости работниковъ. Онъ сдѣлалъ то, что въ подземельѣ найдено было ими изображеніе богини негистотъ (1), и такимъ образомъ

(1) Лактан. I. 20. Dionys. Halic. in sloacia, sloacina.

чего не могла сдѣлать общая польза, то довершало одно суетворіе. Художники, почтенные присутствіемъ богини, спѣшили окончить сіе прекрасное зданіе, которое готовило для Рима безсмертную славу.

Скоро оставили мы это отвратительное зрѣлище, поспѣвая осматривать разные части во внутренности самого города. Чувство страха и робости вездѣ встрѣчалось намъ. При концѣ каждой улицы, на всѣхъ распутияхъ, вдоль каждой дороги, оканчивающейся при дворцѣ, стояла стража. Намъ не лзя было останавливаться, потому что всякой разѣ кричали намъ: *спустайте своєю дорогою!* На дорогѣ встрѣтилась намъ печальная свита одного Сенатора, котораго вели на казнь. „Въ чемъ виновенъ онъ?“ спросилъ молодой Абарисъ у женщинъ, кои шли возлѣ него. — Преступленіе его, сказала намъ одна изъ нихъ тихимъ голосомъ, состоитъ въ томъ, что онъ богатъ, или лучше сказать, что онъ подалъ Сенату голосъ прошивъ Государя. . . . Темница, выстроенная Государемъ Анкомъ, не довольна будетъ помѣстити въ себѣ столько гражданъ,

кои ни въ чемъ невинны, и копорыхъ ожидается равная участь.

Плачевное и возмущительное зрѣлище поразило насъ. Крикунъ громко произнесъ сіи слова: „Граждане! оставьте преступника извергать клеветы противъ „нашего Государя.“ Вскорѣ между двухъ рядовъ драбантовъ увидѣли мы несчастнаго, почти всего обнаженнаго. Тѣло его было избѣчено и обатрено кровію. Онъ едва могъ идти. Стража заставляла его влечь съ собою поносное дерево, на которомъ онъ долженъ былъ испустить духъ свой. На лицѣ его было накинута покрывало. Стража провожала его въ города на одинъ приговоръ. Тамъ привязали его ко кресту веревками подъ плеча и черезъ ноги. По особенной благосклонности приставниковъ, онъ не былъ преданъ продолжительнымъ мученіямъ. Для ускоренія смерти ему переломали ноги (*). Мы узнали, что жестокое сіе наказаніе вошло въ употребленіе въ Латіумъ со времени царствованія Туллія Гостилія. Поспѣшными шагами удали-

---

(*) Колесованіе, перешедшее изъ Германіи во Францію, родилось въ Римѣ.
Часть VI. II

лись^{ше} опѣ сего плачевнаго мѣста, но для того только, чтобы встрѣтиться съ Тарпенскимъ утесомъ, обограннымъ кровію другихъ жертвъ Таркевинія, который хвалился примѣромъ Ромула, изобрѣшшаго сей родъ наказанія въ Римѣ.

Я поспѣшалъ къ дворцу Гостилія, гдѣ Государь сей построилъ мѣсто собранія для Сената. Остановившись при выходѣ Сенаторовъ, по пурпуровымъ одеждамъ могъ легко отличать ихъ отъ всѣхъ прочихъ. Они показались мнѣ не инымъ чѣмъ, какъ шрема сошнями первыхъ подданныхъ Римскому Государю.

Дошедши до того мѣста, гдѣ бываетъ Гербаговъ рынокъ, другая картина поразила наши взоры. Вокругъ деревянной пиластры (*) толпилась куча натиыхъ дѣшей, кои всѣ, какъ бы по инстинкту, старались возбуждать въ прохожихъ сожалѣніе. Это были жертвы родительской безвѣчности и общаго бѣдствія. Родственники сихъ несчастныхъ дѣшей выносили ихъ для того на дорогу,

(*) После мѣсто сіе означено было столбомъ, названнымъ такъ; *columna lactaria* (млечной столбъ).

чтобы бесплодные женщины сжалились надъ ними, и усыновляли ихъ. Матери сихъ новорожденныхъ производили на свѣтъ ихъ, безъ сомнѣнія будучи принуждены къ тому мучительными обстоятельствомъ, въ которыхъ онѣ находились. Мы заплашили напередъ многимъ кормилицамъ для спасенія жизни дѣшей, изъ которыхъ многіе не дожили бы и вечера. Вотъ плоды Государственнаго образованія!

Сіе шрогашельное зрѣлище менѣе поразило насъ въ Вавилонѣ. Такіе предметы должны дѣлать контрастъ съ роскошью богатаго города. Но Римъ, котораго дома, покрытые деревянными кровлями (1), означаютъ только крошечную посредственность богатствъ ихъ, казалось, не долженъ бы былъ представлять собой шрогашельнаго соблазна.

Мы вошли на Тарпенской утесъ. Тысяча рукъ работаютъ здѣсь надъ основаніемъ храма Юпитера Капитольскаго, безъ котораго Римъ могъ бы обойтись, имѣя олтарь Юпитера *Иниенпо-*

(1) Дошаными или драгичными. Плут. *Ист. Нат. XVI. 10.*

ра (*), возмущенный Геркулесомъ. Шъ-
 лыя роты иностранныхъ солдатъ пону-
 ждали работу грубымъ обхожденіемъ
 съ работниками. Въ глазахъ нашихъ шрое
 молодыхъ Римлянъ жестоко были нака-
 заны палочными ударами за то, что
 ушомившись отъ усталости, опдыхали
 подъ нѣбью, играя въ одну игру мѣд-
 ными деньгами, которыя нѣкоторымъ
 образомъ представляють лице Януса и
 корабль, на которомъ находился Сатурнъ,
 прибывши къ Авзонійскому берегу. Янусъ
 называется первымъ изобрѣшателемъ сей
 грубой и тяжелой монеты.

Ропотъ и злословія вылетали изъ
 устъ каждаго работника. Внезапное при-
 существіе Государя принудило замолчать
 всю толпу. Грозный и пасмурный видъ
 его устрашилъ всѣхъ гражданъ. Сквозь
 густой лѣсъ копій, которыми онъ всегда
 бываетъ окруженъ, мы едва могли оп-
 лывши его отъ шолпящихся около его
 доносчиковъ и палачей. Туллія сопро-
 ждала его. Харондъ, желая болѣе
 увѣриться, подошелъ къ одному Римля-

(*) Онъ существовалъ еще во время Ав-
 густа возлѣ Тригелланскихъ воротъ.

нину, простому зрителю, такъ какъ и
 мы, и спросилъ его: не Царица ли это,
 которую примѣчаю я по правую руку
 Государя?

„Безъ сомнѣнія, это она, отвѣчали
 намъ. Не уже ли не узнаете вы ее по
 пурпуровой манши, прижды обогрениой
 кровію отца своего?“ — Одна женщина по-
 дошла къ намъ и указала статую Анге-
 рона, который положилъ перстъ на уста
 свои: это Римской Гарпократъ. Всѣ по-
 няли слова сіи и замолчали.

Мы не могли измѣрить храма Юли-
 перова. Тарквиній одинъ занималъ насъ.
 Я разсматривалъ внимательными глазами
 его значительную физиогномію. Этотъ
 человекъ, казалось мнѣ, долженъ жить
 по крайней мѣрѣ столько же (*), сколь-
 ко Нума и Сервій Туллій (**). Между
 тѣмъ какъ съ Этрускою своею архитек-
 турою выдумывалъ онъ новыя украше-
 нія, получилъ письмо отъ своего сына,
 которое пребывало скорого отвѣта. Госу-
 дарь Рима вышелъ изъ палаты въ садъ,
 и прущикомъ, который носилъ въ рукѣ

(*) Тарквиній жилъ 90 лѣтъ. Лукіанъ.

(**) Они жили по 80 лѣтъ. Лукіанъ.

своей (*), сбѣжалъ маковыя головки, выросшія выше травы, сказавши послу: „Разскажи сыну моему все, что я сдѣлалъ въ глазахъ твоихъ.“

Послѣ того мы узнали, что Секстъ, самый младшій изъ сыновъ Тарквинія, напавши хитрымъ образомъ на верховную власть въ Габіенскомъ городѣ, спрашивалъ у отца своего, какъ должно поступать съ теми, коихъ гордыя чувствованія прудно склонить подъ иго свое? Въ слѣдствіе Тарквиніева совѣта, который ничто иное былъ, какъ напоминаніе того, который далъ Тразибуллъ Періандру, Секстъ утвердилъ, кровію трагическою, заключенный съ городомъ Габіенсомъ. Онъ самъ принесъ Римскому Государю оригиналъ его, написанный на воловьей кожѣ, растянутой на щитѣ. Тарквиній сколько же былъ щеславенъ, сколько и самолюбивъ: одно рѣдко бываетъ безъ другаго. Онъ хотѣлъ присоединить имя свое къ великимъ памятникамъ, которые гораздо продолжительнѣе, нежели слава какой-нибудь побѣ-

---

(*) *In Exquilis*, Эсквилинская гора; нынѣ церковь Святаго Лавренція.

ды. Двое триумфальныхъ воротъ, воздвигнутыхъ въ честь Ромулу, возбуждали его щеславіе (*). Это одно побудило его украсить Римъ гордыми зданіями, распространивши предѣлы свои жестокими набѣгами. Личная его безопасность требовала отъ него всѣхъ сихъ занятій. Онъ чувствовалъ, сколь опасно оставлять угнѣбшаго народъ въ праздности. Война, — чтобы воспрепятствовать чрезмерному размноженію людей, и пятоспные пруды во время мира — воиъ въ чемъ заключалась вся политика Тарквинія! Предпріятія, столь же важныя какъ и храмъ Юпитера Капитолинскаго, обширный Амфитеатръ, прекрасныя пруды, уже исощили богашую добычу, похищенную у Вольсковъ въ Свессѣ, и у Сабинянъ въ Фиденѣ, такъ какъ и таксы наложенныя на весь народъ, и грабительство несчетнаго числа гражданъ, умерщвленныхъ неправосуднымъ образомъ или сосланныхъ въ ссылку. Римъ, наполненный одними художниками, пожралъ

(*) Слѣды сего зданія примѣтны еще между Сенш - Марією де Греція и Сенш - Марією де Инферно.

доходы трех Государств. Государь однакожь скупо раздавал жалованье; едва прокармливал онъ бѣдныхъ работниковъ, все еще приверженныхъ къ домамъ своимъ. Хижина Ромула, которая хранилась доселѣ, менѣ трудовъ стоила вельможамъ Римскимъ. Тарквиній рѣшился открыть новый походъ, который былъ шѣмъ тягостнѣе, что всеобщее недовольство, дошедши до послѣдней степени, готово было выдти наружу. Онъ обратилъ оружіе свое противъ Рутуловъ; не пустивъ напередъ Феціаловъ, прямо пошелъ на Ардею, обѣщая войскамъ своимъ богатую добычу. Мы видѣли, какъ онъ выступалъ впередъ арміи своей и прощался съ Туллию. „Государыня! говорилъ онъ ей предъ всѣми, въ нѣсколько времени мы возвратимся къ вамъ, и вы увидите насъ обремененныхъ лаврами и сокровищами. Римъ, котораго одна слава занимаетъ меня, трудится спокойно, и не останется ко мнѣ благодарнымъ. Я заставлю его согласиться, что ни одинъ Государь его не былъ столь великъ, какъ Тарквиній.“ Между тѣмъ какъ проходилъ корпусъ арміи, которымъ онъ самъ командовалъ,

далъ замѣнить я двумъ моимъ товарищамъ одно особенное обыкновеніе. Нѣсколько невольниковъ, слѣдовавшіе за нимъ, были вооружены дубинами, коими бросаютъ въ непріятеля. Слуга подаетъ потчасъ господину своему новую дубину, коль скоро послѣдній броситъ вервую въ непріятеля. Римскіе солдаты присвоили себѣ Сабинскіе шипы, кои прежде похожи были на Арголическіе.

За нѣсколько дней до отбѣзда, Тарквиній, намѣреваясь открыть всю власть свою, захотѣлъ дать Римскому народу на амфитеатрѣ зрѣлище игръ во всей красотѣ ихъ. Пышность сія, скрывавшая въ себѣ болѣе политику, нежели соблюдение священныхъ обрядовъ, не могла плабнѣть шѣхъ, кои были зрителями Олимпійскихъ игръ; но она должна была произвѣсти важное дѣйствіе въ духѣ гражданъ такого города, который хочеть присвоить себѣ скипетръ всей Авзоніи. Мы пустились въ дорогу по слѣдамъ свины сей, которой одинъ только Дворъ Государя придавалъ блескъ и ужасъ. Тарквиній на сей разъ не забылъ ничего для украшенія толпы своей.

Чиновники, на которых возложена была должность устраивать порядок, открыли шествие. Они предшествуемы были Спурием - Лукрецием, которого Тарквиний на все время похода наименовал правителем Рима. Военские чины следовали за ними. Далее проходило Римское Дворянство. Юные патриоты сии, служащие более подпорою трону, нежели Отечеству, гордо сидели на богато убранных лошадях. Толпа молодых простолюдимов и вся армия следовала за ними пешком. Сии последовали коляски о 2 и 4 хв лошадях, беговые лошади с своими жоками и всадниками. Потом шли медлительным шагом при опрѣдѣленнѣхъ Аплетовъ, кулашныя бойцы, борцы и бѣгуны, кои были все наги, кромѣ того, что сѣ половины туловища до колѣнъ прикрыты были некотораго рода покрываломъ. Далее проходили группы танцовщиковъ, прыгуновъ, волшижеровъ, которые все дѣлали изъ себя видъ Греческихъ Сатириковъ. Они сопровождаемы были музыкантами, игравшими на корошнѣйшей флейтѣ некотораго рода, и легкой семиструнной лиры.

На нѣсколько разстоянїя, шли нижше служители Религїи сѣ маленькими золотыми, серебряными и другими металлическими коробочками, наполненными ладаномъ и различными благоуханїями. Они предшествовали Фламинамъ и Камилламъ обою пола. Сии послѣднїе несли на головахъ своихъ прекрасныя коробочки, хранящїя въ сѣбѣ священныя вещи. Позади ихъ шли другїе служители, помощники предвозвѣщателей и гадашелей, смотрители за священными куропатками; женщины, начальствующїя при пышныхъ похоронахъ; предвозвѣщатели праздниковъ, назначатели жертвъ, жертвозакалатели, жрецы и дикторы сѣ жертвенными своими инструментами. Они вели воловъ, коровъ, барановъ и другихъ животныхъ, которыхъ должно было приносить въ жертву, и кои все покрыты были священными гирляндами. Другїе несли священные сосуды, чаши, подсвѣчники, треножники и кропила. Наконецъ шли сѣ важностию жрецы всѣхъ коллегїй, предводительствуемые своими верховными Жрецами, изъ которыхъ Государь былъ первымъ и главнѣйшимъ. Каждый изъ нихъ держалъ въ рукѣ

сливную вшивъ, а на головѣ нѣкоторый родъ Персидской шапры наподобіе шапка. Царская фамилія окружала Вождя своего. За нею слѣдовали Сенаторы, Правители и Судьи, сопровождаемые ликпоразы, вѣстниками и большимъ количествомъ другихъ офицеровъ. Тарквиній Гордый умѣлъ отличить себя толпою воиновъ, осыпанныхъ непріятельскою добычею. Процессъ сей можно было назвать нѣкотораго рода торжествомъ Римлянъ.

Мы отказались быть зрителями игръ на амфитеатрѣ. Намъ предупредили, что онѣ гораздо жесточе, нежели Олимпійскія. Кровь течетъ здѣсь рѣкою; весь песокъ бываетъ обогрѣнъ кровавыми струями. Плачевное слѣдствіе пышной наружности!

Дѣти Тарквинія пошли напередъ его въ поле подъ Ардеєю. Едва могъ онъ имѣть свободнаго времени, чтобы соединить ихъ вмѣстѣ. Между тѣмъ Римъ совсѣмъ перемѣнился. На другой день Тарквиніева ошѣзда мы хотѣли обойти вокругъ стѣнъ, но остановлены были однимъ изъ важныхъ происшествій, которое Исторія должна хранить вмѣсто урока всѣмъ народамъ и Государямъ.

Революція въ Римѣ. Лукреція Бруль.

Мы выходили изъ Рима по Коллашинской (*) дорогѣ, какъ вдругъ увидѣли толпу гражданъ, которая медленно приближалась къ городу. Ворошты потчасъ заключились передъ нами и ими. Два Герольда впереди прубили въ воловій рогъ, обдѣланной наподобіе прубы. Сквозь толпу мы не могли примѣнить главной цѣли сего возмущенія; но казалось, что оно не совсѣмъ общало хорошее. Граждане шли прямо къ публичному мѣсту, на Марсово поле; крикунъ повторялъ часто слова сіи: „Граждане Рима и областей его! Трибуны призываютъ васъ!“

Вся площадь вскорѣ наполнилась. Мы допущены были на нѣсколько шаговъ отъ Трибунала, гдѣ произносимы были всегда рѣчи. Ораторъ возшелъ на него, держа въ рукѣ мечъ, обогрѣнный кровію. Передъ нимъ на бланкардѣ (***) лежало

(*) Коллашина, нынѣ Пинсіана.

(**) Нѣкоторый родъ шелѣжки, на которой больныхъ и мертвыхъ возящъ.

мертвое тѣло, покрытое окровавленною одеждою. Какъ скоро каждый занялъ мѣсто свое, тогда началась слѣдующая рѣчь:

„Римляне! нѣсколько времени Трибунъ вашъ Юній, прозванный Брутомъ, показывалъ себя хладнокровнымъ и нечувствительнымъ. Пришла минута, въ которую должно показать свою мудрость. Чтобы найти свободный случай отмстить смерть моего родителя и избавить мое отечество, до сихъ поръ мнѣ должно было имѣть на себѣ прищворный видъ и не открывать въ себѣ ничего, что могло бы очернить ревниваго и подозрительнаго ширанна. Римляне! священный Оракулъ уполномочилъ меня предстать къ вамъ. Вы знаете, что Тарквиній, усраженный внезапнымъ видѣніемъ змѣя, бросившагося изъ одной колонны храма, не только вопрошалъ о предзнаменованіи семъ Тосканскихъ боговъ, но и совѣтовался съ Дельфійскою Пифіею.“

„Два сына Тарквинія, на коихъ Государь возложилъ посольство сіе, приняли меня своимъ сопутникомъ. Они презирали меня болѣе, нежели чтобъ думали спрaшиться во мнѣ своего соперника.

По примѣру ихъ я также хотѣлъ пожертвовать чѣмъ-нибудь великому Аполлону. Я посвятилъ богу одинъ даръ, который, не оставивши никакого подозрѣнія, еще болѣе утвердилъ ихъ въ моей глупости, которую во мнѣ подозрѣвали. Это былъ посохъ мой; но грубая кора сія скрывала золотой шрубъ. Вотъ слова Оракула:

„Юные Вельможи! первый изъ васъ, кто обниметъ мать свою, будетъ благоденственъ въ Римѣ.“

„Уже оба сыновья Тарквинія готовились наперерывъ спрeмиться въ объятія Тулліи, какъ нечаянно оступившись, я вспомнилъ о землѣ. Римляне! это наша общая мать; и такъ слова Оракула относятся только ко мнѣ и вамъ. Увы! ужасное происшествіе, которое я начну вамъ, оправдываетъ Оракулъ Пифіи. Римляне! внимайте мнѣ. Вамъ извѣстны всѣ добродѣтели Лукреціи, рожденной въ стѣнахъ вашихъ отъ Лукреція, правителя сего города, супруги Коллатина. Ея добродѣтели прославлены въ Коллатіи. Но, ахъ! женщина сія, примѣръ и слава Латіума — здѣсь лежитъ повержена! Она заколола себя собственными рука-

ми (*) въ глазахъ отца своего и супруга. Римляне! вижу въ глазахъ вашихъ нетерпѣливость узнать причину, побудившую ее къ такой крайности. Вотъ она! . . . Лукреція не могла пережить безчестія своего; она хотѣла наказать сама себя за злодѣйство, совершенное надъ нею однимъ подлымъ и гнуснымъ извергомъ. . . .“

„Вы хотите узнать имя его? и какъ вы не угадаете? — имя его не ищите болѣ нигдѣ, кромѣ фамиліи Тарквинія. Такъ! преступникъ есть одинъ изъ сыновъ нашего Государя — это Секстъ. Римляне! вы могли бы сомнѣваться; но выслушайте послѣднія слова добродѣтельной и несчастной Лукреціи. По происшествіи той ужасной ночи, когда Секстъ на супружескомъ ложѣ похитилъ честь ея, Лукреція призвала своего отца, супруга и друзей. Мы всѣ поспѣшили къ ней, опасаясь въ здоровьѣ ея. Нѣтъ! сказала она, у меня похищено нѣчто драгоценнѣйшее. Коллатинъ, у

(*) Въ Флорентскомъ Музеумѣ хранился драгоценный камень съ изображеніемъ сего достопамятнаго происшествія.

тебя нѣтъ болѣе супруги. Въ эту ночь одинъ изъ Тарквиніевъ нарушилъ права твои. Общайтесь мнѣ всѣ отменіишь кровь мою!“

„Съ сими словами она поражаеиъ себя кинжаломъ, который нашла подъ платьемъ, и падаетъ къ ногамъ нашимъ мертвою. Семейство ея все въ слезахъ. „Нѣтъ! сказалъ я, вынимая желѣзо изъ раны, Лукреція не однихъ слезъ требуетъ отъ насъ. Съ этимъ орудіемъ клянись всѣ со мною невинною кровію омытъ поношеніе Лукреціи въ крови Тарквиніевъ.“

„Съ кинжаломъ въ рукахъ принесли мы сію клятву. Намъ не возможно не исполнить своего обѣща. Передъ лицомъ всего Римскаго народа мы пришли сюда возобновить его. Свидѣтельствуюсь безсмертными богами, покровителями Рима — и огонь и мечь — употреблю все, чтобы изгнать Тарквинія Гордаго и все его злодѣйское потомство. Сколько силъ моихъ достанетъ, не потерплю, чтобы потомокъ отъ крови его, какой бы онъ ни былъ, царствовалъ когда-нибудь въ Римѣ. Граждане! примите мою клятву и соедините съ нею свою, еспли каж-

дой изъ васъ произъенъ шеперь одинакимъ ужасомъ и омерзѣнiемъ къ злодѣямъ.“

Тысяча соединенныхъ голосовъ произнесли на мѣстѣ собранiя слово: *клянemся!* По нѣкоторомъ молчанiи Юнiй Брушъ оваяль началъ шакъ:

„Граждане! я созвалъ васъ на мѣсто сіе не для однѣхъ только личныхъ выгодъ Лукреціиной фамиліи. Хотя оскорбленіе, нанесенное добродѣтельнѣйшей изъ женщинъ, есть злодѣйство, нарушающее святыя законы общества; но меня еще оживляютъ важнѣйшія мысли, которыя должны возбудить васъ принять мою сторону. — Что сдѣлался Римъ со времени царствованiя Сервія Туллія? — Если вы сами не прилично судить о себѣ, то спросите сихъ почтенныхъ спранныхъ, пришедшихъ обозрѣвать наше Государство; спросите сего Фивскаго жреца (*), который стоить возлѣ Трибунала. Пусть скажетъ онъ намъ, въ продолженіе путешествiя своего видѣлъ ли онъ хотя одинъ городъ, которой бы болѣе нашего уподаль въ порокахъ.

(*) Шнеаторъ слушаетъ рѣчь Юнiя Бруша.

Въ нѣсколько лѣтъ мы неоднократно были свидѣтелями и жертвою ужасовъ. Не видѣли мы поносной сцены, когда осмидесятилѣтняго спарика свергнули съ прона, влекли за сѣдые волосы изъ Сената и оставили полумертвымъ на крыльцѣ палаты его, обогренномъ собственною кровію? и кто былъ эпошъ честолубивый злодѣй? — Тарквинiй Гордый (*). Для чего не ждалъ онъ нѣсколько времени? Мудрый, но несчастный Сервій Туллій думалъ уже самъ собою отъ короны отказаться. Такъ, Римляне! утвердивши шашіе свое, онъ возвратилъ вамъ независимость. Напротивъ того Тарквинiй похишилъ ее у народа, поругался надъ священнымъ полемъ, которое предки наши посвятили богу Марсу. Римляне! возвратимте нынѣ опять сію священную и общую собственность. Не видѣли вы тогда же, какъ дочь угрожала смертію правившему колесницею ея за то, что сей послѣдній не хотѣлъ переѣхать колесомъ чрезъ шѣло ошца ея, почти из-

(*) Вель называетъ его не только шираннымъ-правителемъ, но и шираннымъ злоупотребленiя.

дыхающего — и кто был это чудовище? — Туллия (1), жена Тарквиния! и какое мѣсто осквернено было симъ неслыханнымъ злодѣніемъ? Середина всего города, одно изъ публичныхъ мѣстъ между храмомъ Солнца и храмомъ Луны, посроенныхъ добродѣтельными и несчастнымъ Сервіемъ Тулліемъ. Боги, покровительствующие намъ, попустили злодѣйство сіе для того, чтобы мы получили славу отплативъ его.“

„Столь ужасные начатки царствования не общали хорошихъ успѣховъ. Тарквиній къ личнымъ злодѣянамъ своимъ присоединилъ и общезвѣстныхъ. Римъ наполненъ сталъ одними доносчиками и ссылочными. Новый Монархъ поступалъ съ нимъ также, какъ жестокой побѣдитель поступаетъ съ сдавшимся городомъ. Въ немъ не было болѣе гражданъ; мы не инымъ чѣмъ казались, какъ стадомъ рабочаго скота, которое Тарквиній день и ночь принуждалъ къ

(1) Туллия, жена Гордаго Тарквинія, приказала чепыре раза проѣхать колесомъ черезъ шѣло отца своего. Ferrand de Bez, Parisien. *Epitres heroïques amouzeuses*. 1579.

работѣ, и при томъ кормилъ мало. Граждане Рима наказываемы были палочными ударами, также какъ и подлые невольники. Тарквиній позволялъ себѣ такой родъ поступковъ, до него еще намъ неизвѣстный.“

„Римляне! вотъ въ какомъ состояніи мы были вчера, и какими можемъ и должны быть сѣ нынѣшняго дня; пусть заключатся права Рима и не ошверзуются для Тарквиніевъ. У насъ есть Сенашь и законы, и чего нужно намъ болѣе? чего должно опасаться намъ? Вышніе непріатели сдѣлаютъ ли намъ сколько зла, сколько произведъ нашъ внутренній врагъ? Наша сторона права; чужіе народы будутъ къ намъ справедливы.“

Юлій Брутъ не могъ и не имѣлъ нужды продолжать рѣчь свою. Она прервана была множествомъ голосовъ, произносимыхъ вмѣстѣ: *нѣтъ болѣе Тарквиніевъ, да будутъ они изгнаны! — Трибунъ! собирай голоса!*

Всѣ граждане сами собою раздѣлились на Куріи, изъ которыхъ каждая подходила къ урнѣ, и клала свой ошвътъ, которые всѣ были согласны. Съ ссей минуны началась революція. Рим-

ская Монархія превратилась въ республику. Брутъ предложилъ народу назначить двухъ погодныхъ Правителей подъ именемъ *Консуловъ*. Онъ самъ съ супругомъ Лукреціи избраны были къ вышшимъ должностямъ симъ (*).

Туллія могла удалиться отъ города, поспѣвая достичь Тарквинія. Женщина сія едва удостоена была отъ гражданъ обороны.

Мы отдалились въ сторону, чтобы сообщить другъ другу мысли. Абарисъ и Харонъ не переставали удивляться споль нечаянной перемѣнѣ.

Юные друзья мои! сказалъ я имъ, одинъ сдѣлалъ все. Подивимся всей силѣ Генія и могуществу добродѣтели! Видишь, какъ медленно прогаеяся толпа гражданъ, оставленныхъ самимъ себѣ; какъ она лѣнива, робка и унижена. Подлинно, одинъ взоръ на такую дочь, которая хотѣла раздробить колесомъ трупъ шрепещущаго отца своего, можетъ поселить ужасъ и произвешъ возмущеніе.

(*) Вотъ текстъ перваго сего Конституціоннаго закона: *Regio imperio duo sunt.*

Одно повѣствованіе приводимъ въ предѣлахъ! Это ужасное зрѣлище произошло предъ глазами самаго Римскаго народа, и народъ сей смотрѣлъ на него безъ ужаса? священное негодованіе не овладѣло ими? Надобно было напомнить гражданамъ права ихъ, должность и силу. Оскорбленіе Лукреціи не можетъ равняться съ жестокимъ поступкомъ, учиненнымъ Тулліею; и это происшествіе имѣло свидѣтелями своими цѣлый городъ и самое солнце, и наконецъ сдѣлалось причиною возмущенія — но безъ Брута оно осталось бы недѣйствительнымъ; безъ Брута Лукреція не имѣла бы никого защитникомъ своимъ, кромѣ Сервія. Большая часть гражданъ не примѣшила бы злодѣянія. Тарквиній довольно хорошо зналъ подданный себѣ народъ, но не такъ много недовѣрялъ Юлію. Какія послѣдствія должно извлечь намъ изъ сего рѣдкаго происшествія, котораго мы были свидѣтелями? Въ каждомъ обществѣ необходимо должно быть нѣсколько людей, которые бы внимательно смотрѣли на все вокругъ ихъ происходящее, умѣли бы скрывать и выславлять себя въ нужныхъ случаяхъ, беречь

себя къ тому времени, когда цѣлое общество прѣбуеиъ какого-нибудь Генія, чтобы предохранить себя отъ паденія, возвратиться къ законамъ порядка, къ основаніямъ правосудія, къ общественнымъ добродѣтелямъ, и вообще, чтобы освободить отъ рукъ управляющаго имъ тирана, въ то время, какъ остается оно безъ руководителя.

Другое не менѣе важное послѣдствіе есть то, что для уничтоженія тиранніи, продолжающейся наслѣдственнымъ порядкомъ чрезъ нѣсколько лѣтъ, нужно воспользоваться способною къ тому минутою. Тарквиній очернилъ всѣми пороками, которые между тѣмъ всѣ оспавались безъ наказанія. Гордо и безопасно шоржествовалъ онъ надъ Римскимъ и окружавшимъ его народомъ. Римъ, казалось, уже привыкъ къ несносному игу, подобно какъ въ несносныхъ странахъ постепенно привыкаемъ мы къ жестокимъ климатамъ; упомившись злодѣйствами Правителей, онъ начиналъ усыпляться подъ тѣнію окровавленнаго шрона. Но одинъ мужъ бодрствовалъ между гражданами, усыпленными подъ тяжестію оковъ своихъ. Онъ примѣчалъ все, и ви къмъ

не былъ замѣченъ. Онъ воспользовался самою малою искрою и возжегъ великій пожаръ. Частную обиду представилъ онъ злодѣйствомъ противъ всего общества — говорилъ: народъ внялъ ему — Тарквиніи выгнаны, и Римъ остался свободнымъ.

Оспавимъ его утверждать свою независимость; время покажетъ, достоинъ ли онъ его.

XVI.

Юній Бруль и Пифагоръ.

Не выходя еще изъ Рима, пошли мы поздравить Юнія Брута. Намъ должно было дожидаться его до тѣхъ поръ, какъ онъ возвратился съ поля подъ Ардею, древнимъ городомъ, отстоящимъ отъ Рима на 160 стадій. Подходя къ нему, сказалъ я: Правитель Рима! прими нашу благодарность! ты доставилъ намъ прекраснѣйшее зрѣлище, зрѣлище всего народа, который проснулся отъ словъ одного мужа — патриота.

Брутъ. Я не одинъ былъ изъ Римлянъ. Валерій (*) и нѣсколько другихъ могли бы замѣнить меня. Пивагоръ! въ случаѣ нужды я положился бы на себя и двухъ своихъ соупниковъ (**). — Къ намъ пришли извѣстія изъ Агригенша. Возмущеніе происходило тамъ гораздо шуднѣе, нежели здѣсь. Тарквиній много походилъ на Фаларида; но за по Сицилійской народъ развращеніе и новѣе Лашіумскаго.

Брутъ прервалъ рѣчь свою, приглашая насъ къ столу: время ужина уже приближалось. — Онъ велѣлъ изготовить для насъ два столовые ложа; прешіе было назначено для него самаго и его супруги. Правила благоприсойности на блюдаемы были здѣсь очень строга. Брутъ почти лежалъ, опершись на спинку своего ложа (**); супруга его сидѣла

(*) П. Валерій, прозванный послѣ Публиколою.

(**) Цицеронъ говоритъ, что Пивагоръ былъ почти одинакъ лѣшь съ Брутомъ.

(***) Чернь садилась за столъ; но Государи, Члновники и Собаки Римскіе или почти а жа.

внизу при колбняхъ своего мужа. Небольшой круглой столикъ о четырехъ ножкахъ (*), весь изъ кленоваго дерева, стоялъ передъ нами; на немъ поставлено было одно блюдо, возлѣ котораго стояла раковина съ солью. Первое кушанье состояло изъ салата, за которымъ слѣдовали яйца, варенныя въ красной пинкшурѣ (**). Столъ кончился. Намъ подали рыбы и козьяго мяса, которыя были отосланы назадъ непочатыми. Мы не принимались за нихъ. Помомъ поданы были пироги, печеные изъ муки, масла и меду.

Сосуды были глиняные, но чистой работы и обдѣланы изрядною оправою.

Въ большомъ глиняномъ сосудѣ была чистая и свѣжая вода. Передъ каждымъ изъ насъ стояла цѣта, родъ нѣкошораго ковша, для почерпанія. Этотъ сосудъ, употребляемый Римлянами, весьма не большой мѣры. Въ Римѣ пьютъ воду и

(*) Эта особенность замѣчательна. Въ послѣдствіи времени столъ объ одной ножкѣ означалъ роскошь.

(**) *Ego ad ovum integram famem affero, говоритъ Цицеронъ. Discumbimus muscati dominus maturo oves caenam committit. Varron.*

всякіе напитки по немногу, по часто. Брутъ приказалъ подать намъ вина; но какъ скоро отказались мы, то и со-всѣмъ его не подавали.

Два Сирійскихъ невольника (*), об-наживши головы и сложивши на-крестъ руки, стояли у стѣны въ готовности по-виноваться повелѣніямъ своего Господина. Я примѣтилъ въ нихъ столько же къ не-му привязанности, сколько любви и по-чтенія.

Мы замѣтили, что Брутъ не прежде принимался за пищу, какъ принесши изъ нихъ нѣкоторую часть въ жершву до-машнимъ богамъ своимъ.

Хлѣбъ, который мы ѣли, былъ яе-ченъ и изготовленъ руками самой су-пруги Брута. Въ Римѣ, не шакъ какъ въ Вавилонѣ, нѣтъ людей, которые бы хлѣбами имѣли свою промышленность.

По окончаніи стола, за которымъ послѣдовалъ десертъ, состоявшій изъ прекрасныхъ плодовъ, Брутъ просилъ еупругу свою взять лиру, что испол-

(*) Большая часть Римскихъ невольни-ковъ были Сирійцы; и для того Syrus есть синонимъ слова *servus*.

нила она съ отменною любезною скром-ностію; потомъ удалилась, за нею по-слѣдовали оба невольника. Оставшись одни, Брутъ говорилъ намъ рѣчь въ сихъ словахъ:

„Римляне шеперь на той самой сте-пени, когда должно было мнѣ, для соб-ственнаго блага ихъ, ввести можетъ быть одно учрежденіе, соотвѣтственное всякому обществу. Пусть такъ и ос-танутся! послѣдній попомокъ Таркви-нія, царствуя на тронѣ, довершалъ гра-биль и раззорялъ невольниковъ роскош-ностію сироеній, развращеніемъ нравовъ, которыхъ пагубный примѣръ показывалъ онъ самъ на себѣ и своихъ придворныхъ. Я хочу почтить мудрые законы Нумы и особенно Сервія Туллія (1); соединю съ ними благоустройства по всей стро-гости воинской дисциплины, и тогда уже могу безопасно полагаться на будущее. Впрочемъ Римъ нѣсколько лѣтъ будетъ въ независимости, но сохранитъ добро-ту своихъ жителей. Онъ имѣетъ все

(1) Нума Помпиль, слово въ слово зна-читъ законодателя, сына Помпила. Desbrosses, *introd. à Salluste*.

нужное, чтобы сдѣлаться примѣрнымъ для всѣхъ Республикъ.“

Пифагоръ. Съ нѣкотораго времени въ этомъ можно сомнѣваться.

Брутъ. Я никогда не отчаявался. Ты не имѣлъ довольно свободнаго времени, чтобы узнать національные наши нравы. Повѣришь ли, Пифагоръ! Частный языкъ, который мы злоупотребляемъ въ Римѣ, не имѣетъ слова, которое могло бы выразить имя богини удовольствій?

Пифагоръ. Даже при дворѣ Тарквинія и Туллія? —

Брутъ. Да! . . . Наши законы, которыхъ у насъ мало, хороши и современемъ будутъ лучше — они написаны соотвѣтственно мѣрѣ и нуждѣ, — но опытъ усовершенствуетъ ихъ. Римскій народъ раздѣленъ былъ на два класса, богатыхъ и бѣдныхъ. Послѣдніе занимались только однимъ земледѣльствомъ и войною; прочіе роды промышленности предоставлялись иностранцамъ. — Одно изъ первыхъ средствъ, которыя послѣду я предпринимаю, есть — возвратитъ Риму древній законъ, ослабшій подъ царствованіемъ послѣднихъ Госу-

дарей, — законъ, который запрещаетъ коммерцію всякому вольному гражданину, и позволяетъ ее однимъ невольникамъ. Купцы не всегда бываютъ добрыми республиканцами — Со времени Ромуловыхъ, народъ самъ избиралъ себѣ Правителей, устанавливалъ законы, и утверждалъ гражданственные практы. Съ тѣхъ поръ каждый, хоть самый бѣдный гражданинъ, имѣлъ свою собственность, изъ двухъ мѣрѣ земли состоящую. — Мѣрою земли называемъ мы въ Римѣ пространство пашни, которое два быка могутъ вспахать въ одинъ день.

Пифагоръ. Этого мало для семейства.

Брутъ. Этого мало было бы въ Сициліи или Африкѣ, на поляхъ Афинскихъ, также и Спартанскихъ. Въ Римѣ можно довольствоваться кореньями и овощами, приправленными лукомъ и солью. Наша Италійская пшеница доставляетъ намъ овощную, но весьма питательную пищу. Изъ нее приготовляемъ мы нѣкоторой родъ пирога, котораго для насъ должно быть довольно, потому что мы не приносимъ другихъ жертвъ богамъ, и это емъ не промѣнно.

П и а г о р ъ. Я ручаюсь, что Римляне сохранятъ правы и вольность свою до тѣхъ поръ, какъ будутъ питаться прежнею своею пищею. Нещастія заставили ихъ противъ воли питаться плодами. Смотри, чтобъ они вдругъ не перешли до другой крайности. Брутъ! ты знаешь — это обыкновенный плодъ полипическихъ революцій.

Б р у т ъ. Я все осмотрѣлъ. Скоро осужу на смерть одного земледѣльца за то, что убилъ своего товарища, и кормился имъ.

Х а р о н д ъ. Какъ! —

Б р у т ъ. Я говорю о быкѣ.

П и а г о р ъ. Брутъ, это не почтутъ знаменитымъ дѣйствиємъ. — Смерть . . .

Б р у т ъ. Приговоръ шибъ кажется жестокъ — это потому, что ты не знаешь потомковъ Ромула. Другое легкое наказаніе не могло бы произвестъ никакого дѣйствія на духъ народа, прежде бывшаго лютымъ, и который теперь еще приноситъ въ жертву дѣшей своихъ домашнимъ богамъ. Ужасное сіе обыкновение установлено Государемъ Тарквиніемъ первымъ, и праздникъ сей, называемый

ристальныхъ игры празднуется въ началѣ зимы.

П и а г о р ъ. Республиканскіе Ликторы, безъ сомнѣнія, заглядятъ кровавые слѣды скипетра.

Б р у т ъ. Я особенно занимаюсь симъ. Мнѣ пришла на умъ одна хитрость, которую я въ другихъ обстоятельствахъ поспыдился бы произвести въ дѣйство. Когда надобно отмстить человѣчество, то Законодатель не долженъ колебаться въ выборѣ средствъ. Впрочемъ Геркулесу обязанъ я своею мыслию. — Мнимый оракулъ требуетъ извѣстное число головъ — онъ не объясняется болѣе. Я намѣренъ воспользоваться щастливо ободнымъ отвѣтомъ. Чтобы совершенно уничтожить священное дѣпоубійство и заградить уста какъ народу, такъ и жрецамъ, — вмѣсто невинныхъ юныхъ жертвъ сихъ я употреблю маковыя головки, придѣланныя къ шерстянымъ статуямъ. Надѣюсь, что многіе останутся тѣмъ довольными, и тогда уже щастливо могу ввести новый порядокъ и возвращу первобытныя нравы древней Авзоніи.

Пизагоръ. Брутъ! можешь быть къ тому довольно будетъ одного имени твоего. Воспользуйся заслуженною властію, которую доставила тебѣ революція.

Брутъ. Я скажу тебѣ еще другой опытъ, способный удостовѣрить тебя въ народъ, котораго непостоянство мнѣ довольно извѣстно. Есть у насъ древнее божество, которое начальствуетъ надъ ворошными крючками. Я думаю очень къ стати посвятить ему жертвенникъ: оно будетъ способствовать мнѣ удерживать Римлянъ, если они когда-нибудь раскаятся въ томъ, что изгнали послѣдняго своего Государя. Кардина, хранительница городскихъ ворошъ, поможе мнѣ вопрошавшись, чтобы вороша не опшорались болѣе для Тарквинія.

Пизагоръ. Брутъ прибѣгнетъ къ богамъ!

Брутъ. Конечно. Изъ головы моей выдетъ такъ же новая богиня, какъ Минерва изъ Юпитерова мозга. На горѣ Целіѣ воздвигну я олтарь новому божеству. Я сдѣлаю его покровительницею сердца; оно будетъ божествомъ шѣхъ,

кои будутъ мужественны и искренны, шѣхъ, которые чувствуютъ въ себѣ довольно силы, чтобы свергать иго и изгонять тиранновъ. Мнѣ нужно также построить лобное мѣсто. — Я намѣренъ также придать новый блескъ *Комплиментальнымъ* праздникамъ. Я хочу, чтобы въ каждой хижинѣ земледѣльцы въ извѣстные дни приносили въ жертву сельскимъ богамъ своимъ остатки изломаннаго ярма. Какія клятвы достойны бога, покровительствующаго свободѣ людей? — Для предупрежденія грабительства со стороны духовнаго Ордена, который всегда способенъ возвышаться на щепъ сосѣдственныхъ себѣ владѣтелей — я — простите выраженію, — уполномочу бога *Термина*, который введенъ Нумою Помпилиемъ, и объявлю чрезъ самихъ жрецовъ, что сколько Юпитеръ ни великъ, но никогда не предписываетъ того, что бы нарушило права божества, покровительствующаго предѣламъ нашей собственности. — Но возвратимся ко нравамъ, кои почтенныѣ нашей религіи. Римской народъ пьетъ обыкновенно воду, вареную съ пшеницею. Вино хранятъ для выздоровливающихъ и стариковъ. Бѣда Рим-

ской гражданкѣ, естли дыханіе ея заражено запахомъ сего напитка. Ромулъ издаде законъ, налагающій за сей преступокъ смертную казнь.

Пивагоръ. Ромулъ былъ жестокъ.

Брутъ. Онъ и долженъ быть такимъ, чтобы предускорить развращеніе нравовъ. — У насъ есть оливы; но мы не пользуемся масломъ и плодами ихъ. Исслѣдованіе привычекъ нашихъ могло бы ослабить духъ нашъ. Въ нашихъ плащяхъ видна особенная простота. Они состоятъ изъ тоги, или длиннаго плащя, которую надѣваемъ внизъ, когда обрабатываемъ поля свои, сверху покрывало около ногъ и — довольно! Мы почти всегда ходимъ съ открытою головою, и естли не выдемъ изъ предѣловъ простоты сей, то могу напередъ сказать, не бывши Дельфійскою Пифіею, что вскорѣ сдѣлаемся первѣйшимъ изъ всѣхъ народовъ на свѣтѣ. Пивагоръ! одинакихъ ли ты мыслей?

Пивагоръ. Вы уничтожили власть Государей, но сохранили ея прутья и сѣкиры. Ликторы носятъ ихъ передъ вами. —

Брутъ. Нѣтъ! еще и болѣе. . . . Естли Консулъ выдемъ изъ врагъ Рима, то онъ долженъ положить вѣнецъ свой на сѣкиру и прутья. Естли Римской народъ признаетъ его добрымъ Консуломъ, тогда двое первыхъ его Чиновниковъ должны согласиться на то, соображаясь съ законами.

Абарисъ. Наставникъ нашъ! Брутъ кажется великій мужъ (*).

Пивагоръ. Правда. Но со временъ Ромула число Римскаго народа должно распространиться скорѣе предѣловъ ихъ. Теперь ни одинъ гражданинъ уже болѣе не имѣетъ двухъ законныхъ мѣръ земли.

Брутъ. Государь Туллъ, заключившись только въ одномъ наследственномъ помѣстьѣ своемъ, раздѣлилъ поданнымъ своимъ всѣ владѣнія короны, которыя почти сославляли прешію часть Имперскихъ владѣній. Первый изъ Тарквиніевъ увеличилъ сію послѣднюю; но новопріобрѣтенныя земли были завладѣны Патриціями. Сервій принудилъ Ве-

---

(*) Это слово въ Италійской школѣ столь же много значило, какъ и *Mistr.*

льможь сихъ оставишь занятыя ими мѣста, и раздѣлишь ихъ между простымъ народомъ (1), которой остался безъ собственности. По одному изчисленію мы нашли, что Государство заключало въ себѣ восемьдесятъ пять тысячъ военныхъ, кои всѣ имѣли свою собственность. Народу всего было сто тридцать тысячъ человекъ. Я могу сдѣлать, что каждой гражданинѣ будетъ имѣть по семи мѣрѣ земли — тотъ, кто не будетъ имѣть столько, почтется празднымъ гражданиномъ.

Пи а г о р ъ. Общее мнѣніе не всегда дѣйствуетъ такъ сильно, какъ законы.

Б р у т ъ. Нѣтъ! но здѣсь извѣстны и ограничены мнѣнія всѣхъ, начиная съ Центуровъ, составляющихъ первый классъ, и имѣющихъ каждой по миллиону ассовъ, до послѣдняго класса людей, имѣющихъ болѣе десяти тысячъ ассовъ. — Замѣтьте, почтенные странники! что

---

(1) Основатели древнихъ республикъ равномерно раздѣляли земли. — Это дѣлалъ одинъ народъ сильной, но есть благоустроенное общество. . . . *Монтескьѣ.*

у насъ нѣтъ серебряной монеты, и что мы еще нѣсколько времени можемъ безъ нее обойтись; такимъ образомъ гражданамъ не лѣзя будетъ скрывать богатствъ своихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда Государство требуетъ ихъ помощи. Десятый и послѣдній изъ Тарквиніевъ употребилъ все, чтобы разрушить общественное сіе правило; но мы воспользуемся и его шираниною: она послужитъ намъ узнать выгоды республики, основанной на общественной добродѣтели — крошкой умѣренности. Я постараюсь употребить всѣ силы, чтобы заставить Римлянъ быть довольными одною мѣдною монетою, съ изображеніемъ скота, такъ она чеканена была во времена Сервія. Самый богатѣйшій гражданинъ не имѣлъ въ то время болѣе сша десяти тысячъ.

Пи а г о р ъ. Трудно будетъ ввести въ Римъ древній порядокъ.

Б р у т ъ. Война, неизбежная въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, доставитъ мнѣ къ тому средства. Необходимости возникающей Республики послужатъ мнѣ приспособить духъ республиканцевъ къ обстоятельствамъ.

Пивагоръ. Чшожь сдѣлаете вы съ серебряными и золотыми рудниками, которые предполагаютъ въ пошвѣ вашей?

Брутъ. Мы оставимъ металлы по прежнему. Никогда, по крайней мѣрѣ во все время моего правленія Римомъ, я не позволю раскапывать недра земли, которая кормитъ насъ. Я буду ревностнымъ покровителемъ земледѣлія; хочу, чтобы были хорошимъ гражданиномъ, значило у насъ быть хорошимъ земледѣльцомъ. Во все время моего правленія всѣми силами поддержу древнее обыкновение, чтобы для посѣщенія Рима ни кто не оставлялъ своего поля, кромѣ однихъ только *Ноновъ* (*). Времени сего довольно будетъ для публичныхъ праздниковъ; всѣ прочіе дни назначены будутъ для земледѣльческой работы. — Республиканское правленіе требуетъ отъ гражданъ менѣе подчиненности и менѣе добродѣтелей, нежели какое-нибудь другое. Я напро-

(*) *Нонъ* означалъ у древнихъ Римлянъ одинъ извѣстный имъ въ каждомъ мѣсяцѣ день.

тивъ того хочу, чтобы Римлянинъ, свободнѣйшій изъ всѣхъ народовъ, былъ рабомъ своихъ обѣтовъ и законовъ. Въ Римѣ необходимо должно успроить тотъ порядокъ, чтобы считать и того преступникомъ, кто побѣдетъ на лошади по другой дорогѣ, а не по той, для которой онъ ее нанималъ.

Пивагоръ. Этотъ планъ требуетъ только твоего Генія - преобразителя.

Брутъ. Чтобы внушить всему народу чувства, соотвѣтственныя свободной націи, пользующейся мудро правами, я хочу, чтобы вмѣсто словъ, *величество Государей*, какъ прежде употреблялось оно, говорили: *величество Римскаго народа*.

Пивагоръ. Планъ великій и прекрасный! . . .

Брутъ. Но, почтенные спранники! я не хочу замедлять ваше путешествіе — продолжайте его; а я возвращусь къ своей должности. *Пивагоръ!* какія мѣста еще осталось тебѣ посѣтить?

Пивагоръ. Марсель и Галлію; для осмотра бннѣ Друидъ.

Брутъ. Ты отплывешь туда на одномъ изъ нашихъ кораблей. Мы отправляемъ одного Сенатора въ Корсику, Сардинію и Марсельскую Республику для собранія понятій о нашемъ правленіи. Посланникъ сей долженъ также отправиться въ Карфагенъ для заключенія новаго трактата. Революція Рима рано или поздно произведетъ общую революцію во всей Европѣ. Я поручаю тебя твоему Генію - Хранителю.

Пиэгоръ. Повелитель Рима! позволь еще сказать тебѣ: мы сопровождали сюда Кумскую Сивиллу. Сохранишь ли ты ея книги, отъ которыхъ Тарквиній самъ недавно отказывался?

Брутъ. Совѣты жрецовъ перемѣнили его мысли. Теперь нѣтъ времени болѣе разрушать сей смѣшной поступокъ, внушенной ложною набожностію. Что касается до религіи, то всякой народъ рѣдко обращается къ надлежащимъ правиламъ. Римляне твердо увѣрены, что боги чрезъ посольство исчезнувшей Сивиллы удостоили послать намъ залогъ особеннаго провидѣнія, залогъ безпредѣльнаго продолженія нашей Имперіи. Произшествіе, въ которомъ вы играли роль, тотчасъ пронеслось по

всему народу. Суевѣрные Римляне повѣрили тотчасъ тонкой хитрости, произведенной женщиною, которая принуждена была къ тому одною необходимостію. Мы сами считаемъ себя принужденными пребывать въ такомъ ослѣпленіи. Такъ, Пиэгоръ! книги Сивиллы, заключенныя въ каменномъ ковчегѣ, должны съ оплчными духовными церемоніями положены быть въ самой Капитоліи, въ святилищѣ и подъ жертвенникомъ Юпитера. Нарочные для того Чиновники будутъ охранять святыню; имъ запрещено будетъ не сообщать ихъ никому. Сенатъ можетъ только разкрывать ихъ, и то можетъ онъ позволить себѣ въ однихъ рѣдкихъ и важныхъ случаяхъ, на примѣръ, во время нѣкопныхъ великихъ феноменовъ Натуры, при появленіи сильнаго непріятеля на границахъ, или при открытіи заговора противъ Республики. Чтобы ободрить духъ и придать болѣе силы политическимъ пружинамъ, движимымъ властію правительства, мы будемъ имѣть видъ, что прибѣгаемъ къ Сивиллинымъ книгамъ, заставимъ ихъ говорить то, что старались бы утаить чрезъ нѣсколько вре-

мени. Набожные поступки сіи, которыхъ смотрителями поставлены будутъ первые Чиновники, могутъ произвести удивительное вліяніе на крошкѣй духъ Римлянъ.

П и а г о р ъ. Брутъ! ты знаешь содержаніе книгъ сихъ?

Б р у т ъ. Да! со скукою читалъ я ихъ, и жалѣлъ о потерѣ времени, которое унесло съ собою чтеніе ихъ. Эти свершки, сбереженные и отъ самой губительной руки времени, наполнены суевѣрными и странными правилами. Я нашелъ въ нихъ нелѣпую, безпорядочную исторію о богахъ нашихъ, нѣсколько правилъ нравственности и политической экономіи въ прояскомъ смыслѣ, и множество другихъ, ничего незначащихъ правилъ, но которыхъ мы старались понять лучше для пользы, какую надѣемся извлечь отсюда, смотря по обстоятельствамъ. . . . Одинъ человекъ, не изъ числа народа, будетъ хранить нашу пайну, и положитъ Сивиллины книги возлѣ бритвы, разсѣкшей на двѣ части почильный камень, и которую древній Тарквиній съ великою набожностію зарылъ подъ колодезнымъ олшаремъ на

площади. . . Сколь драгоценнѣе были бы Сивиллины книги, естли бы въ нихъ почаще встрѣчались слова въ семъ родѣ: „Народы! берегитесь, чшобы никто изъ гражданъ вашихъ не завладѣлъ важными мѣстами въ городѣ.“

П и а г о р ъ. И такъ, Брутъ! Римляне останутся свободными и вмѣстѣ набожными. Припомни — въ подданномъ тебѣ народѣ должна быть какая-нибудь связь между общественными добродѣтелями.

Б р у т ъ. Безъ сомнѣнія; я надѣюсь удивить тебя еще болѣе. Ты видѣлъ, что власть Государя у насъ уничтожена. Ты слышалъ, что народъ клялся ненавидѣть Государей; но я намѣренъ шеперь же учредить какое-нибудь достоинство съ тѣмъ, чтобы сохранилъ одно только имя — *Государь* (1).

П и а г о р ъ. Но можно ли это?

Б р у т ъ. Надѣюсь, что въ Римѣ не будутъ болѣе повторять *Государь Римлянъ*; но кажется ничто не мѣ-

---

(1) Fenestella, de rege sacrorum. XI. Pompon. Laetus.

шаетъ, чтобы вмѣсто того говорить
Государь - жертвоприношеній.

Пи а г о р ъ. Но какая польза удержи-
вать титло презрѣнное, обремененное
проклятіемъ, и которое необходимо вле-
четъ за собою напоминанія, отъ кото-
рыхъ можетъ быть въ мятежныя вре-
мена должно будетъ опасаться худыхъ
послѣдствій?

Б р у т ъ. Совсѣмъ нѣтъ. Идея Ре-
лиги даетъ совсѣмъ другой смыслъ идеи
Государя.

Пи а г о р ъ. Напротивъ того обѣ
идеи сіи между собою близки. Государь-
жертвоприношеній можетъ имѣть свои
надежды; Государь-первосвященникъ, ка-
кимъ былъ Монархъ Рима, долженъ быть
страшнымъ. Тому опыты видны были
во время многихъ Государей: Первосвя-
щенникъ - Государь можетъ сдѣлаться
столь же страшнымъ. . . .

Б р у т ъ. Конечно, если бы онъ
былъ верховнымъ самодержавнымъ перво-
священникомъ. Но я сдѣлаю его Мини-
стромъ втораго класса, подчиню его
начальству кого-нибудь и унижу сте-
пень достоинства его, обязавши его къ
повиновенію.

Пи а г о р ъ. Но для чего пужно
тебѣ почтеніе къ одному только слову,
если оно останется само при себѣ, безъ
власти?

Б р у т ъ. Это для того, что намъ
должно предусматривать вѣроломность на-
рода въ мнѣніи, еще худо утвердившем-
ся. Если во время войны, которую намъ
должно будетъ предпринять, найдутся
безумцы, которые будутъ разсѣивать
ложныя предсказанія, тогда, не взирая
на лестныя обѣщанія предвозвѣщателей,
народъ не преминетъ приписать ихъ
неправильности жертвоприношеній: „Если-
ли они принесены рукою законнаго перво-
священника, скажутъ они: боги такъ
благоволили.“ Прежде самъ Государь былъ
главою религи; но съ тѣхъ поръ, какъ
Вѣщальцы перестали быть верховными
жрецами, предвозвѣщанія худо исполня-
ются. — Я укрошу ропотъ народа, со-
хранивши достоинство олтарей его. Боги
хотятъ, чтобы Государи приносили
жертвы имъ, и не входя въ наши
политическія учрежденія. Всѣ будущіе
довольны. Народъ самъ будетъ судить
Государя - жертвоприношеній, если сей
послѣдній столь будетъ мало чувстви-

вашь святыню должности своей, что съ олтаря захочетъ переступить на тронъ или на судейское мѣсто. Онъ долженъ быть ограниченъ столь узкими предѣлами своей должности, что по совершении ея тотчасъ долженъ скрываться, какъ бы спыдаясь должности и шипла, которое на себѣ носитъ. Супруга его, также Государыня - жертвоприношеній, не болѣе будетъ имѣть правъ: симъ средствомъ сохраню я нужныя выгоды со стороны Религии, не ласкаясь между тѣмъ выгодами свободы. . . . .

Пиѳагоръ. Развѣ вамъ очень нужно сохранить сіи выгоды?

Брута. Очень. — Я иду отдавать приказанія, нужныя для вашего отбѣзда.

Отбѣздъ нашъ отложенъ былъ до другаго дни, по причинѣ одной духовной церемоніи. Народъ, открывши свою независимость, не оставилъ своихъ суевѣрныхъ мыслей. Мы видѣли, какъ тридцать человѣческихъ статуя, сдѣланныхъ изъ ивника, сброшены были съ высокаго моста въ Тибръ однимъ Министромъ жрецовъ бога Диса (*) при

(*) Цицеронъ говоритъ: *Pater Dis est terrena vis omnis atque natura, qui dives... quia et recidunt omnia in terras et oriuntur e terris.*

восклипаніяхъ всей толпы: смѣшное, но невинное подражаніе варварскаго обыкновенія Аборигенцовъ. Первые сіи жители Латиума въ извѣстное время года посвящали Солнцу также по тридцати несчастныхъ жертвъ (*). Геркулесъ, проходя мимо, уничтожилъ сіе ужасное обыкновеніе. Это не послѣднее изъ двенадцати славныхъ дѣлъ его; но Герой сей не могъ загладить кровавыхъ слѣдовъ его. Народъ, оставивши жестокое обыкновеніе, о которомъ можетъ быть жалобѣ онъ теперь, хотѣлъ сохранить себѣ его изображеніе. Спранная идея! Приносите въ жертву людей, чтобы праздновать разпространеніе рода человѣческаго!

XVII.

Пиѳагоръ въ Карѳагенѣ. Периллъ Ганноновъ.

Посланники Римской Республики, по совѣщанію Брута, приняли насъ въ свое

(*) Откуда произошла Латинская поговорка: *sexagenarios de ponte dejicere.*
Часть VI. У

судно, называемое *Фазелусомъ*, потому что барка сия имѣетъ видъ одного Греческаго огороднаго произрастенія. Мы пустились по Тибру, коего воды казались быстрѣе; рѣка казалась какъ бы торделивѣе въ томъ мѣстѣ, гдѣ протекала по гладкому ровному дну. Сіе внутреннее мореплаваніе Римлянъ находится отъ моря въ разстояніи на 16,000 Римскихъ шаговъ. Транспортное судно ожидало насъ на рейдѣ въ Тетійской гавани, построеной Маркомъ Антоніемъ.

Римскіе посланники получили отъ Сената повелѣніе тотчасъ отплыть въ *Каррагенъ* — важный предметъ посольства. Щастливо переплыли мы пространный бассейнъ — Тирренійское море — не отдаляясь слишкомъ отъ береговъ; вскорѣ попутный вѣтеръ далъ намъ примѣшить сѣрые и черные туманы горы Эсны. Видъ города Каррагена вскорѣ поразилъ глаза наши. Африканскій берегъ кажется нарочно раздѣляется здѣсь для того, чтобы на мѣстѣ семъ образовать собою природную гавань, которую прикрываетъ цитадель *Бирза*, основанная Дидоною тому уже нѣсколько вѣковъ, и освящаемая хра-

момъ Эскулапіевымъ. Мы приплыли почти въ одно время съ шестидесяти-паруснымъ флотомъ, который возвратился сюда съ долговременнаго мореплаванія.

Всѣ граждане сбѣжались на мѣль, готовясь принять своихъ соотечественниковъ, которыхъ почитали обремененными сокровищами и новостями. При всеобщей радости, которою упоенъ былъ духъ cadaго, они не забыли почестей, которыя національныя права ихъ назначали для Римскаго посланника. Въ сопровожденіи свиты своей, вмѣстѣ съ нами отведенъ онъ былъ въ храмъ Сатурна и представленъ многочисленному присутствовавшему тамъ Сенату. Исторія Римской революціи весьма поразила Каррагенской народъ, коего коммерческое обращеніе сдѣлало однимъ изъ самыхъ мирныхъ народовъ въ свѣтѣ. Другое повѣствованіе, которое должно болѣе занимательно быть для богатыхъ жителей берега, ожидаемо было съ нетерпѣніемъ, но отложено было до слѣдующаго дня.

Съ самаго разсвѣта безчисленная толпа наполнила портики; они кричали:

хвала полководцу нашему Ганнону (*), онъ достоинъ своего имени! У ногъ Сенашоровъ указали намъ мѣсто, на которомъ можемъ сѣсть и выслушать повѣствованіе о славномъ Периплѣ. Начальникъ флота прислалъ напередъ нарочитое количество драгоценностей, собранныхъ во все время мореплаванія. Это можно бы было назвать торжествующимъ побѣдителемъ, обремененнымъ богатыми добычами. Наконецъ появился онъ самъ въ сопровожденіи главныхъ своихъ Чиновниковъ, и говорилъ такъ:

(Сицилійской переводчикъ на Греческой языкъ переводилъ намъ Финикійскія слова, по мѣрѣ какъ тошъ произносилъ ихъ.)

„Народъ Картагенскій! опредѣленіемъ вашимъ повелѣли вы Адмиралу вашему Ганнону сѣсть на корабль, чтобы сдѣлать новыя открытія по ту сторону Геркулесовыхъ столбовъ (Гибралтарскаго пролива) и основать многія Либи — Финикійскія селенія на Африканскихъ берегахъ Атлантическаго моря. Для исполненія предпріятія сего, вы поручили

(*) На Пуническомъ языкѣ Ганнонъ означаетъ *благодѣателя*.

подъ начальство мое шестьдесятъ судовъ, каждое о пятидесяти веселъ, и могущіе выдержанъ тысячи гражданъ обою пола. Ваши повелѣнія исполнены; въ кругу гражданъ, моихъ соотечественниковъ, я дамъ вамъ отчетъ, въ Периплѣ, которымъ я начальствовалъ. Записки мои кладу на олтарь Самурна, покровительствовавшаго сему продолжительному мореплаванію. — Поднявши якорь подъ щасливыми предзнаменованіями, прошедши заливъ и бродивши два дни по морю, мы положили основаніе одному городу, назвавши его Тимміушерій — это первая изъ нашихъ колоній на новыхъ сихъ прибрежныхъ мѣстахъ. — Достигши мыса, обнѣяемаго множествомъ деревъ, мы воздвигли на немъ олтарь Нептуну. Отсюда разстояніемъ на полдень ближе къ востоку увидѣли мы озеро, обросшее розовыми кустарниками съ крѣпкими стеблями: окрестности его населены слонами и люпыми живошными; еще далѣе разстояніемъ, также на полдень, учредили мы многія коммерческія селенія, изъ коихъ первое назовется *стѣною Солнца*. Продолжая далѣе, мы вступили въ устье большой рѣки, выходящей изъ самой

внутренности Ливіи. Мы ее назовемъ *Ликсуэ*. Мы побыли нѣсколько на берегахъ сей рѣки, среди кочующихъ пастуховъ, которыми приняты были очень ласково. Сія колонія живетъ безъ законовъ, безъ правленія. Каждый въ кругу своей фамиліи, и каждая фамилія образуетъ собою небольшое владѣніе, начальникомъ коего избираетъ себѣ старшаго лѣтами. Подалѣе же отъ берега обитаютъ дикіе Ефіопы (Негры) и Троглодиты странной фигуры, но гораздо легче въ бѣгу на ихъ горы, нежели лошади, которыя сопутствуютъ большимъ судамъ нашимъ. Поворотивши къ Югу, вдоль необитаемаго берега, пробѣжали мы глубокой заливъ къ острову, имѣющему въ окружности около пяти стадій, а можетъ быть и болѣе. Положеніе *Церни*, такъ назовемъ мы сей островъ, довольно замѣчательно; она можетъ служить запаснымъ магазиномъ для обширной коммерціи. Пространство, ширяя отъ Карегена до Столбовъ, равняенся, по нашему мореплаванію съ широтой разстояніемъ, которое отдѣляетъ Геркулесовы Столбы отъ *Церни*. — Далѣе, еще большая рѣка и весьма пространное озеро

окружаютъ три острова (Сенегалъ). По прошествіи трехъ дней нашего мореплаванія мы бросили якорь на ружейной выстрѣль отъ возвышенныхъ горъ, населенныхъ людьми, одѣтыми въ кожѣ оленьей, которыя можетъ быть не столько свирѣпы, какъ они. Люди сіи бросались камнями вмѣсто отвѣта на дружескіе знаки, нами извѣщаемые. Тутъ нашли мы много крокодиловъ и морскихъ свиней; примѣтили во внутреннихъ земляхъ Гиенну, питающуюся человѣческимъ мясомъ; видѣли также и змѣевъ, столь ужасныхъ по величинѣ своей, что они могли пожирать цѣлаго быка. — Въ продолженіе двенадцати-дневнаго путешествія мы видѣли однихъ только Ефіоповъ, убѣгающихъ при видѣ кораблей нашихъ, которые первые осмѣлились плыть по водамъ симъ. Пріятный ароматическій запахъ, разносимый вѣтромъ, заставилъ насъ догадываться, что мы находимся близко страны, особенной въ своемъ родѣ, страны, изобилующей рощами оранжевыхъ деревьевъ и другихъ различныхъ цвѣтущихъ растений (*). По-

---

(*) Сіерра - Леона.

томъ мы погрузились въ неизмѣримой безднѣ водяной стихіи, которой удивленные взоры наши не находили другаго предѣла, кромѣ лежащаго въ сторонѣ берега, не въ дальнемъ разстояніи отъ нашего флота (*). Во время ночи примѣтили мы на семъ берегу многіе огни въ различныхъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго.

„Спустя пять дней, вступили мы въ большой заливъ, который уроженцы сей страны, по словамъ нашихъ толковниковъ, взятыхъ изъ Церны, называются *рогомъ Залада* (нынѣ Пальмовъ мысъ). Сіи колонисны укрываются въ глубокихъ лѣсахъ, и ихъ необыкновенный вой устрашилъ нашъ экипажъ. Мы тотчасъ опять пустились въ море, и въ продолженіе чешырехъ дней мы ничего не видали, кромѣ гнилыхъ дровъ, возженныхъ безъ сомнѣнія рукою Природы; а посему мы и назвали сей берегъ берегомъ *благонныхъ куреній*. Мы назвали *колесницею боговъ* одну возвышенную гору, которая составляла главную отличность въ сей, такъ сказать, пламеньющей землѣ.

(*) Мысъ Святыя Анны.

Далѣе мы избѣжали ужасовъ среди народовъ, покрытыхъ шерстью (*) и на бѣту чрезвычайно легкихъ. Мы успѣли захватить только троихъ женскаго пола, которыхъ однѣ кожи мы вамъ представляемъ, пошому что принуждены были убить ихъ, чтобъ избавиться отъ худыхъ ихъ поступковъ. Сенатъ и правительство охотно согласился на повелѣніе повѣсить кожи сихъ дикихъ женщинъ подъ сводомъ Юноина храма. Эпимъ кончилось наше мореплаваніе, которое мы бы продолжали долѣе, естли бы не имѣли недостатка въ народѣ. Наконецъ предстаемъ предъ себя, народъ Кароагенскій! завладѣвши подъ твоимъ именемъ многими берегами, просширающимися на шесть сотъ миль, въ продолженіе придецапи восьмидневнаго мореплаванія.“

„На нашу глиняную посуду, наши полошна, ароматы, взятыя нами изъ Египта, и на нѣкошорья галантерейныя вещи, имѣющія небольшую цѣну въ глазахъ у женъ сихъ прошивниковъ нашихъ, получили мы на обмѣнъ кожи, весьма полезныя намъ для лапъ и щип-

(*) Это большія обезьяны.

шова нашихъ, также кожи львиныя и барсовыя, и особенно слоновыя зубы. Это не составляетъ большаго нашего при- бытка; но изъ сего получаемъ мы дру- гую выгоду, гораздо важнѣйшую, кото- рой подробности я скрываю для самаго Сената, довольствуясь объявленіемъ мо- ему отечеству того, что оно въ корот- кое время прославится на морѣ предъ всѣми народами. Въ нѣсколько лѣтъ Картегеняне превзойдутъ славою и бо- гатствомъ тѣхъ народовъ, которые вдре- влѣ населяли ихъ землю (Тиріянъ); и Тиръ, столичный нашъ городъ, никогда еще не получалъ изъ Картегена столь славной добычи, какую въ нынѣшнемъ году мы можемъ ему доставить.“

Ораторъ замолчалъ, но вниманіе слу- шателей все еще продолжалось: столько- то любопытство всѣхъ присутствующихъ было велико къ словамъ его! какъ вдругъ неслыханное, неожиданное про- изшествіе готовится нанести ужасъ цѣ- лому народу. По поданному отъ Ган- нона знаку тотчасъ показывается левъ; безъ всякаго проводника, безъ стражи, сіе могущественнѣйшее изъ четвероногихъ животное выступало съ нѣкоторою при-

яшною важностію. Приближаясь мало помалу, левъ вступилъ даже въ самый полукругъ, образуемый присутствующи- ми Сенаторами; онъ несъ на себѣ, съ покорностію, свойственную рабочимъ ско- тамъ, употребляемымъ въ общежитіи, кожи съ дикихъ женщинъ, многіе пре- великіе слоновыя зубы, и сосудъ, найден- ный чуднымъ образомъ. На гривѣ его сидѣла птица, у коей перья разцвѣчены были различными красками, самыми жи- выми (это попугай): каково было все- общее удивленіе, когда сіе пернатое жи- вотное повторило три раза и весьма раз- дѣльно на Пунійскомъ языкѣ: *Слава Кар- тегену! Честь его Адмиралу!* — Неболь- шое число сихъ словъ гораздо болѣе по- дѣйствовало на народъ, нежели цѣлая рѣчь Ганнонова.

Одинъ Картегенянинъ изъ числа пу- тешествовавшихъ, довольно свѣдущій въ Греческомъ языкѣ, чтобъ могъ объяс- няться, сказалъ намъ на сіе: Нашъ на- чальникъ на возвратномъ пути своемъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи, чрезъ ум- ноженіе недостатка въ пищу, испребитъ во лѣвъ дикость, такъ какъ вы видите, и научить произношенію сію птицу, ко-

торая въ великомъ множествѣ населяетъ Африкаискіе дѣса. Ганнонъ научилъ ее повторять: *слава Картегену!* а мы продолжали также занимать ее своимъ до тѣхъ самыхъ поръ, какъ она наконецъ стала произносить: *гестъ его Адмиралу!*

Приведенный въ смѣлость многими другими объясненіями, которыми, кажется, охотно служилъ мнѣ сей мореходецъ, я спросилъ у него: какую еще особенность заключалъ въ себѣ большой сосудъ, который и самъ Адмиралъ съ величайшимъ благоговѣніемъ сложилъ на руки двумъ Суффамъ (Картегенскимъ Градоправителямъ)? Этомъ Картегенецъ, отвѣдши меня въ сторону, началъ такимъ образомъ: „Я не имѣю нужды осердяться несвѣдущаго челоѣка, и поелику ты уже носишь на себѣ священные знаки, то внемли мой тайнъ, которая вскорѣ содѣлается священной для цѣлаго Государства. Сей сосудъ наполненъ золотымъ пескомъ земель, которыя мы пробхали, и которыя изобилуютъ симъ дорогимъ металломъ. Въ ихъ вѣдрѣ простираются самородныя жилы, и многіе также источники на ихъ

поверхности прогоняютъ золото струями въ волнахъ своихъ. Самое чистое золото служитъ имъ вмѣсто песку, и они полными приторшнями бросаютъ сіе въ рѣчные потоки. Ты можешь понимать всю важность сего открытія относительно къ нашей Республикѣ, и эту непримѣнную вражду, которая вскорѣ бы послѣдовала, если бы сія важная тайна перестала быть тайною для другихъ народовъ, и такъ уже слишкомъ завидующимъ успѣхамъ нашей Республики. *Утикъ, Гадесъ* и особенно *Марсель* очень могутъ симъ воспользоваться; при томъ же и намъ непримѣнно нужна будетъ сильная помощь противъ Дарія, если успѣемъ привести его въ смятеніе, такъ какъ предшественника его Камбиза.“

Между тѣмъ какъ Посланникъ Римской Республики полагалъ основаніе пракипапу съ двумя верховными начальствами Картегенской Республики, двое юныхъ учениковъ моихъ со мною успѣли ознакомиться съ городомъ и его жителями. Мы вскорѣ узнали, что Адмиралъ Ганнонъ, покрывшійся славою чрезъ счастливыя предпріятія на морѣ вдоль береговъ Ливійскихъ, былъ сынъ того са-

маго Картегенянина, который имѣлъ честь переписываться съ мудрымъ Анахарсисомъ, съ Солономъ и многими другими Греческими Философами.

Народъ Картегенскій подсуденъ тысящеглавному Сенату, въ которомъ предсѣдательствуютъ двое Старѣйшинъ, именуемыхъ въ Римѣ Консулами, въ Аѳинахъ Архоннами, въ Спартѣ Королями — здѣсь они называются *Суффетами*. Могущество ихъ съ каждымъ годомъ умираетъ. Однѣ заслуги не довольны для Сенаторскаго достоинства. Законныя права сверхъ того требуютъ отличной еще породы и достатка. Законъ предусмотрительный воспрещаетъ начальству употребленіе вина, такъ какъ и цѣлому обществу.

Картегенъ богатъ не чрезъ одно только трудолюбіе своихъ жителей. Онъ могъ обойтись и безъ морскихъ коммуникацій. Грунтъ земли, которымъ онъ особенно гордится, столько плодоносенъ, что можетъ довольно отвѣтствовать на всѣ его надобности. Но Картегенъ, желая заслужить чрезъ сіе уваженіе къ себѣ, содержитъ на щедромъ жалованьи иностранныя общества, албаниковъ и

матросовъ. Чрезъ свое гостепріимство, которое въ немъ безпредѣльно, Картегенъ совокупляетъ въ себѣ одномъ Тиріянъ, Африканцевъ, Гесперійцевъ, Сициліянъ, Лигурійцевъ, Корсиканцевъ, Сардинцевъ и Грековъ.

Хотя нѣкоторыя страны и особенно хорошо обработаны, однакожь нравы ихъ не слишкомъ соответствуютъ упражненію въ земледѣліи. Посему — то Картегенянинъ старается обработывать свою волость менѣе движимъ вкусомъ, любовію къ дѣламъ естественнымъ, какъ болѣе для того, чтобы вдругъ по возможности обогатить себя. Городъ Картегенъ превозносится тѣмъ, что въ одно и то же время управляетъ *презубцемъ* Нептуновымъ и *сошникомъ* Триптолема. Большая часть жителей есть ничто другое, какъ пышные сребролюбцы.

Я спросилъ, что означало прозваніе *Софонизъба*, даваемое многими Картегенянкамъ отличнаго воспитанія. Мнѣ сказали, что сіе слово знаменуетъ одну главную добродѣтель, которой въ семьѣ отъ нихъ требуютъ: сей эпитетъ относится къ *женщинѣ*, уважающей тайны своего мужа.

Невинныя дѣвушки носятъ на себѣ покрывало, такъ какъ и замужнія женщины.

Картагеняне хотя и живутъ очень зажиточно, но всегда ведутъ себя слишкомъ воздержно и одѣваются попросту. Самую обыкновенную ихъ пищу составляютъ мука и медъ, которые разведши, варятъ на огнѣ. Пограничные народы называютъ ихъ *тюниконосцами*, потому что они епанчей никогда не надѣваются. Одни только богатые и знаменитые жили носятъ пояса; простому народу это не позволено. Люди обоего пола въ Картагенѣ въ устахъ носятъ кольца, которыя у другихъ народовъ обыкновенно бывають на пальцахъ.

Внѣ города встрѣтили мы смрадное болото. Сіе невыгодное соседство крайне удивило насъ; но наше удивленіе миновалось, какъ скоро извѣстили насъ, что это было мѣсто казни: виновныхъ повергають въ сіе болото, и рѣшетка, поддерживаемая тяжелыми камнями, препятствуетъ имъ освободиться оттуда.

Мы увидѣли на корабельной гавани товары со всего свѣта. Египетскій ленъ, папиръ, бумажныя матеріи и пески; ла-

данъ, ароматы, смолы, перлы и драгоценныя камни изъ Персидскаго залива и изъ Чермнаго моря; благовонныя растенія, птицы, четвероногія и слоновая кость изъ Индіи, изъ Тира червленница, дорогія шафты, лучшіе ковры; превосходныя вина изъ Кадикса; желѣзо, свинецъ, олово и мѣдь съ острововъ Касситаридскихъ; желтый яшмаръ, доставляемый съ Средиземнаго моря; рубинъ Назамонскій: богатая *Гесперія* (Испанія) собственно для самой себя можетъ имѣть коммерцію съ Картагеномъ. Она снабжаетъ его винами всякой доброты, маслами, финиками, медомъ, виноградомъ, коноплями, сарочинскимъ пшеномъ, различными сѣмянами, лучшими и дорогими лошадьми и мулами, еще полезнѣйшими; шерстью овецъ своихъ, кораллами съ береговъ морскихъ, мраморомъ и алебастромъ, хрусталамъ, яшмаромъ, горными изумрудами, и сверхъ всего этого обильною жатвою пшеницы. Картагенъ же отправляетъ выдѣланныя кожи самой лучшей доброты, превосходные сафьяны, и даже самыя столярныя работы, дѣлаемыя въ особенныхъ заводахъ.

Дороги, простирающіяся отсюда изъ внутренности города къ гавани, весьма замѣчательны. Ни гдѣ изъ моихъ путешествій я не видалъ дорогъ, проложенныхъ съ большею надежностію; онѣ могутъ удобно поддерживать сильно нагруженные обозы. Песокъ, известка и раковины употребляютъ къ доставленію имъ прочности. Кубы изъ камней, твердо соединенныхъ между собою посредствомъ замазки, составляющъ сплошную поверхность, неуступающую никакому противодѣйствию. Между шѣмъ Римской Посланникъ получилъ уже нощу.

Въ Картагенѣ, во время равноденствія въ полдни, гномонъ, возвышающійся на семь споронъ, отбрасывалъ чепвероугольную тѣнь. Самый долгій день въ семъ городѣ имѣетъ четырнадцать часовъ; а ночь самая кротчайшая десять.

Религія слишкомъ повреждена въ Картагенской Республикѣ. Вотъ какимъ образомъ окончила она мирной трактатъ съ Римомъ; выраженія, казалось мнѣ, заслуживали, чтобы ихъ извлечь и помѣстить здѣсь: „Трактатъ сей заключенъ былъ въ присутствіи благотворнаго Генія Картагенянъ, въ присутствіи Сатурна, Гер-

кулеса и Нептуна; въ присутствіи Солнца, Луны и Земли, въ присутствіи всѣхъ боговъ, покровителей Картагенской области.“

Любезные ученики мои! долженъ ли я изобразить вамъ зрѣлище, котораго Абарисъ, Харонъ и я были изступленными и совершенно обезоруженными свидѣтелями? Народъ и Сенатъ столько были удовольствованы мореплаваніемъ Таннона, и съ столь великими ожиданіями приняли тѣ выгоды, которыя можно было получить отъ сего путешествія, что нарочно былъ учрежденъ торжественный праздникъ въ знакъ благодарности великому божеству Картагенской Республики. Я не могъ даже и вообразить того, что готовилось поразить мое зрѣніе на самомъ дѣлѣ. Я никогда не вѣрилъ человѣческой жестокости по однимъ только простымъ пересказамъ; но чтобы не сомнѣваться въ этомъ, мнѣ нужно было самому увидѣть. Предъ входомъ Сатурнова храма, посреди публичной площади, первой изъ всего города по своей обширности, возвышается колоссальная статуя изъ бронзы, представляющая сего бога. Она имѣетъ

основаніемъ родъ нѣкоторой печи, всегда преисполненной горючими веществами. Сокровенная пружина движитъ обѣими руками сей фигуры. Посланникъ Римской Республики былъ торжественно приглашенъ на сей благочестивый праздникъ, и мы не упустили ни малѣйшей подробности изъ сей ненавистной сцены. Народъ собрался въ однихъ простыхъ тюникахъ, по причинѣ жаркаго климата въ сей странѣ, и тѣснясь позади перилъ, образовалъ собою пространный кругъ, въ срединѣ заключающій самое божество. Переднія мѣста были предоставлены для матерей семейства, которыя потчасъ прибѣжали, держа за руку или въ объятіяхъ дѣтей своихъ. Суфеты и Сенатъ заняли мѣста свои, и группа юныхъ дѣвицъ приблизилась для изліянія млека въ жершву. Каждая изъ нихъ несла полный сосудъ на головѣ своей, украшенной вѣнкомъ, или *бурлетомъ* изъ вѣтвей гранатоваго дерева, покрывшись бѣлой льняной одеждой. По окончаніи сего перваго, чрезвычайно невиннаго церемоніала, главный жрецъ подалъ воспламенный факелъ мореходцу Ганнону, предоставляя ему честь зажечь самому при-

уготовленный косшеръ. Чрезъ нѣсколько минушъ мѣдная снашуя преобразилась въ пламенную. Въ то время нижшіе жрецы, проходя вкругъ перилъ, восклицали: „Да представятъ матери, уважающія благоденствіе Республики и своего семейства, да представятъ намъ дѣтей своихъ (1) для принесенія въ жершву великому Сатурну!“

Не обманули ли меня глаза мои? Около двухъ сомъ Кароагенинокъ, которыхъ я не могу назвать матерями (Паншеръ и Гіэиъ нѣсколько справедливѣе можетъ принадлежать сіе названіе) — сіи женщины тѣснились одна предъ другою, чтобы скорѣе представили невинныхъ младенцевъ перваго возраста жестокимъ жрецамъ; а сіи послѣдніе поверембно отдавали ихъ въ руки снашу, которыя препровождали потчасъ сію жершву въ разверзшую пасть сего бога, и языкъ, посредствомъ другой пружины принявши младенца, повергалъ въ kloчущій желудокъ адскаго колосса; при всякомъ разѣ

---

(1) Жители Кароагена однажды въ годъ, и всегда въ одно время, приносили въ жершву 200 младенцовъ. *Lactance. divin inst.*

кларнеты и кимвалы заглушали своимъ органистнымъ звукомъ жалобные сипы несчастныхъ жертвъ, между тѣмъ какъ безчеловѣчныя ихъ матери воспѣвали гимны. Я не могъ выдержать сего звѣрскаго благочестія, и ослабѣвъ, упалъ безъ чувствъ на землю позади Римскаго Посланника. Харондъ, желая помочь мнѣ, невольно послѣдовалъ моему примѣру, и раздѣливъ со мною сію натуральную слабость. Абарисъ, въ изступленіи, въ нетодованіи, гораздо сильнѣйшемъ, нежели мы, осмѣлился опрестись къ Посланнику: „Что это! — не уже ли въ васъ угнѣшенъ тотъ великій духъ, которымъ вы столько украшались? или вы берете участие въ семъ ужасномъ преступленіи?“

„Молодой человѣкъ! отвѣчалъ ему въ полголоса Сенаторъ съ посѣдѣлой бородою, надобно уважать чужія обыкновенія.“ — Абарисъ, оставивъ его, подходитъ ко мнѣ, и мы рѣшились удалиться отъ сего ужаснаго зрѣлища, сколько позволяли намъ силы, произнося единогласно, что лучше бы: не имѣть совѣмъ Бога, нежели почитать такую Религію.

На третій день мы хотѣли поднять парусы, и отправишься къ Сардинскимъ

островитянамъ. Но прежде надлежало намъ присутствовать при заключеніи трактата, для котораго нарочно ѣхалъ въ Картагенъ Посланникъ, коему мы со-
путствовали. Герольдъ отъ имени Сената читалъ слѣдующее:

„Миръ и дружба воцаряется между Римскою Республикою и союзниками Римскаго народа, и между Картагенскою Республикою и союзными ея народами на такихъ условіяхъ: Римляне и ихъ союзники не простирались бы своимъ флотомъ далѣе мыса *Доброй Надежды* (*), исключая, естли они будутъ доведены до этого бурею или непріятелемъ. Въ такомъ случаѣ они здѣсь не получаютъ ничего, кромѣ вещей, необходимыхъ для главныхъ надобностей, или относящихся до жертвоприношеній. Тотъ, кто выйдетъ на берегъ, въ пять же дней его оставитъ. Торговцы не будутъ плашиться другой подаши, кромѣ жалованья публичному кличу, которой будетъ свидѣтельствовать обо всемъ томъ, что только будетъ продаваемо въ его присутствіи

(*) Мысъ, находящійся близъ Картагена къ Сѣверу.

въ Африкѣ и Сардиніи. Если кто - нибудь изъ Римлянъ вступилъ въ ту часть Сициліи, которая подвластна Картагенцамъ, то не потерпитъ никакого убышка, и во всемъ ему оказана будетъ справедливость. Картагенцы не будутъ беспокоивать Ардеанцевъ, Аппіанцевъ, Дрешипцевъ, жителей Лавренціи, Цирцеи, Террацины, и наконецъ ни одного Римлянина, подданнаго Римской Республики. Они не допрутся городовъ ихъ; если же какимъ и завладѣютъ, то опять возвращаютъ его Римскому народу невредимо. Не будутъ строить крѣпостей въ Ланціи; если же ворвутся туда непріятельски, то не имѣютъ права провесити въ немъ ни одной ночи.“

Къ сему трактату присоединились также и еще многія условія:

Римской народъ и его союзники останутся союзниками народу Картагенскому, Тиріанамъ, жителямъ Утики и другимъ союзнымъ народамъ Картагенскимъ, съ тѣмъ только условіемъ, чинобы они не старались о своей корысти, не производили торговли, и не строили бы городовъ далѣе Тарзеи и Масіи. Если Картагенцы возьмутъ какой-ни-

будь городъ въ странахъ Латинскихъ, но не изъ Римскаго владѣнія, то они, расхишивъ богатство, отдадутъ городъ Римскому народу.“

Сіи два образца, ученики мои! я не представляю, какъ два примѣра нравственности. Полишика одной націи опасительнѣе къ другой требуетъ немного, и умѣетъ имъ довольствоваться. Но здѣсь вы видите, что Картагенъ изгналъ Римлянъ изъ окрестностей Визаса въ Африку и изъ малой Сирты, гдѣ находились ихъ самыя богатые торги; и изъ сего заключить можете о взаимной недобровѣрчивости народовъ.

Благочестивыя клятвы подтвердили трактатъ сей. Картагенъ клялся великимъ богомъ всей страны — *Сатурномъ*; а Римъ, слѣдуя древнему обыкновению, клялся камнемъ. Герольдъ Посланника новой Республики, вознесши оупъ земли камень, произнесъ сіи священныя слова оупъ имени Рима: „Если я уважу клятву свою, то да благопріятствуютъ мнѣ боги; если же я ее нарушу добровольно и съ намѣреніемъ, то всѣ другіе народы да сохраняютъ свои владѣнія и дома, свои законы и права свои, свои храмы

и могилы! Но пускай Римъ погибнетъ одинъ и низвергнется долу, подобно сему камню, который я сію минушу выпускаю изъ рукъ своихъ. Свидѣтельствуюсь самимъ Юпитеромъ (*)!“ Герольдъ въ самомъ дѣлѣ опустилъ камень изъ рукъ своихъ.

Сія поржественная клятва и потъ прахатъ, который она подтвердила, потчасъ были вырѣзаны на двухъ мѣдныхъ доскахъ, чтобы одна изъ нихъ осталась въ архивѣ Картегенскаго Сената, а другая, будучи прикрѣплена къ кораблю, отправляющемуся въ Римъ, по приѣздѣ была бы помѣщена на одной сторонѣ бронзовой колонны, гдѣ Государь Туллъ приказалъ высѣчь прахатъ мира, заключеннаго съ смежными народами.

(*) Мы почли - было за нужное именно объяснить сію божбу, которая изъ числа многихъ другихъ дошла и до насъ; но мы одолжены сохраненіемъ сихъ подробностей Полибу. III 25.

Пифагоръ въ Гимнезіяхъ и Сардиніи.

На другой день мы опять разпустили парусы, чтобы плыть къ Сардинскимъ островитянамъ, свободнымъ союзникамъ Картегенскаго народа; но сильное стремленіе вѣтра воспрепятствовало нашему намѣренію, и принесло насъ къ одной изъ двухъ Гимнезій (Маіорка и Минорка); корабль нашъ остановился между двумя скалами, которыя, скрываясь до половины въ морской водѣ, какъ будто нарочно воспрещали входъ на сію острова. Мы принуждены были простоять въ этомъ мѣстѣ цѣлыя сутки: весьма справедливо называютъ *Счастливыми* сію острова. Ихъ жители почитаютъ Финикійцевъ своими первыми предками; по сему они трудолюбивы, и чрезъ ревность еще превосходятъ ихъ. Гимнезіане считаются первыми пращниками изъ всего свѣта. Своимъ именемъ одолжены они обыкновенію выходить на бой почти нагими. Они не носятъ даже и перевязи. Праща и щитъ составляютъ весь ихъ снарядъ воинскій. Въ мирное

время они имѣютъ обыкновеніе покрывать свое шло легкимъ плетеньемъ изъ простира (или соломенную цѣновкою).

Домашніе ихъ обычаи принадлежатъ имъ въ особенності. Надобно думать, что женскаго пола очень рѣдко рождаются между ими, потому что они съ охотою даютъ четверехъ мушкетеровъ за одну женщину. Жилища, сооружаемыя ими на мѣстахъ неприступныхъ, по причинѣ горъ ихъ окружающихъ, можно сравнить съ орлиными гнѣздами; и они тамъ почти въ такой же независимости, какъ и сіе могущественное пернатое. По крайней мѣрѣ не платятъ ли ихъ залото? Этого драгоцѣнный металлъ совершенно изгнанъ съ двухъ острововъ сихъ. Золото, сказалъ мнѣ одинъ изъ сихъ обитателей, вредитъ чрезвычайно той рукѣ, которая къ нему прикасается. Изъ всѣхъ родовъ яда, это самый дѣйствительнѣйшій и ужаснѣйшій.

У нихъ есть замѣчательное обыкновеніе: когда у кого заводится свадьба, то женихъ, не прикасаясь къ невестѣ своей, уступаетъ честь перваго опыта своему другу, или кому-нибудь изъ родственниковъ, кто на это согласенъ.

Они не сожигаютъ, ни погребаютъ умершихъ, но согнувши трупъ, стѣсняютъ его въ узкой урнѣ и закладываютъ камнями. На Малой Гимнезии (Миноркѣ) водятся онагры (1), скоты сильные, хотя и не такъ видные, которыхъ безъ труда употребляютъ они въ домашнихъ нуждахъ.

Мы тамъ нашли и *порфиріона* (*), водяную птицу, которая неспособна быть ручною; однакожь богачи и священники употребляютъ въ этомъ. Ихъ запираютъ въ храмахъ. Эта красивая птица одолжена своимъ именемъ живописцамъ, которые украшаютъ ея перья. Носъ ея и ноги разцвѣчены яркой алой краской.

Сардинія приняла насъ съ энтузіазмомъ на берега свои. Весь островъ, простирающийся въ широту на два дни верховой ѣзды, а въ длину вдвое далѣе, преисполненъ воспоминаній Геркуле-

(1) *Дикіе ослы*. Истор. о живот. Аристотелева, Кам.

(*) Парижская Академія Наукъ и Бюффонъ думаютъ, что это Французская курица нѣкотораго рода. — *Порфиріонъ* означаетъ *пурпуровый цвѣтъ*.

са, которой первой ступилъ на берега ея и населилъ Ливійцами. Мы успѣли замѣшить нравы Сардинянъ, еще нѣсколько дикіе и всегда упорные. Они, казалось, не слишкомъ дорожили жизнью. Каждый изъ нихъ, доживши до семидесяти лѣтъ, добровольно предшаеиъ предъ олшаръ вешаго днями Сатурна для добровольнаго прекращенія жизни. Природные жители сей страны желаютъ присвоить себѣ право одѣянія багряницы, не столько по страстию къ роскоши, какъ въ память ихъ основателя, изобрѣтшаго Тирійскую краску. Буйволова кожа служиъ имъ вмѣсто лашъ; у нихъ есть даже и кинжалы для дѣйствительной арміи.

Сардинцы по видимому стараются въ своихъ обыкновенныхъ костюмахъ чрезъ странннй покроей изкажать и самыя прелестныя черты, которыя Природа даетъ человеку; узкое ихъ платье съ трудомъ доспаетъ до бедеръ. Двойная перевязь, положенная крестъ на - крестъ на груди и на спинѣ, способствуеиъ имъ носить различнаго рода рухлядь. Многіе ряды кружковъ или ожерельевъ, сближенныхъ между собою, покрываютъ ихъ шею, и вышягиваютъ ее гораздо болѣе, нежели

сколько она длинна по природѣ. Подобныя же кружки украшаютъ ихъ ноги (*) до самаго плюсна, а прочее все обнажено. Голова ихъ, кругомъ обривая, покрытая чѣмъ-то наподобіе колпака Меркуріева, но поля у него сколько малы, что ушей совсѣмъ не закрываютъ. Островитяне перваго класса имѣютъ на себѣ волосы, но очень короткіе, и запялокъ всегда голый. Лобъ ихъ приосвненъ пшичьимъ перомъ, котораго конечность упадаетъ дугою.

Когда они ходятъ въ дорогу или на охоту, то вдвоемъ или впроемъ надѣваютъ на себя платье и сверху накидываютъ покрывало, которое всегда бываетъ одинакой длины, и съ одной только которой-нибудь стороны прикрываетъ всю талію. На изогнутой простинѣ носяиъ они чрезъ плечо большой кошель изъ кожи, для свѣспныхъ припасовъ или для дичи. На рукѣ носяиъ они лукъ, а на брюхѣ родъ псака, висящаго на длинномъ ремнѣ, прикрѣпленномъ къ че-

---

(*) Сардинцы и нынѣ еще имѣютъ въ употребленіи сію обувь.

ренку его. Два острые *аграфа* за ушами придерживаютъ весьма плоскій *баретъ* на обрешотой головѣ ихъ.

Горные Сардинцы, бѣглые островитяне, сокрывшіеся отъ набѣговъ Картагенянъ, много уже разъ ими предпринимаемыхъ, одѣваются лучше и гораздо просше. Старааясь сблизиться съ Природою, они нѣсколько успѣвають во вкусѣ.

Правленія нѣтъ у нихъ Монархическаго, но оно не болѣе можетъ назваться и Демократическимъ. Они держатъ себя въ среднихъ границахъ, составляя собою Республику, управляемую небольшимъ числомъ отборныхъ гражданъ. Судьба сего острова зависитъ отъ выбора, болѣе или менѣе мудраго, произведеннаго между собою его обитателями. Сейтъ цѣлой Сардиніи и резиденція Сената находится въ Ольбии (нынѣшней *Новой Земль*), старинномъ городѣ.

Горы, которыми страна сія изобилуетъ, способны къ принятію плуга; но къ сему надобно бы было приспособить самыхъ жителей, и они напро-

тивъ того заслуживаютъ то же названіе, которое несуть на себѣ и ситеры (*).

Они предпочитаютъ разбойничество земледѣлію, чего однакожь не было въ планѣ мудраго Аристеея, перваго Сардинскаго законодателя. Они вырываютъ себѣ логовища, изъ копорыхъ въ одно мгновеніе выскакиваютъ на берегъ для грабежа несчастныхъ мореходцевъ, или даже для нечаяннаго нападенія на корабли. Картагенъ предпринималъ уже прекратить сіе нарушеніе народнаго права.

Засуха есть главная принадлежность сего острова; почему Сардинцы рачительно и сохраняютъ снѣговую воду для лѣтнихъ потребностей. Они собираютъ зерна и плоды. Четверикъ пшеницы вѣситъ у нихъ двадцать фунтовъ съ половиною. Виноградные сады безподобны; паствы отличныя, между тѣмъ какъ жители стараются искоренять всякую ядовитую траву, которой они даютъ имя того мѣста, на коемъ она появится, и которой собственное имя *sardonica*. Какъ скоро по несчастному и непредвидимому

(*) *Infani montes*, несмысленныя горы.

случаю попадется сколько - нибудь сей нравы, то въ одно мгновеніе сократящія всѣ нервы лица, и несчастная жертва издыхаетъ, являя улыбку на челѣ своемъ. Смертельные конвульсіи уподобляются движеніямъ, бываемымъ при смѣхѣ. И сія - то плачевная особенность была поводомъ къ наименованію Сардоническаго смѣха. Сіе прозябаніе родится на берегахъ Тирсуса.

Сардинцы имѣютъ у себя еще не менѣе опаснаго непріятели: это насѣкомое изъ рода земляныхъ жуковъ. Его не лзя назвать ручнымъ, потому что онъ скрывается отъ лучей солнечныхъ; что и подало причину назвать его *solifuge*, или солнцелѣзнымъ насѣкомымъ. Обыкновеннымъ убѣжищемъ его служатъ серебряныя жилы подъ землею. Природа не всегда можетъ быть равно щедрою, такъ какъ объ ней думаютъ. Сардинцы плашатъ весьма много за сей драгоценный металлъ, опыскиваемый во внутренности земли ихъ. Но что понуждаетъ ихъ прудиться, копая землю въ глубину ея? естли бы они принялись вырывать одну только поверхность ея, то вѣрно,

будучи не менѣе богаты, не подвергали бы себя смертельному уязвленію *солнцелѣзныхъ* насѣкомыхъ.

 XIX.

Пиѳагоръ въ Корсику.

Одного часа мореплаванія довольно было, чтобъ изъ Сардиніи достигъ *Корсики*, острова, гораздо болѣе гористаго, нежели первой. — Корсиканцы изобилуютъ желѣзною рудою, и ихъ нравы очень согласуются съ симъ грубымъ и жесткимъ металломъ; а по сему можно заключить, что они имѣютъ особенное сложеніе, чтобы питаться мясомъ дикой собаки, и предпочитать его всякой другой пищѣ, какъ они и поступаютъ. — У нихъ можно найти плоды всякаго рода, и медъ, которой однакожь здѣсь не столько пріятенъ, какъ медъ горы Гиметта; потому что островъ сей изобилуетъ букowymi деревьями. Но воскъ вознаграждаетъ имъ сей недостатокъ; ибо онъ у нихъ гораздо плотнѣе и клейстѣе. — Тѣ островитяне, которыхъ обыкновенную

пищу составляет медь изъ ихъ ульевъ, живутъ гораздо больше, нежели другіе. —

Корсиканцы очень мало обходительны. Обстоятельства совсѣмъ не могли способствовать къ тому, чтобы научить ихъ быть ласковыми. Сія Фокійская колонія долго играла свободою и вольностію республиканскаго правленія; но не могла отказать отъ той подати, которую платилъ Тиренійцамъ. Мы сдѣлали весьма важное замѣчаніе, что Корсиканцы, попавшись въ неволю, теряютъ всю свою способность; они дѣлаются совершенно безумными, и ихъ понятія обнаруживаются въ нихъ по мѣрѣ ихъ свободы.

Мы посѣтили городъ *Алалію* (1), которая получила основаніе отъ Фокіянъ, чтобы служить для нихъ новымъ приходомъ, и отсюда-то отправились во Францію, чтобы тамъ основать себѣ мѣсто. Между тѣмъ какъ посланники Римской Республики исполняли дѣло своего посольства въ *Сирносъ*, въ главномъ Корсиканскомъ городѣ, отъ кото-

(1) Или *Каларисъ*, какъ называетъ его Діодоръ кн. V.

раго и островъ носилъ на себѣ имя долгое время, мы пробѣжали нѣкоторыя горы, потому что отсюда-то должно начинать разсмаивать главныя народныя обыкновенія.

Первый поразившій насъ предметъ былъ дряхлый оспровитянинъ, сидѣвшій при дверяхъ небольшой деревянной хижины; шесть козъ и шесть овецъ бродили около ея въ тѣни шести каштановыхъ деревъ. Сія особенность, касательно шестого числа, была примѣчена юнымъ Абарисомъ. Онъ спросилъ сему причины у старика, который извѣстилъ насъ о семъ слѣдующимъ образомъ:

„Это обыкновенная мѣра нашихъ потребностей. Чего недостаетъ въ участіи горнаго жителя Корсики, когда у него есть маленькой домикъ, шесть овецъ и столько же козъ, и наконецъ небольшое поле, котораго пространство соотвѣтствуетъ положенію, нужному для шести каштановыхъ деревъ? Не правда, ли друзья мои, что если бы земля такимъ же образомъ была раздѣлена на равныя доли между тѣми, которые ее населяютъ; правда, не было бы на ней богачей; но мѣсто не было бы и бѣдняковъ, и всѣ

были бы равно довольны своею судьбою? Неравенство состояній есть главная причина всѣхъ золъ, угнѣтающихъ родъ человѣческій. Съ одной стороны излишество, а съ другой недостатокъ; вотъ зародышъ всѣхъ злодѣяній и всѣхъ несчастій. Невинность и истинное блаженство возвращаются на землю тогда только, когда каждый будетъ имѣть только то, чего требуетъ самое существо его. — Путешественники! не примите сего моего обьясненія за бѣглое и химерическое. При всѣхъ повѣркахъ, основанныхъ на выгодахъ сего острова, Корсика, раздѣленная на равныя части, могла бы опивѣчать за содержаніе полумиліона людей. Но, увы! непрѣмная участь всѣхъ небольшихъ уголковъ земнаго шара, быть подъ властію у великихъ, и содѣлаться несчастною жертвою одного изъ сильныхъ, который первый догадается бросить на нихъ взоръ свой. Однакожь Корсика нѣкогда была щастливѣе; она служила постоянствомъ снисканной свободы, какъ наконецъ Фокіане вздумали добровольно убѣжать, предавъ отечественную землю въ руки Царя Персидскаго. Оказавъ несправедливость съ своей стороны, они

выгнаны были Эпрусками, и естли сіи послѣдніе не благоразумнѣе ихъ въ своихъ поступкахъ, по непрѣмно понесуть вскорости должную казнь отъ Иверіанцовъ или Картагенянъ, которые теперь въ разсужденіи насъ, какъ слышно, имѣютъ нѣкоторые планы. Среди таковыхъ возмущеній, другъ друга сильнѣйшихъ, слабая и стѣсненная колонія, игра нечаянностей, должна непрѣмно принимать лучи отъ всѣхъ предметовъ, окружающихъ ее отовсюду, и кончить лишеніемъ всякаго характера, или совокупленіемъ качествъ и недостатковъ самыхъ предосудительныхъ; это съ нами и случилось, и замѣчательно, въ нашихъ нравахъ есть смѣсь зла съ добромъ. Слой земли сего острова чувствуетъ, можно сказать, степень жалкаго существованія его обитателей. Будучи довольно плодоносенъ къ вознагражденію трудовъ человека, который бы вздумалъ его обрабатывать, не доставляетъ однакожь всего, что бы для него возможно. Корсика всегда почти кажется принужденною спараться о сохраненіи собственной безопасности. — Въ таковыхъ обстоятельствахъ здѣсь питаются только тѣмъ, что нечаянно,

такъ сказать, попадется въ руки. Не забываютъ земли для полученія послѣ для себя провизіи. Думаютъ только, какъ провести настоящей день, ни мало не помышляя о слѣдующемъ. Безпрерывно, по защищая самихъ себя, по нападая на другихъ, минуты перемирія посвящаютъ восстановленію силъ своихъ, бывъ однакожь не въ состояніи испустить всего до остатка, — на такой землѣ, которая, не будучи разпачительна, доставляетъ намъ все необходимое. Впрочемъ положеніе нашего острова есть самое выгодное для коммерціи и для хужестивъ: находясь между Европою и Африкою, Корсика могла бы почестъся центромъ или магазиномъ всѣхъ драгоценностей трехъ странъ свѣта. Горы наши довольно моглибъ снабдить насъ строевымъ лѣсомъ, чтобы вступить на флотъ, не требуя ни малѣйшихъ пособій отъ самолюбивѣйшихъ сосѣдей нашихъ. Къ сѣверной сторонѣ мы могли бы устроить прекрасныя гавани и пристомъ въ большомъ числѣ. Если воздухъ, вѣющій на берегу морскомъ, не очень здоровъ, то во внутренности острова можно найти свойство воздуха гораздо пріятнѣе и свѣ-

жѣ; и тѣ, которые, разположившись въ отдаленности отъ берега, дышатъ самымъ умѣреннымъ воздухомъ, достигаютъ до глубокой старости, не чувствуя припадковъ, нераздѣльныхъ съ дряхлостію.

Пиоагоръ. Почтенный островитянинъ! ты собою представляешь сему примѣру самый щастливый.

Старикъ. Весь сей островъ усѣянъ маленькими городками, которыхъ домики такимъ образомъ разположены между собою, что при малѣйшемъ знакъ тревоги готовы къ взаимной помощи. Почтенные чужеземцы! вы здѣсь могли замѣтить почти повсюду образъ брани между людьми, которыхъ Природа произвела на свѣтъ братьями.

Харондъ. Такъ, повсюду, добрый старецъ!

Старикъ. И по сему вѣрно справедливо мое мнѣніе, что не лзя слѣзать ни одного шага на земномъ шарѣ, чтобы не примѣтить знаковъ вѣроломства и ненависти; по этому вся земля есть ничто другое, какъ поле сраженія? — Васъ должно было поразить то нерадѣніе, которое принято здѣсь въ одѣяніи Корсиканцевъ. Друзья мои! ща-

спливые народы съ удовольствіемъ занимаются нарядами своими; народы избалованные имѣютъ разборчивость въ своемъ платьѣ. Но колонія, которая живетъ среди безпрестанныхъ возмущеній, которую необходимость обязываетъ быть жестокою, украшеніемъ имѣетъ одни только убійственные оружія. Мы здѣсь всеминутно въ вооруженіи, даже и во время сна. Каждый Корсиканецъ есть вооруженный воинъ, не исключая и земледѣльцовъ. Горные пастухи наши совсѣмъ опличнены отъ *Темлейскихъ*: мирное занятіе, стеречь стада свои, не могло умягчить ихъ свойства. На звукъ, противный пастушескому рогу, оставляютъ они женъ своихъ и овецъ, бросаются къ своимъ кинжаламъ, летятъ на долину къ своимъ одноземцамъ, и жаждая смертоубійства, ожидаютъ кровопролитнаго сраженія. Сіи толпы, безъ порядка, безъ всякихъ правилъ, заставляютъ шрепетать нашихъ злодѣевъ. Насъ легко можно разсѣять, но атаковать рѣдко.

„Такое же состояніе Корсиканцевъ впекаетъ даже и въ домашнія ихъ обыкновенія. Корсика не есть убѣжище ща-

стія для женскаго пола; равно какъ и для мужскаго; мушны взираютъ на нихъ какъ на нижшихъ себя существъ, какъ на орудія удовольствія, которыхъ тотчасъ по наслаженіи они и бросаютъ. Время любовныхъ связей здѣсь непродолжительно, и брачные обряды, какъ какъ и веселости, бываемыя во время свадьбы, ознаменованы какою-то грубою и позорною простотою. По возвращеніи изъ храма бросаютъ нѣсколько горстей зеренъ на голову невѣсты, и женихъ, не дожидаясь ночи, оставляетъ собраніе, и даетъ невѣстѣ повелительный знакъ слѣдовать за нимъ. Сія несчастная, болѣе опасаясь слѣдствій неповиновенія, нежели по какому-нибудь другому чувству, поспѣшно уходитъ по слѣдамъ жениха своего, или лучше сказать, своего повелителя, и снявши съ себя все до остатка одѣяніе, возходитъ на брачное ложе, не будучи ожидаема удовольствіемъ, и не срътая ничего скрытнаго, ничего таинственнаго: Гименъ не возжигаетъ у Амура своего свѣшльника; Граціи не повергаютъ гирляндъ къ ногамъ нѣжнаго, страстнаго побѣдителя; опытъ не находитъ здѣсь

мѣста своимъ возраженіямъ; услажденіе не избѣряются спешеніями: все грубо, все насильственно, безъ малѣйшаго чувства почной цѣны. Немедленно за симъ тягостнымъ и принужденнымъ заколеніемъ супругъ ошастливленный, или лучше сказать, удовольствованный, опворяетъ брачную комнату шупошнымъ дѣвицамъ, которыя при видѣ окровавленнаго покрывала привѣпствуютъ прежнюю свою подругу, и поздравляютъ съ новымъ шиломъ супруги. Съ завтрашняго дня сія новая супруга несетъ на себѣ всю тяжесть своего достоинства; всѣ заботы о домашнемъ хозяйствѣ лежатъ уже на ней одной, и потомъ очень рѣдко раздѣляетъ она ложе и столъ съ своимъ супругомъ, какъ наконецъ содѣлывается главною изъ его невольницъ. Трудно согласить то презрѣніе, которое Корсиканцы оказываютъ своимъ супругамъ, съ тою ревностію, которую сія послѣдняя возбуждаютъ къ себѣ въ мужьяхъ своихъ; но все сіе объяснися, коль скоро вникнемъ мы въ человеческое сердце, способное къ принятію впечатлѣній, другъ другу противорѣчущихъ.“

„Корсиканцы превозносятъ вѣрность женъ своихъ, и ее почитаютъ драгоценнѣйшимъ сокровищемъ. Они приобрѣли тайное искусство обезопасить себя на щетъ ихъ вѣрности. Тягостное положеніе, въ которомъ находятся жалкія сіи жертвы, лишаетъ ихъ въ короткое время всѣхъ способовъ и покушеній нравиться. Презрѣніе, подъ тяжестью котораго онѣ спенаютъ, обидливое обхожденіе, котораго служатъ несчастною жертвою, заставляетъ ихъ увядать преждевременно, и приводитъ въ состояніе несмысленности, весьма мало различающейся отъ понятія выучныхъ скотовъ, которые помогаютъ имъ въ ихъ работахъ; шастливы жены, еспли ихъ мужья, у коихъ въ рукахъ и жизнь и смерть ихъ, снимаютъ съ нихъ тяжкое бремя жизни!“

„Корсиканцы, которые опредѣляютъ въ прислугу къ себѣ женъ своихъ, согласились бы лучше умереть съ голоду, нежели бытъ въ услугахъ у иностранца, или у соотечественника. Мысль подчиненности поражаетъ ихъ; бытъ въ крѣпости для нихъ кажется состояніемъ самымъ позорнымъ, и почему бы то ни

было, ихъ не принудишь сказать: я принадлежу такому-то. Никакой народъ на землѣ не чувствуетъ во всей силѣ достоинства свободного человѣка, кромѣ Корсиканца. У здѣшняго нагорнаго жителя душа столько же возвышенна, какъ и топъ грунтъ земли, на которомъ онъ обитаетъ. Онъ услуживаетъ отцу своему, себѣ научаетъ помогать дѣшею своихъ, и никогда не можетъ согласиться оказывать услуги себѣ подобнымъ. Всѣ люди по его примѣру должны шествовать равнымъ шагомъ по одной и той же стезѣ, отъ одного края земли до другаго. —

Юный Абарисъ, прервавши рѣчь старца, воскликнулъ: и мы такого же мнѣнія!

С т а р и к ъ. Я бы умертвилъ самаго себя, если бы имѣлъ противныя симъ мысли. Мы, жители Корсики, совсѣмъ не понимаемъ, какимъ образомъ сынъ Природы можетъ наниматься или продавать самаго себя кому-нибудь изъ своихъ собратьевъ; какимъ образомъ можно жить и двигаться по чужой волѣ? Корсиканецъ, повелѣвая стадомъ скотовъ самыхъ презрѣнныхъ (это стадо свиней),

но которое есть его собственность, и въ худой одеждѣ почитаетъ себя наравнѣ съ Даріемъ, одѣтымъ въ пурпуръ. На горахъ нашихъ мы признаемъ только два закона: опцовскую власть, и сыновнюю покорность.

Куда сокрылось то щастливое время, въ которое каждое семейство, довольствуясь самимъ собою, не имѣло нужды платить рабскую дань своему сосѣдству? Тогда, при видѣ человѣка, преклоняющаго колѣна предъ другимъ, можно было рѣшительно сказать: это сынъ, исполняющій долгъ сыновней обязанности! Тогда слова: *Господинъ и слуга*, неизвѣстны были ни на какомъ языкѣ; тогда вся земля подобила горахъ Корсиканскимъ (*).

(*) *Prima est ulcisci lex, altera vivere rapto, Tertia mentiri, quarta negare Deos.*

La vengeance et le brigandage,
Le mensonge et l'impiété :
Telle est la trop fidelle image.
Du Corse toujours indompté.

Сенека Философъ былъ оставленъ на сей разъ съ своею Философіей, и безъ сомнѣнія въ негодованіи писалъ сіе

Пифагоръ въ Марсели.

Мы разпустили парусы и опправились въ *Марсель*. Служб о нашемъ тудѣ при бздѣ предупредилъ насъ самихъ; нашъ корабль встрѣченъ былъ пушечнымъ выстрѣломъ: жители сей страны съ нешеривливостію ожидали насъ въ гавани. Какъ только примѣтили мы другъ друга издали, то они простирали къ намъ свои объятія. Три Члена *Марсельскаго Сената* опряжены были къ намъ на встрѣчу, и боги поставилъ насъ въ самомъ треугольникѣ, который долготѣ гавани образуетъ съ берегомъ верхняго моря. Мы съ трудомъ могли взойти въ городъ, потому что тяжесть отъ множества народа попопила гавань. Молодой *Абарисъ* не могъ слѣдовать за

двуспишіе на *Латинскомъ* языкѣ. *Оспровъ Корсика*, куда онъ былъ сосланъ *Клавдіемъ*, не могъ никогда сравниться съ *Римскимъ* *Дворомъ*.

Какъ бы то ни было, но не должно приниматьъ того слова, которое вырвалось во гнѣвъ у придворнаго, пришедшаго въ немилость у своего *Государя*.

нами, не согласившись сперва оставить дрожекъ, который онъ носилъ всегда въ рукъ своей, и который упросили его не брать съ собою. — Закономъ запрещено впускать въ *Марсель*, какого бы то ни было иностранца, съ оружіемъ.

Насъ препровели въ публичный замокъ, гдѣ засѣдали 600 *Сенапоровъ*, изъ которыхъ пятнадцать составляютъ *Верховное Начальство*; изъ сихъ же послѣднихъ еще трое *Вельможъ* держатъ вѣсы полномочнаго правленія, и почищаются первыми членами всей *Республики*. Имъ отдають всю возможную честь, и мѣста ихъ сдѣланы возвышеннѣе всѣхъ прочихъ, изъ которыхъ одно и занялъ по ихъ же приглашенію *Римскій посланникъ*.

„*Народъ Марсельскій*, сказалъ онъ тогда на *Элійскомъ* языкѣ (1) (это

---

(1) Смотри *разсужденіе на Римл. Пеллусьера*. Всѣ пѣ опривки, говорившя просвѣщенный *Берлинскій Пасторъ*, которые сохранены намъ *Діогеномъ Лаертціемъ* и *Ямбикомъ* послѣ нѣкоторыхъ *Философовъ Пифагоровой секши*, преподававшихъ въ *Италіи* свою нравственностъ всѣ были писаны на семь *Элійскомъ* языкѣ.

языкъ употребляемый въ Греческихъ колоніяхъ, въ Іоніи и Римѣ), съ тѣхъ поръ, какъ вы владѣете симъ берегомъ, всѣ примѣчаютъ за нами, что вы повергаете въ волны грубую массу жельза, произнося обыкновенную свою клятву: *удобнѣ сія грубая масса можетъ всплыть на поверхность воды, нежели Марсельскіе Фокіане содѣлаются невольниками.* Народъ Марсельскій! Римляне хотятъ произнести сію клятву. По изгнаніи Тарквинія Суперба, Римъ, содѣлавшись также свободнымъ какъ и Марсель, хочетъ укрѣпить пошъ узелъ, который связывалъ сіи два города во времена Тарквинія Старшаго. Сіи двѣ Республики должны содѣлаться двумя сестрами, соединенными тѣснымъ союзомъ. Ронъ и Тибръ плѣтятъ дань водѣ своихъ, одному и тому же морю. Марсель и Римъ, орошаемые струями сихъ двухъ рѣкъ., приносятъ также одному божеству *Независимости* усердныя свои жертвы. Для доказательства и подтвержденія правъ своихъ, да сокупятъ сіи двѣ страны всѣ силы свои и способности во едино! и весь свѣтъ, взирающій на насъ завидливымъ окомъ, рев-

нуя подражать намъ, сперва станетъ учиться уважать насъ.“

Старшій изъ шрехъ главныхъ Вельможъ Марсельской Республики былъ назначенъ къ опвѣтствованію отъ имени Сенапа и всей страны. Передъ нимъ лежалъ мечъ, покрытый ржавчиною; онъ взялъ его въ руку, и началъ такимъ образомъ:

„Посланникъ Римской Республики! посмотри на этотъ мечъ: мы хранимъ его съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Фокіане поселились въ Іоніи, и будемъ хранить до тѣхъ поръ, какъ Марсель разпространилъ свои предѣлы до самой Галліи. Этотъ заржавѣвшій мечъ служилъ эмблемою нашей приверженности къ законамъ, къ нашимъ нравамъ и общимъ установленіямъ, и имъ-по клянемся мы бытъ навсегда вѣрными союзниками Римскому народу. И такъ подтвердимъ нашу клятву предъ жертвенникомъ Ефесской Діаны; она блюла насъ на этомъ берегу. Римъ и Марсель достигли наконецъ одной и той же цѣли, хотя различными стезями, и представили славные примѣры подражанія народамъ. Приятно было смотрѣть на насъ, когда мы,

угрожаемые нападеніем Царя Персидскаго, съ великою дѣятельностію вступили на флотъ, унеся съ собою олтари боговъ нашихъ, и книги закона, а оставили прочее деспоту Азіи. Приятно было смотрѣть на народъ, который лучше согласился, совокупившись вмѣстѣ, покинуть мирныя свои жилища, нежели въ недрѣ ихъ сносить пятоспное иго рабства, и избралъ щасливые берега сіи для основанія новаго себѣ опечества. Римляне также представляютъ въ сіе время можетъ быть еще завиднѣйшее зрѣлище, зрѣлище той страны, которая, едва возникая, заперла свои тавани злодѣю, подкрѣпляемому многими смежными народами. Одни и тѣ же чувства сближаютъ между собою Римъ и Марсель; какой священный узелъ ихъ соединяетъ! Да будетъ самъ Марсъ, именемъ коего гордится Марсель, вѣрнымъ порукой сего соединенія! Соединимъ наши оружія на подкрѣпленіе общихъ правъ нашихъ: какая война болѣе имѣетъ права назваться законною, какъ не предпринимаемая къ сохраненію свободы? "

Такимъ образомъ сеймъ сей достигъ храма при всеобщихъ восклицаніяхъ.

Харондъ и я не опешавали ни на минушу отъ Римскаго посланника. Приблизившись къ жертвеннику Марса, бросили мы любопытный взглядъ на окрестности, и увидѣли приближающихся двухъ жрецовъ, за которыми слѣдовали два челоѣвка почти совсѣмъ обнаженные, увѣчаные лаврами, съ гирляндой изъ оливной вѣтви на груди. Они преклонили колѣна на ступеняхъ жертвенныхъ, для полученія роковаго удара отъ убійственной руки жреца. Я тотчасъ приблизился къ симъ жертвамъ, и ставши между ими и жрецомъ, занесшимъ уже сѣкиру надъ несчастнымъ, воскликнулъ: „Жители Марсельскіе! какъ! вы хотите быть свободными, не научившись челоѣвколюбію? "

Священникъ съ негодованіемъ прерываетъ слова мои: „ты вѣрно совсѣмъ не знаешь, что одна изъ сихъ жертвъ есть военнопленный, а другая уголовный преступникъ, оба обвинены по нашимъ законамъ и обыкновеніямъ? Чужестранецъ! благоговѣй предъ нашими обычаями и законами. "

Но я еще горячѣе вступаюсь, и говорю ему: „что благоговѣю предъ од-

нимъ только правосудіемъ. Если бы въ сихъ двухъ жертвахъ нашель я Царя Персидскаго и Тарквинія Суперба, то я бы позволилъ убить самото себя, коль скоро отвратилъ бы глаза отъ сего убійства; но казнить плѣнника! чтожь касается до преступника, то не уже ли нѣшь у васъ кромѣ смерти никакихъ трудныхъ и изнурительныхъ работъ для наказанія? Для торжествованія независимости двухъ соединенныхъ народовъ, и для подтвержденія союзнаго договора, не уже ли нѣшь у васъ другихъ выразительнѣйшихъ символовъ? Я видѣлъ въ вашей тавани большое количество садковъ, способствующихъ къ сохраненію свѣжести рыбъ и ими преисполненныхъ. Презрите сіи изобрѣшенія, недостойныя республиканскаго народа; возвратите лучше свободу рыбамъ, запертымъ въ садкахъ своихъ, и не помрачайте болѣе взоровъ своихъ изображеніемъ рабства.“

Римскій посланникъ поддержалъ на этомъ разв мою сторону со всею особенною снисходительностію своего характера, которымъ отъ природы былъ украшенъ. Жрецъ Марсова храма, принужденъ будучи ослабить судьбу своей

добычи, не потерялъ однакожь надежды войти въ жестокія права свои во время нашего опсупствія.

Особеннымъ указомъ опредѣлено было выгравировать союзный прагматъ между двумя Республиками на двухъ мѣдныхъ доскахъ, изъ которыхъ одна должна была помѣститься въ Капитоліи. Къ ней приложены также казенныя печати города Марсели и города Рима; первая предсавляетъ *морскаго волка* (*), а другая *волгицу*.

Остатокъ дня прошелъ въ торжествованіи; всѣ чужестранцы въ ономъ участвовали, какъ-то: Финикіяне, Картагеняне, Иверіанцы, Эпурурцы, Лигурійцы и особенно Галлы. Симв послѣднимъ оказывалъ я особенное преимущество предъ всѣми, намѣреаясь проникнуть даже славнаго мѣстопребыванія Друидовъ въ сей странѣ. Одинъ Селонянинъ извѣстилъ насъ, что эпоха ихъ великаго собранія не была еще близка, и мы рѣшились пробыть нѣсколько дней болѣе въ Марсель.

(*) *Phocæ* или *Phocæe*, эпимологія имени города *Фоніи*.

Городъ сей соединяется съ твердою землею посредствомъ только нѣкошораго протяженія земли, содержащаго въ себѣ отъ семи до осьми сотъ квадратныхъ футовъ. Основатели его какъ будто хотѣли поспроить на самыхъ волнахъ морскихъ, чтобъ не зачать какой-нибудь вражды съ природными жителями страны той. Берегъ сей очень сухъ и способенъ для жительства однимъ только людямъ, привыкшимъ къ морскому воздуху.

Между прочимъ попросили меня виномъ, очень крѣпкимъ, и увѣряли, что оно и въ маломъ пріемѣ весьма дѣлительное. Оно доставляется изъ виноградныхъ садовъ, которые въ большомъ количествѣ разсѣяны по берегамъ, на нѣсколько тысячъ футовъ отъ Марсели, ближе къ внутренности сей страны.

Въ Марсели, такъ какъ и въ Римѣ, въ самомъ должайшемъ днѣ въ году не можетъ быть больше пятнадцати часовъ и семи минутъ.

Марсель содержитъ у себя придворныхъ водолазовъ, для доставанія гречкой губки, и особливо коралловъ. Сіе морское произведение, находящееся въ избыткѣ

къ на берегахъ Галліи, очень занимаетъ ея обитателей, и заставляетъ его отыскивать. Марсель гораздо выгоднѣе дѣлаетъ изъ него употребленіе: кораллы служатъ рѣдкимъ украшеніемъ для мечей и щитовъ ихъ.

Марсель основаніемъ своимъ имѣетъ свислый каменистый утесъ, наклонившійся въ видѣ амфитеатра. На мѣстѣ, болѣе возвышенномъ, оканчивается цинадель, замыкающая храмы Дианы Еоеской и Дельѣйскаго Аполлона. Жерпвенники, сооруженные въ честь Марса и Флоры, помѣщены уже въ самомъ городѣ гораздо пониже, гдѣ также находится и статуя Минервы, представляющая сію богиню сидящею. Марсель боготворитъ также и Эскулапа.

Засѣданіе Сената бываетъ на публичномъ мѣстѣ и продолжится до тѣхъ поръ, пока не соороятъ для него особеннаго и приличнаго зданія. Законодательный корпусъ сей сохранилъ всѣ Греческія формы. Чтобы имѣть свободный входъ шуда, должно быть отцомъ семейства: того требуютъ законы Іонійскіе во всей чистотѣ своей, въ какой они сочинены были премудрымъ Фалесомъ.

Я присутствовал при шестисотномъ Сеймѣ; намъ сказали, что скоро будетъ сцена, совсемъ новая для Харонда и для меня. Чрезъ нѣсколько времени въ самомъ дѣлѣ одинъ старикъ предсталъ передъ Сенаторовъ, собравшихся въ Трибуналъ, и говорилъ:

„Правители Марсея! ни одинъ гражданинъ не долженъ оставлять жизнь свою безъ вашего согласія; соблюдая законы моего отечества, я предложу вамъ причины, понуждающія меня сойти во гробъ ранѣ того часа, который предписала мнѣ Natura. Надѣюсь, что вы, видяши мнѣ, не откажете подать мнѣ отраву, которую предусмотрительный законъ блюдетъ всегда подъ симъ портикомъ. — Еще три года, и я могъ бы быть зрителемъ революціи нашего вѣка. Я столько пережилъ, что мнѣ нечего уже болѣе видѣть. Я былъ всемъ, чѣмъ только быть могъ; исполнялъ все должности; соблюдалъ все права мои; видѣлъ, какъ умирали возлѣ меня мои прадеды и мои попомки. Я имѣлъ друга; мы просили боговъ, чтобы погибли вмѣстѣ; но боги отказали намъ въ сей благосклонности: они похитили

друга моего; но сильны ли заставить меня пережить его? Не думаю. Родившись Фокійцемъ, я умру Марсельцемъ; я умѣлъ насладиться бытіемъ моимъ. Если бы отечество мое не было свободнымъ, я остался бы еще на земли, чтобы не умереть невольникомъ; теперь мнѣ нечего болѣе желать. — Если я существую еще, то это потому, что или Природа забыла меня, или ошиблась во мнѣ. Я не могу ей быть полезнымъ; Республика не имѣетъ нужды во мнѣ; я занимаю на землѣ мѣсто, которое бы давно должно было уступить другому; я упомянулъ жизнь; насталъ часъ моего покоя. Послѣ долгихъ лѣтъ жизни моей, Сенаторы! позвольте мнѣ заснуть смертнымъ сномъ.“

Члены шестисотнаго Сейма совѣтовались между собою нѣсколько о семъ предметѣ; и наконецъ приказали подать отраву старику. Онъ самъ помогалъ разширять ее въ чашѣ, и потомъ, сѣвши на длинную скамью, опредѣленную только на сіи случаи, опустошилъ роковой сосудъ, принесши напередъ въ жертву изъ онаго нѣсколько капель доброму Генію, покровительствующему городу Марселю.

Наконецъ простился онъ съ полною соотечественниковъ своихъ, кои все обступили его кругомъ. Онъ умиралъ медленно, или лучше сказать засыпалъ. Тѣло его было положено во гробъ, и вынесено за городъ, въ поле свободныхъ людей; ибо въ Марсель есть два рода похоронъ.

Я спросилъ Харонда: согласился ли бы онъ съ мнѣніемъ Марсельскаго Сената?

Нѣтъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, я лучше бы отослалъ назадъ этого старика, и предоставилъ бы его законамъ Природы; а болѣе уничтожилъ бы сіе смѣшное обыкновеніе оправлять себя ядомъ отъ скуки долговременной жизни.

Этотъ случай напомнилъ мнѣ, что въ Индіи (1) часто видалъ я развѣшенные топоры, топовые събъ головушму, кто соскучился жизнию.

Другая сцена, для меня не менѣ странная, послѣдовала за первую: одинъ несчастный гражданинъ предсталъ предъ Сенатъ, и предавалъ себя добровольной смерти на случай, естли городъ Марсель, угнѣбаемый смертоносною язвою,

(1) Описаніе Индіи Тиффеналера.

или какимъ-нибудь другимъ бѣдствіемъ, будетъ имѣть нужду въ очистительной жертвѣ. Его приняли и будущъ кормить на щетъ общества до тѣхъ поръ, какъ найдутъ случай принести его въ жертву для умилоствивленія раздраженныхъ боговъ.

Но заслужилъ ли онъ это? спросилъ я согражданъ его. Можеть быть бѣдность, а не Религія, внушила ему мысль сію.

Это у насъ обыкновеніе, отвѣчали мнѣ. Эти обычаи — сказалъ намъ тотъ же Соліанецъ, который взялся намъ быть проводникомъ въ Марсель — не собственно наши національные. Они принесены намъ были изъ Іоніи вмѣстѣ съ жертвоприношеніемъ людей; но Фокіане имѣютъ и другія премудрѣйшія учрежденія.

Марсельцы слишкомъ далеко уже отстали отъ нравственности своихъ основателей въ важныхъ случаяхъ. У Фокіанъ не было ни невольниковъ, ни рабовъ; въ каждомъ семействѣ младшій служилъ старшему, или лучше, ему повинился.

Меня болѣе трогаетъ то, что мы, другіе добрые Галлы, съ жадностію

бросаемся на то, что видимъ новаго. Новость не даетъ намъ времени сдѣлать хорошей выборъ.

Впрочемъ иностранцы сіи съ отъѣздомъ просыма и миломъ видомъ пришли къ намъ. Мы торжествовали праздникъ: вдругъ останавливается ботикъ при устьѣ Роны, выходитъ труппа молодыхъ людей съ короткими волосами и въ длинныхъ платьяхъ. Сей костюмъ, который довольно разнился съ длинными нашими волосами и короткими мантіями, былъ очень примѣненъ для нашихъ поварихъ. — „Кто вы такіе, спросили у нихъ, и чего вы ищете?“ — Они отвѣчали: „Мы идемъ изъ Корсики, и не очень далеко. Мы уроженцы Аѳинскіе (*), дѣти Фокей, Іонійскаго города меньшей Азіи. Наша земля, угрожаемая властію одного Государя, едва можетъ продовольствовать наши нужды.“ —

А у насъ, сказали мы имъ, она суха и камениста, но за то можетъ производить оливы и виноградъ. — На сіе отвѣчали они: Мы принесемъ вамъ виноградникъ

(*) Фокей была одна изъ Аѳинскихъ колоній.

и оливныя деревья; присоединивши свою коммерцію, приведемъ всю колонию въ цвѣтущее состояніе. Уступите намъ эту песчаную мѣль, которая выдалась въ море; въ замѣнъ вашей потерѣ мы введемъ къ вамъ всѣ Греческія науки, и особенно коммерцію, которая обогащаетъ самыя скудныя страны. Теперь вы, кои кажетесь гостепріимными, скажите намъ въ свою очередь, кто вы таковы, дабы мы могли рассказать о васъ своимъ соотечественникамъ?

„Скажите мѣмъ, которые послали васъ, что вы пристали къ берегу Салианскихъ Галловъ Цельпской колоніи, соединенной съ Тектосагами, происшедшихъ отъ однихъ и тѣхъ же Гипербореическихъ предковъ. Довольствуясь небольшими владѣніями, мы не желаемъ болѣе ничего, кромѣ дружбы нашихъ братьевъ и признательности иностранцевъ, которые имѣютъ въ насъ нужду. Мы принимаемъ васъ охотно. Скажите также семействамъ своимъ, что мы живемъ здѣсь небольшими селеніями одно отъ другаго въ отдаленіи, но которыя умѣютъ скоро соединяться при первомъ извѣстіи о приближеніи общей

опасности. Мы отвергаемъ объявія крошкѣмъ иностранцамъ, и умѣемъ отражать всякое непріятельское нападеніе. Вы можете возвратиться къ намъ, и занять сію пустую область, между тѣмъ какъ народъ нашъ, сильный храбростію и многочисленностію, готовится переселить себя подъ начальствомъ Белловеса и Сиговеса. Амбигатъ, сильнѣйшій и старѣйшій изъ всѣхъ полководцевъ, совѣтовалъ намъ это.“

Черезъ нѣсколько времени Эокіяне въ самомъ дѣлѣ возвратились къ намъ многочисленнѣе. Они составили флѣтъ, обогативши его самыми драгоценнѣйшими вещами, какія только могли увезти. Сближеніе обстоятельствъ внушило намъ большую съ ними связь. Многолюдство требовало раздѣлить весь народъ на колоніи, которыя были бы страшны вездѣ, гдѣ бы ни приходили, гдѣ бы себя ни основали. Эокіяне напротивъ того принуждены были занять небольшую часть земли, и согласились кочевать при морѣ, чтобы избѣжать сѣней, которыя готовились имъ на твердой землѣ. Впрочемъ они не менѣе должны были опасаться въ Корсикѣ, будучи безпресшанно обезпокоиваемы народомъ рев-

ностнымъ, который исключительно хотѣлъ себѣ присвоить морскую торговлю. Вотъ происхожденіе Марсея!

Соліанецъ, который разговаривалъ съ нами такъ ласково, не пустилъ насъ отъ себя, не показавши напередъ подъ рукою многихъ кремней, которые собираются въ быстрыхъ водахъ рѣки Роны. Они изрисованы были Греческими липерами. Безъ вѣдома Друидъ нашихъ, сказалъ намъ онъ, выбрали мы сію матерію для сохраненія и доставленія нашимъ потомкамъ многихъ премудрыхъ законовъ, учрежденныхъ Марсельскимъ Сенатомъ: Финикійскіе купцы показали намъ способъ писать на табличкахъ сихъ совсѣмъ новымъ родомъ. Инструменты, годные къ насѣчкѣ самыхъ плоскихъ камней, произошли отъ Египца, и уже нѣсколько вѣковъ были въ употребленіи.

Но одинъ Грекъ, который не имѣлъ причины быть снотельнымъ, какъ Соліанецъ, уступилъ мнѣ нѣсколько изъ сихъ самыхъ кремней. На одномъ изъ нихъ начертано было имя Марсея, имя матери всего осмечесца и шипло *Антома*, самое прекрасное, какое только можешь носить на себѣ какой-нибудь

городъ. Слова сіи изображены были въ кругъ небольшого бошика, означеннаго только одною чертою. Два изъ сихъ ручныхъ монументовъ я взялъ съ собою, изъ которыхъ и шотъ и другой, казалось, почти сама *Натура* образовала. Одинъ высеченъ былъ на выпуклости, а другой во впадинѣ. Воскъ и немного уксусу очень довольно будетъ для сей рѣзьбы. Во многихъ обстоятельствахъ кремни сіи могли бы служить ходячею монетою. Во время продолжительной войны или блокированія можно сдѣлать ихъ *деньгами осажденныхъ*. Марсельцы употребляютъ ихъ для того, чтобы закѣны *Метрологіи* своей сдѣлать публичными и общими.

Я узналъ, что кубическая ладонь въ Марсель равняется Дельойскому футу.

XXI.

Пифагоръ въ Галліи. Нравы Галловъ.

Мы пошли соединиться съ Абарисомъ, который ожидалъ насъ, по общему согласію, въ священной рощѣ у вѣтхихъ

дубовъ, обожаемыхъ въ сей землѣ, подобно олшарю. Это было на другомъ концѣ города за стѣнами, на той дорогѣ, которая вела во внутренность земли сей. Абарисъ былъ шотъ не одинъ. Онъ отыскалъ юнаго друга, Гиперборейца изъ Ретіи, который прелестнымъ путешествіемъ предпочиталъ науку божественныхъ и человѣческихъ познаній подъ руководствомъ Друидъ. За нѣсколько времени передъ тѣмъ, какъ ему надлежало идти въ большое собраніе къ *Карнутама* (нынѣ Шаршр), онъ предложилъ намъ свою услугу проводить насъ. Сей молодой человѣкъ имѣлъ воображеніе и сердце пламенеющее, нежели Абарисъ. Прежде нежели пустились мы въ дорогу, онъ захотѣлъ насъ предупредить нѣкоторыми извѣстіями о пространной сей землѣ, которую почиталъ какъ бы своимъ отечествомъ и полагалъ колыбелью всего человѣческаго рода.

„Цельты, Галлы или Гиперборейцы, сказалъ намъ Абарисъ съ живымъ и похвальнымъ энтузіазмомъ, простираются отъ Дунайскихъ водъ до Океана, и отъ вершинъ Алпійскихъ или Риейскихъ горъ, въ Ретіи, до тѣхъ самыхъ клима-

шовъ, гдѣ воздухъ всегда бываетъ *лучше*.”

Харонъ не понялъ сего выраженія.

Абарисъ ошибчалъ: Мы называемъ *лучше* тѣ земли, которыя отдалены подъ Сѣверный полюсъ, всегда покрыты и бѣдятся снѣгами, похожими на лебединый пухъ. Мы можемъ то же сказать о самыхъ высочайшихъ горахъ нашихъ. Этимъ отдаленнымъ народамъ я обязанъ своимъ происхожденіемъ — ихъ называютъ *независящими* или *варварами*. Но по моему мнѣнію значить много показывать умъ свой, естьли живешь безъ начальства.

Можетъ быть мы первые основали богопочитаніе Солнцу, которое будучи отъ насъ гораздо отдаленнѣе, а часто и совсѣмъ скрываясь отъ насъ, возбуждало къ себѣ живѣйшую въ насъ набожность и признательность. Мы не посвящаемъ ему ни храмовъ, ни статуи, ни жертвенниковъ; но за то жертва, приносимая нами ему, гораздо его достойнѣе — это Астрономической столбъ, освѣщенный его лучами. Многие изъ насъ, желая быть всегда въ его присутствіи, совсѣмъ не строятъ домовъ себѣ. Они обитываютъ въ лѣсахъ и впадаютъ по-

крывающими ихъ древесными плодами. Въ каждое утро дневное свѣтило принимаетъ отъ насъ свою дань; оно присущствуетъ при тѣхъ урокахъ, которые отцы даютъ своему семейству. И старики наши, почтенные древностію лѣтъ, каждый вечеръ въ сопровожденіи семейства и дѣтей своихъ собираются на топъ отклонъ утеса, который обращенъ къ западу. Здѣсь вѣчаютъ себя лаврами, поютъ гимны, и въ продолженіе пляшущихъ предъ ними хороводовъ повергаются въ то самое время, когда заходитъ солнце.

Нравы Гиперборейцевъ такъ невинны, что они привлекли отечеству нашему названіе *Республики добрыхъ людей*. Таковы на примѣръ Аримаспы наши сосѣди, которыхъ Греки наши сравниваютъ съ Циклопомъ Полиемомъ, потому что они будучи искусными стрѣлками, закрываютъ одинъ глазъ, чтобы удачнѣе попасъ въ цѣль стрѣлою, такъ какъ поступаютъ съ Центаврами, обильнымъ и сосѣдственнымъ съ нами народомъ Сарматы, которые всегда ѣздятъ на лошадяхъ. Добродушіе Аримасповъ заслужило ихъ сдѣлать важную ошибку: они

послали три тысячи пелегъ хлѣба въ армию Кира, котораго голодные солдаты пожирали другъ друга; должно было оставить ихъ на погибель. Да и нужно ли стараться прокормить шѣхъ, которые живутъ только для убійствъ однихъ? Для чего не держались они того прекраснаго омовша, который дали сему же побѣдителю, спросившему ихъ: чего они боялись болѣе на свѣтѣ? „Мы не боимся ничего — развѣ чѣмъ небо на насъ не обрушилось (*).“ — Это значило сказать Персидскому Государю то же, что его не боялся.

Я не буду говорить вамъ объ островахъ *трехъ Касситеридъ* (Бришанскіе острова); сіи дѣти Галліи переродились болѣе, нежели чѣмъ Цельпы могли называть ихъ своими братьями. Они содѣлались людьми. Впрочемъ, естли они не всегда пресыщаются мясомъ военно-пльнныхъ своихъ непріятелей, то пьютъ кровь ихъ и обганяютъ себя ею. Фивикіяне болѣе вамъ шо открываютъ. Два народа сіи между собою сходны; у нихъ одинакая

(*) Другіе Историки относятъ эшошъ александръ къ Великому Александру.

склонность къ морскимъ грабежамъ. Въ семъ случаѣ мы уважаемъ болѣе собаками (1), нежели людьми: Во многихъ областяхъ нашихъ выводимъ ихъ на войну, кои во время сраженія, будучи выставлены въ первую линію, довольно хорошо выдерживаютъ первое нападеніе непріятели.

Греція образовала Тиганшувъ своихъ съ высокой талии Галловъ. Мудрость нашей религіи родила у нихъ Тишановъ. Обожая одного Тееша, не имѣя другихъ храмовъ, кромѣ горъ своихъ, другихъ идиоловъ, кромѣ самаго солнца, недавно еще отвергли мы чужеземныхъ боговъ, которые хотѣли войти въ Галлію, прибывши къ пльмъ берегамъ, гдѣ нынѣ находится Марсель. Сей послѣдній городъ съ своими богами не былъ бы такъ миренъ, естли бы Салиены - Лигурцы знали всю цѣну древнихъ нравовъ. Ахъ! естли бы они оберегались того! Вскорѣ можетъ быть не будутъ они ни чѣмъ больше опличаться отъ иносирандевъ, какъ только одними длинными волосами.

Галлы, по примѣру пришлыхъ къ нимъ, приближаютъ другъ къ другу

(1) Les doques d'Angleterre. Страбон. IV.

жизнь свои, и не замедлять укрѣпить ихъ стѣнами изъ ревности — имѣть также укрѣпленные города.

Иностранцы мѣняясь все, что имѣютъ худого, на все то, что у насъ есть хорошаго (*). Мы даемъ себя портить имъ своими наставленіями; а съ ихъ спорны они обезображиваютъ то, что занимаютъ отъ насъ. Этруски собрали уже гадательную и суевѣрную науку изъ наблюдений нашихъ о натуральныхъ признакахъ, взятыхъ изъ полета птицъ, или отъ грома. — Я всегда думалъ, что изъ супружества Аборигенскаго Геркулеса съ Гиперборейскою дѣвицею худая для насъ произойдетъ послѣдствія.

Римъ, откуда мы пришли, красится нашими лучшими обыкновеніями. Тамъ на празднествахъ, какъ и у насъ, поются гимны въ честь великихъ мужей. — Салиенской признакъ въ Римѣ есть ничто иное, какъ воспоминаніе нашего собранія на полѣ и въ мѣсяцъ, посвященныхъ Марсу. Даже и щипы на берегахъ Тибра по-

(*) Общество съ Марсельцами и соседственными имъ народами развратило Галловъ, которые въ свое время почитались мудрейшими.

хожи на наши. Ромулъ и Нума какъ бы приняли нашу религію. Они, подобно намъ, не терпятъ въ храмахъ своихъ никакого изображенія; или естли когда и позволяли себѣ какой предметъ для обожанія, то это было копье, какое видѣли въ употребленіи между свѣрными народами, или въ нашихъ Марсовыхъ собраніяхъ на срединѣ полей.

Греція гордится открытіемъ двухъ колесъ Триптолемовой колесницы. Наши Целпы, ведя сидячую жизнь, сдѣлали тораздо болѣе, придѣлавши колесы сіи къ плугу. Кто можетъ оспорить у нихъ то, что они изобрѣли искусство утучнять поля свои навозомъ?

Наши соотечественники, которые отдаляются отъ древнихъ нравовъ нашихъ, уважаютъ даже ихъ въ своихъ заблужденіяхъ. Вводя въ отечество свое нѣкоторыхъ чужеземныхъ боговъ, мы не означаемъ въ нихъ никакого пола (*), и самый Геркулесъ не имѣетъ его.

Мы покрываемъ лядви ихъ пеньковымъ покрываломъ, дабы научить людей, что не одни они зависятъ отъ Судьбы.

(1) Caylus. *Antiq. Gaul.* Tom. III.

Харондъ. Абарисъ! ты сказалъ, что Галлы, или Цельпы, или Гипербореицы произвели на свѣтѣ всѣхъ прочихъ народовъ; скажи шеперь, кто произвелъ ихъ самихъ?

Абарисъ. Земля — какъ говорятъ наши премудрыя Друиды. . . .

Молодой другъ Абариса тотчасъ прервалъ слова его: „Товарищъ! развѣ забылъ ты, что учили наши требуютъ отъ насъ молчанія. Едва посвятили тебя въ таинства священнаго ученія, какъ уже . . .“

Абарисъ остановилъ рѣчь его сими словами: „Фивской жрецъ не принадлежитъ къ числу свѣтскихъ людей. Но оставимъ Писатора самому почерпать понятія изъ тѣхъ источниковъ, которыхъ онъ пришелъ искать изъ такой отдаленности. Я не употреблю во зло того сокровища, которое мнѣ ввѣрено.“

Писаторъ. Друзья мои! я люблю собирать познанія, но не люблю срывать плоды прежде времени. Подожду еще —

Абарисъ. Однакожь къ чести нашей націи, можно сказать, что основатель ея, или первый изъ нашихъ Героевъ

не имѣетъ другаго имени, ни шипла, кромѣ названія *мужъ*. Галлы суть первый народъ, которому такъ рано удалось явить опытъ своей мудрости. Они не менѣе открываютъ умъ свой и величіе духа, опказываясь носить имя своихъ Начальниковъ. Они лучше хотятъ показать себя подъ тѣми отношеніями, которыхъ можно имѣть въ разсужденіи главныхъ предметовъ обихъ, или мѣствъ; потому что обожаніе людей имъ столько же противно, какъ и обожаніе боговъ. — И такъ одна изъ большихъ нашихъ колоній известна подъ именемъ *Скиѳи*, потому что она для сохраненія своей независимости не располагаетъ ни гдѣ и убѣгаетъ городской жизни.

Слово *Цельпы* (*), которое оплачиваетъ насъ отъ прочихъ всѣхъ націй, открываетъ насъ такимъ народамъ, который обихаетъ въ однихъ только шалашахъ, по той же самой причинѣ, по какой и Цельпы.

Тожъ должно сказать и о образованіи Галловъ, которыхъ мы взяли со времени важныхъ походовъ, предпринятыхъ нами

(*) *Zelt. Tente Hist. des Celtes. I. 14.*

къ сѣверному полюсу и на востокъ. Мы поставляемъ себѣ за честь быть воямирами: спранспвующій народъ мало боится рабской подчиненности. Теѳоны, Теѳосаги означаютъ между нами пѣхъ людей, которые особеннѣ посвящаютъ себя богослуженію Теѳа, бога Натуры, котораго таинства открываютъ Друиды.

На западѣ отъ нашей дороги лежитъ отечество сихъ Теѳосаговъ (Тулуза), которые соединившись во 150 тысячахъ, совершили сей славный походъ во Фракію, Азію, Грецію, и распространили ужасъ въ городъ Дельвахъ и храмъ его.

Вся Галлія говоритъ еще однимъ языкомъ; но эта сильная связь народовъ начинаетъ ослабѣвать. Сосѣди наши и иностранцы обогащаются нашими товарами. Мы подобны большой рѣкѣ, которая изсякаетъ отъ чистыхъ своихъ источниковъ. Нашъ первоначальный языкъ, который еще находится въ употребленіи у Друидовъ, грубъ, и говоритъ грубо до того, что походитъ на нарварской. Онъ приличенъ тѣмъ, которые ничего такъ не боятся, какъ сдѣлаться изнѣженными. Память наша долѣ хранитъ въ себѣ тѣ стихи, которые выучиваемъ

съ трудностію; они напечатлѣваются въ мозгъ и не изглаждаются никогда. Вотъ всѣ должности наши, которыя не имѣютъ другихъ важныхъ истинъ, кои бы заслуживали быть сохраняемы въ памяти нашей, кромѣ сихъ! Произносимыя нами слова должны подобны быть въ звукъ тому голосу, который свойственъ людямъ взрослымъ, крѣпкимъ, неушомимымъ, рожденнымъ подъ жесточайшими климашами, и привыкшимъ бороться со стихіями. — Голоса всѣхъ, даже и дикихъ лебедей нашихъ, отзываются звукомъ симъ; крикъ ихъ гораздо сильнѣе и соединенъ съ большею гармонією, нежели крикъ домовыхъ лебедей, родившихся подъ теплыми или умѣренными климашами.

Сѣбжая кровь, которая течетъ въ жилахъ Галла, происшедшаго отъ перваго поколѣнія, долгое время сохраняетъ въ немъ всю свѣжесть и весь блескъ молодости. Никакая сидячая работа не отнимаетъ свѣжести и бодрости у его темперамента. Защищать и воспрѣвать свою свободу — вотъ одни и всѣ его занятія. Мы можемъ, выходя изъ предѣловъ отчизны своей, только пере-

родиться. Суровый воздух придаетъ душѣ и тѣлу силы, копорья удобно изощаются въ теплыхъ странахъ. — Собственное стадо нашего гражданина довольно пропитать его. Съ скотоводствомъ соединяетъ онъ ловлю и собираніе плодовъ, и не гоняется за другою пищею, которая шесть мѣсяцовъ заставляетъ работать надъ собою и столько же ждать.

Мы не ѣдимъ, такъ какъ Персы, лежа на мягкихъ постеляхъ, разспавленныхъ вокругъ стола. Мы ужинаемъ каждый день, сидя на землѣ, или на длинныхъ скамейкахъ. Каждый госпъ или товарищъ беретъ передъ собою кушанье. Этого обычай переняли у насъ и Римляне. — Рога дикихъ воловъ служатъ намъ сосудами для питья, и до тѣхъ поръ, какъ молодые Галлы наши не убьютъ дикое сіе четвероногое животное, они пьютъ изъ собственной горсти.

Я прервалъ слова Абариса, чтобы сдѣлать ему свое замѣчаніе. Нѣсколько разъ, сказалъ я ему, удавалось мнѣ слышать, что черепы людей обдѣлываемы были вмѣсто чашъ для пива.

Абарисъ. Да! ешьлибы новый Киръ, шорый Фаларидъ, другой Тарк-

виній Гордый возсталъ въ Галліи съ намѣреніемъ прийтъснись ея: тогда бы каждый Галлъ бросился на непріятеля, и топъ всадникъ, копорый достигъ бы и поразилъ смертію общаго непріятеля, ссѣкъ ему голову, и привязавши къ сѣдельной лушѣ, возвратился бы къ своей шруппѣ, — послѣ того сдѣлалъ бы себѣ почетную чашу изъ головы непріятеля, по древнему нашему обыкновению. Вообще обычай сей строго наблюдается во всей землѣ Цельнской. — Но выслушайте другое наше обыкновение, копорое удивитъ васъ гораздо болѣе. По противному совѣтѣ чувству мы также поступаемъ съ драгоценными остатками нашихъ любезныхъ родителей и милыхъ друзей. Сынняя любовь обязываетъ дѣшей, во время семейственнаго праздника, пить изъ черепа отца своего. Это священное обыкновение, копорое возмутило суевѣрныхъ путешественниковъ, стоило намъ ужаснаго названія *людоѣдовъ*. — При ограниченныхъ желаніяхъ у насъ менѣе заботъ: работы наши пропорціональны. Во всякое время мы умѣемъ наслаждаться жизнью. Кожа какого-нибудь звѣря, убитаго на охотѣ, служитъ

намъ вмѣсто покрывала въ дорогѣ и одѣ-
яломъ на постель. Мы не дѣлаемъ на-
силія Природѣ; когда склоняешь она насъ
ко сну, мы предаемся ему до шѣхъ поръ,
доколѣ она почиаетъ по нужнымъ для
нашего здоровья. Сонъ нашъ не возму-
щается никакимъ безпокойствомъ. — Въ
одеждахъ нашихъ нѣтъ восточной пыш-
ности; но за то бываютъ онѣ у насъ
цѣльными безъ лоскутьевъ, и опрятно-
стию своею, соотвѣтствующею всегда чистотѣ
часшей шѣла, которыя прикрываютъ
каждый день. — Галлы даже среди
самой зимы окунаются въ быструю рѣку.
Въ теплыхъ баняхъ предоставляемъ мы
нѣжиться Азіатцамъ. — Мы не привязаны
такъ къ землѣ своей, какъ расценія.
Вся земля наша есть для всѣхъ общая.
Галлы водить семейство свое и спада-
ездѣ: покрытыя шелеги или шалаши —
вошь ихъ дома! Онѣ убѣгаютъ сосѣд-
ственности городовъ; шѣнь стѣны былабы
для него смертельна. Вмѣстѣ съ птицами
онѣ перемѣняютъ жилье свое, а солнце
руководствуетъ имъ. Кочующій народъ
не боится нападенія. Тираниство не знаетъ,
какъ завладѣть имъ — онѣ освобождаются
отъ него всегда бѣгомъ. Весь шаръ

земный есть собственность Галловъ; но
они не владѣютъ ни одной пядью земли.
Мы избѣгаемъ также безпокойствъ и
заразы отъ богатствъ. Мы предупреж-
даемъ междоусобную войну сію, неиз-
бѣжную между шѣми, которые имѣютъ
менѣе и которые болѣе. Эта блужда-
ющая жизнь наша справедливо имѣетъ
великія выгоды и можетъ быть сильныя
прелести. Цельтское семейство предпочло
бы телегу, покрытую кожами и влеко-
мую волами Экбатанскимъ и Сузскимъ
зданіямъ. — Примѣръ Марсельскихъ Го-
кійцовъ будетъ имѣть пагубныя для
насъ послѣдствія. Уже сѣкиры являют-
ся въ лучшихъ нашихъ рощахъ; уже
глухое эхо шомно повторяетъ гулъ отъ
паденія лучшихъ деревьевъ нашихъ; уже
обтесываютъ бревна, обмазываютъ гли-
ною, чтобы построить изъ нихъ твер-
дыя жилья и покрыть тростникомъ; —
но пламень можетъ истребить въ одну
минушу зданіе, которое созидаемо было
въ нѣсколько мѣсяцовъ. Ахъ! гдѣ бу-
детъ невинность нравовъ нашихъ, если-
ли будутъ вырывать и камни!

Харондъ. Это зло не совсемъ
велико, смотря пошому, каково будетъ
Часть VI. Ъ

каждое семейство въ уединенномъ жилищѣ своемъ по среди своего поля!

Абарисъ тотчасъ прервалъ рѣчь Капанейца, не давши ему окончить своего замѣчанія: „Безъ сомнѣнія; но сіе подаетъ случай къ сожалѣнію. Два первые дома, смежные между собою, возродятъ идею города, и тогда Галлы потеряютъ уже свою независимость, Народъ, самый свободный, будетъ по же, что и другіе націи; онъ уподобится стадамъ скотовъ своихъ, заключенныхъ въ клѣвъ.

Харондъ. Такъ чтожь? Галлы будутъ имѣть свои Асины, свой Римъ.

Абарисъ. Галлы будутъ имѣть своего Пизистрата, своего Тарквинія Гордаго.

Харондъ. Они, соорудивши храмъ своей свободы, оградятъ его крѣпкою стѣною. . . .

Абарисъ. Но сіе ограждение не будетъ тверже Троянскаго. Городскія стѣны суть ни что другое, какъ каменные цѣпи для обитателей, въ нихъ заключенныхъ. Не дивись городскимъ жителямъ; они плѣнники свободной жизни. До сихъ самыхъ поръ мы не имѣли нужды въ окопахъ для защищенія своей

независимости. Предки наши шествовали на бой совсѣмъ обнаженными; мы потеряли храбрость ихъ, прикрываясь щитами въ сраженіи. Помощи наши будутъ уже слабѣе отцовъ ихъ, коль скоро будутъ сооружать крѣпости для своего огражденія. Какъ! развѣ нѣтъ ущелинъ въ горахъ нашихъ? развѣ нѣтъ у насъ пещеръ неприсутныхъ, болотъ непроходимыхъ? Марсель! не уже ли ты изменишь намъ! Но доспанебъ ли у насъ столько силъ, чтобъ не поспѣть добровольно въ городскія стѣны? Какое несчастіе для насъ! Слабые будутъ владычествовать надъ сильными, будутъ убивать ихъ, не ожидая никакого возмездія, никакого мщенія.

Другъ мой! прибавилъ Абарисъ, взявши за руку младаго Гиперборейца, который, занимая мѣсто между Харондомъ и мною, внималъ словамъ его, другъ мой! (сказалъ онъ) поклянемся въ присутствіи Пиватора не быть никогда въ сообществѣ съ нашими соотечественниками; оставимъ ихъ собственному ихъ неразумію; пускай стремятся они добровольно въ городскія узы. Приобщимъ себя къ стѣнамъ, которые оби-

шають на чистомъ полѣ и видятъ во всей лѣпотѣ дневное свѣпидо, по примѣру Цельшовъ, сихъ ревностныхъ блюстителей своей независимости (*). И такъ должно Галламъ произнести теперь торжественную клятву низровергать всѣ стѣны, всѣ тѣ позорныя укрѣпленія, которыя со временемъ приобрѣшутъ своею силою.

Харондъ. И Галлы останутся безъ образованія.

Абарисъ. Чтожь нужды, естли они останутся всегда необузданными; они и безъ того давно уже не таковы, каковыми быть должны. Предки наши на полѣ сраженія снимали съ себя все одѣяніе; и не для того, чтобы одѣться въ доспѣхи рыцарей. Необходимость уже заставляла ихъ шитомъ ограждать себя отъ враговъ своихъ; шлемъ не обременялъ главы ихъ; украшеніе ихъ состояло только изъ двухъ оружій: изъ кинжала и шпаги, или изъ копья и двухъ стрѣлъ. Такъ какъ тѣло свободнаго че-

---

(*) Древній Цельпской законъ издавна былъ примѣрнымъ у многихъ народовъ, и сохранялся весьма долгое время.

ловѣка не имѣетъ никакой разницы съ невольникомъ, то большая часть нашихъ колоній, особенно же на приморскихъ берегахъ, и именно Галлы, чтобы отличить себя, начерпываютъ на тѣлѣ нѣкоторыя неизгладимые знаки, на которые непріятелю не лзя было даже и возрѣтъ безъ наказанія. Сбросивъ съ себя все безпокойное одѣяніе, безъ всякаго другаго оборонительнаго оружія, кромѣ одной только силы и геройскаго меча при бѣдрѣ своемъ, Цельшъ до сихъ самыхъ поръ умѣлъ возбуждать къ себѣ уваженіе въ легіонахъ враговъ своихъ, согбенныхъ подъ бременемъ тяжкаго вооруженія. Обнаженъ какъ сама Природа, которой онъ обязанъ жизнью, Галлъ (1) представляется съ видомъ довѣренности, прямодушія на лицѣ своемъ, съ открытою грудью, съ грудью, готовою для всѣхъ нечаянностей кровопролитной брани. Ахъ! для чего намъ обременять себя излишнимъ одѣяніемъ? Смертоносная стрѣла умѣетъ всегда находить путь къ сердцу, когда придетъ минуша поразить его. Небольшой лоскутъ ко-

---

(1) Древніе Галлы никогда не носили плащя. *Montaigne, Essais II. 12.*

жи, который съ нѣкоторыхъ лѣтъ надѣваемъ мы на плеча свои, прежде мы здирали съ животныхъ; мы разшилали также его на влажной землѣ для своего отдохновенія. Въ малолѣтствѣ своемъ и въ продолженіи самыхъ жестокихъ зимъ на открытыхъ холодныхъ мѣстахъ расли и укрѣплялись безъ всякаго одѣянія. Устарѣлые Галлы засвѣчаютъ огонь, между тѣмъ какъ младшіе занимаются въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, прикрывая однѣ только конечности сукномъ. Неприятель не въ силахъ обмануть насъ. Онъ находитъ насъ всегда въ готовности противоборствовать, чего однакожь нельзя сказать объ немъ самомъ, хотя онъ съ самаго утра навьючиваетъ, такъ сказать, на себя тяжелую ношу платья, и проводитъ подъ симъ бременемъ цѣлый день до самаго вечера. Одинъ Аборигенецъ изъ Латиума спросилъ одного Тиберборейца нашей Ретіи: какимъ образомъ онъ при такомъ недоспашочномъ одѣяніи можетъ сносить холодъ снѣжнаго климата? А сей на оборотъ также спросилъ его: забнетъ ли у тебя лобъ? Нѣтъ, отвѣчалъ первый. И такъ, отвѣчалъ нашъ Цельтъ, все мое тѣло составляетъ одинъ швой лобъ. — Однажды

спросили великаго Ариовиста: какое воспитаніе Галлы даютъ своимъ дѣтямъ, чтобъ они, будучи смертными, были непобѣдимы? — Ариовистъ далъ слѣдующій отвѣтъ: „они до четырнадцати лѣтъ не имѣютъ у себя другой кровли, кромѣ небеснаго свода.“ Опцы наши думали, да многіе изъ дѣтей ихъ и донынѣ еще думаютъ, что хопя и можетъ почестъся нѣкоторою слабостію или неблагодарностію одѣвать себя, опняя жизнь у животныхъ, которыя и безъ того могутъ почестъся нашими благодѣтелями; но съ другой стороны не малою кажется честію для побѣдителя носить при себѣ добычу, опняшую у жестокаго звѣря, сраженнаго его рукою, между тѣмъ какъ чрезъ сіе навлекаемъ мы на себя колкія насмѣшки со стороны Трековъ, которые величаютъ насъ многоухими; ибо не рѣдко случается, что мы покрываемъ себѣ голову волчьими кожами.

Мы казались также чрезвычайно странными предъ глазами обитателей Авзоніи, потому что надѣваемъ на себя нижнее платье, прикрывая поясицу и лядвен, которыя, чѣмъ въ большее войдутъ употребленіе, тѣмъ будутъ ка-

заться необходимѣ, прибавилъ юный Абарисъ, относя ко мнѣ слова свои.

П и о а г о р ъ. Абарисъ говоритъ справедливо; я никогда не перестану носить ихъ; а длинной робы никогда на мнѣ не будетъ. Я предвижу, что нижнее платье, содѣлавшись нѣсколько извѣстнѣе въ цѣломъ свѣтѣ, войдетъ въ употребленіе.

Абарисъ прерываетъ рѣчь сію: „Пурпуръ и богатое шитье Финикійское, которыми хотятъ соблазнить насъ, ничто не стоятъ предъ прекрасными нашими мѣхами, приобретенными собственною силою. Не ужели можетъ случиться когда-либо такая несчастная эпоха, когда свѣтъ увидитъ насъ въ трудахъ надъ изображеніемъ другаго украшенія, кромѣ нашихъ оружій? Пусть одни только оружія составляютъ драгоцѣннѣйшее украшеніе наше! Пользуясь ими, мы всегда до сего самаго времени были довольны сами собою. Оставимъ женщинамъ заботу о нарядахъ; займемся однимъ только оружіемъ, и въ самый гробъ понесемъ его съ собою: съ какимъ бы удовольствіемъ заключилъ я въ него копье свое вмѣстѣ съ оледенѣлымъ моимъ трупомъ!

Галлъ, въ кругу всѣхъ своихъ соопеченниковъ, равно какъ и на домашнемъ небольшомъ праздникѣ; во время мирнаго путешествія, такъ какъ и на полѣ сраженія; за столомъ съ своими друзьями, и даже на супружескомъ ложѣ, никогда не долженъ оставлять свое оружіе: оно составляетъ часть самаго существа его. Истинный Галлъ скорѣе долженъ согласиться на лишеніе жизни, нежели попустить опяять у себя копье, шпагу, или стрѣлы его. Оружія его — боги, ему покровительствующіе.

Х а р о н д ъ. Даже и въ мирное время?

А б а р и с ъ. Да, такъ какъ и на войнѣ. — Галлъ долженъ почитать всегда драгоцѣннымъ для себя сокровищемъ главнѣйшею собственностію — свою независимость. Онъ день и ночь долженъ надъ нею бодрствовать, въ недрахъ удовольствій и успокоеній, равно какъ и въ часы заботъ своихъ и общеспвенныхъ обязанностей.

Х а р о н д ъ. Развѣ законъ не есть оружіе, защищающее свободу частную и общую?

А б а р и с ъ. Такъ, одному только ему долженъ ввѣрять себя человекъ сво-

бодный; но законъ и самые даже боги недовольно еще надежные для него защитники, коль скоро дѣло идетъ о высочайшемъ благѣ, и независимости и справедливости. Галлъ долженъ прибѣгать къ одной только мощной рукѣ своей для защищенія первой и поддержанія послѣдней. Для него великимъ служитъ затрудненіемъ положиться на посторонняго въ шомъ, что также и до него самаго касается въ личности. — Мы не стрижемъ и не обрѣзываемъ волосъ на головѣ нашей, равно какъ и лѣса не лишаемъ деревьевъ. Бережемъ съ благоговѣніемъ сіе украшеніе самой Природы; отнимаемъ его у однихъ только преступниковъ и невольниковъ. Голова Галла, украшенная густыми и длинными волосами, уподобляется солнцу (*), окруженному лучами своими; непріятели не могутъ сносить ихъ блеска, и принужденно популяютъ глаза при одномъ взрѣніи.

(*) Подъ симъ разумѣется рыжій, пламенный цвѣтъ, который Цельныи искусственнымъ образомъ придавали волосамъ своимъ.

Такимъ образомъ разсуждая съ нами Абарисъ, и разгорячаясь поспешенно, представлялъ изъ лица своего нѣчто дѣйствительно уподобляющее его Аполлону.

„Я говорилъ съ вами, продолжалъ онъ, объ независимости какъ о единственномъ благѣ Галла; и сказанное мною сущая истинна. Глава семейства у Гиперборейцовъ не имѣетъ у себя ни поля, ни дома, ни золотыхъ, ни серебряныхъ, ни мѣдныхъ денегъ; стадо его составляетъ всю его собственность. Коль скоро нечего шерсть чловѣку, или естли не больше одной вещи беречь ему должно, тѣмъ болѣе онъ укрѣпляется въ тѣлесныхъ силахъ: Галлъ всегда имѣетъ при себѣ свою собственность. Первѣйшее его сокровище есть презрѣніе золота.“

Харонъ дѣ. Оокійцы научатъ своимъ примѣромъ Галловъ быть сильными. Марсель . . . .

Абарисъ дѣ. Будетъ для насъ ящикою *Пандоры*. Я предвижу, что всѣ искусства механическія, которыя спѣшатъ сообщитъ намъ со всѣхъ сторонъ, равно будутъ служить орудіями рабства. Мы и безъ нихъ до сихъ самыхъ

порѣ умѣли сберегать свою свободу. И такъ нужно ли столько знаній, чтобы жить благополучно? Отречемся отъ всѣхъ сихъ лестныхъ даровъ гражданского образованія; я ихъ считаю подозрительными. По крайней мѣрѣ постараемся ограничивать себя упражненіемъ въ земледѣліи, и пренебрежемъ все прочее. Для насъ останутся оружія, а познанія принадлежатъ будущимъ Друидамъ нашимъ. Независимость и благоденствіе Цельтской націи никогда болѣе сего отъ насъ не требовали. — Для чего служатъ великолѣпные памятники изъ мрамора и бронзы? Мы приедемъ преданія отъ отцевъ нашихъ древнѣйшія всѣхъ пирамидъ Египетскихъ. Наши Гимны Солнцу сохраняются гораздо долѣе, нежели Обелиски изъ гранита и базальта, посвященные великому свѣтилу на берегахъ Нила и Евфрата. Наши историческія Поэмы долѣе будутъ существовать въ памяти Гиперборейцевъ, нежели каменные или мѣдные диски, которые въ Греціи и Азійѣ хранятся подъ самымъ основаніемъ храмовъ. Барды наши служатъ намъ вмѣсто живописцевъ и историковъ, вмѣсто скульпторовъ и архитекторовъ.

Харондъ. Исторія въ рукахъ Поэта дѣлается баснею.

Абарисъ. Скажи лучше, что самая баснь въ рукахъ Поэта содѣлывается въроятнѣе Исторіи. Военскія пѣсни и фамильные гимны, вотъ наши законы. Остальное дополняютъ обычаи. Къ бою, равно какъ и къ ежедневнымъ упражненіямъ, мы стремимся по звуку арфы. Около шестидесяти столѣтій мы печемъ такимъ образомъ по пути чести и славы.

Харондъ. Шестидесятъ столѣтій!

Абарисъ. Опечественныя Поэмы наши простираются именно на столько времени. Лѣтописи наши, состояція изъ двадцати тысячъ стиховъ. . . . .

Пифагоръ. Зороастръ мнѣ сказывалъ, что ученіе его заключается въ толикомъ же числѣ стиховъ.

Харондъ. Двадцать тысячъ стиховъ! Какъ могутъ они всѣ помѣститься въ памяти?

Абарисъ. Чтобы зашвердить ихъ, мы посвящаемъ на сіе двадцать лѣтъ жизни нашей.

Харондъ. Галлы крайнѣ терпѣливы.

Абарисъ. Еслилибъ мы и не были таковыми отъ Природы, то стихи сіи вѣрно бы насъ къ тому принуждали. Они дышутъ одною только любовью къ отечеству, и какъ же намъ не любить ихъ? Отечество составляетъ всю нашу собственность. Гиперборейскіе Цельты одни только могутъ назваться истинными бѣдняками. И такъ нѣтъ причины дивиться тому, что мы всегда идемъ равнымъ шагомъ противъ непріятеля нашего, и отъ времени до времени повторяемъ нѣкоторыя изъ нашихъ священныхъ гимновъ. Другіе народы бросаются толпами на своихъ противниковъ, подобно кровожаднымъ звѣрямъ, которыхъ можно укропить въ однихъ только ихъ берлогахъ. Галлы идутъ на сраженіе въ лучшемъ порядкѣ, и съ тою священной гармоніею, которая весьма прилична при защитѣ свящины. Никакой другой народъ какъ мнѣ извѣстно, не представляетъ собою подобнаго зрѣлища; потому что никто не смѣетъ назваться, подобно намъ, народомъ вѣчнымъ, рожденнымъ въ одно и то же время съ землею, и который наконецъ всходитъ на минушу въ ея нѣдро для того только, чтобы снова возродиться.

И такъ все воспитаніе Цельтское состоитъ въ изощреніи памяти и въ навыкѣ смѣло и твердо владѣть оружіемъ; голова управляетъ движеніемъ руки; рука, прежде нежели начинаетъ дѣйствовать, согласуется съ головою. Письмо ни мало не участвуетъ въ нашихъ дѣйствіяхъ. — Цельтянину нужно только представить предъ глаза примѣръ достойный подражанія; и сего довольно, чтобы онъ углубился въ его память. Для усовершенствованія ея мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ тѣмъ механическимъ средствамъ, которыя какъ бы необходимо занимаютъ другихъ людей. Всѣ наши книги вышесены на извибахъ нашего мозга; библіотеки наши неразлучны съ нами. И въ сихъ однакожь обыкновеніяхъ нѣтъ никакой грубости, какъ полагаютъ жители Греціи и Египта. — Мудрый Пифагоръ! О, мой наставникъ! свидѣвшись опять съ своею колыбелью, я взялъ на себя большое дерзновеніе въ швоемъ присутствіи; удержи меня, если слишкомъ частыми отступленіями...

Пифагоръ. Продолжай, любезный Абарисъ! мы сами будемъ вести цѣпь, извлекая главныя идеи изъ швоего повѣ-

спованія. Ты говоришь весьма справедливо, и я слушаю со вниманіемъ.

Абарисъ. Чѣмъ еще можешь дополнить нашъ отечественный языкъ и твердость нашей памяти Марсель съ своимъ изобрѣшательнымъ духомъ, который наследовала она послѣ древнѣйшаго народа? Можешь быть она постарается отыскать то, что уже нѣсколько столѣтій увлекли за собою невозвратно. Но юные наши Цельтіяне отдадутся ли добровольно въ плѣны? Внутреннее чувство удерживаетъ ихъ въ школѣ Фокіянъ; и народъ, который долгое время служилъ образцемъ для другихъ многихъ, который внушалъ въ нихъ непринужденное къ себѣ уваженіе, долженъ унизиться наконецъ до того, чтобы слушать чужіе уроки: Для сего народа все равно согласиться какъ потерять натуральный свой образъ, такъ и совокупить во едино свои нравы, до сихъ поръ непорочные, съ непостоянностію Марсельскихъ жителей. — Природа всегда раждала насъ Стихотворцами, обильными въ краснорѣчіи; и мы содѣлаемся наконецъ слабыми Риморами. Юные и мужественные Галлы! не рѣшайтесь никогда промѣнять на кин-

жалъ и шахматныя дощечки копье и щитъ вашъ, которые получили вы отъ своихъ родителей по семнадцати лѣтъ вашего возраста.

Харондъ. Но ты не можешь служить для нихъ примѣромъ. Они видѣли, какъ ты самъ, оставивъ предѣлы своего отечества, пренебрегъ пріязнь своихъ собратій для того только, чтобы знать однимъ днемъ болѣе, нежели сколько они сами могли проникнуть.

Абарисъ. Свидѣтельствуюсь самымъ солнцемъ, что я никогда бы не сошелъ съ той горы, которая видѣла мое рожденіе, если бы различные народы земные (сто лѣтъ тому назадъ) не ввели въ употребленіе нѣкоторый родъ сообщенія между собою. Видя, что входъ въ мое отечество былъ отверстъ для всякаго чужестранца, мнѣ захотѣлось узнать собственными глазами, каковы были въ самомъ произхожденіи сіи пѣшоки, которые начали уже спланиваться нѣсколько подозрительными для моего отечества. Молва, носившаяся о ширани, привлекла меня въ Сицилію. Я не зналъ, есть ли еще на свѣтѣ жестокіе звѣри кромѣ шѣхъ, которые рождаются въ лѣсахъ

нашихъ. Но близь Фаларида встрѣтил-
ся я съ Пиваторомъ; и посему долженъ
былъ опять увидѣться съ нашими жре-
цами. Потомъ я снова оставилъ опече-
ствленную землю, но съ тѣмъ, чтобы воз-
вратиться въ нее съ новыми способами со-
прошивляться ужаснымъ вратамъ, ко-
торые многократно уже на нее нападали. Впрочемъ
я никогда не преставаешь бытъ Абарисомъ
Гиперборейскимъ; до сего самого дня не
преставаешь обожать правосудіе, незави-
симость, истинну, какъ бы по нѣкото-
рому врожденному чувству; но я хочу от-
крыть нынѣ причины, могущія возро-
дить во мнѣ еще большее благоговѣніе
къ симъ тремъ божествамъ Галліи. Жрецы
наши показали мнѣ одни только первыя
начала; но Пиваторъ возьметъ на себя
трудъ довершить остальное въ школѣ ра-
зума, которую мы будемъ просить его
открыть намъ на томъ самомъ мѣстѣ,
гдѣ онъ положитъ предѣлъ своему путе-
шествію.

Пиваторъ. Абарисъ, оканчивай
начертаніе Гиперборейскихъ нравовъ.

Абарисъ. Правосудіе, о которомъ
уже говорилъ я, служитъ главнымъ
ихъ основаніемъ. Куда стремишься? что

предпринимаете? не спросили ли нѣк-
гда Сиговеца, начальника Галлійскихъ
эмигрантовъ Авзоніи? Генералъ отвѣсти-
ствовалъ: „мы хотимъ требовать, что-
бы тѣ, у которыхъ гораздо болѣе зем-
ли, нежели сколько они въ силахъ обра-
ботывать плугомъ, уступили лишнюю
часть Галламъ, которые совсѣмъ земли
у себя не имѣютъ. — Наши большія со-
орища во время весны, на коихъ мы при-
сутствуемъ всѣ въ оруженіи, ни мило
не касаются до полишки; они занима-
ются однимъ только благоустроеніемъ
земледѣлія; и изслѣдовавши не въ си-
лахъ ли кто будетъ изъ нашихъ соот-
чудей отвѣчать за содержаніе нѣкотораго
числа людей, лишнихъ противъ своего
народа, потчасъ къ нимъ относятся.
Въ случаѣ отказа на раздѣленіе съ нами
избытковъ своихъ, угрожаетъ имъ кро-
вопролитная брань; напротивъ нераз-
рывное дружество ихъ ожидаетъ при со-
гласіи на наше предложеніе. Опасаешься ли
кто изъ нихъ чего-нибудь касательно своей
свободы? мы всѣ единодушно увѣряемъ его
въ непремѣняемомъ услажденіи мира. Сво-
бодная колонія можетъ ли питать дес-
пота въ своемъ недрѣ? Отказъ, или

смерть, — одно изъ сихъ долженъ избирать себѣ деспотъ! — Но два народа пограничные рѣдко бывають согласны между собою: изреченіе жрецовъ нашихъ — Хозяй венныя обыкновенія наши также могутъ отвѣчать за взаимную вѣрность всего народа. Целыны гостеприимы, но не шакъ, чѣобы по-примѣру Агригенпцовъ прельщали взоры иностранцевъ роскошными столами и блистательными уборами. Удовольствіе быть вмѣстѣ, въ кругу равныхъ себѣ, — управляетъ сими пиршествами, на которыхъ хозяева и рабы сядуть другъ подлѣ друга, и насыщаются одной и той же пищею. Въ сихъ-то бесѣдахъ начертываются планы общественныхъ дѣлъ; здѣсь-то разсуждаютъ объ общихъ драгоценныхъ выгодахъ, ни мало не опасаясь нескромности, бываемой при большихъ столахъ; здѣсь-то примиряются цѣлыя семейства и друзья, негодовавшие другъ на друга. Трезвой чело-вѣкъ всегда скрытенъ; но во время пиршества открывается весь его характеръ: что у него на сердцѣ, то и на языкѣ. Мысли каждого изъ собесѣдниковъ свободно переходятъ отъ одного къ дру-

тому. вмѣстѣ съ тѣмъ бакаломъ, который передають они другъ другу. Самомалѣйшее принужденіе шумъ не терпимо. Слабая мысль Деспотизма могла бы уже разрушить миръ сего собранія. Любовь къ свободѣ есть чувство, которое въ душѣ Гипербореянина владычествуетъ надъ всѣми прочими; она первенствуетъ и надъ самой даже любовью къ отечеству. У насъ есть также и начальники; но зависящіе отъ нашего выбора, равно какъ и самые законы не могутъ существовать безъ нашего согласія. — Мы не допускаемъ ни къ какой публичной должности невольниковъ, такъ какъ и оппущенныхъ на волю и дѣпей ихъ. Невольникъ не есть уже болѣе чело-вѣкъ, и не можетъ даже содѣлаться чело-вѣкомъ. — Галлы никогда не плашили пода-ши ни добровольной, ни насильственной, никогда не подвергались денежнымъ налогамъ. Каждое семейство содержитъ у себя на жаловань защитниковъ, которыми должно оно усердствовать въ случаѣ нужды и самому отечеству. — Несогласія обыкновенно руководствуютъ народъ къ рабству, или къ анархіи. Но что касается до Галловъ, то сіи самыя

несогласія способствующимъ имъ къ большому еще подкрѣпленію независимости и къ поддержанію равенства, служащаго основаніемъ независимости. Мы сажаемъ подъ караулъ надмѣнныхъ и властолюбивыхъ начальниковъ; а съ послабленіемъ ихъ могущества утверждается общественная свобода. — Частное обладаніе имуществомъ не прилично свободному народу. Мы этому воспрепятствовали. Помѣщикъ, или владѣющій особеннымъ имѣніемъ, не есть уже человекъ независимый; онъ ему жертвуетъ своей свободой. — Каждый отецъ семейства имѣетъ свой голосъ въ собраніи Галловъ, и всеобщее согласіе дѣлаетъ его закономъ. — Никто еще не видалъ Гипербореянина въ неволѣ; когда онъ не можетъ наслаждаться свободой въ жизни, то добровольно умерщвляетъ себя. Цельшіяне соглашаются лучше лишаться жизни супруговъ своихъ и дѣтей, раненыхъ и больныхъ, нежели оставишь ихъ своимъ побѣдителямъ въ жертву рабскаго ига; и сами жены наши при такихъ ужасныхъ случаяхъ показываютъ себя достойными насъ. — Будучи неумолимы, суровы и мстительны къ нарушителямъ своего покоя,

Галлы не находятъ уже ни оружія, ни силъ, ни мужества предъ непріятелемъ побѣжденнымъ. Они совершенные друзья по своему разположенію къ иностранцу, неимѣющему приспанища. Путешествующій по землямъ Галліи находитъ всѣ пути отверстыми для своего прохожденія. Его вступленіе въ шалаши наши считаютъ здѣсь знакомъ его благосклонности, и онъ у насъ какъ у себя въ домѣ. Всѣ Галлы суть не иное что, какъ его родственники. Не принять его хорошо, послужило бы незаконнымъ пятномъ для всего народа. Мессинцы, Цельшскіе колонисты, обрабатываютъ сообща свою землю, и не прежде раздѣляютъ плоды на равныя доли, какъ когда уже дополняютъ известное количество на часть путешественника. — Гдѣ можно найти такую спрану, въ которой бы старость была въ большемъ уваженіи, нежели между нами? Мы всѣхъ вообще старцевъ называемъ отцами, а они насъ дѣтьми своими; ровестники же почитаютъ другъ друга братьями. Во всѣхъ частяхъ Галліи подъ великою клятвою запрещено молодому человеку уличать въ чемъ нибудь старца. . . .

Землеописаніе Галловъ.

Мы отправились въ дорогу къ странѣ Карнутовъ. Пробѣхавши заливъ Марсельскій и печи для обжиганія извѣстки, выложенныя жителями сего города, для собственнаго ихъ употребленія, мы переправились черезъ озеро, или лучше сказать болото, и пробрались къ каменистому полю, содержащему въ себѣ около ста квадратныхъ стадій, которое и смыкается съ берегами Роны. Абарисъ открылъ намъ, улыбаясь, свое замѣчаніе: Вы не удостоиваете никакого вниманія сіе поле, которое новые наши соотчичи довольно уже прославили. Но ихъ мнѣнію сіи камни были брошены рукой самаго Юпитера въ оборону Геркулеса, вступившаго въ неравный бой съ двумя сыновьями Нептуна. Но другіе изъ нашихъ жителей, мы, истинные Галлы, называемъ просто сіе поле *Стан*.

На сей же сторонѣ, по нѣскольکو далѣе, прибавилъ Абарисъ, находящаяся земля *Волькіянь*, копорые вообще почипаютъ первымъ своимъ законодательемъ Меркурія, называе-

наго у нихъ Тесташесомъ, а въ частности покланяются также и Геркулесу Финикійскому. Впрочемъ въ семъ поклоненіи не держались прежде они Цельпскихъ обрядовъ. вмѣсто крови у нихъ въ употребленіи было молоко; но нынѣ они совершенно уже приняли всѣ обыкновенія Марсельскихъ Фокіянъ; а сіи послѣдніе уступаютъ имъ масляныя вѣтви.

Еще далѣе, на берегу рѣки, начинается основаніе города подъ именемъ *Иллибериса*. *Консуаріанцы*, приморскіе колонисты, обитаютъ обществами въ *Русцинѣ*, главномъ торговомъ городѣ, копорый со дня на день принимаетъ больше пространства.

Наконецъ мы достигли Роны въ томъ самомъ перешейкѣ, гдѣ Саліане намреваются соорудить тавань, копорая бы служила мѣстомъ сообщенія между Марселемъ и внутренними городами Галліи.

Простираясь вдаль по сему же самому берегу, встрѣтились мы съ купцами Фокійскими, копорые полагали основаніе большому торговому городу (*), копо-

---

(*) Отсюда произошло наименованіе *Авенийо*, *Авиньонъ*, Марсельская провинція. *Часть VI.* Б

рый будетъ граничить съ владѣніемъ сильныхъ *Каварійцевъ*, смежныхъ съ *Саліанами*.

Нѣсколько далѣе, въ семъ же самомъ владѣніи, Абарисъ съ неудовольствіемъ указалъ намъ еще небольшое селеніе. Въ нѣсколько лѣтъ, сказалъ онъ, изъ сей небольшой населенной десятины земли составится новое владѣніе — *Кавальонъ* и *Карпеншрасъ* — и продолжалъ такимъ образомъ: „Почтенный наставникъ мой! тебѣ гораздо больше принесетъ удовольствія вѣсть о томъ, что мы теперь находимся у *Трикастинцевъ* (*), и на пути, что проложилъ *Белловесъ* онъ верхнихъ нашихъ колоній чрезъ *Алпійскія* горы къ самой *Италіи*. Трѣмъ торговымъ городамъ обязано своимъ наименованіемъ владѣніе, которое къ востоку граничитъ съ большою рѣкою.

Абарисъ не оставлялъ ни малѣйшаго предмета въ пути нашемъ безъ объясненія. По лѣвую сторону рѣки среди густаго лѣса недавно основалась другая *Марсельская провинція*, соединенная

(*) *Auj. Saint - Paul - Trois - chateaux.*

Арекомикская республика, состоящая изъ 24 городовъ, выключая торговыхъ.

Впоруе сіе селеніе, находящееся на скалѣ, вдавшейся въ рѣку *Рону*, называемъ мы на своемъ *Цельтскомъ* языкѣ *Асунд* (*); оно находится въ подданствѣ у *Сеговеллонскихъ* жителей, которыхъ мы скоро увидимъ главный торговый городъ, называемый *Валенція*.

Тихая рѣка, которая печетъ теперь предъ нашими глазами и впадаетъ въ *Рону*, есть *Изаръ* (или *Изеръ*); она направляетъ свой бѣгъ къ сѣверу *Центроновъ*, *Катурижцевъ*, *Верагровъ*.

Сіе другое селеніе, на берегу сей же самой великой рѣки, есть *Тегна* (или *Теинъ*). — Опустошенія, причиняемыя медвѣдями, послужили поводомъ къ наименованію сего мѣста *Урсолемъ* (*Сеншваріеромъ*). Источникъ, его напоющий, прежде нежели теряется въ *Ронъ*, именуется *Галабромъ*.

Мѣсто, гдѣ *Рона* образуетъ видъ локтя, есть пунктъ сообщенія съ *Аллобригцами*, и называется *Віенъ*.

(*) На Франц. языкѣ *Асундъ*; на *Латинск.* *Асунитъ*, отъ слова *синеусъ*, *клинъ*.

Мы вступили во владѣнія *Сегусіанцевъ*, народа, пограничнаго съ *Эдуанцами*. Окружность, которую вы увидите въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ соединяются между собою сіи двѣ большія рѣки, называется *Лузудунъ* или *Лионъ*; слово Цельпское, означающее совокупленіе многихъ соединенныхъ народовъ. Жрецы наши также имѣютъ тамъ свои благочестивыя заведенія. Сія рѣка, протекающая спольнихъ и приумножающая водами своими *Рону*, есть *Араръ* (или *Саона*). Разливаясь на великое пространство, отъ сѣверной Галліи, она стремится съ равною быстротою, какъ и та рѣка, которую мы сей часъ оставили, и которой произхожденія не станемъ оныскивать между высокими Алпійскими горами. Намъ надобно продолжать свой путь къ другой рѣкѣ, не менѣе заслуживающей наше вниманіе, которая лежитъ къ владѣніямъ *Инсубріянъ*, народа храбраго, недавно основавшаго свою колонію на той сторонѣ Алпійскихъ горъ, и *Тезина* подъ именемъ *Медіолана* (Миланъ и Мей) ихъ торговаго города въ Галліи.

Наконецъ мы достигли береговъ *Луара* и площади, именуемой *Форумъ Сегу-*

станцевъ. Они иногда назначаютъ также свои сборища нѣсколько ниже сего по теченію рѣки, на мѣстѣ, которое они называютъ *Родумна* (что нынѣ *Равенна*).

Многочисленный народъ *Эдуанцевъ* (что прежде *Бибрактовъ*) учреждаетъ частныя свои собранія на цвѣтущемъ островѣ въ самой срединѣ *Лувра*, который мы называемъ *Децизомъ* (*).

Рѣка, чрезъ которую мы теперь переправляемся, продолжалъ *Абарисъ*, есть *Ніевръ*; она окружаетъ самое веселое помѣстье, изъ котораго безъ сомнѣнія жители составятъ когда-нибудь цѣлую область, и которое называется именемъ одной изъ Цельпскихъ фамилій, которая его населяетъ, то есть *Новіодуномъ* или *Ниверномъ*.

Мы теперь на границахъ *Боіенскихъ* и *Битуригскихъ*. *Боіенцы* могутъ почесаться храбрѣйшими изъ всѣхъ народовъ Галліи. Они простираются по пути *Белловега*; одна только изъ ихъ отпадшихъ колоній пробилла себѣ другую дорогу съ тѣмъ, чтобы проникнуть въ *Италію*. Они пробрались на Алпійскія горы (**),

(*) Гимляне называли его *Decetia*.

(**) Что нынѣ великій Сент-Бернардъ.

и продолжали бѣжать на тотъ берегъ рѣки По.

Битуригцы (*) народъ самый миролюбивый, но съ обширнѣйшими понятіями изъ всѣхъ Цельтіянъ, составляютъ изъ себя верховный Совѣтъ въ одномъ изъ трехъ отдѣленій Галліи. Мы имъ обязаны славнымъ *Амбигатомъ*, который руководствовалъ насъ въ тѣхъ великихъ эмиграціяхъ, долженствовавшихъ пременить образъ цѣлой Европы. Камболесъ, проникнувшій во внутренность самой Фракіи, послужилъ для насъ дѣятельнымъ примѣромъ.

Дядя Белловега и Сиговега жилъ въ *Аварискѣ* (**), большомъ помѣстьѣ, окруженномъ рѣкою, коей и обязано оно своимъ наименованіемъ; около половины дня пути отъ той рѣки, которую мы теперь перѣхали. Сія гора, преграждающая намъ путь между ею и Луаромъ, была опредѣлена Битуригскимъ народомъ къ отправленію ихъ великихъ жертвоприношеній.

(*) *Берри*, Французская провинція.

(**) *Битуригесъ* во времена Цезарей, а нынѣ *Бургесъ*.

Харондъ. Абарисъ! я предсказываю, не будучи ни Сивиллой, ни Жрецомъ, что потомки наши соорудятъ на семъ мѣстѣ крѣпкій городъ.

Абарисъ. И прибавь, что онъ выдержитъ самую долговременную осаду, и такая, отъ копорыхъ бы можно было ожидать ужасныхъ послѣдствій (*).

„Друзья мои! сказалъ онъ имъ, въ качествахъ людей, живущихъ обществомъ, время не дѣлаетъ никакого различія. Умереть отъ руки Жрецовъ, или солдатомъ быть убиту, все есть кровопролитіе. Любезный Абарисъ! отецъ свое швое не изъято изъ числа прочихъ странъ касательно приношенія въ жертву существъ разумныхъ. Городъ Марсель хотѣлъ представить намъ позорище священнаго смертоубійства.

Абарисъ. Отечество мое никогда бы не могло быть и не знало сихъ нечестивыхъ узаконеній безъ вашихъ Грековъ. Въ этомъ-то состоятъ тѣ дары, которыми они намъ усердствовали. Пере-

(*) *Сансеръ*. Цезарь осадилъ сей городъ; но Крестовая война самаго принудила испытать самый жестокий голодъ въ 1575 году.

правимся чрезъ сей источникъ, продолжалъ юный проводникъ нашъ; онъ называется въ произхожденіи своемъ *Массава* (*). — Этотъ уголокъ земли, обработанной, который прерываютъ съ одной стороны Луаръ, а съ другой небольшая рѣка, означаетъ Цельтскимъ словомъ, выражающимъ мѣстное положеніе, *Кондатъ* (Кона), и мы всегда принимаемъ сіе наименование. — Сіе селеніе, которое простирается по пути нашему къ самому берегу рѣки, по теченію коей мы продолжаемъ идти теперь, извѣстно въ странѣ сей подъ именемъ *Бривадура* (Бриаръ). Вся земля сія наполнена источниками, которые совокупивъ всѣ вмѣстѣ, можно бы было составить судоходный каналъ, способствующій къ сообщенію Луара съ Сеною. — Вотъ еще другая большая рѣка, служащая вмѣсто границъ Карнухамъ, и орошающая могущественный народъ, обитателей Люпеса. Стоило бы только нѣсколько заняться Карнухамъ и Люпесцамъ, чтобы содѣлать

(*) Устье сей рѣки къ Луару замѣчательно нынѣ по большому городу, называемому *Мессомъ*.

удобнѣйшимъ взаимное сообщеніе, и показать себя первѣйшими и почтеннѣйшими обитателями Цельтскими. Не смотря на мое замѣчаніе, которое я повертаю предъ твоей премудростію, Наставникъ мой, опасаясь я, чтобы чрезъ сіе не возбудилась идея новаго города, прежде нежели совершится мое предначертаніе ископать каналъ, гораздо болѣе необходимый.

Разговаривая такимъ образомъ, мы вспутили въ предѣлы Карнумскіе. Они образовали собою родъ сиренія, внутри коего находилось мѣсто сообщенія, или лучше сказать мѣны, на самой срединѣ Луара, извѣстнаго въ сей странѣ подъ именемъ *Кенабули* (*). Хотя мѣсто сіе было и не весьма возвышенно, однакожь Абарисъ указалъ намъ родъ нѣкопорого храма, посвященнаго Солнцу (**).

Мы стали на возвышенное мѣсто; потому что каждую минуту спеченіе народа увеличивалось. Коммисіонеры всѣхъ соединенныхъ Цельтскихъ народовъ спе-

(*) Прежде *Аврелианъ*, а нынѣ *Орлеанъ*.
(**) Нынѣ именуется *гавань Солнца*.

кались опвсюду кв общему центру, по есть вь Автрику (*), на берегу рьки Натуры (**). Мы прошли много лѣсовъ, но ни одного не встрѣчали столько густаго и мрачнаго, какъ лѣса Карнуцкіе.

При видѣ великаго множества цѣпей необтесанныхъ камней, какъ бы нечаянно и св небреженіемъ разбросанныхъ, Абарисъ сказалъ намъ: „Оспановимся здѣсь; мы шеперь у сосѣдей святой земли жрецовъ.“ — Ожидая милостивой минуты быть допущенными предъ лице кого нибудь изъ ихъ начальниковъ, Абарисъ предложилъ мнѣ св Харондомъ идти на небольшой островокъ, усаженный дубами, гдѣ присутствовала Друида.

„Другъ мой проводитъ васъ шуда, и доставитъ честь разглагольствовашъ св нею; пошому что одни только Галлы имѣютъ право внимашъ словамъ ея. Вь продолженіе сего небольшого пуши, кошорый будешъ для васъ вмѣсто прогулки, я приуготовлю вамъ свободный доступъ кв жрецамъ нашимъ.“

Мы не были одни вь семъ путешествіи; почти всѣ коммисіонеры различ-

(*) Прежде Карнуль; а нынѣ Шарлръ.

(**) Рька Эвръ.

ныхъ народовъ, прежде вступленія на мѣсто Цельтскаго собранія, полетѣли св своими подарками на поклоненіе сей святой дѣвѣ. Народъ толпился во множествѣ предъ ея жилищемъ. Дубъ самый древній былъ ея стражемъ. Она обитала вь нѣкоторомъ святилищѣ, весьма возвышенномъ, составленномъ изъ древесныхъ вѣтвей; онѣ такъ часто сплешены между собою, что казались гораздо плотнѣе стѣны. Уранія, такъ называлась Друида, никогда не выходилъ изъ сего убѣжища, и проводитъ тамо дѣвственную жизнь.

Такая рѣшительная странность показала намъ ужаснымъ обманомъ. Абарисовъ другъ сказалъ намъ на сіе: „Сія свята сестра, дѣва Уранія, опредѣлена была вь замужство, чптобы вь такомъ состояніи отправлять ей обязанности жрицы, какъ скоро мужъ ея будешъ отлучашъ на поле брани, по долгу военнаго. Жершвенное таинство облеклось вь жалкій видъ св того времени, какъ чужестранцы стали посѣщать нашъ островъ; пошому что чрезъ нихъ мы узнали приношеніе вь жертву существъ разумныхъ. Уранія, не чувствуя

въ себѣ довольно мужества и душевныхъ силъ, необходимыхъ къ сему убійственному обряду, приняла на себя то состояніе, которое одно только ей оставалось. Она добровольно заключилась въ сію воздушную шурму, откуда и поклалась никогда не сходить, развѣ только въ случаѣ внутреннихъ раздоровъ въ народѣ; и тогда, въ виду всѣхъ, бросилась она съ вѣтвю *жельзной травы* въ рукѣ между сражающимися, и не возвратилась до полѣ, пока не принудили ихъ положить оружіе: она предпочла сіе величественное и пріятное намѣреніе тому, чѣмъ бы ходила по главамъ бунтовщиковъ, въ черномъ одѣяніи, съ кинжаломъ въ рукѣ, топорнымъ поразишь военнопленныхъ на полѣ сраженія, или при подножіи олтарей. — Родственники Ураніи бесѣдують шеперь съ нею, внимаютъ ея разговору, предлагаютъ дары, и вмѣстѣ различные вопросы, или извѣляютъ одну только признательность. Я послалъ ей подарокъ отъ моего имени. Служитель *Оивскихъ шаинствъ!* ты можешь видѣть ее и говорить съ нею; ты для нее не чужой, равно какъ и для жрецовъ нашихъ.

Рѣшетка изъ зеленыхъ вѣтвей оплевается предо мною, и мнѣ велѣно взойти по дерновымъ ступенькамъ вверхъ на ровную землю, покрытую мхомъ; надъ собою увидѣлъ я родъ нѣкотораго наказа преспата, но проспраннаго въ словахъ, подъ самымъ сводомъ, который былъ ничто другое, какъ вершина дуба, разпространившая свои вѣтви. Чрезъ нѣсколько минутъ показалась жрица, — женщина въ цвѣтущихъ лѣтахъ. Вѣнецъ изъ дубовыхъ листьевъ пріосвѣлялъ чело ея; платье ея было почти такое же, какъ и у жрецовъ: длинная изъ благольна одежда. Одна рука у нее была открыта, такъ какъ и половина груди. Сѣвши, или, лучше сказать, опустившись всѣмъ тѣломъ на ложе, она позволила мнѣ говорить чрезъ благородный и пріятный знакъ.

Чистая дѣва, сказалъ я, вдохновенная *Друида!* жрица разума! повѣдай мнѣ, что нужно къ достиженію совершеннаго счастья, не возбуждая къ себѣ зависти?

„Жишь съ самимъ собою,“ отвѣчала она.

Пиагоръ. А чѣмъ избѣжать неблагодарныхъ?

Друида. Жить для самого себя.

Пифагоръ. Какая страна свѣта есть самая свободная?

Друида. Галлія.

Пифагоръ. Должна ли она когда лишиться своей независимости?

Друида. Конечно, коль скоро лишится лѣсовъ своихъ.

Пифагоръ. По этому человекъ изъ рода лисицъ?

Друида. Я бы лучше согласилась принадлежать къ классу медвѣдей, которые водятся на горахъ нашихъ, нежели къ нѣкоторымъ народамъ, коихъ обычаями хотятъ обольстить насъ.

Пифагоръ. Справедливо, мудрая жрица! богъ медвѣдей не требуетъ отъ нихъ ихъ крови; но божество жрецовъ взыскашельнѣе.

Друида. Скажи лучше, божество Цельтскихъ народовъ, безумныхъ подражателей Фокіянъ.

Уранія удалась при сихъ послѣднихъ словахъ; мы съ Харондомъ возвратились назадъ къ юному другу Абариса, который и самъ не замедлилъ придти къ намъ съ сыномъ жреца, прибывшимъ съ береговъ Данубы, съ тѣмъ чтобы со-

единиться съ жрецами. Сей послѣдній сказалъ мнѣ: „Замолкѣ, отецъ мой ожидаетъ васъ, и хочетъ говорить съ вами; идите со мною.“

XXIII.

Пифагоръ у жрецовъ.

Наконецъ достигли мы Карнутакаго лѣса, и вознамѣрились вступить въ коллегію жрецовъ, которые должны были предсѣдательствовать въ великомъ собраніи Галловъ. Тотчасъ одинъ изъ нихъ подходитъ ко мнѣ, и поздравляетъ меня съ титломъ, на которое получаютъ право допущенные къ ихъ таинствамъ. Абарисъ уже предупредилъ его касательно того, чтобы принять меня съ совершенною увѣренностію и ошличіемъ; — волосы его простирались по всему сшану, и главу украшала шапка, уподобляющаяся весьма много Персидской митрѣ. Сверхъ длиннаго льнянаго одѣянія на немъ накинута былъ родъ нѣкотораго панцыря изъ льна; оба они бѣлыя, и безъ рукавовъ.

„Останься одинъ, сказалъ Замолксѣ, и началъ продолжашь на Греческомъ языкѣ: „Во время обыкновенныхъ великихъ заведеній нашихъ тебѣ не позволено перешупать за тѣ границы, куда могутъ быть допущены одни только призванные отъ народа, а еще менѣе проникать во святая святыхъ; но наши души тебѣ отперсты, и это относится къ намъ всѣмъ вообще. Тебѣ должно стараться не измѣнять самому себѣ при видѣ всѣхъ тѣхъ грубыхъ обыкновеній, каковыя народъ налагаетъ на наше служеніе. Изустно ты отъ насъ услышишь только то, что мы найдемъ достойнымъ внушить тебѣ; а молва, которую занимаешь все безъ разбору, не преминетъ довершить остальное. — Если для насъ не довольно жертвоприношеній въ поклоненіи божеству, по крайней мѣрѣ, не нужно ни храмовъ, ни жертвенниковъ, ни идоловъ; и въ этомъ - то состоитъ смѣсь благоразумія съ невѣжествомъ. Право сильнаго никогда не было на нашей сторонѣ: что народу и богамъ угодно, того непременно должно желать и жрецамъ.“

Пиѳагоръ. Желать, или отка-
заться отъ шипла жреца,

Замолксѣ. Горы, или зеленѣющіеся лѣса суть наши священныя зданія, и мысли наши не больше имѣютъ принужденія, какъ и самый воздухъ, въ которомъ мы отправляемъ торжества свои. Мы хотимъ всегда быть предъ лицомъ Природы; мы призываемъ ее въ свидѣтели. . . .

Пиѳагоръ. Вашимъ жертвоприношеніямъ, состоящимъ изъ невинно-заколаемаго человѣчества. Я и теперь примѣчаю ужасные слѣды сего дѣйствія. Уйдемъ отсюда. Я увидѣлъ болѣе, нежели сколько желалъ.

Замолксѣ. Не мы причиною этого зрѣлища.

Пиѳагоръ. По крайней мѣрѣ сильнѣйшими служите орудіями. . . .

Замолксѣ. Къ тому, чтобъ прекращать излишнее невѣжество.

Пиѳагоръ. Я не могу отъ тебя скрыть того впечатлѣнія, которое и ты долженъ раздѣлить со мною. Есть предметы, къ которымъ безъ сомнѣнія никогда не лъзя привыкнуть.

Замолксѣ. И я также думалъ; но необходимость. . . . Хотя отъворачивши глаза, пропивъ воли, но ударъ свершаеш-

ся; и неоспоримо, что сей самый смертельный удар, нанесенный злодѣю, искупляетъ жизнь многихъ. Соединись съ нами.

Пифагоръ. Я никогда этого не сдѣлаю; и если бы былъ на швоемъ мѣстѣ, то все бы не надолго. Я послѣдую мудрому совѣту Друиды вашей; буду жить только съ самимъ собою и для одного себя. Ваши лѣса еще недостаточно густы, чтобы могли скрыть ужасныя предсавленія беззаконій.

Замолксъ. Торжественные обряды наши были гораздо непорочнѣе во время первобытнаго богослуженія нашего на вершинѣ горъ.

Пифагоръ. Сколько непорочны, что вамъ недостаетъ уже довольно смѣлости къ намъ возвратиться.

Замолксъ. Но уже прошло то время.

Пифагоръ. Что мѣшаетъ вамъ оставить народъ въ густотѣ лѣсовъ ихъ?

Замолксъ. Онъ будетъ искать насъ.

Пифагоръ. Заставьте ихъ совѣмъ позабыть объ васъ; но можетъ быть

это - то и есть главное, чего наиболѣе жрецы опасаются.

Замолксъ. Я съ тобою согласенъ; жрецы почитаютъ себя необходимо нужными для своихъ соотечественниковъ. Они не иное что, какъ врачи, которые выпускаютъ нѣсколько капель крови, чтобы поддержать весь сосисавъ.

Пифагоръ. Кровь человѣческая и золото — вашъ украшеніе, душа вашей святыни: то есть прупы препещущіе отъ непрощившей еще крови и драгоценныя каменя. И такъ въ этомъ - то состоятъ трофеи побѣды вашей надъ человѣческой слабостію! . . .

Замолксъ. Въ народѣ нѣтъ такой прозорливости, какую имѣютъ муравьи. Сіи сокровища, коими ты насъ упрекаешь, ни мало не служатъ къ употребленію жрецовъ. Наши нужды не такъ велики; но объ общественныхъ надобностяхъ чья рука могла бы лучше пещись, кромѣ нашей? Пособія, благодаренія . . .

Пифагоръ. Васъ привлекаютъ и поселяютъ въ васъ чрезвычайную увѣренность въ новообращенныхъ.

Замолксъ. Конечно, это для насъ нужно. Намъ однимъ не возможно на-

здасть общественнаго блага. Будучи первосвященниками и вмѣстѣ законодателями, правителями и судіями въ продолженіи своихъ засѣданій, мы не должны поселять излишней увѣренности къ благо-разумнымъ нашимъ рѣшеніямъ, и не совсѣмъ опметать средства, къ тому способствующія.

Пифагоръ. Теперь для меня не удивительно уже то, почему здѣсь убѣгаютъ лучей солнечныхъ: даже и пысклый блескъ луны слишкомъ много освѣщаетъ такихъ таинствъ, которыя блѣднѣютъ отъ ужаса при яркомъ свѣтѣ разума.

Замолксъ. Ты удивляешься тому употребленію, которое содѣлываетъ благочестивымъ обрядамъ, и которое есть общее всѣмъ Цельтскимъ народамъ. Мы избѣраемъ время ночами, или лучше сказать, печеніемъ луны, что особенно доказываетъ древность нашихъ обыкновеній; на этомъ основывалась первоначальная Астрономія; другіе народы гораздо большіе въ ней оказали успѣхи, а мы могли раздѣлять съ ними сію славу, и довольно знаемъ для учрежденія пор-

жествъ нашихъ. Человѣкъ прежде познаній рожденъ къ удовольствіямъ.

Пифагоръ. Не основываете ли вы свою древность на вѣкахъ изъ тридцати лѣтъ?

Замолксъ. Это ни мало не занимаетъ ту страну, которая не пишетъ и не сохраняетъ своихъ лѣтописей. Можетъ быть мы не нашли бы невозможнымъ, если бы только было полезно и нужно доказать тебѣ, что народъ Цельтскій древнѣе всѣхъ другихъ народовъ; а вы всѣ, и всѣ прочіе иностранные народы не больше, какъ только наши колонисты.

Пифагоръ. Тѣмъ для васъ лучше. Но такъ какъ вы не умѣли еще ихъ присоединить къ своимъ владѣніямъ, то не присвоивайте себѣ и того права, чтобы могли когда-нибудь привести ихъ къ совершенству изъ первобышняго состоянія. Священная особа! я говорю съ тобою откровенно, свойственно странѣ твоей.

Замолксъ. Мы достойны истины даже и въ то самое время, когда поклоняемся ложному; потому что и это мы дѣлаемъ для нее. Мы до сихъ самыхъ поръ сохраняемъ ея оспашки при благопріят-

ствуюющей тѣснотѣ, и не теряемъ своихъ выгодъ съ тѣми народами, которые уже отступили отъ первобышняго состоянія. Великія услуги, которыя мы оказываемъ своему опечеснву, оправдываютъ насъ въ оспальномъ. Давно бы уже молва перестала превозносить Галловъ, еспли бы прекратились между ими жрецы, и еспли бы мы не предсѣдательствовали въ Майскихъ собраніяхъ на Марсовомъ полѣ. Предсѣвъ себѣ обширное владѣніе, раздѣленное на безчисленное множество небольшихъ сеймовъ, другъ отъ друга независимыхъ, и изъ которыхъ каждый имѣетъ особенное полииическое правленіе, различное между собою: то и другое звено, вообще взявъ, ударяясь другъ о друга, могли бы разрушиться, еспли бы не были удерживаемы во взаимномъ равновѣсіи помощію перваго кольца своего, посредничествомъ одной руки, таящейся въ тѣни. Эпо руки жрецовъ, рука наша. Всѣ сіи народы, противоборствующие между собою, въ самомъ существѣ несогласные, равно какъ и ихъ начальники, имѣли нужду въ разумѣ вышшемъ, нежели ихъ собешвенный, чшобъ поддержать себя; почему и

учрежденъ одинъ извѣстный классъ людей, одаренныхъ свыше небесной премудростію, которые и успѣли ослабить столько другихъ людей, злобствующихъ противу ихъ могущества и ревнующихъ къ ихъ независимости даже до ожеспоченія. Почему Галлы еще въ состояніи невѣжеснва своего заставляють препетать просвѣщенную Италію? Почему Цельтскіе дѣса столько обезпокоиваютъ цвѣтущія страны Европы? Пошому что владѣнія Галловъ, благодаря благочестивому учрежденію жрецовъ своихъ, образуютъ собою ужасную массу, коея тяжесть могла бы подавить цѣлый міръ; но ихъ сила и могущество разобщенныя такъ сказать по частямъ отъ Марсельскихъ предѣловъ до самыхъ границъ Тринакрійскихъ, ни въ одномъ пунктѣ не могли бы сопротивляться нападению. Сосѣдственные народы надвинувшись уподобить насъ самихъ себѣ, хотяшь образоватъ насъ, научить полииикъ, чшобъ ослабить силы наши. Доколѣ жрецы будутъ допускаемы въ посредничество во всѣхъ политическихъ обстоятельснвахъ, дошолѣ Галлы будутъ пользоваться успѣхомъ сего соединенія, необ-

ходимаго для великаго тѣла; состоящаго изъ полнаго количества членовъ. Изъ числа всѣхъ священнослужителей; какіе поодиноку существуютъ на землѣ, мы можемъ почесаться самыми сильнѣйшими, равно какъ и самые Цедьшяне могутъ существовать всѣхъ народовъ. Я оставляю тебѣ самому на волю и звлечъ вѣрнѣйшія послѣдствія изъ сего сближенія. . . . — Искусство правленія подобно теплотѣ лучей солнечныхъ, которая все удобряетъ. Если бы лучи сіи сливались во многіе различные фокусы помѣстнаго, или бы теплота сія имѣла многія начала своихъ направленій; то вѣроятно порядковъ во временахъ года потерпѣлъ бы большое поврежденіе, всегда пагубное. — Всѣ лучи, идущіе отъ одного народа, совокупляясь въ одинъ пунктъ, производятъ гораздо болѣе блеска, нежели разходящіеся и разбросанные порознь. Къ сему не довольно взаимной связи между владѣніями Галловъ; сомнительно даже, чтобы она могла на нихъ дѣйствовать. Напрощенья того никто не дерзнетъ противустать собранію жрецовъ, которые пользуются уваженіемъ, превышающимъ всѣ права

чистой полипики. Глазъ неба, котораго органами и исполкователями опредѣлены мы свыше, примиряетъ и соглашаетъ все на земли. Проклятія, изрыгаемыя священными устами нашими, дѣйствуютъ подобно громовымъ ударамъ, которые поглощаютъ въ воздухъ всѣ крики и восклицанія. Наши молитвы суть благотворная роса, которая все успокаиваетъ и утишаетъ всякое волненіе. Мы располагаемъ, такъ сказать, по своей волѣ временами года. Нѣтъ ничего подручнѣ суевѣрнаго невѣжества. Сколько бы возгорѣлось внутреннихъ раздоровъ, если бы народъ не относился во всемъ къ намъ, если бы не давалъ клятвы вѣрять себя совершенно нашей премудрости, и не почиталъ бы ее вдохновенною и божественною. Посему общее благоденствіе основано на строгости блюстительности правъ нашихъ. — Долговременный опытъ доказалъ, что безъ нашего служенія обойтись не возможно, и что изъ сего всегда одно только добро выходило. Наши обычаи и знанія заслужили се опличіе. Народъ прибѣгалъ къ намъ толпами; потчасъ повѣрялъ намъ семейныя тайны, о которыхъ мы и

не спрашивали. Нѣсколько ободреній, нѣсколько мудрыхъ совѣтовъ довольно было съ нашей стороны, чтобы привлечь къ себѣ сердца. За семействами явились цѣлыя общества. Насъ поспавляютъ верховными судіями во всѣхъ соотношеніяхъ; лѣность и небреженіе почли за удовольствіе положиться во всемъ на наши представленія. Народъ не рѣшился ничего предпринимать безъ нашихъ совѣтовъ; и мы нечувствительно содѣлались полномочными Начальниками надъ жизнію и смертію, надъ судьбою сраженій, и надъ раздѣленіемъ цѣлыхъ владѣній и извѣстныхъ земель на участки; все сіе непременно должно было случиться, не предполагая при томъ ни малѣйшаго честолюбія съ нашей стороны. Зрѣлый возрастъ требовалъ отъ насъ совѣтовъ, юношество уроковъ, и мы ихъ давали всегда изустно: память, будучи болѣе подручна, нежели письмо, затверживаетъ сіе, не пребуя уже повторенія. Воспитанники наши проводятъ еще долгое время въ искусствѣ, прежде допущенія своего къ нашимъ тайнамъ. — Успѣхъ въ скоромъ времени оправдалъ наше ожиданіе. Цѣлая Галлія дружелюбіемъ со-

вокупилась во едино-цѣлое, содѣлалась многолюдною, храброю, врагамъ ужасною, и болѣе нежели довольною: таково-то наше произведеніе, что уже теперь остается только соблюсти, пока имѣемъ право, сохранить отъ того непреодолимаго, неизбѣжнаго стремленія къ постепенному упадку и самой гибели. — Мы раздѣлили между собою свою должность; мы образуемъ собою многіе классы, какъ-то: классъ жрецовъ, созерцателей Природы; классъ законодательей, или полиптиковъ; священнослужителей, приносящихъ жертву; классъ прорицательей; и наконецъ Бардовъ, или Поэтовъ. Число наше велико, по причинѣ многочисленности занятій. Насъ почищаютъ одними только первосвященниками; а мы вмѣсто того составляемъ все, или по крайней мѣрѣ способны ко всему. Сей общенародный предразсудокъ спасителенъ для Галловъ, и особенно по тому, что поддерживаетъ ту взаимность, которая составляетъ все могущество сей Имперіи; иначе бы всѣ части ея разсыпались, и она бы во всѣхъ пунктахъ была опверста непріятелю. Народъ взираетъ на все нашими глазами; мы раз-

полагаемъ настоящимъ и будущимъ въ удовлетвореніе всѣхъ и каждаго. Всѣ насъ пренебрегаютъ, уважаютъ насъ, и самые надменные невольно рабоблпствуютъ передъ нами по примѣру прочихъ. Мы не воскрешаемъ усопшихъ, но изцѣляемъ больныхъ. . . .

П и е а г о р ъ. Дубовымъ клеємъ и *селагомъ* (*), сорваннымъ правою рукою, или *самолюсомъ* (**), который вы срываете лѣвою рукою.

З а м о л к с ъ. По крайней мѣрѣ, доколѣ дубовый клей будетъ имѣть въ себѣ свойство предохранять отъ извѣстной болѣзни, доколѣ независимость, дочь лѣсовъ нашихъ, пребудетъ между нами. . . Мы пользуемся всеобщимъ уваженіемъ, тѣмъ болѣе отличнымъ, что и самые идолы не раздѣляютъ его съ нами. Народъ видитъ однихъ только насъ, а боги лишены тѣлеснаго образа. Въ моемъ владѣніи всегда извѣщаются такъ: „*Богъ Замолксовъ.*“ Случается при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, что въ

(*) Прозябеніе, родящееся въ необитаемыхъ горахъ.

(**) *Самолюсъ*, болонистая трава.

присутствіи жреца и самое божество приходитъ въ забвеніе: и почему жь чело-вѣку, посвятившему себя на благо подобныхъ себѣ, отвергать признательность, извѣяемую очень часто предъ существами химерическими и неодушевленными? —

Жрецъ, прекративши свое повѣствованіе, отправился къ великому Сословію. Время начинанія уже наступало; блѣдная луна боролась съ лучами солнечными въ атмосферѣ. Сынъ Замолксовъ препроводилъ меня къ Харонду, Абарису и его юному другу. Харондъ и я были помѣщены на пнѣ стараго дуба, откуда мы могли видѣть всю церемоніальную свишу. Абарисъ и два его соопечественника удалились, чтобы заступитъ въ церемоніи свое мѣсто.

Свѣтило ночи показалось во всей полноцѣ своей, и излило весь свой блескъ, котораго было довольно, чтобы не упустить ни малѣйшаго обстоятельства изъ сего церемоніала. Трое Бардовъ начинаютъ мѣрный маршъ, наигрывая на арфѣ, или лучше сказать на золотомъ инструментѣ, ей подобномъ, въ струны котораго они ударяли. Сверхъ бѣлой мантіи

была накинута на нихъ темная епанча, держащаяся на деревянной пуговицѣ; вмѣсто пояса служилъ имъ кожаной ремень.

Многочисленная толпа юныхъ Галловъ, составляя около ихъ кругъ, воспѣваетъ Цельтскіе псалмы и гимны. За ними слѣдуютъ тихими шагами дельфины, козы, бѣлыя и черныя овцы, два бѣлые овна и два *теловѣки*. Одинъ изъ сихъ двухъ послѣднихъ жертвъ былъ преступникъ, а другой военнопленный; оба были обнажены, выключая промежутковъ отъ поясицы до бедръ, и у обоихъ руки назадъ были завязаны. Зелѣнѣющая дубовая вѣтвь упадаетъ гирляндю съ праваго плеча на лѣвую мышку. Ихъ окружаютъ обоюга жрецы, вооруженные мечемъ, копьемъ и многими дропиками. Сіи двѣ жертвы, шествующія за пылающимъ факеломъ, несутъ человѣческую спашую чрезвычайной величины, сплешенную изъ ивовою коры, и удобную заключить въ себѣ несчастнаго, опредѣленнаго на всеожженіе. Жрицы, подобныя разсѣпаннѣмъ Бакханкамъ, прыгаютъ и пляшутъ по дорогѣ. Наконецъ увидѣли мы въ нѣкоторомъ разстояніи идущихъ

пословъ различныхъ народовъ, съ особенными другъ отъ друга отличительными знаками, и вмѣстѣ большая часть ихъ воинскихъ начальниковъ, вооруженныхъ копьемъ, шпатою и щитомъ. Главное ихъ одѣяніе состояло въ короткой епанчѣ, которая вѣроятно ни малѣйшаго не дѣлаетъ имъ помѣшательства при сраженіи. Вмѣсто знаковъ отличія носятъ они ожерелья, браслеты и золотыя кольца. Всѣ сіи украшенія достаются въ Галліи, въ Греціи, или въ Египтурскомъ владѣніи. Они идутъ по одиночкѣ, и съ такою откровенною важностію, какъ будто готовятся къ чрезвычайному предпріятію. Они всѣ различнаго возраста и въ разныхъ одѣяніяхъ; но всѣ вообще держатъ въ рукахъ дубовыя вѣтви.

Наконецъ выступаетъ рядъ жрецовъ, сопровождаемый толпою своихъ воспитанниковъ, въ числѣ коихъ находился и юный другъ Абариса; и мнѣ удалось различить того изъ нихъ, которому было назначено собирать клей съ освященнаго дуба. Онъ примѣненъ по золотой косѣ, отражающей серебряныя лучи ночнаго свѣтила.

Другой жрецъ несъ въ полѣ своей одежды многія змѣиныя яйца, похожія на яблоки. Ихъ щелуха наполнена маленькими ямками, похожими на тѣ, которыя примѣтны на лапкахъ у *полила*. Сіи яйца, по словамъ Галловъ, предохраняютъ отъ всякой опасности, естели носить ихъ всегда въ пазухѣ.

Послѣ всѣхъ показався наконецъ и главный жрецъ, съ Королевскимъ вѣнцемъ на главѣ; думаю, что не многіе и избъ Государей смѣютъ гордиться столь высокими правами, каковы ихъ. Вътѣвѣ такъ называемой *желѣзной правы*, служилъ ему вмѣсто скипетра. Предъ нимъ идетъ Герольдъ подъ большой круглой шляпой съ лебедиными крылами. Онъ одѣтъ въ бѣломъ, подобно другимъ жрецамъ, и въ рукѣ у него примѣтилъ я жезлъ, обвитый змѣями. Сей Герольдъ, движущійся гѣроглифъ священства, назначается возвѣщать народу возвращеніе новаго года; и потчасъ разнеслось повсюду: *новый годъ наступаетъ!* Чтожь касается до великаго Первосвященника, то при немъ находятся еще два младшіе жреца: одинъ съ блюдомъ, наполненнымъ жолудями, а другой съ боль-

шимъ сосудомъ чистой воды. Все символическое.

Какъ скоро вступили на мѣсто всѣ члены сословія, то потчасъ и заперли загородку сей окрестности; множество способовъ истощено было къ удержанію неистовой черни, которая чуть-было не сломала перилы. —

Множество невольниковъ покрывали длинныя столы по дорогамъ, и всю ночь занимались приутовленіемъ большаго пиршества, которое начнется при окончаніи сего собранія. Жрецы на немъ не присутствуютъ; они удаляются въ свои дома, и сія, такъ сказать, благопристойность съ ихъ стороны удваиваетъ къ нимъ почтеніе отъ всего народа и его начальниковъ. Абарисъ и сынъ Замолковъ также не принимали ни малѣйшаго въ семъ участія. Они возирались ко мнѣ, чтобъ проводить меня къ Герпскому первосвященнику, который и началъ потчасъ продолжать свои разсужденія, какъ скоро мы остались съ нимъ наединѣ.

Замолксъ. Мы особенно занимаемся догматами о вѣчности міровъ, о безсмертіи душъ, и сему же учимъ и

весь народъ, который понялъ сіе по своему, и извлекъ изъ того двѣ убѣдительныя аксіомы, одну самую благоразумную, а другую весьма полезную: изъ всѣхъ воиновъ самый храбрый есть тотъ, который не спрашивается смерти. Галлы увѣрены, что мы, умирая, переменяемъ только существованіе; они взираютъ на смерть, какъ на переходъ изъ одного міра въ другой. — Что заставитъ ихъ робѣть гибельнаго роковаго удара въ сраженіи, если они швердо увѣрены, что должны послѣ возстать какъ бы отъ паденія, и перейти изъ одной жизни въ другую? Такимъ образомъ соединяются они съ первымъ началомъ раздѣленія частей и ихъ преобразованія, не зная и не понимая собственно сего премѣненія. И такъ догматы ученія одинаковы какъ у жрецовъ, такъ и у самыхъ Галловъ, съ тѣмъ только различіемъ, что одни дѣйствуютъ изобрѣтательностію ума, а другіе повинуются изрѣченіямъ. Можно бы отнести сіе замѣчаніе ко многимъ народамъ. Ты, удостоенный сокровенныхъ Египетскихъ таинствъ, ты въ семъ убѣжденъ уже опытомъ, ты много видѣлъ; и я оставляю тебѣ трудъ сдѣлать сіе со-

отношеніе. Наше духовное правленіе, въ политическомъ смыслѣ взятое, не встрѣчаетъ ни равнаго, ни подобнаго себѣ, и есть единственное въ своемъ родѣ; силы и дѣятельность каждаго состоянія мы разпредѣлили такимъ образомъ: повиновеніе и всякая тяжелая работа служитъ собственностію простаго народа; устройство войскъ и славная смерть есть достояніе людей вышшаго класса; но особенно однимъ только жрецамъ принадлежатъ, если не право, то по крайней мѣрѣ способность назидать общее благо чрезъ законодательство; и уже отъ насъ самихъ зависитъ поддерживать сіе превосходное отличіе, чтобъ показать его достойнымъ уваженія. Всѣ бразды политическаго правленія зависятъ непосредственно отъ священныхъ рукъ нашихъ. Во всякомъ народѣ есть священнослужители, но нигдѣ не имѣютъ они столько высокыхъ правъ, какъ жрецы наши; и главный изъ насъ въ большемъ здѣсь полномочіи, нежели Государь, и всегда при себѣ имѣетъ отличительные знаки. Онъ благоразумно носитъ на себѣ санъ свой; и отъ сей - то точности зависятъ всѣ наши выгоды. Насъ числомъ

очень много, такъ что въ случаѣ нужды можно бы было составить изъ насъ цѣлую армію.

Пиѳагоръ. Армія, составленная изъ священнослужителей, едва ли устрашитъ кого-нибудь!

Замолкъ. Напрасно: нѣтъ ужаснѣе той арміи, которая разсудительна въ своихъ поступкахъ; кто искусенъ въ маневрахъ, тотъ едва ли не всѣхъ храбрѣе. Не вступаая въ сраженіе, мы достойны чести побѣдителя; потому что народъ не смѣетъ давать и сраженія безъ нашего на то согласія. Мы располагаемъ участію каждаго сраженія. Наши гадатели возжигаютъ и погашаютъ пламеникъ по своей волѣ.

Пиѳагоръ. Естьлижъ обманъ ознаменуешь ихъ предсказанія?

Замолкъ. Случается, къ несчастію умершихъ и убитыхъ въ сраженіи; въ такомъ случаѣ мы оправдываемся *волею боговъ*, которая во всякомъ приключеніи соотвѣтствуетъ нашимъ предначертаніямъ; особенно потому, что всѣмъ и каждому изъ Галловъ, еслили онъ не изъ числа жрецовъ, запрещается самое желаніе знать что-нибудь болѣе сего,

Повиноваться и идти на сраженіе, есть первый законъ націи; остальное касается однихъ только насъ. Мы предсѣдаемъ въ національныхъ и судебныхъ сословіяхъ; мы принимаемъ также въ посредничество къ себѣ женщинъ: и сіе небольшое право съ ихъ стороны безъ всякихъ околичностей служитъ въ нашу же пользу, и вмѣстѣ умѣряетъ нѣсколько грубость людей другаго пола. При всемъ томъ не возможно найти подобнаго установленія касательно хорошихъ выгодъ. Мы, изрекли нѣкогда своимъ Галламъ: „Вы не иное что, какъ дѣти той земли, которую населяете; и посему по праву должны защищать мать свою.“ Отъ сего благочестиваго начала по необходимости происходитъ любовь къ отечеству, первая и сильнѣйшая пружина въ благоустроенномъ народѣ. Сія увѣренность имѣетъ еще другую выгоду. Она препятствуетъ уму человеческому теряться въ воздушныхъ облакахъ, и всегда возвращаетъ его къ той землѣ, которая носитъ его на себѣ и питаетъ. Для Галла нѣтъ ничего драгоцннѣе его отечества и независимости. Онъ думаетъ, что земля, послушная его пипапельни-

па, никогда не можеть быть плодоноснѣйшею, какъ только тогда, когда орошается попомъ невольниковъ и кровію подлыхъ прусовъ и преступниковъ. Отсюда-то и произошло, что землешество стало служить наказаніемъ для невольниковъ, и вошло въ употребленіе приносить въ жертву людей.

Пиѳагоръ. Достойный служитель боговъ! такъ ли ты долженъ разполагать общимъ мнѣніемъ, чистосердечно тебѣ ввѣреннымъ? Не лучше ли бы было, если бы народъ не имѣлъ совсѣмъ жертвенниковъ, нежели, имѣя ихъ, обогрѣлъ человѣческую кровію?

Замолксъ. Я также думаю; но это уже обрѣтъ невозможности. Сей благочестивый обрядъ есть не собственное наше произведеніе. Къ сему послужило поводомъ одно Финикійское растеніе, выброшенное морскими волнами на нашъ берегъ: оно называется птичьимъ клемамъ, или привадою, и растеть на дубу.

Пиѳагоръ. Таковыя обыкновенія не нашли бы мѣста между просвѣщеннымъ народомъ.

Замолксъ. Но внемли, служитель тайнствъ: просвѣтому народу не должно

быть столько же знающимъ, какъ старшины его: Въ благоустроенномъ обществѣ свободной стороны должна быть сила, а съ другой благоразуміе. Пусть Галлы не ищутъ болѣе ничего, кромѣ мужества и храбрости, но только вмѣстѣ пускай положатся во всемъ на жрецовъ своихъ!

Пиѳагоръ, Чѣмъ же жрецы сколько отличаются отъ простаго народа, когда водятся всѣми его обыкновеніями, и еще стараются ихъ поддерживать?

Замолксъ. Слѣдуй за мною!

Первосвященникъ повелъ меня съ таинственнымъ видомъ на островъ, къ которому одни только жрецы допущены. Многие, встрѣчавшіеся намъ солдаты, дѣлали намъ честь въ знакъ уваженія; нѣкоторые негодовали, увидя меня, и говорили: „почему бы иностранецъ имѣлъ право на особенныя предъ нами отличія?“ Замолксъ, чтобы успокоить ихъ, отвѣтствовалъ: „Это новопосвященный, храбрые Галлы!“ и всѣ умолкали. Островъ, на который мы вступили, весь покрытъ зеленью: никакое земледѣльческое орудіе не прикасалось земли его. Произрастенія были оставлены во всей ихъ свободѣ. Въ са-

мой срединѣ находится небольшой лѣсъ, густой и мрачный, въ который съ одного только конца можно было проникнуть. И на семъ самомъ мѣстѣ встрѣтились мы съ девятью жрицами, копорыя приставлены были вмѣсто стражей, не у храма какого-нибудь, но у одной тѣсной площадки, на подобіе круга, ничѣмъ не покрытой и безъ всякой огородки; она составлена изъ брусьевъ, которые на ночь и опредѣлено собирать въ одну кучу симъ дѣвицамъ, остерегаясь впрочемъ, чтобъ не упасть подъ тяжестью сей работы, иначе назначается имъ строгое наказаніе, какъ за особенное нерадѣніе, сказалъ мнѣ Замолксъ. Сіи девять жриць посвящены нѣкопорою богинѣ, о которой точно и сами онѣ не больше имѣютъ понятія, какъ и народъ. Мы называемъ сію богиню *рождающею дѣвою* (*); подъ этимъ разумѣемъ мы *Природу*. Сіе мѣсто есть святилище. Жрецы входятъ туда попеременно, чтобъ размышлять о той матеріи, которая

(*) Благочестивые Кармелиты послѣ того исказили уже сей памятникъ, соорудивши нишъ для своей *virgini pariturae*.

заключаетъ въ себѣ все, и чтобъ увѣковѣчить сіе первоначальное поклоненіе (1), изъ коего произтекаютъ всѣ прочія. Уваженіе, которое Галлы оказываютъ горамъ, рѣкамъ, лѣсамъ и въ частности дубу, есть непрѣбное слѣдствіе той клятвы, копорую мы общались твердо наблюдать, касательно всеобщей силы вещей; и сія самая клятва, данная нами Природѣ, состоитъ именно въ томъ, чтобы вникать въ удивительныя ея качества. Мы ознаменовали сіе мѣсто нѣкопорою шайнственностію, потому что это всегда нужно, коль скоро захочешь соблюсти спокойствіе и среди самой толпы народной. Сей движущійся составъ, который можно раздѣлить на части, или собрать снова въ продолженіе двухъ ночей (и надобно сказать, что мы поручаемъ сіе дѣло рукамъ непорочносли), служитъ удачнымъ очарованіемъ къ опдаленію любопытства свѣтскихъ людей, и возбуждаетъ въ высочайшемъ

(1) Главнымъ предметомъ поклоненія Галловъ, по примѣру древнѣйшихъ народовъ, была вся вселенная. Похвалы пѣнь Испор. на *охолу* Бенепона.

степени уваженіе къ жрецамъ, которые одни допускаются къ сему таинству. Ты, посвященный служенію таинствъ Эивскихъ, ты безъ сомнѣнія понимаешь настоящій смыслъ и всю точность сего выраженія: *дѣва рождающая* къ означенію *Природы*?

Пиѳагоръ. Да, мысль сія удачно выражена и довольно плодотворна. . . . Но скажи мнѣ, что разумѣть подѣ этимъ *пятиугольникомъ*, означеннымъ на камнѣ, что въ срединѣ сего лѣса?

Замолкъ. Эта Геометрическая фигура означаетъ Цельское слово *драсіе*, составленное какъ изъ словъ, такъ и изъ самаго свойства языка, смѣшеннаго изъ Финикійскаго и Греческаго, на которомъ мы говоримъ пеперь; это таинственный знакъ, который употребляютъ жрецы для того, чтобы отличить себя въ кругу свѣтскихъ людей. Ты могъ замѣтить во время священной процессіи, что у каждаго у насъ на обуви былъ вышитъ пятиугольникъ (1).

(1) Пиѳагорейцы всегда въ началѣ письма начерчивали пятиугольникъ. Въ семь знаковъ подразумѣвались пять липней слова *Лѣн*, здоровье, по Латышскъ *vale*. Жре-

Сіи черты напоминаютъ намъ о главной принадлежности Природы, о томъ непремѣняемомъ здравіи, о той вѣчной юности, о той цвѣтущей дѣвственности, которую ничто повредить не можетъ, и которую она одна только наслаждается во всей полнотѣ. Безсмертіе душъ и безконечное существованіе міра, о которомъ я столь часто говорилъ тебѣ, и которое мы преподаемъ Галламъ; переходеніе изъ сей жизни въ другую, которое заставляетъ ихъ пренебрегать смертью, есть ничто другое, какъ *ламингензія* матеріи; преселеніе Природы, которая всегда рождаетъ, и всегда остается дѣвою. Въмѣстѣ мать и дѣва, некрисновенная и вмѣстѣ плодородная, безпрестанно премѣняющаяся и всегда одна и та же по существу своему: вотъ единственный предметъ умствованія жрецовъ и божество Галловъ, на которое взираютъ они во всегдашнемъ одѣяннѣ, коимъ сами же его окутываютъ; но жрецы взираютъ на сію богиню въ преле-

цы, которые были Пиѳагорейцы, носили сей знакъ на башмакахъ своихъ. *Бозобръ, манихейзмъ*, Том. II.

стной наготѣ ея; никакое изображеніе не можетъ представить подобнаго божества. Посему - то и нѣтъ во всей Цельтской странѣ ни храмовъ, ни жертвенниковъ, ни статуй. Мы моглибъ ввести въ употребленіе монументы сего рода, которые на каждомъ шагѣ встрѣчаются намъ въ Греціи и у другихъ народовъ. Мы упорно противустояли сему обыкновенію, и даже разрушаемъ всѣ шакого рода предметы, коль скоро они попадаютъ въ нѣбдоносныя наши руки, желая поддержать одну только Природу, и убѣждаемъ къ тому же людей, хотя противъ ихъ воли. Мы признаемъ и проповѣдуемъ одно только божество повсемѣстное, доколь только народъ будетъ созерцать все въ немъ однимъ. Мы не запрещаемъ черни боистворить стихіи, признавать бога водопадовъ, рошицъ; мы не хотимъ истреблять догадокъ о томъ, что есть особенное божество въ солнцѣ, въ лунѣ, во внутренностяхъ горъ, въ глубинахъ морей. Что нужды, естьли народъ, не имѣя отъ природы обширныхъ понятій, поклоняется въ частныхъ отношеніяхъ тому, чему мы удивляемся въ совокупно-

сти. Луна, солнце, рѣка, густой дубъ, это все шаже Природа, то же единственное божество наше, которое занимаетъ собою все пространство, присутствуя всюду въ одно и то же время. Это дѣва, мать человѣческая и животныхъ, такъ какъ и существо растительнаго и металлическаго. Мы не назначаемъ ни имени, ни пола сего великаго существа, цѣны всѣхъ существъ. То называемъ мы сіе божество *Дѣва мать*; то *Тевтъ*, богъ или *Тевтатъ*, богъ-отецъ, коего мы всѣ дѣти, *Тевтосаги*, не смотря на взысканія нашихъ братьевъ, нашихъ сосѣдовъ, Салійскихъ и Марсельскихъ жителей, которые величаютъ себя *Текто-сагами*. Обитатели всѣхъ областей Галліи такъ назывались съ самаго начала міра. — Наши пѣснопѣвцы, чтобъ возродить пылкость въ своемъ воображеніи и нравиться множеству, воспѣвая сіе существо, находили всегда довольную причину заключать о двухъ великихъ божествахъ: одно полагали они землю, мать всѣхъ животныхъ; а другое душу міра, или всеобщій разумъ, супругъ земли и отецъ человека. Они раздѣляли въ высочайшемъ Существѣ два начала: *начало дѣй-*

ствующее, которое удобряетъ, и спрѣ-
 ждущее, которое раждаетъ. И самъ на-
 родъ не безъ занятія на сей прекрасной
 дорогѣ. Онъ изъ cadaго предмета вы-
 водитъ себѣ боговъ, которые его очаро-
 вываютъ; божества низшія, которыхъ
 онъ почитаетъ въ соотношеніи къ Су-
 ществу высочайшему, которое вдохнуло
 въ насъ способность умствовать, сущъ
 маленькіе ручейки предъ большимъ океа-
 номъ. Доколѣ мы будемъ упорствовать
 въ сооруженіи храмовъ и статуи богамъ
 нашимъ, доколѣ не согласимся посвя-
 щать ихъ нашимъ героямъ и великимъ
 людямъ. Мы не хотимъ подражать въ
 этомъ Грекамъ, а тѣмъ еще менѣ жи-
 телямъ Марсели. Сіи послѣдніе уже ве-
 личаютъ однимъ изъ побѣдоносныхъ сво-
 ихъ полководцевъ какого-то Геркулеса,
 низложившаго Литурійцевъ и другихъ
 многихъ колонистовъ, вплоть до цѣпей
 Альповъ. Мы посраимъ память нашихъ
 дѣдовъ, если по какому-нибудь хопя
 нечаянному случаю принесемъ достой-
 ную жертву побѣдителю ихъ предковъ,
 и падемъ ницъ предъ олшаремъ его съ
 золотою вѣтвю дуба.

Пиенгоръ въ Лютецѣ.

Такимъ образомъ Замолксъ преподавалъ
 мнѣ сокровенное ученіе жрецовъ въ сво-
 бодное время между ихъ засѣданіями, въ
 продолженіе коихъ я оказывалъ такую
 же услугу сыну его, каковую самъ по-
 лучалъ отъ отца. Соединившись съ Ха-
 рондомъ и Абарисомъ, мы противупола-
 тали обыкновеніямъ Цельтскимъ обычаямъ
 другихъ народовъ.

Наконецъ прекратились сеймы у Гал-
 ловъ, и каждый посланникъ разполагалъ
 ся уже предпринять возвратный путь въ
 свое опечесство. Тогда Замолксъ сказалъ
 мнѣ: „Еще нѣсколько шаговъ, и — тебѣ
 можно будетъ присутствовать при благо-
 чествивой церемоніи, которую оставитъ
 тебѣ видѣть. Для сего надобно только
 тебѣ быть нашимъ спутникомъ на осп-
 ровѣ Лютецѣ, главный торговый городъ
 изъ помѣстьевъ, принадлежащихъ къ
 Парижу; а оттуда мы переправимся
 чрезъ одну тихую рѣку въ землю, при-
 надлежащую нашей странѣ. Лютецъ,
 взявъ шочное значеніе сего Цельтскаго

слова, есть остров *Множества*, т. е. пунктъ сообщенія чрезъ рѣку Сену, гдѣ мы нѣсколько уже лѣтъ находимся при правахъ своихъ, и по окончаніи сеймовъ нашихъ между Галлами тотчасъ отправляемся торжественно въ возвращеніе весны. Наши собранія на Марсовомъ полѣ продолжаются въ первыхъ дняхъ Марта, а остальные дни сего же мѣсяца посвящены празднику Солнца и Луны. — Для насъ не болѣе одного небольшого дня поспѣшно, чтобы отъ лѣсовъ Карнунтскихъ достигъ береговъ Люшеца (*); но прежде нежели мы вступимъ въ рѣку Секвану, предлагаемъ тебѣ плыть по спокойному теченію рѣки къ западу до самой *Арморики* (**). Тамъ ты будешь свидѣтелемъ особеннаго установленія, котораго иначе никто увидѣть не можетъ.“

Тутъ мы пробыли двѣ сутки. На другой день прибыло небольшое судно съ однимъ Арморейцемъ, который былъ избранъ изъ тысячи къ осмненію одной изъ девяти дѣвъ острова *Сены*.

(*) Lutetia Parisiorum; present. Paris.

(**) Нормандія. *Арморика* означаетъ морской берегъ.

„Эпо небольшой островъ, сказалъ мнѣ Замолксъ, на пространномъ морѣ, смежный съ перешейкомъ рѣки Секваны. Этотъ уголокъ земли служитъ убѣжищемъ Оракула, разгнѣваннаго девятью Галлійскими дѣвами; каждый годъ, къ умягченію грознаго рока и къ сохраненію сего малаго общества священныхъ дѣвъ, одна изъ нихъ жертвуетъ собою нѣкоторому требованію на томъ берегу, гдѣ съ нещербнѣемъ ожидаетъ ее юный мореплаватель. Онъ уводитъ ее на твердую землю, держитъ у себя девять дней, и въ послѣдній вечеръ возвращаетъ опять на то самое мѣсто, откуда взялъ ее. Юная островищанка, запершись въ кругу своихъ подругъ, сложивъ съ себя свою должность, ожидаетъ минуты содѣлаться матерью. Если новорожденный не одного пола съ своею матерью, то питаетъ его мать своимъ молокомъ до другаго года; послѣ того младенецъ, при благополучномъ вѣтрѣ, въ колыбели своей пускается въ море, и пристаетъ благополучно къ сосѣдственному берегу. Если же жрица произведетъ на свѣтъ дочь, то бережетъ ее у себя, чтобы нѣкогда дополнить ея

число девяти, которое должны составлять священныя дѣвы.

Армореецъ въ нашемъ виду высадилъ на берегъ свою добычу. Юная островитянка, подъ покрываломъ, увѣчанная дубовыми вѣтвями, тихими стопами приблизилась къ сему берегу и повела свою подругу къ противустоящему листовенному храму; и какъ скоро обѣ шуда вступили, то и затворилась за ними загородка.

Мы потчасъ отправились въ путь къ сѣверовостоку, и чрезъ три дни достигли пограничностей Люпеца, недалеко отъ другаго острова, въ которомъ были обыкновенія, противныя обычаямъ *Сены*.

Островитяне не слишкомъ были довольны нашимъ прибытіемъ; у нихъ не было столько шлюбокъ, чтобъ высадить на берегъ всѣхъ тѣхъ, которые хотѣли пристать къ нему. Весьма многіе принуждены были останавливаться на другихъ смежныхъ островахъ, населенныхъ прекрасными лебедями (*). Замоксъ, по прозбѣ коего мы побѣхали,

---

(*) Еще и нынче называютъ ихъ *Лебединными островами*.

успѣлъ настоять, чтобы насъ высадили на главный берегъ.

Жилье Люпецкихъ обитателей, сооруженное изъ просипника, имѣетъ видъ круглый и много походитъ на Тирреніискія строенія и на деревянныя Мосицекиа башни.

Мы услышали еще другую этимологию *Люпеца*. Земля сія получила свое наименованіе отъ бѣлаго мѣла, который составляетъ грунтъ сей земли (*), такъ какъ въ Луканіи. Близъ торговаго города Парижа есть небольшая гора, состоящая изъ сего гипсового вещества (**).

На другой день нашего прѣзда предъ самымъ разсвѣтомъ началось торжество. Всѣ обратили свои взоры на заходящую луну; пѣснопѣвцы умоляли ее, подъ именемъ Изисы, предстательствовати предъ Озирисомъ, своимъ сыномъ, или Солнцемъ, въ возвратномъ печеніи звѣздъ. Послѣ того, при первыхъ лучахъ Авроры, всѣ зрители обратились къ воспоку, и другіе пѣснопѣвцы воспѣли гимнъ *утру*,

---

(*) *Leuca*, слово Цельпское и Греческое; *albus* бѣлый.

(**) Нынѣшній *Монтмартръ*.

и вознесли молитвенные псалмы къ самому Солнцу. Они заклинали его вознестись надъ ихъ главами въ одинаковомъ блескѣ и съ равною благошворною теплотою.

Наконецъ, едва только показалась блистательная точка на горизонтѣ, увидѣли мы великой корабль, плывущій по тихимъ струямъ Секваны, соспоеенный изъ дуба, и съ плоскимъ дномъ; парусъ на немъ былъ изъ кожи, хорошо выдѣланной. Двѣнадцать весель пособляли стремленію воды; корма и носъ, весьма возвышенные, не были вооружены остриемъ. Семь лоцмановъ, представляя собою число планетъ, распорядили мореплаваніемъ. Юный Галль, стоя на виду, въ бѣломъ льняномъ одѣяніи, съ бѣлокурыми волосами, игралъ на арфѣ; онъ представлялъ изъ себя Озириса, или Солнце. На кормѣ стояла сестра его, юная дѣва съ темнорусыми волосами, безъ всякаго головнаго убора, съ однимъ только серебрянымъ полумѣсяцемъ на лбу. Это была Изиса, или Луна. Лазуревая одежда ея была усѣяна звѣздами.

Мы сказывали, что съ величайшимъ трудомъ могли найти въ одномъ семей-

ствѣ брата и сестру, одаренныхъ одинаковою красою и другими опличными качествами для сего величественнаго церемоніала.

Жрецы и жрицы потекли на встрѣчу сей любезной четвѣ къ самому берегу, и предлагали вступить на островъ; и взять его на цѣлый годъ въ свое владѣніе. Братъ и сестра взошли на твердую землю, при радостномъ шумѣ отъ ударенія щиповъ воинскихъ и при звукѣ инструментовъ. Ихъ препроводили въ молодую дубовую рощу; тамъ жрецы заклали двухъ четвероногихъ, благо овна и черную шелицу; ихъ повелѣно изжарить въ сильномъ огнѣ для пиршества главныхъ особъ торжества сего, въ предсѣданіи юной четы; остальная половина дня проведена была въ танцахъ. Мы нѣсколько удалились отъ толпы, чтобы узнать отъ Замолкса другія послѣдующія подробности. „Много уже лѣтъ тому, сказалъ онъ, какъ Финикіянне переправлялись сюда чрезъ рѣку. Мы въ то время явились сюда послѣ своихъ сеймовъ, такъ какъ теперь; они выгрузили свои товары и приутоплялись къ благочестивой церемоніи, которой мы были

свидѣтелями и къ которой они насѣ пригласили. Мы просили у нихъ на сеѣ объясненія, и они отвѣчали намъ: „Небо есть пространнѣйшій Океанъ, гдѣ свѣтила плаваютъ въ тонкой сѣткѣ. Солнце и Луна представляютъ родъ небольшихъ лодокъ. Когда сіи два созвѣздія обращаются другъ къ другу противными сторонами, и представляютъ къ нашему полушарію половину шѣла своего вогнутую, то и бываетъ у насъ затмѣніе. Послѣдуйте намъ, продолжали купцы Финикійскіе, или лучше сказать, подражайте Солнцу и Лунѣ. Каждой годъ доставляютъ онѣ намъ въ своихъ лодочкахъ главнѣйшія драгоцѣнности въ свѣтѣ: свѣтъ и тепло. Обитатели Галліи! мѣняйтесь избытками произведеній своихъ на наши избытки, и мы такимъ образомъ соблюдемъ чрезъ сію взаимность такую же съ обѣихъ сторонъ гармонію, какая соблюдается и между сими двумя свѣтилами въ ихъ годовомъ и суточномъ кругообращеніи.“ — Мы поняли, что Финикійяне предлагали намъ договоръ касательно коммерціи. Съ сего достопамятнаго случая островъ Лютець содѣлался мѣстомъ торговаго промысла, которое Па-

рижскіе жители, народъ миролюбивый и вѣрный, поддерживаютъ съ большею ревностію, нежели съ успѣхомъ. Галлы безъ сомнѣнія еще долгое время будутъ предпочитать военное дѣйствіе всѣмъ прочимъ занятіямъ. Островіяне Лютеца не престають повсюду ежегодно уроки Финикійяне, и чрезъ сіе привлекаютъ къ себѣ нарочито важное число своихъ соотечественниковъ, пристрастныхъ къ торжествамъ и зрѣлищамъ необыкновеннымъ. По крайней мѣрѣ можно утвердительно сказать, что это служитъ сильнѣйшимъ и единственнымъ союзомъ между людьми.“

„Новопосвященный служитель таинства Фивскихъ! присоединилъ Замолксъ, пожимая мою руку: не правда ли, что узелъ гораздо пріятнѣйшій соединяетъ навсегда души насъ обоихъ? расставаясь здѣсь, мы будемъ навсегда неразлучны. Изъ самыхъ отдаленныхъ предѣловъ вселенныя мысли наши всегда будутъ сообщаться между собою, доколь мы будемъ оба равно любить истинну.“

Сынъ Замолксовъ, ставши между нами, съ откровенностію и чистосердечіемъ намъ изъяснился сими словами: „Позвольте мнѣ

еще болѣе укрѣпить узелъ вашего взаимнаго дружества. Отецъ мой! угодно ли тебѣ, чтобы я соединился съ симъ служителямъ тайнствъ Оивскихъ? Непредолжимое чувство меня къ нему привязываетъ. Знаю, что я еще не достоинъ быть въ числѣ его воспитанниковъ, но и соглашаюсь быть неусыпнымъ его слугою. Отецъ мой! мое семейство безъ труда замѣнитъ тебѣ отсутствіе твоего сына. По примѣру Абариса, ты увидишь меня гораздо достойнѣйшимъ своего отечества и тебя. Вы оба будете гордиться, имѣя у себя такого сына; отецъ мой! прошу тебя именемъ мудраго Пифагора, не откажи мнѣ въ семъ удовольствіи.“

„Сынъ мой! отвѣчалъ ему жрецъ, я и самъ осмѣливался думать объ этомъ... Пифагоръ! согласишься ли ты на требованіе сего молодого человѣка? Но я хочу, чтобы онъ былъ только тебѣ слугою (1). Прежде всего пускай научится онъ въ твоей Школѣ повиновенію: кто умѣетъ повиноваться мудрому, тотъ умѣетъ управлять народомъ.“

(1) *Замолксъ Пифагоровъ ученикъ и слуга.*

См. Геродот. IV, или *Меллом.*

Я не нашелъ за нужное противиться желанію сына, одобренному отъ отца его — и мы разлучились. Замолксъ отправился въ свой путь къ странамъ Гиперборейскимъ. Абарисъ вступилъ въ свою должность, и занялся нужными распоряженіями касательно пути нашего.

XXV.

Пифагоръ въ Гельвеційскихъ горахъ.

Мы пустились по стремленію рѣки Секваны къ странѣ Зенонцевъ, Трикасенцевъ и Лингоновъ; сей послѣдній народъ и доселѣ еще весьма многочисленъ, не смотря на побѣгу его съ той стороны *Алпійскихъ* горъ подъ предводительствомъ Белловеса. Въ этомъ ему другіе подражать будутъ (*).

На пути побывали мы и у народа смежнаго съ землею, принадлежащею Галламъ, раздѣленную на небольшія со-

(*) Побѣгу Галловъ, подъ предводительствомъ Бренна, былъ пятой.

общества, изъ которыхъ каждое состояло изъ двенадцати домовъ не больше. Здѣсь жены могутъ назваться общими; онѣ бросающія безъ различія въ объятія двенадцати мужевъ, и даже вообще ко всѣмъ мужчинамъ, и изъ того не выходитъ никакихъ невыгодныхъ послѣдствій.

Много разъ въ продолженіе пути нашего въ землѣ Галловъ встрѣчали мы спариковъ и женщинъ, занимающихся на берегу нѣкоторыхъ рѣкъ вымываніемъ песку для извлеченія крошекъ золота, которое стремленіе воды размываетъ, разбрасываетъ и частію уноситъ. Галлы сплавливаютъ наконецъ сіе золото, и дѣлаютъ изъ него браслеты, ожерелья и кольца.

Достигши источниковъ, намъ должно было переправляться чрезъ Арарскія (*) воды, которыя служатъ границами областямъ Лингонской и Секванской; потомъ должно переходить чрезъ горы Юрасса, чтобы направить путь въ Гельвецію (Швейцарію). — Абарисъ хотѣлъ, чтобы мы остались здѣсь не нѣсколько дней, и послѣ того желалъ про-

(*) Саона.

водитъ насъ въ свою землю. Непрiятельскія движенія по сю и по ту сторону Альпійскихъ горъ дѣлались день ото дня сильнѣе и мятежнѣе. Мы едва имѣли свободнаго времени перейти сію дѣль горъ чрезъ одинъ перешеекъ возлѣ Таврина, по той дорогѣ, по которой шли нѣкогда Галлы подъ предводительствомъ славнаго изъ племянниковъ Амблеша.

До времени еще славнаго сего Белловезскаго похода, жителя Швейцаріи предпринимали уже одинъ походъ въ царство Анка Марція. Одинъ изъ нихъ, называвшійся Эликономъ, возвратившись изъ путешествія въ Италію, собралъ вокругъ себя гражданъ, и показывая виноградную лозу, унизанную ягодами, говорилъ имъ: „Друзья! земля, которая даетъ столь прiятный плодъ, есть мѣсто удовольствій. Жители по своему положенію не сражаются за нихъ, подобно намъ, съ волками и лдяными скалами. Для чего оставаться намъ въ сихъ неблагодарныхъ долинахъ? Сойдемъ съ крутыхъ и бесплодныхъ горъ, и пойдемъ просить у щастливыхъ сосѣдей своихъ части плодовъ ихъ, надъ кошо-

рыми трудятся. Они только во время собиранія ихъ.“

Всѣ молодые люди, не уважая совѣщавъ почтенныхъ стариковъ, возстали и подняли оружіе. Нападеніе было столь же нечаянно, какъ и рѣшительно. Однакожь оно не имѣло важныхъ послѣдствій; оно только вооружило другъ противъ друга, и можетъ быть было первою причиною большой эмиграціи, которая заставила препешать древняго Тарквинія на проиѣ. Абарисъ прибавилъ: „Жители Гелвеціи, вышедши изъ перваго сего изступленія, приняли древніе свои нравы. Можно думать, онъ сохранилъ бы ихъ безъ сей Марсельской колоніи, которая разпространяетъ оружіе свое до подошвъ самыхъ нашихъ горъ и пресшупаетъ древнія границы. Вся земля сія раздѣлена на четыре большія области, называемыя *Паги* (*) — выраженіе, занятое отъ Фокійцевъ для означенія многихъ селеній, напоющихся однѣми водами. Гелвеція представляетъ четыре главныхъ народа, соединившихся между собою для общей защиты; но сіи народы опличаются одинъ

(*) Швейцарскіе кантоны.

отъ другаго мѣстными и частными обыкновеніями.“

Пиэагоръ. Абарисъ! когда возвратишься ты въ земли сіи, я возлагаю на тебя священный долгъ поправить зло, нанесенное Эликономъ. Увѣрь ихъ, что трудолюбивые и презвые люди вездѣ щастливы.

Алпійскія горы богаты паствами. Горные жители разводять тамъ многочисленныя стада малорослыхъ, но обильныхъ молокомъ коровъ. Въ полевыхъ работахъ своихъ жители высокихъ мѣстъ сихъ употребляютъ молодыхъ воловъ, которые влекутъ ярмо головою, а не плечами. У нихъ есть также и овцы, которыя даютъ черную и весьма дорогую шерсть.

Я находилъ также на горахъ сихъ дикихъ козъ, козленковъ и сайгъ разнаго рода. — Я видѣлъ также и зайцовъ, у которыхъ цвѣтъ шерсти подобенъ горному сибгу.

Мы остановились на берегу Бригантскаго озера, Ретійской націи. Она питается рыбою, называемою *мень*, которая у нихъ въ такомъ же уваженіи, какъ и морская.

На Алпійскихъ горахъ сдѣлали мнѣ одно замѣчаніе о *мышакъ*, которое дѣлалъ я уже въ Египтѣ и Ливіи. — Небольшое четвероногое сіе имѣетъ способность ходи́ть на двухъ только заднихъ ногахъ; но мыши въ Ретіи, какъ и въ Нилѣ, не имѣютъ такихъ твердыхъ волосовъ, какъ *ѣжь*.

На Алпійскихъ горахъ мы замѣтили нѣкоторый родъ орла, котораго природные жители называютъ *ягнясьмъ ястребомъ*.

Не мудро было на вольныхъ горахъ сихъ найсти птицу *аптагу* (рябчикъ), которая перескачетъ пѣшь, когда лишится своей свободы.

Между прозябеніями примѣненъ былъ для насъ *широколистный бобовникъ*, длиною въ аршинъ, котораго цвѣтъ не привлекаетъ къ себѣ пчелъ. — Здѣсь много растетъ каштановыхъ деревьевъ, но которыя не столь хороши, какъ въ области Сардинской.

Я нашелъ здѣсь золотопысячникъ, которымъ жители одолжены Хирону, наставнику Ахиллесову, и который въ такомъ прекрасномъ видѣ растетъ на Аркадскихъ горахъ.

Хрусталь добывается изъ вершинъ самыхъ Алпійскихъ горъ. Я видѣлъ, что это блестящее вещество доставали изъ нѣдръ утѣса нѣкоторые смѣлые люди, привязанные на канатѣ.

Горные жители Швейцаріи имѣютъ столь густые волосы, что это одно отличаетъ ихъ отъ всѣхъ прочихъ народовъ.

Послѣ такого мучительнаго путешествія по землѣ, исполненной грубыми красотами Природы, взоры наши вспрѣтились съ подошвою Аппенинскихъ горъ, которыя видѣли мы съ другаго конца, выходя изъ Сициліи, также какъ и вершины *Смертныхъ горъ*.

Вступивши въ Италію, мы нашли ее въ большемъ еще возмущеніи. Революція Рима видна была во всѣхъ ея пунктахъ. Мой совѣтъ былъ, идти искать тишины и спокойствія Музъ въ шѣхъ народахъ, которые бы по своимъ нравамъ и отдаленности были совсѣмъ чужды отъ политическихъ выгодъ, возмущавшихъ Римъ и всѣхъ его сосѣдей. Я упомянулъ, смотря на зрѣлище всѣхъ сихъ терзаній и мученій народа. Нѣсколько нравственныхъ опытовъ принаровилъ я къ чело-
вѣ-

ческому сердцу; они преобладали спокойствия и свойственного себѣ климата. Я искалъ мѣста уединеннаго, или по крайней мѣрѣ чуждаго важнымъ политическимъ движеніямъ, и гдѣ бы мнѣ способнѣе было внимать гласу разума. Мнѣ говорили о многихъ колоніяхъ и нѣкоторыхъ городахъ, какъ такому человѣку, который ожидалъ шолько самаго легкаго и пріятнаго побужденія, чтобы войти въ древніе предѣлы Натуры, которой драгоценныя слѣды видны еще въ городахъ сихъ, кои мнѣ были напоминаемы. Сабиняне, Эквы, Самниты потчасъ представились моимъ мыслямъ. Обратимъ шаги свои съ этой стороны, сказалъ я двумъ моимъ товарищамъ; однакожь намъ не лзя впрочемъ не посѣпить Рима.

Мы уклонились отъ дороги, ведущей во внутренность городовъ, кои объявили себя союзниками новой Республики. Тарквинія и Вея показывали въ себѣ болѣе всѣхъ ревности и соединяли свои силы.

Цера отвергла врага свои изгнанному Государю. Не время намъ было войти въ сей городъ, чтобы обозрѣть на досугъ прекрасныя Этрусскія живописи, кошорыми онѣ владѣють, и кошорыя,

какъ говорятъ, древабе Ланувимскихъ и Ардейскихъ живописей, хошя также и послѣднія довольно древни.

Мы услышали, что многіе Латинскіе народы, собравшись въ городъ семъ, соединялись между собою ужасными клятвами въ то самое время, какъ мы проходили мимо. Всѣ начальники пили изъ одной чаши, наполненной кровью ихъ, смѣшанною съ виномъ (*).

Мы остановились въ окрестностяхъ Тарквиніи. Городскія стѣны состроены были изъ большихъ каменныхъ плитъ. Этрусскіе монументы заслуживаютъ большаго вниманія путешественниковъ. Отъ самыхъ воротъ Тарквиніи до береговъ моря, они встрѣчаются одна отъ другой въ отдаленіи на прицать шаговъ. Нѣкоторые высѣчены въ камень, иные въ чetyресторонникъ (**). Всѣ они стоятъ подъ небольшими холмами и получаютъ дневный свѣтъ перпендикулярно. Пиласпры, расположенныя съ особенною экономією, чтобы поддерживать плоской сводъ, да и самый сводъ покрыты позо-

(*) То, что Латинцы называли assir.

(**) Въ видѣ Греческаго или Латинскаго креста.

лотою и разноцвѣтною работою. Мы видѣли также картины вышиною въ двѣ пальмы, рисованныя и разцвѣченныя на вкусѣ Эпрусскихъ сосудовъ. Всѣ сіи украшения смѣшаны съ надгробными надписями. Мы разсматривали погребальныя урны, опредѣленныя только для того, чтобъ заключать въ себѣ бальзамическія благовоія. Большая часть изъ нихъ сдѣланы изъ Луискаго (Каррарскаго) мрамора, съ полуобронною работою, и разцвѣчены пережженными въ огнѣ красками. — Эпрусски означаютъ трауръ свой бѣлымъ и чернымъ цвѣтомъ. “ На всѣхъ почти сосудахъ, даже и на самыхъ *слезникахъ* (сосуды, въ которые древніе собирали слезы свои объ умершихъ), изображенъ *гусь* — птица священная въ ихъ религіи. Не есть ли это символъ, занятый у Египетской Богословіи, которая доставляла столь много матеріи Эпрускамъ? На берегахъ Нила гусь посвященъ богинѣ Изидѣ; эта птица всегда почти изображается подъ правою ногою Типпокраша, вѣроятно потому, что пометъ ихъ столько же горячь, какъ и самые лучи солнца.

Мы проходили одно селеніе, гдѣ увидѣли странную сцену: Неоплатившійся

должникъ подвергался исполненію судебныхъ законовъ. Онъ при разѣ прошелъ по площади въ сопровожденіи одного молодого человека, который несъ передъ нимъ большой пустой денежной мѣшокъ. Виновный не можетъ выходить изъ дому своего безъ такого парада до тѣхъ поръ, какъ не оплатитъ своихъ долговъ. Эта черта общей нравственности спюитъ всѣхъ монументовъ, всѣхъ гробницъ, всѣхъ сосудовъ Эпрусскихъ.

Немного подааѣ, увидѣли мы одного отца семейства, который, желая войти въ домъ свой, шелъ по кровлѣ. Абарисъ спросилъ у стоящихъ на землѣ малыхъ дѣтей: „развѣ въ этомъ домѣ нѣтъ дверей?“ — Намъ отвѣчали: этого любезнаго родителя мы долго оплакивали по ложному слуху о его смерти. Боги сохранили его при всѣхъ междоусобныхъ несогласіяхъ; и обыкновеніе, установленное въ нашей землѣ, требуетъ, чтобъ онъ входилъ къ намъ чрезъ кровлю, дабы означилъ симъ, что онъ прибылъ къ намъ по особенному милосердію Небесъ, и какъ бы снизшелъ съ Олимпа.

Похороны Брута.

Важный процесс происходил между Арсийскою рощею и Тибромъ, возлѣ горы Яникулы. Мы проходили поле сраженія, дымящееся убійствомъ и окровавленное двадцатью двумя тысячами труповъ, изъ которыхъ первая половина принадлежала Римлянамъ, а послѣдняя упоменнымъ ихъ непріятелямъ. Побѣдоносная армія раздѣлилась на двѣ дивизіи: одна грабила обильныя поля побѣжденныхъ, а другая преслѣдовала бѣглецовъ, и не замедлила поймать пять тысячъ плѣнныхъ. Между шакимъ-по шумомъ вошли мы въ Римъ. Самый печальный предметъ умѣрялъ упоеніе радости гражданъ. Брутъ лишился жизни, нанеши смерть одному изъ дѣтей Тарквинія. Впрочемъ народъ въ самой скорости готовилъ большіе столы у всѣхъ воротъ, на всѣхъ улицахъ и на всѣхъ мѣстахъ для воиновъ, обогащенныхъ кровію и обогащенныхъ добычею. Въ то же время назначены были торжественныя почести Валерію. Его возвели на четверную коле-

сницу, увѣнчавши напередъ чело лавровымъ вѣнкомъ — зрѣлице, котораго еще не видывали въ Римѣ. Трофеи изъ оружія и богатая добыча у жителей Тарквиніи и Вейевъ потчасъ окружили его. Послѣ Римляне пошли освятить богатства сіи на олтарѣ Юпитера Капитольскаго.

Эта блестящая, хотя и не такъ пышная помпа, послѣдуема была зрѣлицемъ, на которое безчисленная толпа гражданъ не могла сморгнуть безъ того, чтобъ не произносить временемъ жалобныхъ криковъ, не смотря на забавныя шутки одной глиняной и грубой куклы (*), которую несли позади побѣдителя, по древнему обыкновенію, и которую сдѣлали такъ, что она говорила слова, сообразныя шуточнымъ своимъ жестамъ. Четыре храбрыхъ и отличныхъ воиновъ, идучи медленными шагами, несли бланкардъ, на которомъ распростертъ былъ трупъ Консула Юнія Брута, сопровождаемаго копьемъ и щитомъ его, и осѣняемаго лаврами. Валерій, его товарищъ, возшелъ на трибуналъ и произнесъ не-

---

(*) Цилерія, родъ марльишки.

большую и не такъ краснословную рѣчь, которая вся почти хранился въ моей памяти: „Римляне! мы торжествуемъ; но какъ дорого заплатимъ за торжество сіе! Мы убили одиннадцать тысячъ нашихъ непріятелей; они равноежъ число скосили нашихъ. Увы! Юній Брутъ въ числѣ ихъ! Брутъ! сколько великихъ добродѣтелей напоминаетъ намъ имя его и освящаетъ ихъ! сколько превосходныхъ примѣровъ оставилъ онъ намъ въ своей личности! Ромулъ основалъ Римъ, а Брутъ свободу. На этой самой площади, въ этомъ самомъ Трибуналѣ произнесъ онъ клятву возвратитъ вамъ свободу и опмститъ за Лукрецію. Онъ исполнилъ и то и другое. Граждане! вы наслаждаетесь своими правами! Граждане! злодѣяніе, учиненное противъ женскаго пола, сполно Тарквиніямъ потеря трона. Но Брутъ просперъ еще далѣе признательность свою къ Республикѣ. Онъ умеръ, не оставивши наследниковъ своей славы, бывши отцомъ двухъ сыновей. Онъ самъ произнесъ и повелѣлъ совершить смертный приговоръ противъ собственныхъ дѣтей своихъ для того, чтобы обезопаситъ торжество законовъ и бла-

денствіе Республики. Римляне! хотите ли сдѣлаться первымъ народомъ въ свѣтѣ: то возьмите въ примѣръ Брута, перваго изъ всѣхъ героевъ.“

Продолжительное и глубокое молчаніе послѣдовало за сею рѣчью. Валерій отъ лица всѣхъ произнесъ наконецъ слѣдующее проклятіе: *Народъ Римскій предаетъ адскимъ богамъ жизнь и собственность того, кто первый осмѣлился искасть себѣ верховной власти Государя.* — Каждый въ толпѣ повторилъ слова сіи, и послѣ того всѣ вышли на похороны за городъ. Чшобы воздать умершему Герою блисшательнѣйшія почести, то Сенаторы повелѣли сожечь шѣло его, по обыкновенію Грековъ, на кострѣ, вмѣсто того, чшобы, по всеобщему обычаю въ Италіи, зарывать его въ землю. Не могли найти сколько аміанту для прикрытія шрупа, дабы пепелъ его не соединился съ пепломъ коспра. Для избѣжанія сего случая предпринимаемо было много мѣръ. Я замѣнилъ, чшо вмѣсто очага сошвѣтствовало положенію шрупа на высотѣ костра. Тамъ поставлена была урна для вмѣщенія въ себя пепла: это былъ камень, высѣченный такимъ образомъ, чшо

края его могли препятствовать въпру-
уносить съ собою драгоценные ошпаш-
ки, по мѣрѣ того, какъ они падали въ
него.

Дерево, опредѣленное на сожженіе,
находилось въ извѣстномъ отдаленіи отъ
окружности очага, и расположено та-
кимъ образомъ, что образуетъ собою
совершенную параллелограмму. Вокругъ
всего обнесено было кипарисомъ, котораго
сильная и пахучая смола служитъ пре-
дохранительнымъ лекарствомъ къ испаре-
ніямъ шрупа, выходящимъ отъ ко-
стра, въ которомъ были нѣкотораго ро-
да сосновыя деревья.

Многіе невольники приспавлены бы-
ли къ костру для того, чтобы вътерѣ
не опрокинулъ какой-нибудь кипарисный
сучокъ на самый шрупъ, и отъ того
не смѣшался бы пепелъ. Они вооружены
были двузубцами и ошпалкивали по
дерево, которое старая, могло пасть на
самую средину очага.

Когда сторбалъ весь костеръ, то жре-
цы приблизились къ нему, чтобы со-
брать пепелъ, отбрасывая сожигаемыя
матеріи, которыя, не смотря на пред-
пріятыя осторожности, падали въ очагъ.

Съ набожностію высыпали они его въ
урну, посвященную особенному сему
храмиллицу (*).

— Любезные ученики мои! ошпашки ве-
ликаго Героя едва бы наполнили собою
горсть руки моей!

Процессъ сей окончился посвященіемъ
изображенія Брупова, которое поставле-
но было въ Сенатѣ на ряду съ семью
Римскими Государями, изъ которыхъ вы-
тналъ онъ послѣдняго. Брутъ изобра-
женъ здѣсь съ обнаженнымъ въ рукахъ
мечемъ.

Чтобы почтить болѣе Валерія, гра-
ждане облекли древнюю спатую Герку-
леса, освященную Эвандромъ, въ торже-
швенную одежду.

Воздавъ ему почтеніе, мы остано-
вились предъ шюю спашуею, которую
Нума посвятилъ доброму Янусу. Намъ
сказали напередъ, что должно смотрѣть
на его руку съ особеннымъ вниманіемъ.
Расположеніе пальцевъ показываетъ на
ней число 355 — число луннаго и гра-
жданскаго года, установленнаго Нумою.

Мы просили допустить себя къ гроб-
ницѣ славнаго сего Законодателя, и насъ

(*) *Cinerarium, officinarium.*

заставили войти на самый Яникуль: тамъ, среди не очень обширнаго поля, обнесеннаго толстою стѣною, мы нашли двѣ каменныхъ коробочки, длиною въ восемь обыкновенныхъ футовъ, и покрытыя толстою крышкой. На одной изъ нихъ видны слова: *Нума Помпилий, сынъ Помпонія, Римскаго Государя.*

Насъ увѣрили, что другой каменной небольшой ковчегъ заключаетъ въ себѣ также каменную четверугольную коробочку, запертую нитками съ воскомъ, смѣшаннымъ съ кедровою смолою; что она скрываетъ два свитка изъ хлопчатой Египетской бумаги, изъ которыхъ одинъ содержитъ семь прапталовъ на томъ языкѣ, который употребляется Римлянами въ богослуженіи; въ другомъ переведены на Греческой языкъ всѣ правила премудрости въ семи книгахъ.

Одинъ Римлянинъ подошелъ къ намъ, желая извѣстить насъ о странномъ обыкновеніи. — „Чужеземцы! сказалъ онъ намъ, берегитесь извергать слюны на эту землю; почтенные остатки добраго Нумы покоятся въ этомъ мѣстѣ.“

Валерія, дочь Консула, отъ имени согражданъ Римскихъ обязалась носитьъ

еще на себѣ бѣлое платье и трауръ по Брутѣ столько, сколько каждая женщина носитьъ его по кончинѣ своего отца или мужа (*).

Народъ не забылъ услугъ, которыми одолженъ знаменитому поварищу перваго своего Консула. По особенному опредѣленію, Республика обязалась постройть Валеріи домъ, котораго ворота отворялись бы наружу, на большую дорогу — обстоятельство, служащее символомъ знаменитости и славы. Напротивъ того въ Римѣ, противъ обыкновенія Грековъ, всѣ дома отворяются такъ, что двѣ полосы самыхъ воротъ выходятъ на дворъ, но наружу не отворяются. Римляне хотѣли означить симъ, что домъ главнаго ихъ Начальника былъ ничто иное, какъ монументъ національной любви и признательности.

Съ сердцемъ, разпроганнымъ такою сценою, мы пустились въ дорогу къ Сабинамъ. Намъ хотѣли показать семь чудесъ Рима. — „Какъ! сказали намъ, вы побѣдете, не выдавши головной шпиль-

---

(*) Десять мѣсяцовъ, кои называются печальнымъ годомъ.

ки матери всѣхъ боговъ и глиняной коляски, сдѣланной въ Веясѣ, и праха Ореста, скипетра Пріамова, покрывала Иліума, кумира Палладина и щита Минервина? По крайней мѣрѣ подите прикоснитесь къ прорицательному жезлу Ромулову, который не боится огня, и къ двенадцати священнымъ щитамъ добраго Нумы, и къ клятвенному кремню освященному Юпитеромъ.“

Мы были нечувствительны ко всѣмъ сокровищамъ, даже не любопытствовали посмотреть на шотъ языкъ, который одна Римская гражданка отрѣзала у себя, чтобъ принести его въ жертву богинѣ *Тацитѣ* (молчаливой). Его набожно хранятъ въ храмѣ *бога Молганія*, которому прислуживаютъ женщины. При сей повѣсти мы не могли удержаться отъ смѣха. Но прежде нежели простились въ послѣдній разъ съ Римомъ, пошли мы въ храмъ Сатурна посмотреть вѣсы, употребляемыя въ развѣсѣ Республканской монеты, которую въ Римѣ Брутъ приказалъ чеканить.

Сей же самый Консулъ, чтобъ поддержать довѣренность, положилъ на Тарпенской горѣ, на олшарѣ Юпитера, од-

ну мѣру, которую называютъ они *Амфорю* (ведромъ), и которая содержитъ въ себѣ восемь конговъ (*).

Великій жрецъ позволилъ намъ въ дому своемъ осмотрѣть большія Римскія лѣтописи, — большія бѣлыя таблицы, на которыхъ пишетъ онъ ежедневныя произшествія. — Изданіе ихъ довольно велико. Въ нихъ описана была исторія революціи, которой Лукреція была причиною или предлогомъ.

За стѣнами Рима мы встрѣтили множество женщинъ, которыя предъ кругообразнымъ зданіемъ, посвященнымъ Вестѣ, поднимали къ небу руки. — Что такое? спросили мы. — „Войдите въ этотъ храмъ, сказали намъ; странникамъ это позволено до захожденія солнца; войдите и бросьте взоры въ шаниство святилища. Увы! одна изъ Весталокъ нашихъ учинила преступленіе и готовится принять за него казнь.“

Пизагоръ. Смерть, можетъ быть?

Женщина. Нѣтъ; на этотъ разъ для насъ довольно будетъ, еслии самъ

(*) Римской конгъ вѣсилъ десять ливровъ.

первосвященникъ, по древнему обычаю (*), накажетъ ее прутьями.

Мы вошли, и въ самомъ дѣлѣ увидѣли вдали прекрасную Весталку, которая, казалось, не болѣе 16 ти разъ видѣла весну. Она сложила часть длинныхъ одеждъ своихъ на ступени олшаря Весты, и обнажившись до пояса, преклонила колѣна, отдаваясь въ полную власть жреца.

Сей послѣдній, вооружившись прутьями, поднималъ руку свою разить прелести, достойнѣйшія самыхъ нѣжныхъ ласкъ любви. Трогательное положеніе молодой Весталки приводило молодого жреца въ замѣшательство. Одна разполагалась къ принятію казни; другой колебался въ выборѣ того мѣста, на которое должны пасть первые его удары. Одна отворачивала свою голову и поднимала прелестные глаза на исполнителя казни; другой забывалъ свою должность, и занимался иными мыслями. Юная Весталка, сложивъ крестообразно на бѣлой груди руки, наклонилась для воспріятія казни; но молодой жрецъ,

(*) *Caesa flagro est Vestalis.*

отбросивъ поносное орудіе наказанія, хотѣлъ замѣнить его своими руками. И жертва, которой опредѣлено на сей разъ перенести всѣ жестокости отъ мущины, которому священнѣйшій законъ даетъ право требовать повиновенія — эта жертва пала на колѣна передъ жрецомъ своимъ.

Нескромный Абарисъ открылъ намъ всѣ сіи подробности. Изъ самаго святилища примѣтили наконецъ, что прочія части храма не совсѣмъ были пусты. Большой занавѣсъ тотчасъ былъ опущенъ; и мы вышли, сказавъ сіи слова: въ однихъ только храмахъ бывають такія картины. Суевѣріе странное дѣло!

XXVII.

Пивогоръ идетъ къ Сабинамъ и Саллипанамъ.

Мы проходили мимо *Коллатіи*, возвышеннаго города и прославленнаго навсегда добродѣтелию Лукреціи. Не замедлили зайти въ область *Сабиновъ*, въ виду Куровъ, столичнаго ихъ города. Со вре-

мени революціи на Тибрѣ, часто бывали здѣсь собранія, касательно Тарквинія, вмѣсто того, чтобы держать неуправителѣ и быть въ своихъ границахъ.

Друзья мои! сказалъ я на этотъ случай премоимъ поварищамъ: удалимся отъ этой борьбы сихъ политическихъ тѣлъ. Въ числомъ истокъ ихъ, и припомъ пока еще они не сдѣлались опустошительными и грозными источниками, научимся мы теченію большихъ рѣкъ. И еще другой бичъ, кромѣ войны, долженъ насъ отдалить отъ Рима и окружныхъ его народовъ. Въ окрестностяхъ его примѣшны первые удары моровой язвы. Уйдемъ отъ этого жерла всѣхъ золъ, копорыя разпространяются вокругъ насъ, и пойдѣмъ поищемъ такихъ Сабиновъ, каковы были во время Нумы.

„По крайней мѣрѣ, сказалъ намъ одинъ земледѣлецъ, услышавъ послѣднія слова мои, — по крайней мѣрѣ вы найдете рѣку Кюзевъ, на берега копорой уединялся добрый Нума. Когда Римляне повергли предъ нимъ Царскую порфиру, то сидѣлъ онъ въ этой древесной сѣни, развалившейся отъ ветхости.“

Мы осматривали жилища, разбѣяныя по полю. Здѣсь скорбе можно примѣнить слѣды древней невинности, нежели въ народныхъ сеймахъ, гдѣ воля всѣхъ склоняется на сторону того, кто первый ищетъ верховной власти.

У всякаго почти дома на воротахъ съ улыбкою читали мы древнюю надпись въ двухъ словахъ: *averte ignem*, что значитъ: *берегитесь пожара!* Огонь удобно отвращается отъ дверей каждаго дома, освященнаго сими словами. Это узнали мы отъ одного простосердечнаго жителя сего мѣста.

Но на большихъ дорогахъ часто встрѣчались намъ каменные дощечки, на копорыхъ видѣны еще высѣченный трактатъ мира, заключенный между Сабинами и Туллою Госпалиемъ, отъ имени всего Римскаго народа.

Болѣе удивлялся я великому благоумію ихъ, какое показываютъ они въ городской полиціи. Какъ скоро примѣтятъ чье-нибудь дурное поведеніе, тотчасъ отдѣляютъ его отъ общества всѣхъ гражданъ; переводятъ его въ *лѣсъ преступниковъ* (*), или на *Суровую гору*, или

(*) И нынѣ *лѣсъ разбойниковъ*.

въ городѣ казни. Тамъ смиряютъ ихъ, или, по крайней мѣрѣ, доводятъ до того, что они не могутъ вредить или портить тѣхъ, въ обществѣ которыхъ живутъ. Главнѣйшая добродѣтель Сабиновъ есть любовь къ устройству и правосудію.

Они имѣютъ столь же высокія чувства, какъ и горы ихъ, которыя служили колыбелью всей Природѣ, и нравы столь же чистые, какъ вода трехъ рѣкъ, которыя вытекаютъ изъ горъ сихъ. Изображая намъ древнюю собственность владѣній, своихъ, они на этотъ случай говорили намъ: „Историки относятъ происхожденіе наше очень далеко, къ Спарціаламъ и даже къ самымъ Цельшамъ. Своимъ характеромъ одолжены мы самимъ себѣ, или, если угодно, землѣ, на которой обитаемъ и изъ которой произошли. Будучи природными жителями земли сей, мы населили ее своими колоніями, не бывши сами колонією другого народа. Съ той минуты, какъ начали существовать на землѣ люди, мы живемъ здѣсь при одномъ истокѣ трехъ рѣкъ сихъ, которыя, въ противномъ смыслѣ, разливаются по нижнимъ соседственнымъ землямъ — натуральный символъ нашей націи. Въ об-

ширной и прекрасной долинѣ сей положили мы основанія Амистерна, потомъ (Фурконія и Авеи. *). Когда наши древніе Сабинны, окруженные острыми скалами, увидѣли, что тѣсноша мѣста не позволяетъ имъ помѣстить дѣтей своихъ съ собою, то мы вышли отъ нихъ и встрѣтили съ одной стороны нѣсколько дикихъ и бѣдныхъ колоній, а съ западной стороны Аборигенцовъ, происшедшихъ отъ Греческаго поколѣнія. Вскорѣ они отдалены были для того, чтобы дать мѣсто старшимъ и уступить Герникамъ пространство, нужное для окружности города Анагніи. Первая сія колонія простерла вѣривъ свою немного далѣе, подвѣиенемъ Питула Герника (*), которое послѣ переменено было на Ферента-Алаприа Верула, не считая здѣсь Симбрирскія горы и другія владѣнія, похищенные честолюбіемъ Римлянъ, чтобы увеличить на нашъ счетъ свой Лапиумъ. — Проспите, странники! да предохранитъ васъ Вибилія (**), отъ того, чтобы вы не заблудились!“

(*) Нынѣ Пиліо.

(**) Богиня, начальствующая надъ дорогами.

Изъ всѣхъ Сабинскихъ народовъ никто болѣе не дѣлалъ и не дѣлаешь столько ей чести, какъ Эквы (правосудные). Они умѣли сохранить этотъ характеръ правосудія, который отличаетъ Сабиновъ отъ всѣхъ прочихъ націй, носящихъ на себѣ это имя (*).

Еслили они носятъ въ рукахъ оружіе, или привѣсивающъ его къ бедрамъ, даже при воздѣлываніи неблагодарныхъ полей своихъ, то это потому, что попеченія ихъ о прописаніи себя не могутъ никогда заставить забыть ихъ устройство, силу правъ ихъ, и защиту, какую предлагаютъ они утѣсненнымъ. Римъ изтребитъ ихъ до послѣдняго, прежде нежели покоритъ своей деспотической власти. Щастлива былабъ Италія, еслили бы всѣ мыслили и дѣйствовали такъ, какъ Эквы! Мудрѣйшій изъ всѣхъ Римскихъ Государей занялъ у нихъ феціальное право, котораго Римляне болѣе не употребляютъ. Эквы первые вздумали подчинить законамъ правосудія самую войну, которая до нихъ превыша-

(*) Эквы, или Энвиолы, народъ, любящій правосудіе.

ла всѣ законы. Прежде нежели поднимающъ они противъ кого оружіе, вѣсятъ его на вѣсахъ Ѳемиды, и не кладутъ его до тѣхъ поръ, пока не обезпечатъ шоржества невинности и казни виновныхъ. Область ихъ не очень велика (*); она простирается отъ горы Альгиды до Вестинскихъ земель, и отъ Сабинскихъ холмовъ до Марсескихъ и Терникскихъ горъ.

Не смотря на наше отвращеніе отъ городской жизни, какое имѣли мы въ земляхъ сихъ, которыя почти всѣ въ эту минушу заняты были Римскою революціею и соглашались быть орудіемъ Государя, раздраженнаго на своихъ подданныхъ, — мы провели нѣсколько часовъ въ Курескомъ городѣ (**), по извѣстію, какое дали намъ о торжествованіи *священныхъ весны*. Мы не знаемъ этого древняго обыкновенія, которое остается въ небреженіи у новѣйшихъ, но не у Сабиновъ; хотя сіи послѣдніе думали предъ войною съ Римлянами, что не должно перемѣнять того опредѣленія, ко-

(*) Сіе пространство нынѣ называется *Цыколи*.

(**) Область сія называется нынѣ *Корезъ*.

порое состояло въ томъ, чтобъ образовывать новую колонию изъ всѣхъ новорожденныхъ въ теченіе одной весны.

Всѣ сіи молодые юноши собраны были на площади безоружными, но готовыми отправляясь въ походъ по первому сигналу. Пылкость молодости блистала въ глазахъ гражданъ сихъ. Они не безъ тоски оставляли отеческіе дома и свою землю. Мысль, что облегчаютъ отечество свое отъ излишняго и пятгостнаго многолюдства, и желаніе отличиться блистательными подвигами или полезнымъ успановленіемъ, умбряли въ сердцахъ ихъ минувшую горестъ разлуки. Семейства были печальными зрителями ихъ отбвзда; гласъ должности прерывалъ другія священнѣйшія узы. Градоправители и верховные жрецы не заставляли себя долго ожидать. Должно было, чтобъ не продолжительна была эша борьба между Природою и законами. Великій жрецъ первый началъ говорить рбчь къ нетерпѣливой труппѣ сей: „Юноши! боги приняли обѣты семействъ вашихъ; уже свершился годъ имъ; вы плоды священной весны, крѣпкія опрасли древняго и всегда сильнаго корня;

подите, цвѣтите и плодитесь въ свою очередь на чужой землѣ! Олечественные боги будутъ руководствовать васъ; вы будете подъ ихъ призрѣніемъ; священныя изображенія ихъ будутъ предшествовать вамъ вездѣ и отвѣчать наъ за васъ. Спупайте!“

По нѣкоторомъ молчаніи Первосвященникъ началъ дѣлать прорицательные обряды; приносилъ жертву богамъ, покровительствующимъ Сабинской націи, и самъ, обременивши двухъ жрецовъ священными вещами, сдѣлалъ ихъ начальниками труппы, готовой пуститься въ походъ.

У нихъ еще не было оружія. Начальники приблизились къ нимъ, чтобы раздать ихъ каждому, такъ какъ и запястья довольно тяжелыя, которыя они надѣли на правую руку. Главный Сенаторъ въ это время обратился къ нимъ слѣдующую рбчь: „Младый рой! выди изъ улья, который болѣе не можетъ помѣстить въ себѣ всѣхъ дѣтей своихъ! Поди, опустись на отдаленныя поля и помни свое происхожденіе. Дѣти отечества! ваши опцы никогда не забудутъ васъ. Помните также и насъ. Берегите

данное вамъ нами оружіе и нравы, напечатлѣнные въ душахъ вашихъ. Подражайте Эквамъ, Самнитамъ, Марсамъ — они одни оспались Сабинами. Будучи столь же храбры, столь же справедливы, какъ ваши отцы, берегитесь испортиться болѣе ихъ. Одно и то же солнце будетъ освѣщать васъ. Ваши оружія столь же крѣпки, какъ и наши. Вы воспитаны въ нѣдрѣ одной матери. Вы сдѣлались мужами, и можете обойтись безъ нашей помощи. Юные орлы! парите на собственныхъ крылахъ своихъ; равняйтесь, превзойдите храбрыхъ вашихъ родителей; они возгордятся тѣмъ, что вы превзойдете ихъ въ храбрости и добродѣтели!“

Послѣ сихъ словъ Сенатъ уступилъ мѣсто старикамъ. Вся колонна двинулась мимо ихъ, чтобы, по обыкновенію, принять отъ нихъ благословеніе. Полторы тысячи молодыхъ людей, одинакихъ лѣтъ, съ почтеніемъ преклоняли свои подъ распростертыя руки стариковъ, которые сидѣли на стульяхъ, сдѣланныхъ изъ слоновой кости. Я съ вниманіемъ смотрѣлъ на жрецовъ. Будучи свидѣтелями глубокаго впечатлѣ-

нія, какое производила сыновняя любовь — ахъ! они не могли скрыть, что чувствованіе ревности снѣдало сердца ихъ. Разпростившись въ послѣдній разъ, весь баталіонъ выступилъ изъ города. Каждый воинъ запасся пищею на три дни. У воротъ Куровъ каждому изъ нихъ угощали рюмкою отечественнаго вина, самаго легкаго изъ всей Италіи; оно не теряетъ доброты своей отъ 6 до 14 лѣтъ.

Почти всѣ граждане обоихъ половъ хотѣли провожать молодыхъ воиновъ до самыхъ границъ области. Многие взлѣзали на вершины горъ, чтобы видѣть ихъ далѣе. Трупна прямо пошла къ Умбріи. Говорили, будто бы они рѣшились идти на встрѣчу Галлійскимъ колоніямъ и высокими насыпями отвратить нападеніе ихъ, которое причиняло столько безпокойствъ добрымъ жителямъ города.

Назавтра вступили мы въ Куры, чтобы быть свидѣтелями *Веспальскаго* праздника, который спѣшили поскорѣе торжеспвовать, какъ бы для того, чтобы разсѣять горесты гражданъ объ отъѣздѣ дѣшею ихъ, братьевъ и друзей. У каж-

даго дома передъ ворошами, увѣшанными гирляндами, поставляемы были праздничные столы. Прежде, нежели гости принимались за кушанья, наставленные въ изобиліи, одинъ изъ поварихъ бралъ первенцы этой пищи, и шелъ отдавать ихъ въ руки непорочныхъ жрицъ Весты для посвященія на олтарь ея. Мы видѣли духовную необычайную помпу: множество ословъ несли по коронѣ на длинныхъ ушахъ, и ожерелье, снизанное изъ небольшихъ круглыхъ лѣпешекъ, связанныхъ между собою. Ихъ вели маперы семействъ и хозяйки домовъ, безъ обуви. Священный процессъ сей имѣлъ двойной предметъ: сперва пошли они въ храмъ Весты принести богинѣ свои обѣты на олтарь ея; потомъ въ храмъ Юпитера, покровительствующаго полямъ, питающимъ человека; также и въ олтарямъ доброй Цереры, которую Сабини называютъ богинею *хлѣба*. Это было воспоминаніемъ благодаренія Природы, соединенной съ искусствомъ. Они почитали священнымъ долгомъ признавать всѣ обязанности, которыми одолжены стихіи огня. Со времени его открытія люди начали доставлять себѣ

пищу здоровѣйшую и пріятнѣйшую. Пшеница, обращенная въ муку и потомъ въ пироги, получаетъ отъ огня послѣднее свое превращеніе въ существенную пищу.

Во весь этотъ день никто не работалъ. Намъ сказали, что въ Римѣ и почти во всей Авзоніи праздникъ сей былъ также въ употребленіи.

Мы замѣтили, что Сабини считаютъ въ самомъ должайшемъ днѣ въ году пятнадцать часовъ съ прижды пятою часію часа (1). Земля ихъ даетъ прекрасныя прозябенія. Конопля растущая ровнѣ съ деревомъ.

Мы направили шаги свои къ противоположенной области *Самніумъ*, землѣ гористой, которая впрочемъ не уступаетъ самымъ прелестнымъ долинамъ. Мы вступили въ *Бовіанъ*, одинъ изъ главнѣйшихъ городовъ. Здѣсь политическія дѣйствія приводились уже къ окончанію, чтобы начать праздникъ *браковъ*. Уже граждане собирались въ одномъ мѣстѣ, которое ограничивалось двумя храмами, такъ какъ и въ дру-

(1) Плиній *Ист. Natur.* VI. 34.

гихъ земляхъ. Одинъ изъ храмовъ былъ посвященъ богинѣ *Вакунѣ*, другой богу *Фидіусу* — два главныхъ, или лучше, два однихъ божества у Сабиновъ, и слѣдовательно у Самниціанъ. До начатія церемоніала мы могли приблизиться къ олтарямъ ихъ.

Вотъ въ крапкихъ словахъ описаніе Тосканскаго храма, простирающагося въ длину на пять четвертыхъ доль ширины преддверія: равняясь величиною со всѣмъ строеніемъ, имѣетъ впереди четыре колонны на самой плоскости. Всѣ стороны его укрѣплены твердо: половина сводомъ стѣнъ храма, а другая половина угольными колоннами. Средина храма поддерживается двумя другими колоннами. Внутри храма поставлены по бокамъ два олтаря. Въ самой опдаленности храма указали намъ три деревянныхъ бюста не такъ хорошей работы. Первой изъ нихъ изображалъ безбородаго, но совершеннолѣтняго и одѣтаго погою мужчину: это была *Честь*; не лзя было въ томъ сомнѣваться, потому что возлѣ его видна была эта надпись. Второй бюстъ представлялъ *Истину* подъ чертами женщины, одѣтой въ тунику, съ лавровымъ на головѣ вѣнкомъ. Оба бю-

ста предъ лицемъ молодого и прекраснаго юноши подавали другъ другу руки, которой *любовь*, а другая надпись, *священное изображеніе бога добросердесія*, придаетъ особенной свой характеръ этому дѣянью.

Внизу искусство рѣзчика изобразило колоссальную стѣнную *Пріала*, что съ перваго вида напоминаетъ одно изъ Геркулесовыхъ свойствъ, который могъ ручаться въ мирныхъ условіяхъ. Можно обмануться, прочитавъ надъ этимъ бюстомъ имя *Эніала*. Мы видѣли такое же изображеніе въ храмѣ города Куровъ: онъ служилъ тѣроглифомъ плодородія. Въ извѣстные дни сельскихъ праздниковъ молодья дѣвицы носили его на головѣ въ ивовыхъ корзинкахъ; а мать семейства удостоивала ихъ невиннаго вѣнка.

Одинъ житель Бовіана сказалъ намъ на эпошъ разв: „Молодой человекъ, котораго вы видите между мужчиною и женщиною, почитается какъ бы честною любовію *Антеросомъ* Греціи. Мы зовемъ его супружескою любовію, или богомъ супружества. Молодые супруги, обращая на нее глаза свои, научаются, что нѣтъ щасливыхъ союзовъ безъ цѣломудрен-

ной любви, чести или добродѣтели и искреннихъ обществъ. Однакожь это не мѣшаетъ, чтобъ люди не приходили прикасаться къ олтарю сему, въ знакъ того, что симъ заключаются обязанности гражданскія и политическія. Тогда Эніаль бываетъ богомъ добродушія, и тѣмъ самымъ, что *Санкъ* или *Семо Санктусъ*, или *Дій Фидій* (1), которыхъ Нума и Тацій старались ввести въ Римъ. Для сего города это и нужно. Сосѣдственные народы его былибъ спокойнѣе, еслибы въ Римѣ умѣлъ сохранить мудрость свою. *Санкъ* былъ одинъ изъ первыхъ чиновниковъ въ Сабиніи. Предки наши почли его частнымъ именемъ *Семо*, что означаетъ на нашемъ языкѣ мужчину, потому что *Санкъ* въ точномъ смыслѣ исполнялъ всѣ обязанности, соединенныя съ сею должностію. Онъ имѣлъ много дѣтей и свято хранилъ свои обязанности, показывая себя вѣрнымъ ихъ исполнителемъ. Это самое заставило насъ освятить его, и что подало случай открыться слову *Sanctus*. Смертной съ такою добродѣтелію очень близокъ съ

(1) Или *Зевксъ Пилій*, по словамъ Варрона.

богомъ. Мы благословили память его въ своихъ храмахъ, и во всѣхъ дѣлахъ заклинаемся имъ, какъ божествомъ. Начальники наши и граждане призываютъ, или лучше, воспоминаютъ святое имя его, какъ бы для того, чтобы имѣть въ виду примѣръ добродѣтели въ томъ человѣкѣ, который носилъ его на себѣ. Сабинны и происшедшіе отъ него Самниты гордятся тѣмъ, что свободнѣе и независимѣе всѣхъ прочихъ народовъ, но вмѣстѣ покорны своему обществу. Самые непримиримые непріатели наши отдають намъ справедливость въ томъ, что мы никогда и ни въ какихъ обстоятельствахъ не нарушали своего слова. Супруги съ своей стороны не прежде почитаютъ бракъ свой утвержденнымъ, какъ воздавъ почтеніе Санку Фидію. Плодородіе супруговъ приписываютъ они тѣмъ стараніямъ, которыхъ принимаютъ на себя, чтобы подражать ему въ супружеской его вѣрности.“

Мы пошли въ другой храмъ, куда не лезя было войти. Имя божества таинственно и неизвѣстно; и потому богиня *Вакуна* имѣетъ много у себя обожателей, и мало согласныхъ между собою толковниковъ.

„Римляне, говорилъ одинъ гражда-
нинъ, который взялся проводить насъ,
завладѣли божествомъ не столько по
причинѣ набожности, сколько для того,
чтобы внушить нечестолюбивому народу
нашему идею о празднолюбивомъ народѣ.
Они обожаютъ Вакуну подъ именемъ бо-
гини *Праздности*. Они хотѣли бы изобра-
зить намъ подъ симъ Авзонцевъ, кото-
рые жертвуютъ лѣвности, потому что
мы бережемъ дома свои и границы. Бо-
гиня *Праздности* нашла лучшее себѣ мѣ-
сто у Грековъ, нежели въ Римѣ. Воз-
дѣлываніе полей нашихъ оправдываетъ
насъ отъ клеветниковъ нашихъ. — Бо-
гиня Вакуна у насъ ни Минерва, ни Ди-
ана, ни Церера, ни Греческая Беллона.
Имѣнія наши довольно достаточны на
тогда развѣ, чтобы не быть принужден-
ными заниматься другими. Божество,
которое мы чинимъ, имѣло бы болѣе со-
отношенія съ побѣдами, — не съ шрами,
которыя обогрены человѣческою кровью,
но съ шрами, которыя приобрѣтаются сила-
ми храбрости. Такимъ образомъ умно-
жили мы его храмы. Во всѣхъ почти
долинахъ, на всѣхъ холмахъ, на бере-
гахъ Тимель, при истокахъ Велина и даже

на плавучемъ островѣ сѣрнаго Купиль-
скаго озера посвящены ей жертвенники.“

Я сказалъ въ свою очередь Самнитя-
нину:

Божество ваше, въ самомъ дѣлѣ,
неизяснимо; не лѣзя сказать обстоя-
тельно, что оно такое — столько-то
вы придали ему свойствъ. Главный пред-
метъ помрачается и исчезаетъ подъ слу-
чайными принадлежностями. Шлемъ,
шлемъ и эгидъ Паллады, оливная вѣтвь
Минервы, лавры Викторіи, вѣнокъ Це-
реры — подъ этими принадлежностями
трудно найти богиню Вакуну.

Самнитянинъ. Однакожь она
въ самомъ дѣлѣ подъ ними скрыта.
Всѣхъ иностранныхъ боговъ и богинь
едва достало намъ, чтобы составить
свое божество. Вакуна означаетъ общую
нашу храбрость; чистый огонь ея на-
можно хранится мудрейшими изъ на-
шихъ дочерей. Характеры Вакуны оди-
наки съ характерами Побѣды; мы ду-
маемъ, что побѣда и храбрость между
собою неразлучны. Нѣтъ побѣды безъ
храбрости, и храбрости безъ побѣды.
Побѣжденный народъ близокъ къ неволь-
ничеству, а невольнической народъ не

можетъ быть храбрымъ. Мудрый народъ всегда долженъ быть свободою націею: такими - то всегда были Сабиняне и Самнитяне. До сихъ поръ еще не краснѣемъ мы, читая наши лѣтописи, писанныя на полотнѣ. Мы съ гордостію хранимъ у себя свитки сіи въ семействахъ.

Священная церемонія вскорѣ окончила наши разговоры. Десять молодыхъ, невинныхъ, и также прекрасныхъ дѣвицъ, съ факелами въ рукахъ, явились предъ воротами храма Вакуны, которыя тотчасъ отворились. Онѣ вошли туда попарно, чтобы возжечь на олтарѣ свои *Вакунальные* факелы. Послѣ того пропѣтъ былъ гимнъ, котораго мы не могли разслушать; наконецъ вышли молодые Сабиняне, и держа въ рукахъ своихъ факелы, составили нѣкотораго рода священный хороводъ на портикѣ и внѣ храма.

Будучи предшествуемы военною музыкою, десять молодыхъ юношей, одинъ по одному, подошли къ самой срединѣ мѣста, гдѣ построились въ длинную прямую линію отъ главнаго мѣста предсѣдателей. На каждомъ изъ нихъ было новое вооруженіе. Первѣйшій изъ чинов-

никовъ, обратившись къ ближайшему Самнитянину, говорилъ: „Молодой человекъ! отечество почло тебя мудрѣйшимъ и храбрѣйшимъ изъ всѣхъ сыновъ своихъ. Теперь оно исполняетъ для тебя долгъ свой, и награда, предлагаемая тебѣ, соотвѣтствуетъ твоей добродѣтели. Предъ твоими глазами стоятъ избранныя дѣвицы изъ Бовіана. Та, которая тебѣ болѣе понравится, будетъ навсегда принадлежать тебѣ. Возьми ее въ супруги, и роди отечеству дѣтей, себѣ подобныхъ.“

Молодой Самнитянинъ, представленный главнымъ начальникомъ, былъ принятъ въ середину десяти молодыхъ дѣвицъ, которыя, взявшись за руки, окружили его, дабы дать ему время сдѣлать свой выборъ. Нѣсколько времени онъ колебался. Плѣнительная, но неопишемая картина! Какъ изъяснить замѣшательство, безпокойство, желаніе молодыхъ дѣвицъ, которыя едва осмѣливались поднимать глаза и бросать украдкою взоры на молодаго Героя, можетъ быть не менѣе приведеннаго въ замѣшательство, какъ и онъ! Взоры его перелетали отъ одной Самнитянки

къ другой, которыя всѣ равнялись между собою невинностію и добродѣтелию, но различались красою. Въ одной благородство вида уступало прелестямъ; другая показывала болѣе важности въ своемъ характерѣ. Наконецъ, молодой Самнишянинъ рѣшился: держа въ рукѣ лавровую вѣтвь и оливный сучокъ, онъ означилъ выборъ свой, поднеши оливный сучокъ съ плодами той, которую почтилъ преимуществомъ. Она взяла свой факелъ, и украсила миршевою гирляндю порогъ храма *Вакуны*, и послѣ того юная чета пошла къ олтарю бога *Чистосердегія*.

Военная музыка, которая молчала нѣсколько времени, провозгласила выборъ, такъ какъ и вся толпа подтвердила его торжественными пѣснями.

Главный начальникъ представилъ и другаго изъ молодыхъ людей оставшимся девяти молодымъ дѣвицамъ. Сей подражалъ своему предшественнику. Такимъ образомъ поступили и съ прочими Самнишянами даже до послѣдняго, который не менѣе казался довольнымъ, хотя и лишенъ былъ выбора. Онъ зналъ, что послѣдняя изъ Самнишскихъ дѣвицъ, на-

значенныхъ въ награду, должна была имѣть столько же невинности и красоты, какъ и ея подруги.

Прежде нежели соединились сіи десять паръ подъ руководствомъ бога *Фидіуса*, старшій изъ Правителей возсѣлъ на свой стулъ, и сказалъ нѣсколько словъ десяти четамъ, готовымъ вступить въ храмъ: „Юные Самнишяне! прежде нежели вы соединитесь, знайте, что узы сіи неразрывны во все время, какъ вы будете хранить добродѣтели, которыя приобрѣли вамъ пріятнѣйшую изъ всѣхъ наградъ. Воинъ, который претсуетъ быть ея достойнымъ, тотчасъ лишается оной. Законъ разлучаетъ благоразумную супругу съ безразсуднымъ супругомъ.“

Десять паръ воспѣли гимны *Тименею*; весь народъ повторялъ хоромъ конечные стихи ихъ, и остатокъ дня прошелъ въ радости.

Мы оставили городъ *Бовіанъ* на другой день, сдѣлавши съ своей стороны нѣсколько замѣчаній о политическомъ учрежденіи, которое должно бы быть общее всѣмъ народамъ.

На воротахъ грубое орудіе рѣзчика, но управляемое мудрыми правилами, изобразило быка, лежащаго на ногахъ предъ стоящимъ и вооруженнымъ землешапцемъ. Это изображение города. Пропорція и разположеніе частей сей фигуры дали намъ высокую идею о жителяхъ Бовіана.

Достигши Луканской области, которая своимъ именемъ обязана четвероногимъ рогаемымъ животнымъ, коими изобилуетъ, мы не мало удивились, нашедши большое количество молодыхъ гражданъ полу-одѣтыхъ, и которые ведутъ почти дикую жизнь въ нѣдрѣ лѣсовъ и горъ, подъ надзоромъ мѣстныхъ пастуховъ. — „Эти молодые люди, сказалъ намъ одинъ изъ нихъ, произошли отъ первыхъ и богатѣйшихъ семействъ изъ Луканскихъ городовъ. Основатель нашей Республики, Луканъ, родомъ Самниптанецъ, но происхожденіемъ Спартаецъ, выдумалъ сей родъ воспитанія. Со вѣраго года отцы обязаны отсылать дѣтей своихъ въ самую средину лѣсовъ и оставлять ихъ самимъ себѣ до той минуты, съ которой назначаются они въ военную службу. Они раздѣляются съ нами грубую работу надъ обдѣльваніемъ

нашихъ полей и опасные пруды въ зѣриной ловлѣ. У нихъ нѣтъ, такъ какъ вы видите, другихъ одеждъ, кромѣ кожи убиваемыхъ ими животныхъ, ни другой пищи, кромѣ дичины, которую стрѣляютъ они своимъ копьемъ или стрѣлами. Еслили они не стараются построить себѣ убѣжище отъ суровостей воздуха и ночей, то должно переносить ихъ. Мѣстные пастухи бдятъ надъ сими молодыми людьми, и ходятъ за ними въ томъ случаѣ, когда они или ранятся, или испощаются отъ временной суровой жизни. Сими попеченіями мы ограничиваемъ свои къ нимъ услуги, и вмѣсто того, чтобы мы служили имъ, они обязаны намъ повиноваться. Послѣ нѣсколькихъ долгихъ лѣтъ мы отсылаемъ ихъ къ своимъ родителямъ гораздо бодрыми и здоровыми, нежели какими они пришли къ намъ. Такимъ образомъ Луканцы предохраняютъ себя отъ изнѣженности и порчи нравовъ, какая обыкновенно бываетъ въ городахъ.“

Между симъ разговоромъ Абарисъ и Замолксъ пошли посмотрѣть этихъ молодыхъ людей; они привели къ намъ многихъ изъ нихъ, которые предложили

намъ случай посмотрѣть на борьбу ихъ. Два мои Гиперборейца не отказались вступить въ нее, и — были побѣждены.

Харондъ выставилъ себя готовымъ прикрыть стыдъ своихъ поварищей. Я ему отсоветовалъ. Абарисъ самъ назначилъ цѣну побѣдителю. Онъ взялъ свое копье, пошелъ и не замедлилъ возвратиться, и сохраняя вѣрность къ правиламъ, предложилъ побѣдителю дикую козу, которую застрѣлилъ, настигнувъ на бѣгу. Молодые Луканцы удивились и признались, что въ проворствѣ и быспротѣ они уступаютъ своему новому сопернику.

Луканцы очень гостепріимны. Эта добродѣтель по точному закону ихъ есть должность, счастливыя дѣйствія которой мы испытывали (*).

Правленіе ихъ, перемѣняясь, какъ и воды озера, которое носитъ на себѣ имя его, соединяетъ пользы демократическаго

(*) Вотъ текстъ самый сего закона: „Естьли иностранецъ, пришедшій около захождения солнца, будетъ просить у кого гостепріимства, то тотъ, кто откажетъ, осуждается на штрафъ.“

съ монархическимъ правленіемъ: во время мира бываетъ земля ихъ Республикою, во время войны Монархіею.

XXVIII.

Пифагоръ въ Сибарисѣ.

Мы пустились опять въ дорогу безъ дальнихъ рассказовъ чрезъ *Брутъенскую* область. Прежде, служа Луканцамъ, они пасли ихъ стада; но получивши свободу, нынѣ пасутъ только свои. Это не значитъ быть сколько грубыми, какими предполагали ихъ древніе пираны.

Шумъ войны летѣлъ въ слѣдъ за нами; но мы не намѣрены были вѣшиваться и жертвовать жизнію за деспота.

Мы обошли городъ *Грументъ*; шедши между симъ городомъ и *Силарисомъ*, посѣтили также и *Пандозію*, и не прежде почитали себя свободными отъ мятежей, какъ только тогда, когда вступили въ область *Сибариса* (*).

(*) Нынѣ *Цивилта Мендонія*.

Прежде нежели мы вошли въ самый городъ, осматривали его окрестности, орошаемая двумя рѣками. — Воды одной изъ сихъ рѣкъ имѣютъ особенное свойство дѣлать волосы также блестящими, какъ золото; по крайней мѣрѣ такъ думаютъ Сибариты, и не пользуются другими водами. На берегахъ ея видѣли мы гробницу, съ изображеніемъ козы, вверху которой написано имя *Кратиса*. Мы узнали, что это имя одного паслуха, страстно влюбленнаго въ прекраснѣйшую козу изъ своего стада. Испорченные нравы и поврежденный вкусъ Сибаритовъ объявили намъ возможность столь ненатуральной снрасти.

Пошва ихъ показалась намъ не такъ хорошею. Одинъ виноградъ растетъ здѣсь въ изобиліи, особенно со стороны моря. Мы ходили въ анбары ихъ, которые не совсѣмъ были пусты: мы находили тамъ каждой разъ полные чаны. Всякой годъ наливаютъ они новое вино на остатокъ прошлогодняго винограда. Драгоценная жидкость течетъ по долгимъ мѣднымъ трубамъ, готовымъ перевести его на суда рѣки *Крашиса*. Этотъ грузъ доставляется въ самую внутрен-

ность Сибаритской земли, гдѣ ожидаютъ его всегда съ неперерывіемъ.

Намъ дали замѣтить одинъ дубъ, съ котораго никогда, кажется, не спадаютъ листья; это прекрасное дерево бросаетъ новые корни около середины лѣта.

Мы ходили въ пристань. Непродолжительная работа могла бы сдѣлать ее выгоднѣйшею для города; но Сибариты не могутъ рѣшиться оставить свои удовольствія, чтобы заняться на нѣсколько времени своими выгодами.

Мы остановились на нѣкоторое время отдохнуть на берегахъ источника *Туріи* (*), разстояніемъ отъ города на одну стадію. — Одно несчастное семейство, погруженное въ слезахъ, приближалось къ намъ, чтобы также отдохнуть. Опець семейства имѣлъ на шеѣ повѣшеннаго лѣтуча. Жена и дѣти его несли съ собою плетенныя корзины, въ которыхъ сидѣло множество другихъ лѣтучевъ, нераздѣлившихъ съ собою участи своего товарища. Молодой Абарисъ взялъ на себя трудъ спросить о причинѣ ихъ

(*) Этотъ источникъ, спустя нѣсколько лѣтъ по смерти Пифагора, далъ свое имя *Туріумъ*.

горести. — „Увы! сказалъ намъ отецъ семейства, мы изгнаны опредѣленіемъ Сената.“

Абарисъ. За какое преступленіе?

Отецъ семейства. Вотъ оно:

Говорили, что въ Сибарисѣ хотѣли усановить бой пѣтуховъ, такъ какъ въ видѣли это во многихъ Греческихъ городахъ и особенно въ Аѣнахъ. Я выдумалъ самую невинную мысль, которая состояла въ томъ, чтобы вскармливать пѣтуховъ, отбирать ихъ и держать въ особенностяхи. Одинъ изъ богатѣйшихъ гражданъ, по имени Сминдирисъ, имѣлъ по ссѣдственности меня домъ свой. Онъ обвиняетъ меня предъ судьями; меня призываютъ къ суду; прихожу — насилу даютъ мнѣ выговорить нѣсколько словъ въ оправданіе. Судья произнесъ мнѣ: „Птичникъ изъ улицы Морфея навсегда долженъ быть выгнанъ изъ города за то, что возмутилъ спокойствіе гражданъ упренимъ пѣніемъ пѣтуховъ, которыхъ вскармливаетъ. Ликторы выведутъ его за городскія ворота; но прежде долженъ онъ принести въ жертву богу *Сна* самаго красиваго изъ пѣтуховъ своихъ. Эту закланную жертву Ликторы для примѣра повѣсятъ ему на шею. Сенатъ запре-

щаетъ мѣстопробываніе въ Сибарисѣ всѣмъ ремесленникамъ, которые не могутъ исправлять художества своего безъ нѣкотораго шума.“

„Иностранцы! прибавилъ печальный птичникъ, идучи опять своею дорогою, — наше несчастіе должно послужить вамъ урокомъ!“

Я предвижу, друзья мои! сказалъ я прѣмъ моимъ сопутникамъ, что мы не останемся въ Сибарисѣ. Должно идти далѣе. Однакожь зайдѣмъ на минуту въ этотъ городъ.

Предмѣстія его усѣяны прекрасными увеселительными домами. Мы встрѣчались со многими ихъ владѣтелями, которые возвращались домой. Съ высокихъ колясокъ, покрытыхъ богатыми покрывалами, защищающими отъ солнечнаго жара, они едва удостоивали посмотрѣть на шѣхъ, которые шли пѣшкомъ. Казалось, они болѣе лежали ослабѣвши отъ изнѣженности, нежели сидѣли. Невольники разсыпали вокругъ нихъ розы; кучера умѣряли бѣгъ коней, опасаясь пошрѣсти господъ своихъ.

За два или за три-ста шаговъ до городскихъ стѣнъ, мы примѣтили большое

количество наковальной въ дѣйстви. Замолкъс переговорилъ съ однимъ художникомъ, который извѣстилъ насъ, что въ самомъ городѣ не терпятъ никакого ремесла, въ которомъ употребляются глухіе молоты; спукъ инструментовъ сихъ поколебалъ бы мозгъ у богатыхъ.

Достигши городскихъ воротъ, мы увидѣли одного полицейскаго Офицера, который привѣшивалъ къ нимъ кедровую дощечку, на которой вырѣзанъ былъ большими словами слѣдующій новый законъ: „Для поддержанія ревности изобрѣтателей; каждому гражданину, даже и иностранцамъ, запрещается на годъ употреблять новый способъ приготовления фазановъ, не заплащя напередъ, вмѣсто подачи, большую сумму виновнику драгоцѣннаго сего открытія.“

Роскошь придаетъ много блеску городу Сибарису; но надобно, чтобы воздухъ, которымъ дышатъ жители, не совсѣмъ былъ здоровъ; потому что граждане обоихъ половъ не наслаждаются тѣмъ живымъ и свѣжимъ здоровьемъ, которое предпочтительнѣе всѣмъ изобрѣтеніямъ нѣжныхъ убранныхъ.

Сибариты брѣютъ бороды даже и въ зрѣлыхъ лѣтахъ, и не знаютъ, что въ Аѳинахъ шопъ покрывался презрѣніемъ и гонимъ былъ гражданами, кто первый осмѣливался вознести бритву на свою бороду.

Всѣ улицы и площади украшены пышными зданіями, по которымъ городъ можетъ назваться царемъ двадцати пяти другихъ городовъ. Граждане такъ прилѣжно стараются убѣгать солнечныхъ лучей, что почти никогда не наслаждаются прекраснымъ видомъ небосвода. Вездѣ опущены занавѣсы; глаза ихъ не могутъ сносить дневнаго свѣта, когда на небѣ не бываетъ ни одного облака: имъ долженъ только свѣпить полуясный сумракъ. Множество Сибаритовъ умираютъ, не видавши ни однажды восхожденія или захожденія солнца. Упренный воздухъ бываетъ свѣжъ, напротивъ того вечерній влаженъ.

Мы остановились на нѣсколько минутъ у конскаго распалища, гдѣ учили лошадей не тому, чтобы биться на сраженіи вмѣстѣ съ своими всадниками, но пріобучали становиться на дыбы.

Между шѣмъ встрѣшилось намъ множество гражданъ, покрытыхъ воинскими лапами; но это вооруженіе перялось подъ золотыми бахрамами и драгоценными тканями.

Проходя мимо Геркулесова храма, мы припомнили, что онъ хранитъ въ себѣ Геркулесовы стрѣлы, ввѣренныя Филоклету, основателю Сибариса. Мы просили показать намъ ихъ. Смотритель храма спалъ; намъ сказали, что должно идти назадъ, чтобы не прервать сна его.

Многочисленные трупы рыбаковъ и ппичниковъ выходили изъ домовъ своихъ. Богатые граждане напоминали имъ постараться о сладкомъ и дорогомъ кушаньѣ Господь своихъ, копорые не знали уже, какой выбирать родъ пищи.

Мы вздумали посѣтить Гимназіи и респалище; но намъ отвѣчали презрительною улыбкою, указавъ на одну часть города, родъ искусственнаго ландшафта, наполненнаго гротами, копорые орошаемы были фонтанами.

Здѣсь увидѣли мы большую толпу молодыхъ и разряженныхъ Сибаритскихъ вертопраховъ, одѣтыхъ въ длинные пла-

щи изъ Тирскаго пурпура. Волосы ихъ, разчесанные не такъ, какъ должны быть по природѣ, вмѣсто другихъ украшеній, увязаны ленточками съ перезолотами. Маншоры учили ихъ играть на Лидійской свирѣли и повторять нѣжныя пѣсни подъ Іонійскій вкусъ. Нечаянное прибытіе Замолкса, и особенно Абариса, прервало уроки ихъ. Грубыя выраженія двухъ моихъ Гиперборейцовъ, дикой разговоръ и необыкновенный костюмъ мало сообразовались свойствамъ Сибаритовъ. Мы показались имъ людьми другаго рода, или выходцами изъ планеты Сатурна. Харондъ и я нѣсколько ихъ разувѣрили. Намъ позволено было войти и въ самыя публичныя бани, гдѣ множество невольниковъ прислуживали. Я замѣтилъ, что у каждаго изъ нихъ на ногахъ были цѣпи. Мы спросили причину этой особености у баньщика, который отвѣчалъ: „Это предосторожность. Твари сіи съ человѣческимъ видомъ могутъ нерадѣть о своей должности, грѣть воду въ большемъ степени, нежели сколько надобно, или худо хранить мѣру куреній, копорой отвѣ нихъ требуютъ. Въ семъ случаѣ оковы, копорыя держатъ ихъ въ ремняхъ, слу-

жати вѣрною порукою казни; безъ нихъ они убѣждали бы при первой угрозѣ, и остались бы безъ наказанія.“

Мы видѣли многихъ Сибаритовъ, которые изъ банныхъ чановъ прямо ложились на постеляхъ въ ближайшихъ отдѣленіяхъ. Въ ту минуту, какъ ложились они, невольники разсыпаютъ на постеляхъ вѣжные листья молодыхъ розъ. Одинъ изъ господъ сихъ приказалъ сказать своего невольника за то, что по неосторожности уронилъ маленькую любимую собачку своего господина, которая завизжала на розовой постелѣ возлѣ своего покровителя. Другой Сибаритъ, выходя изъ бани, надѣлъ тонкую льняную штору, и не хотѣлъ принять обыкновеннаго отдыха, потому что любимая изъ его обезьянъ околѣла отъ ожирѣнія. Ея пухъ, на котораго возложено было ходить за нею, былъ выгнанъ, подвергнувшись напередъ наказанію ремнями.

Намъ объявили, что вечеромъ будетъ публичное собраніе на площади; и мы остались посматрѣть, какимъ образомъ Сибариты производятъ политическія дѣла; но Сеймъ занимался совѣщаніемъ другими дѣлами. Мѣсто освѣщено было фа-

келами. Пышная толпа народа, предшествуемая хоромъ музыкантовъ, заняла первыя мѣста. Одинъ богато-одѣтый гражданинъ съ важностію возсѣлъ на высокой эстрадѣ, дабы передъ глазами всего народа принять великолѣпный золотой вѣнокъ. Глухія рукоплесканія сопровождали церемонію, которой мы не могли понять причины. Герольдъ спросилъ у народа нѣсколько минутъ молчанія, дабы произнести слова сіи: „Сибариты! эпитѣ гражданинъ, котораго вы видите, дѣлаетъ славу вашему городу. Никто не знаетъ лучше его готовишь кушанье во вкусѣ и изобиліи.“

На другой день Сенаторы объявили на всѣхъ распушіяхъ возобновленіе городскихъ налоговъ. — Провозглашеніе окончилось сими словами: „Остаются отъ нихъ свободными, по прежнему, тѣ, которые торгуютъ упрямо и занимаются обдѣльваніемъ драгоценныхъ раковинъ, которыя даютъ намъ пурпуры.“

Одинъ богатый Сибаритъ, немного оскорбившись нашею холодностію при видѣ такихъ чудесъ и при рассказахъ городскихъ обычаевъ, пригласилъ насъ къ себѣ на ужинъ. Онъ хотѣлъ преодолѣ-

лѣтъ нашъ нечувствительный характеръ, — говорилъ много — и это большимъ бываетъ облегченіемъ для того, кто любитъ молчаніе.

„Иностранцы! говорилъ онъ намъ, продолжая рѣчь свою съ одинакою скоростью, — по вашему у наряду можно примѣнить, что вы пришли издалека, и что ваше отечество совсѣмъ не походитъ на наше. Въ самомъ дѣлѣ, странствовать не совсѣмъ бесполезно; но, мнѣ кажется, гораздо пріятнѣе оставаться въ своей родинѣ. Кто живетъ въ Сибарисѣ, тому никогда не придетъ охоты ходить по другимъ городамъ. Я никогда не ходилъ далѣе мостовъ рѣки Краписа, и признаюсь, что стѣны Сибариса суть для меня Геркулесовы столбы и предѣлы міра. За чѣмъ идти мнѣ въ другіе города? Не подв рукою у меня здѣсь все нужное, чтобы жить также тихо и спокойно, какъ текутъ воды двухъ рѣкъ, которыя орошаютъ городъ нашъ? Здѣсь для меня зимой не бываетъ морозовъ, а лѣтомъ каникулъ. Теплыя трубы, распавленные по комнатамъ, защищаютъ меня отъ холода. Пустые и холодные погреба, гдѣ обра-

щается чистой воздухъ, защищаютъ меня отъ пламенныхъ паровъ воздуха, который помилъ насъ, когда солнечные лучи прямо падаютъ на наши головы. Каждый годъ даю я по четыре ужина, изъ которыхъ каждый занимаетъ меня на три мѣсяца. Эти занятія доставляютъ мнѣ вѣрное лѣкарство отъ скуки. Мой домъ служилъ моделью для всѣхъ богатѣйшихъ домовъ въ Сибарисѣ, и эти три золотые вѣнка, повѣшенные на стѣнѣ, показываютъ мои таланты въ наукѣ наслаждаться удовольствіями. Для предѣстнаго пола едва достаешь цѣлаго года, чтобы приготовить во всемъ блескѣ явиться на моихъ пирушкахъ. Не опасайтесь, чтобы вины наши не разгорячили вамъ головы; чтобы предостеречь васъ отъ слѣдствій его, вы примите капустнаго сѣмя, прежде нежели будете пить. Это предохранительное лѣкарство очень вѣрно, и мы всегда начинаемъ имъ свои ужины.“

Онъ продолжилъ бы несносную рѣчь свою, если бы одинъ изъ енуховъ не объявилъ ему, что его обезьяна сбѣла угорь, который назначенъ былъ для ужина.

Мы воспользовались первыми минутами его гнѣва, чтобы выйти изъ дому.

На нѣсколько шаговъ вспрѣшли одно зданіе, которое съ перваго вида почли храмомъ. Врата его были полуотверсты. Мы остановились на нѣсколько времени у его входа, чтобы полюбопытствовать въ самой внутренности храма. Это была школа *головныхъ уборовъ*. Множество мастеровъ и мастерицъ съ важностію преподавали изустные и примѣрные уроки. Они окружены были толпою весьма прилѣжныхъ учениковъ. На многихъ горящихъ треножникахъ разогрѣвались разные желѣзные инструменты, которые давали волосамъ разныя букли. Молодые дѣвушки подвергали себя разнымъ опытамъ; а другія, которыя были безъ доспадка, приходили продавать свои волосы. Мы видѣли волосы сіи различныхъ цвѣтовъ. Бллокурые, равняющіеся съ лучами Феба, предпочтительнѣе прочихъ. Искусныя руки художниковъ готовили изъ нихъ локоны различной величины, чтобы угодить на вкусъ каждому. Граждане Сибариса приходятъ въ храмъ сей, для того, чтобы доставлять себѣ разныя иностранныя моды. Мы узнали, что сія

школа успановлена была и процвѣтала подѣ надзоромъ правительсства. Къ поддержанію ихъ градоначальники великими награждаютъ почестями и привилегіями ея основателей.

Вышедши изъ стѣнъ города, прославившагося такими монументами, достойными внимательныхъ взоровъ путешественниковъ, мы пожали плечами, какъ вдругъ услышали голосъ: „Иностранцы! иностранцы! воротитесь, посмотрите на чудо всего міра, прежде нежели перенесутъ его на Лацинійскую гору и выставятъ къ удивленію всѣхъ жителей Греціи, пришедшихъ на праздникъ богини Юноны!“

Мы согласились войти въ одно предместье города. Насъ пустили въ швейную мастерскую, гдѣ работали множество золотошвеекъ. Съ важностію, которая принудила насъ улыбнуться, показали они намъ платье или маншилю, длиною въ пятнадцать локтей, цвѣтомъ морскаго пурпура. На каждой сторонѣ въ самомъ шканѣ примѣтили разные виды Персидскихъ животныхъ. Въ срединѣ изображены были Юлисеръ и Юнона, Минерва и Фемида, Венера и Аполлонъ; внизу по правую сторону вышито было имя Си-

бариса, по лѣвую имя Алцистена, богатого Кротонца, который изобрѣлъ пышную одежду сію для того, чтобы всей Италіи подашь высокую идею о цвѣтущемъ состояніи своего отечества. Сто пять талантовъ не совсѣмъ заплатилибъ за издержки на богатую одежду сію. Мудрые Египтяне называютъ ихъ молодыми Греками; но какимъ именемъ назовутъ они жителей древней Авзоніи? Безъ сомнѣнія именемъ *женолодобныхъ мужчинъ*.

Мы собрали множество Сибаритской монеты, которая въ нашихъ семействахъ сохранялась долѣе, нежели сколько будетъ существовать этотъ городъ.

На дорогѣ, ведущей изъ Сибариса въ Кротону, мы ворочались на нѣсколько шаговъ, дабы слѣдовать за толпою природныхъ жителей, идущихъ вопрошать оракула, которому служилъ нѣмой жрецъ. Особенность такого случая возбудила въ насъ любопытство: „Вѣрно, сказали мы, объясняется онъ жестами, не менѣе краснорѣчивыми, какъ и слова;“ но обманулись. — Треножникъ стоялъ подъ угломъ фонтана (*), вытекающаго изъ живой

(*) Тотъ самый, который и нынѣ еще называется *говорящею водою*.

горы. Эхо есть божество, которое даетъ отвѣты. Народъ доволенъ ими и не шеплетъ припомъ ничего. — Жрецы — не то ли самое эхо? . . .

XXIX.

Пифагоръ въ Кротонѣ.

Мы собирали различныя извѣстія о политическомъ состояніи городовъ, чтобы наконецъ совершенно рѣшиться продолжать свое путешествіе. По словамъ всѣхъ жителей можно было заключить, что въ это время вся Европа была въ возмущеніи: Сицилія, едва освободившись отъ тиранніи, еще далека была отъ того, чтобы наслаждаться тишиною; Персы угрожали Грекамъ; Римъ помрачалъ всю Италію, которой одна область казалась на нѣсколько времени свободною отъ общаго мятежа. — Посмотримъ въ городъ *Кротонѣ*, о которомъ говорятъ мало. Счастливы тѣ города, которые забыты и оставлены самими себѣ! Но не въ такомъ состояніи была *Петелія* (*), при подошвѣ кото-

(*) Нынѣ *Белкастро*, или *Стронгули*.
Часть VI. Г г

раго мы разсуждали. Сдѣлавшись столицнымъ городомъ Луканцевъ, на девять миль отъ моря, она не могла не приниматьъ участія въ происшествіяхъ, происходившихъ по ту сторону Апеннинскихъ горъ.

Мы сошли съ горы Клибапа, которая не что иное есть, какъ опрасль горъ сихъ; и направляя шаги свои къ Югу возлѣ Сизскаго лѣса, продолжали прямо въ Кротону, отстоящую отъ Сибариса на двѣсти сотъ стадій.

Мы проходили окрестности сего города, которыя показались намъ тщательнѣе воздѣланными. Каждого наслѣдство, обнесенное невысокою стѣною и состроенное изъ одной земли и мѣлкихъ кремней, показывало намъ сельское законодательство въ своемъ степени.

Земля сія наслаждается совершеннымъ спокойствіемъ; по крайней мѣрѣ мы судили такъ по смежному съ нею храму, который недавно выстроенъ Юлиперу, *покровителю* границъ, жителями Кротоны, Сибариса и Колонны, которыя долго спорились въ своихъ владѣніяхъ.

На землѣ Кротонцевъ находили мы вѣтви, сучья и даже листья многихъ

деревъ одного рода, покрытыхъ бѣлыми и прозрачными каплями. Солнечные лучи, падая перпендикулярно, много способствуютъ ихъ плодородію. Капли сіи сладки какъ медъ, и имѣютъ спасительную въ себѣ силу. Жители съ успѣхомъ пользуются ею въ очищеніи желчи, и называютъ ее *небеснымъ медомъ* или *росою*.

Темная ночь застигла насъ на дорогѣ, и принудила просить гостепріимства въ первой встрѣтившейся намъ хижинѣ. Мы были хорошо приняты, и удивились, увидѣвши столъ, уставленный сосудами съ виномъ по числу гостей. Хозяинъ вывелъ насъ изъ изумленія, сказавъ: „Это древнее у насъ обыкновеніе, которое произошло отъ слѣдующаго происшествія: Геркулесъ, путешествуя по нашей землѣ, помился однажды жаждою. Онъ вошелъ подъ одинъ уединенный кровъ, служащій убѣжищемъ одному семейству. Хозяинъ дома хотѣлъ подкормить странника, почавши для него цѣлый сосудъ лучшаго вина; но жена удержала его ревностью, сказавъ пошхоньку: береги для себя и семейства дорогую жидкость; для незнакомца довольно бу-

дети и свѣжей воды. Теркулесъ услышалъ слова сіи, и путь же послѣдовала казнь. Сосудъ вина претворился въ марморный чурбанъ. — Для избѣжанія сей-по справедливой казни, прибавилъ чистосердечный нашъ хозяинъ, я поставилъ передъ вами, почтенные путешественники, по полному кубку вина.

Абарисъ отвѣчалъ ему: „Успокойся, добрый Кротонецъ; мы пьемъ одну воду. Проходя въ первый разъ Кротонскую землю, мы приѣхали, что это прелестнѣйшая и здоровѣйшая изъ всѣхъ емель.“

Городъ отстоитъ на десять часовъ ходьбы отъ Лакиискаго мыса, одного мѣста при Тарентскомъ заливѣ, лежащаго на Западѣ. Мы остановились при истокѣ небольшого ручья, называемаго *Эзаролъ* и омывающаго Кротону, прежде нежели соединяется съ моремъ. Прелестные берега Неэны не уступаютъ ему въ красотѣ и богатствѣ, доставляя стадамъ обильныя и богатыя паствы. Харондъ зналъ топографію мѣстъ сихъ, и къ стапи сказалъ намъ свою пословицу: „Другіе города не значатъ ничего въ сравненіи съ Кротоною.“

Харондъ. Пифагоръ! есть еще и другая пословица, которую ты уважишь болѣе: „Послѣдній Кротонецъ лучше перваго изъ Грековъ.“

На другой день нашего здѣсь пребыванія, Харондъ повелъ насъ къ большому и глубокому гробу, на пять сотъ шаговъ отъ города, куда входъ бываешь нѣсколько со стороны горы Лапимны, гдѣ растутъ прекрасныя, тѣнистыя деревья. Я первый вошелъ въ него, и первый предметъ, поразившій глаза мои и удивленіе, также меня — былъ *бѣлый орелъ*, недавно вышедшій изъ подвѣкрылъ своей матери. Онъ хотѣлъ улѣтѣть и оставилъ мнѣ мѣсто, которое болѣе принадлежало ему, нежели мнѣ, потому что онъ занималъ его прежде меня. Я безъ большихъ трудовъ поймалъ его, раздѣляя съ нимъ пшеничный хлѣбъ, печеный подъ пепломъ. Между тѣмъ, какъ ласково гладилъ я его своей рукою по перьямъ, которыя бѣлизной своею превосходили цвѣтъ моей льняной одежды, — эта птица у меня уснула. —

Мои товарищи посѣдили также это убѣжище, которое простиралось очень далеко, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

освѣщено перпендикулярными отвѣрстіями. Мы рѣшились расположиться въ немъ и остаться до тѣхъ поръ, пока не соборемъ справедливыхъ понятій о характерѣ Кротонцевъ, между которыми хотѣли жить. Абарисъ и Харондъ вышли приготовить къ тому нужное, а Замолксъ остался.

Соединенными силами начертали мы первые солнечные часы, какіе только были въ сей землѣ. Кадрантъ раздѣлили мы на семь частей, изъ которыхъ на шесть падала тѣнь.

Въ послѣдствіи времени мы оправдали то, что самый должайшій день въ году, какъ въ Кротонѣ, такъ и Луканіи, былъ изъ 15 часовъ.

Любезные ученики мои! вы слѣдовали за мною вездѣ; до сихъ поръ я подобенъ былъ грудѣ снѣга, которая отдѣляется отъ вершины Апеннинскихъ или Алпійскихъ горъ, и обрушаясь сама на себя, увеличивается и дѣлается пятюгостною массою, упавши на эту долину, которую должно оплодотворить. Остаются мнѣ открыть вамъ мое намѣреніе: расположиться въ Кротонѣ. Первые успѣхи ея, которыя превысили мое чаяніе,

навлекли на меня клеветы. Вотъ ихъ историческая истинна:

Послѣ прехднейной оплучки, Абарисъ и Харондъ возвратились; они сопровождаемы были Залевкомъ. — „Наставникъ нашъ! сказалъ молодой Гипербореецъ съ жаромъ: Кротона готова принять тебя, и скоро удостоится внимать тебя и видѣть у себя. Твое ученіе болѣе будетъ имѣть послѣдователей, нежели ученіе Центавра (Хирона). — Мы не успѣли выговорить ни одного слова. „Народъ! жрецъ, освободившій Агригентъ, побѣдитель Фаларида, возлѣ воротъ вашихъ. — Ахъ! введите его, введите! — Гдѣ онъ? мы подемъ на встрѣчу ему!“ — Вотъ что кричали Кротонцы.

Пивагоръ. Абарисъ! позволь также говорить Харонду, который, кажется, не такъ пылокъ; онъ скажетъ намъ что-нибудь вѣрное.

Харондъ. такъ, Пивагоръ! вся Кротона занята тобою, не зная еще тебя. Что будетъ, если однажды она выслушаетъ тебя! Сицилійская революція сдѣлалась извѣстною здѣсь до подробности. Умы всѣхъ благосклонно расположены; но реформа этого города будетъ

имѣть себѣ препяшствія. Залевкѣ разскажетъ тебѣ болѣе.

Залевкѣ. Пивагорѣ! я какъ бы предчувствовалъ скорое приближеніе твое къ симъ спокойнымъ мѣстамъ, но обезображеннымъ многими несправедливыми и удачными войнами. Это самое прекрасное время, въ которое ты сюда появился; слава твоя болѣе придастъ важности мудрымъ твоимъ урокамъ. Въ надеждѣ найши и соединишься съ побою, чтобы никогда не разлучаться, нѣсколько недѣль уже живу я въ Кропонѣ и наблюдаю духъ жителей. Они, можетъ быть, заражены пороками болѣе нежели въ *Локрахѣ* (*).

Пивагорѣ. Они, кажется, способны къ энтузіазму.

Залевкѣ. Такъ! но Сенатъ ихъ, составленный изъ тысячи особъ, едва изъ нихъ найдетъ трехъ, которыя бы имѣли благородную силу и важность, и способныбы были управлять нравственной революціею. Кропонцы имѣютъ весьма непріятный предрасудокъ: гордясь своими вѣнками, силы тѣлесныя цѣнятъ они

гораздо выше добродѣтели душевной. Впрочемъ они охотники до новостей.

Пивагорѣ. Приготовимъ себя ко вступленію въ него чрезъ три дня.

Наконецъ мы достигли городскихъ воротъ съ первыми лучами солнца, и вступили въ Пандосей (публичная гостиница). Сенаторы и Начальники, богатые граждане, избѣженное юношество, женщины и дѣти, всѣ сего рода люди еще покоились въ глубокомъ снѣ. Нѣсколько караульныхъ, ремесленниковъ, земледѣльцовъ и людей низкаго состоянія обою пола уже пробудилось; одни собирались нести на торгъ произведенія полей своихъ, а другіе спѣшили въ свои мастерскія. Сія толпа непросвѣщенныхъ, собираясь на площадь, встрѣчала новый день возліяніемъ вина на жертвенникъ Бахуса. Нечаянное наше прибытіе привело ихъ въ удивленіе. Абарисъ и Замолксъ едва успѣвали отвѣчать на всѣ вопросы: „Кто этотъ чужестранецъ среди васъ? спрашивали ихъ отовсюду. Это длинное одѣяніе бѣлаго цвѣта, эти перевязанные длинные волосы, этотъ вдохновенный видъ, который блискаетъ въ глазахъ его и оживляетъ взоры, представляетъ его

(*) Опечество Залевка.

жрецомъ Аполлона. Это и въ самомъ дѣлѣ не Аполлонъ ли? Чего онъ отъ насъ хочетъ? — Чего вы съ нимъ хотите искасть въ стѣнахъ нашихъ? — Изъ какой страны вы прибыли? — Далеко ли вы направляете стопы свои? — Кто вы, почтенные путешественники?“

Абарисъ отвѣщивалъ на слова ихъ: „Этотъ человекъ, котораго вы видите посреди насъ, есть призванный къ таинствамъ Фивскимъ: это Пифагоръ, освободитель Агригенцевъ, и мы ближайшіе ученики его.“

Н а р о д ъ. Честь, слава благодѣтельному Генію Агригента! Пусть онъ пребудетъ въ нашемъ городѣ! да удостоитъ насъ своихъ наставленій! мы всѣ готовы внимать ему; пусть онъ говоритъ свободно — здѣсь всѣ имѣютъ нужду въ его совѣтахъ.

„Хорошо, сказалъ Абарисъ: если Кронона болѣе чувствуетъ нужду въ добрыхъ правилахъ, нежели Самосъ, то вы ихъ отъ насъ услышите.“

„Такъ, народъ Крононскій! говорилъ Харонъ съ своей стороны тѣмъ, которые предлагали ему вопросы; такъ, вы видите предъ собою удвоеннаго та-

инствъ Фивскихъ Пифагора, того самаго, который освободилъ Сицилію, мое отечество, отъ чудовища въ человѣческомъ видѣ. За сіе великое благодареніе я съ нимъ не разлучусь доплѣ, пока ему не въ тягость будетъ мое присутствіе.“

Замолкъ также говорилъ многочисленному народу, толпившемуся вокругъ меня: „Пифагоръ посѣщалъ многихъ народовъ земли. Онъ преисполненъ премудрости Египтянъ и Жрецовъ.“

Я хотѣлъ окончить вдругъ всѣ сіи разговоры; но это было невозможно, потому болѣе, что нѣкоторое нечаянное приключеніе увеличило удивленіе всего народа, которое я и объясню теперь:

Оставивъ подземное убѣжище наше, предъ вступленіемъ въ Кронону, я не захватилъ съ собою *бѣлаго орла*, погруженнаго во снѣ около того мѣста, гдѣ я проводилъ ночи. Сія птица ко мнѣ уже очень привыкла, что она теперь и доказала. При пробужденіи своемъ, не найдши никого, потчасъ выходяща она изъ пещеры, и обыскивая долгое время слѣдовъ нашихъ, летитъ прямо въ городъ. Народъ увидѣлъ надо мною *бѣлаго орла*, который, плавая въ воздухѣ надъ самой

площадью, и опасаясь такого множества людей, не осмѣливался спуститься предъ своимъ хозяиномъ. Этотъ нечаянный случай возбудилъ новое любопытство. При мгновенномъ прибытіи Юлитеровой птицы народъ почелъ меня другомъ боговъ, и смотрѣлъ на орла, какъ на предзнаменованіе самое важное.

Я не понималъ тогда причины сего движенія, при видѣ народа, взирающаго съ удивленіемъ на небо. Но примѣтивъ надъ собою орла, я велѣлъ распространиться около себя народу, и протянулъ къ нему руку. Орелъ, очертивши кругъ въ воздухъ надъ моей головою, спустился ко мнѣ на плечо. Я посадилъ его на углу ближняго карниза, и онъ остался на немъ, между тѣмъ какъ я отошелъ прочь. —

Впечатлѣніе, какое онъ произвелъ въ присутствующихъ, способствовало мнѣ привлечь ихъ къ себѣ, не успѣвши при томъ произнести ни одного слова. Дѣйствіе сіе было столько стремительно, что овладѣло всемъ городомъ. Все слушать удивительнымъ для народа. На сей шумъ и остальные жители выходящъ изъ домовъ своихъ. Уже площадь не

умѣщаетъ толпы народной. Четверо моихъ сошварищей съ величайшимъ трудомъ могли привести народъ къ спокойствію.

Первое слово, которое я произнесъ, хотя и столь же натуральное, какъ и обыкновенное, очаровало собою. Я сказалъ: „пускай женщины удалятся въ храмъ Юноны; я для нихъ явлюсь туда.“

Нѣкоторые изъ зрителей, съ худшимъ предъ другими намѣреніемъ, выводя ложныя заключенія, недостойныя моего лица, восклицали: „Надобно попросить начальника сихъ пришельцевъ, чтобъ онъ показалъ намъ лядвѣ свои, копорья должны состоять или изъ золота, или изъ слововой кости.“

Крошотницы! прервалъ я улыбаясь: я вамъ открою эту часть въ томъ день, когда вамъ покажутъ плечо, или одну сторону лядвѣ Пелопсовой. Во время путешествія моего въ Элиду мнѣ никогда не удавалось получить эту честь.

Тотчасъ клеветники умолкли, и вниманіе удвоилось. Наконецъ я началъ разговоръ, предложенный уже мною и въ другомъ мѣстѣ, такимъ образомъ:

„Кротонцы! чего вы отъ меня хотите? Я напротивъ того прошу отъ васъ убѣжища и мира, изгнаннаго изъ прочихъ концовъ земли. Я ничего не могъ сдѣлать въ пользу Самосса, несчастнаго моего отечества. Я былъ гораздо счастливѣе въ Агригентѣ. Чшожь касается до Кротоны, я не нахожу здѣсь тирана. Граждане! для васъ ничего болѣе не нужно, кромѣ совѣтовъ и хорошаго примѣра. Такъ, вы не забыли того, что вы Спартанскіе колонисты, и что основатель отечества вашего былъ современникъ премудраго Нумы. Еслили онъ и попустилъ нѣкоторыя злоупотребленія въ нѣдрѣ вашей республики, то мы постараемся общими силами объ ихъ послабленіи, потому что законодатель вашъ не могъ быть *древнѣе Аннакуса* (*); но и самая древность не дѣлаетъ предразсудка священнымъ, и никогда не уйдетъ время искоренить его. — Кротонцы! ваша страна есть первая въ Италіи со стороны политической; но такова ли она относительно къ республиканскимъ нравамъ? Впрочемъ дол-

---

(*) *Греческ. пословица.* — Аннакусъ былъ первымъ Девкаліонскимъ Княземъ.

жно сказать, что вы никогда не сравнитесь съ Мильціядомъ Гомеровымъ, который дожидался разрушенія Трои для того только, чтобъ подать ей свою помощь. — Сообразно съ закономъ, который Харондъ Тирской принесъ нѣкогда въ Аѣины, намѣренъ я, пришедши къ вамъ, не съ оружіемъ, но съ миромъ, намѣренъ и я основать между вами родъ нѣкотораго заведенія, ни мало некасающагося до политическихъ выгодыней. У васъ есть Сенаторы, есть Правительство, и я васъ оставляю подъ ихъ благоразумною бдительностію. Позвольте мнѣ только открытъ въ вашемъ владѣніи новую *Школу нравовъ*, и посвящать особенный храмъ Музамъ; я примѣчаю, что сихъ только двухъ предметовъ недостаетъ вамъ.“

Одинъ человекъ возвысилъ свой голосъ, и чрезъ многочисленную толпу народа закричалъ мнѣ: „Ты, который уже вступилъ въ предверіе тайнствъ Оивскихъ! внемли, чего еще недостаетъ намъ; согласишь быть нашимъ законодателемъ.“

Я, перехвативши слова его, сказалъ: „Довольно хотя и однимъ посредникомъ

въ соображеніи поступковъ вашихъ съ законами.“ — Но этоѣ же самый продолжалъ на слова мои: „Хорошо; такъ скажи же намъ, почему не всѣ одинаковое имѣютъ право на землю, между тѣмъ какъ солнце на всѣхъ изливаетъ равно свой свѣтъ и тепло? Объясни мнѣ сіе различіе между землею и солнцемъ? Ты много путешествовалъ. Не ужели ты вездѣ встрѣчался съ такими народами, у которыхъ малое число людей наслаждается всѣми возможными благами, а большая часть почти ничего не имѣетъ? Не видалъли ты гдѣ сему противнаго?“

П и а г о р ъ. Такъ, Крошонцы! есть народы, — но сказать правду, они очень рѣдки, — между которыми земля, такъ какъ и солнце, есть общая; но съ тою особенностію, что сіи народы имѣютъ столько же добродѣтелей, сколько другіе пороковъ; между сими народами не шерпишся ни изобиліе, ни роскошь; притомъ же они не имѣютъ никакихъ другихъ познаній, кромѣ повяпій натуральныхъ, врожденныхъ самою Природою. Граждане! дабы вамъ пользоваться общимъ равенствомъ въ Крошонѣ, научи-

тесь сперва быть справедливыми; равенство безъ правосудія есть химера. —

Я прервалъ на минушку слова свои. *Бѣлый орелъ*, думая, что мы хотимъ возвратиться въ свое убѣжище, хлопалъ крыльями, какъ бы приутопляясь въ пущь. Народъ, внимательный ко всему, ударялъ въ ладоши, какъ будто подтверждая рукоплесканіе Юпитеровой птицы. „Крошонцы! продолжалъ я: изъ всѣхъ правленій на земли, поистиннѣ, самое твердое есть Республика при общемъ равенствѣ; — но вмѣстѣ надобно вамъ сказать и то, что оно изъ всѣхъ есть и пруднѣйшее, не говоря въ основаніи, но въ самомъ соблюденіи его. Я намѣренъ испытать сіе надъ вами, и показать вамъ первые начашки.“

Многіе изъ Сенаторовъ и Предсѣдателей появились въ толпѣ народной съ видомъ участія въ похвалахъ; но они вмѣстѣ показывали и нѣкоторое безпокойство. Чтобы разувѣрить ихъ во внутреннемъ подозрѣніи, я разполагался-было оставить свое мѣсто, чтобы имъ уступитъ его, но при семъ движеніи народъ возопилъ: „Нѣтъ! нѣтъ! мужъ, проникшій въ Оивскія тайнства, освободитель“

Агригенцевъ! останься на своемъ мѣстѣ; наши Сенаторы помѣстятся по сторонамъ около тебя. Выслушай Ораторовъ противныхъ споронъ; прими наши жалобы, и будь нашимъ посредникомъ и судіею!“

Я возразилъ, что совсѣмъ бы было не къ мѣсту постороннему чужестранцу вмѣшиваться такимъ образомъ въ правленіе той страны, въ которой остановился онъ не на долгое время. Но услышалъ въ отвѣтъ: „Мы такъ хотимъ. Внимай словамъ нашимъ.“

Тогда многіе Ораторы среди простаго народа спорили въ рѣчахъ своихъ, и хотѣли всѣ говорить въ одно и тоже время; а съ другой стороны классъ зажиточныхъ гражданъ приутоплялся къ отвѣту. Начальники города, окружающіе меня, не смѣли отворить устъ, и не слишкомъ понимали, чего должно было ожидать отъ меня въ личности. Но я сказалъ имъ тихо, чтобъ они ничего не опасались, потомъ возвысивъ голосъ продолжалъ; „Жители Кротоны! успокойтесь; я совсѣмъ не съ тѣмъ прибылъ въ предѣлы ваши, чтобъ возбудить васъ другъ противъ друга. Я уже говорилъ

вамъ объ этомъ. Позвольте только мнѣ открыть между вами *Школу нравовъ*. Время довершитъ оспальное. Скажите правду: вы можете желать преобразования въ однихъ только возникающихъ классахъ поля отечественнаго. Препоручите мнѣ дѣтей вашихъ, а родители постарайтесь поддерживать себя въ продолженіи остальнаго поприща жизни, и предохранить себя отъ большаго поврежденія. Вотъ все, что теперь должны вы дѣлать.“

На сіе отвѣтствовалъ мнѣ голосъ изъ толпы народной; „Средства сіи слишкомъ медлительны. Простой народъ весьма несчастливъ, богачи весьма жестокосерды, Правительство ненасытимо. Что мѣшаетъ намъ шествовать прямо къ правленію равенства, безъ котораго независимость есть пустое имя? Ревнивецъ священныхъ тайнствъ! будь нашимъ путеводителемъ; мы всюду готовы за тобою слѣдовать.“

„Ахъ, друзья мои! отвѣчалъ я на сіи слова: опасаясь, чтобъ не увидѣть васъ опять на прежнемъ пути вашемъ въ непродолжительномъ времени, для чего только, чтобы содѣлаться гораздо

нещастливѣе, нежели теперь, прежде сей перемѣны. Вы не знаете ужасныхъ послѣдствій политической революціи, предпринятой прежде сооруженія стѣнъ, которыя бы могли ее ограничить. Такъ знайте, что всякая политическая революція походитъ на лишперу V. Это большой путь, ограничивающійся въ послѣдствіи двумя стезями, изъ которыхъ одна ведетъ къ Деспотизму, а другая къ Анархіи. Положитесь на мою опытность, и ограничьте себя на нѣсколько времени преобразованиемъ воспитанія юношества! Обогащайте юношество сего города мудрыми наставленіями. Я вамъ еще повторяю: чтобы революція была для всѣхъ спасительна, то она не должна произойти ни отъ простаго народа, ни отъ самаго начальства. Одному только образованію принадлежитъ способность улучшать человѣческой образъ. Правда, есть къ сему и другія средства, поспѣшнѣйшія; но они, по причинѣ чрезмѣрной стремительности, гораздо болѣе приносятъ вреда, нежели хорошихъ успѣховъ.“

Не всѣ присутствующіе равно были довольны моими правилами, слишкомъ умѣ-

ренными для честолюбцевъ, пріобыкшихъ малую искру представлять необъятнымъ пламенемъ. Впрочемъ и не возможно было такое множество сужденій предуготовить къ внезапной перемѣнѣ. Чтожь касается до стороны здравомыслящей, то она предалась совершенно благоразумнымъ моимъ совѣтамъ; она принуждала меня занять мѣсто между Сенаторами: но я отрекался отъ этого, говоря, что мѣсто для Профессора нравовъ есть въ его школѣ. Однакожь не могъ преодолѣть тысячи голосовъ, которые настаивали, чтобы во всѣхъ противныхъ обстоятельствахъ Кротонцы прибѣгли къ моимъ совѣтамъ.

Я говорилъ такимъ образомъ къ Кротонцамъ съ самыхъ ступеней Аполлонова храма. Въ близкомъ отъ него разстояніи находился храмъ едва только оконченный, предназначенный для боговъ чужихъ, невѣдомыхъ и жестокосердыхъ. Опредѣленіе на сіе Сената потчасъ было уничтожено, и мнѣ отдано на волю располагать симъ зданіемъ, которое потчасъ и спало называлось *убѣжищемъ Музъ*; и уже былъ назначенъ день, въ который бы посвятить его девяти божествамъ.

На другой день я не преминулъ около полудня явиться въ храмъ Юноны, который при нашемъ прибытіи былъ уже наполненъ гражданками всякаго званія и возраста. Первое мое дѣло было повертнуть къ стопамъ богини скромный вѣнокъ изъ полевыхъ цвѣтковъ. Потомъ, замѣтивъ, что многія женщины, богато одѣшья, занимали первыя мѣста, сказалъ я, улыбаясь: „Столь пышные уборы чужь - было не развлекли меня! Мнѣ желательно было бы имѣть предъ глазами своими однихъ только тѣхъ изъ васъ, любезныя гражданки, которыя не имѣютъ на себѣ другаго украшенія, кромѣ натуральныхъ прелестей!

И въ одно мгновеніе шумъ негодованія распространился во всемъ храмѣ. Видѣ неудовольствія съ неизяснимою быстротою разлился по лицамъ и сопровождался глухимъ шопотомъ.

Но возбудивши спокойствія и молчанія, я началъ слѣдующимъ образомъ: „Гражданки Кротоны! меня хотѣли ошановить, чтобъ не предлагать вамъ моихъ совѣтовъ. Къ чему они послужатъ? говорили мнѣ. Свойство женщинъ есть

Деспотъ, гораздо неприсупнѣйшій Фаларида.“

Присутствующіе прибавили къ словамъ моимъ: „Тебѣ, служитель тайнствъ, потребно все краснорѣчіе Аполлона; для того, чтобы только успѣть убѣдить нашихъ женщинъ въ умѣренности къ ихъ украшеніямъ. Онѣ болѣе занимающія своими уборами, нежели мужьями, дѣтьми и даже собственнымъ своимъ существованіемъ.“

И я продолжалъ: „Гражданки Кротоны! тѣ, которые опсовѣтовали мнѣ видѣться съ вами, не въ силахъ были убѣдить меня, и наконецъ теперь получилъ я свое удовольствіе. Я воображалъ, что васъ непременно обижу, если не исполню обѣщанія, даннаго мною занявшись нѣсколько времени разговоромъ съ вами. Вчера ваши супруги, ваши дѣти и отцы ваши требовали отъ меня преобразования въ нравахъ. Спросите у женскаго пола, отвѣчалъ я имъ; представьте этотъ трудъ вашимъ супругамъ: онѣ однѣ должны блюсти и назидать общественные нравы; приносите имъ честь своими поступками, а симъ заохотите и ихъ самихъ къ снисканію

почтенія въ собственнѣхъ глазахъ своихъ, равно какъ и въ вашихъ. Онѣ первыя истребятъ изъ среды своей неприличную роскошь, вредоносную и пагубную, которая оканчивается уничтоженіемъ Крешона, или позоромъ ея, ужаснѣйшимъ Сибариса. — Гражданки! я поклялся вашимъ именемъ, надѣясь, что вы меня оправдаете; такъ, безъ сомнѣнія, вы отразите отъ самихъ себя соблазны суешности, которые ни мало не способствуютъ къ вашему улучшенію, и отъ которыхъ вы не замѣчали еще пагубныхъ послѣдствій. Вы, къ своей собственной чести, можете заниматься всемъ тѣмъ, что свойственно одному только нашему полу; ваше право побѣждать — никогда не можетъ быть оспорено. Васъ еще ожидаетъ триумфъ гораздо пріятнѣе, гораздо славнѣе: это означаетъ вашу побѣду надъ самими собою; это значитъ умѣть противиться пустымъ прихотямъ, ложнымъ наслажденіямъ, которыя рано или поздно привлекутъ ваше, такъ сказать, умаленіе, и самое опеченство ваше, которое вами гордится, приведутъ въ упадокъ. И такъ должно сказать, или напомнить вамъ,

что роскошь, которой вы даете душу и жизнь въ богатомъ одѣяннѣ и въ пышныхъ столахъ, есть внутренній непріятель, ужаснѣйшій для цѣлаго народа. Призракъ благополучія, который она даетъ какому нибудь городу, прикрываетъ важнѣйшія политическія болѣзни; и хотѣю чѣмъ необходимо отъ нее произтекаетъ: „Гражданки, исполненныя суешности, стараются заимѣвать равныхъ себѣ; и достигши до этого, онѣ остаются довольными на нѣкоторое время. Но другія, по какой-то позорной стыдливости, краснѣютъ по причинѣ простоты своего платья, какъ бы совершенно были наги; и такъ сіи послѣднія дѣлаются соперницами первыхъ. Ни родители, ни мужья не въ силахъ уже противустоять ихъ усиленнымъ требованіямъ, ихъ слезамъ. Семейства самыя благословенныя доходятъ до убожества, исполняя прихоти смѣшной борьбы сей; а чѣмъ бы распространяться въ сихъ прихотяхъ и въ то время, когда уже во всемъ настопитъ недостатокъ, то позволяють себѣ пособія самыя подозрительныя; далѣе, начинаютъ уже недостаивать республикѣ пропитанія; общее со-

кровище нагло похищается; торговля содблывается промысломъ, основаннымъ на плутовствѣ; древняя честность уступаетъ мѣсто хитрому обману; благородныя чувства погасаютъ, а вмѣсто ихъ водворяются подлая прихоти. Вдругъ наступаетъ война, губительница дѣлхъ народовъ, и — любовь къ отечеству являющаяся во всей силѣ. Непрiятель нисколько не ужасенъ, но побѣда сомнительна; слабыя патриоты бьются слегка и убѣгаютъ что есть духу. Тотчасъ спѣшатъ заключить позорный миръ, чтобы только возвратиться къ родинѣ, къ спокойной жизни, которой каждый день ознаменуется непрощительнымъ бездѣйствiемъ. До сего-то степени позора и злополучiя довели женщины славный Вавилонъ, о которомъ и теперь еще молва упоминаетъ, коль скоро хочешь живѣе изобразить позоръ и безчестiе города, преисполненнаго прихотливой роскоши и обезображеннаго въ нравахъ. — Гражданки Крононы! будьте всегда воздержны и умѣренны (*), чтобы оспаться мудрыми и почтенными.

(*) Отсюда произошла пословица: *Non bene casta, si bene pasta.*

Вы поддержите славу городовъ Греческихъ, изъ которыхъ вашъ почитается колонiею, особенно замѣчательною. Драгоценнѣйшiя ваши выгоды въ собственныхъ рукахъ вашихъ. Чего еще недостаетъ вамъ при вашей добродѣтели и красотѣ? Принесите въ жертву Юнонѣ, которую вы не безъ причины называете *Лакедемонскою*, принесите ей въ жертву свои искусственныя украшения; Природа васъ обезпечила касательно ихъ. Знайте, что вы чрезъ пышныя свои одѣлiя приготавливаете гибель отечеству. Украшенiе доброй гражданки есть здоровье ея мужа и дѣтей и благополучiе страны опечисленной. А вы, юныя дѣвы Крононы, вѣрнѣйшая надежда страны сей! эти перевязки на волосахъ вашихъ (1), чтобы назваться *дѣвигили*, имѣютъ ли нужду въ золотѣ и въ драгоценныхъ камняхъ? — Никакъ! — но вы объ этомъ и не думаете. . . .“

Я хотѣлъ-было продолжать, распространяясь въ сей обильной матерiи; но Залевкъ, дернувъ меня за плашь, далъ

(1) *Virgineae vittae. Vittae tenues, infigne pudoris.*
Ovid. *ars am.* I.

мнѣ почувствовать, что слова мои начинаютъ дѣйствовать. Многія молодыя женщины, проувишись моими замѣчаніями, вынимали изъ ушей своихъ драгоценныя серги, которыя столь недавно пипали ихъ малодушіе; другія разстегивали пояса свои, усыпанные золотомъ. Мы даже увидѣли, что нѣкоторыя пробивались сквозь стѣсненную толпу къ олтарю Юноны, и робкою рукою возлагали на него свои браслеты, кольца, перстни и дѣпочки. Одна молоденькая дѣвочка принесла свою перевязку, у коей по концамъ вмѣсто украшенія были привѣшены золотыя слитки, величиною и видомъ сходныя съ дубовыми желудями. Матери семейства совѣтовались съ дѣтьми своими, и своимъ примѣромъ заставляли и ихъ снять съ себя все украшеніе, кромѣ натуральныхъ цвѣтковъ, которые благоухали на груди у нихъ. И въ нѣскольکو минутъ статуя Юноны была усыпана различнаго рода украшеніями, которыя составляли большую груду до самыхъ почти колѣнъ ея.

Тутъ я воскликнулъ: „О Юнона! божество истиннаго благоустройства! Нѣтъ,

ты никогда не принимала жертвъ столь священныхъ.“

Мой бѣлый орелъ, который и здѣсь мнѣ сопутствовалъ (онъ занималъ мѣсто на одномъ углу того ниша, въ которомъ находилась богиня (1)), потчасъ приближается ко мнѣ, и прикрываетъ на минушу своими крыльями: что и пало на замѣчаніе присутствующихъ, и произвело родъ нѣкотораго очарованія, прилично нравственному смыслу сего явленія. — Я оборотился къ членамъ моимъ ^{и идемъ въ} ^{со товарища} „Любимыя, принесемъ всѣ сіи сокровища, чпобы съ согласія голосовъ употребить ихъ на республиканскія нужды; сама Юнона не только на сіе согласна, но еще повелѣваетъ намъ.“

Жрецы, которыхъ до сихъ самыхъ поръ совсѣмъ и не видно было, потчасъ появились съ требованіемъ должной части изъ сей богатой добычи; но Абарисъ съ копьемъ своимъ въ рукѣ выступилъ противу ихъ, и однимъ движеніемъ,

(1) Казалось, что Пиеагоръ съ орломъ разговаривалъ. Аммианъ. Маркелъ.

для нихъ понятнымъ, принудилъ въ безмолвіи удалиться въ свое мѣсто.

Мы всѣ вышли изъ храма. Я не переступилъ еще чрезъ порогъ, какъ почувствовалъ, что кто-то пожалъ мою руку: я взглянулъ и увидѣлъ молодую дѣвицу, при которой не было ничего такого, что бы она могла принести въ жертву, то есть излишняго.

„Мудрый Пивагоръ! сказала она мнѣ тихимъ голосомъ, и потупивъ глаза: женатъ ли ты?“

Нѣтъ, отвѣчалъ я; — и она, не в прочемъ ^{моей} такимъ ~~голосомъ~~ ^{голосомъ} сказала, бы только Юнона и я могли слышать, слѣдующее: „Благотворная богиня, присутствующая въ непорочномъ соединеніи людей обоюго пола! благодарю тебя, что онъ не сопряженъ еще бракомъ. Доверши твою ко мнѣ благосклонность его любовью. Заставь его чувствовать расположение Теаны, ведущей породу свою изъ Крета, но родившейся въ Кротонъ двадцать лѣтъ тому назадъ, дочери Питанакта. Мудрый служитель таинствъ! согласенъ ли ты вступить въ бракъ съ

юною еще дѣвицею, которая до сего самаго дня не чувствовала склонности ни къ какому мужчине, и которая клянется вѣчно жить для одного тебя, хотя бы отвѣтъ твой и не согласовался съ моимъ ожиданіемъ?“

Мы отошли нѣсколько въ сторону, и я сказалъ ей: „Гдѣжь та дѣвица, о которой ты говоришь мнѣ?“ — Предъ твоими глазами, отвѣчала она: это я. — Сии послѣднія слова сказала она мнѣ съ тою безпритворною откровенностію, которая меня чрезвычайно тронула. Взглядъ, брошенный на нее, довершилъ надо мною побѣду. Она не была совершенная красавица; впрочемъ лице ея было привлекательно. Одѣяніе ея было все бѣлое, вѣнецъ изъ бѣлыхъ розъ составлялъ весь головной уборъ ея. Прелесть невинности, подобно покрывалу, прикрывала всѣ ея движенія.

„По выходѣ изъ Сенапа, прибавила она, прежде нежели вступишь въ толпу празднующихся, позволь мнѣ препровести тебя къ отцу моему.“

Но вмѣсто того, по окончаніи церемоніала, съ чистосердечною нетерпѣливостію, тутъ же и представила она мнѣ

Пипанакта, и произнесла предъ нимъ свое признаніе: „Дражайшій и почтенный виновникъ дней моихъ! уже нѣсколько лѣтъ ты безпрестанно повторяешь богамъ нашимъ: вспомоществуйте дщери моей снискать себѣ въ супруга человека мудраго. И такъ, отецъ мой! я нашла его: вотъ онъ. Возблагодаримъ теперь боговъ.“

Пипанактъ ей отвѣщивалъ: „Любезная Феана! я еще несовершенное вижу исполненіе моего желанія. Если Пиеаторъ съ своей стороны общался внутренно совокупиться бракомъ съ такой только вѣтвю вашего пола, которая бы имѣла равныя съ нимъ достоинства: то, милая Феана! не смотря на всѣ мои попеченія о своемъ воспитаніи, не должно ли тебѣ опасаться? . . . .“ —

„Ахъ, что ты сказалъ, отецъ мой!“ — перехватила Феана, съ выкатившеюся изъ глазъ слезою. —

Я взялъ за руку Пипанакта и потомъ Феану, и сказалъ имъ: „Препроводите меня въ ваше жилище.“ . . И въ тотъ же вечеръ, безъ дальнихъ околичностей, Пиеаторъ и Феана согласились соединиться чрезъ нѣсколько дней свя-

щенными узами брака. Невинность есть симпатія душъ.

Возлюбленные ученики мои! сіи обстоятельства, до сей самой минушы извѣстныя одному только мнѣ, со временемъ и вамъ должны быть открыты.

Наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ отсрочекъ, при помощи четырехъ первыхъ учениковъ моихъ, открылъ я свою Школу въ самомъ преддверіи храма Музъ. Много лѣтъ уже обдумывалъ я планъ сего учрежденія, и я открылся въ этомъ первымъ моимъ слушателямъ; они были весьма многочисленны, такъ что наполнили собою всю окружную площадь, и вѣселились предо мною, желая внятнѣе разслушать слова мои. Съ самой верхней ступени храма я говорилъ къ нимъ, и слова мои на первой разъ составляли одно только приуготовленіе, содержащее главные правила моей Школы.

„Кротонцы! дѣло, мною и вами теперь предпринимаемое, есть новое, важное и къ исполненію трудное. Должность, которую я на себя налагаю, есть священна. Можетъ быть къ сему потребно бы было какое нибудь божество, или по крайней мѣрѣ Герой, рав-

ный въ способностяхъ основателю отечества вашего (Геркулесу), чтобы достойно нести на себѣ сію обязанность. — Цѣль моя есть усовершенствованіе человѣческаго рода. Нужно совершенное и, можно сказать, слѣпое довѣріе къ словамъ моимъ; для достиженія этого начнемъ мы точно познавать всѣ вещи. Прежде нежели допущу я васъ къ моимъ наставленіямъ, вамъ должно согласиться на строгое и продолжительное испытаніе. Вы имѣете право отказанья мнѣ быть вашимъ Учителемъ, а я нахожу возможнымъ удостоить васъ быть учениками моими. И такъ я требую на первый разъ прехлѣтняго молчанія.... Другіе учатъ многоглаголанію, а въ моей системѣ первое правило есть *молчаливость*. Я не буду воспитывать для подишелей сына, для мужа достойной супруги, для друга равнаго въ дружествѣ человека, законамъ и правительству покорнаго гражданина; но я только хочу основать Школу, которая бы была обществомъ равенства, состоящимъ особенно въ общительности имуществъ. Различный порядокъ наставленія будетъ употребляемъ мною по разнымъ понятіямъ

моихъ воспитанниковъ. Они всѣ будутъ соспавлять одно семейство; но всѣ сіи вѣтви болѣе или менѣе будутъ удалены отъ корня. Съ одними я буду говорить только символами и чрезъ заавѣсы; но другіе въ меншемъ числѣ будутъ допускаемы ко мнѣ для созерцанія обнаженной истинны лицомъ къ лицу непосредственно. Крошечцы! приемлете ли вы первыя мои положенія? . . .“

Въ слѣдующіе дни стеченіе народа было уже не столь велико, который всегда ожидалъ моего прихода. Сѣвши въ предверіи святилища, среди четверыхъ ближайшихъ учениковъ моихъ, съ отцемъ Теаны, соединившейся со мною, шельства, кънѣзи трехъ членовъ правительствъ у Сената, началъ я давати изрекы моимъ воспитанникамъ. Большой заавѣсы, такъ какъ уже и предувѣдомлялъ я, былъ опущенъ между мною и ими. Я учредилъ въкоторый порядокъ въ раздѣленіи моего преподаванія, и разположилъ его по часамъ, изъ коихъ одни посвятилъ на образованіе отпочесства, другіе для юношесства, и наконецъ для совершеннолѣтнихъ; а посему и разпре-

дѣлалъ, когда должно было гражданамъ ко мнѣ собираться: ибо также и по различію состояній были раздѣлены часы преподаванія. И такъ цѣлое гражданское общество приходило разновременно внимать главнымъ моимъ наставленіямъ, служащимъ вмѣсто основанія общимъ моимъ правиламъ. И въ такомъ-то порядкѣ прошелъ у меня цѣлый годъ.

Подобное преподаваніе существовало ли еще гдѣ-нибудь? Никому изъ Мудрецовъ, дошолъ извѣстныхъ (1), и въ мысль не приходило такого рода сообщеніе съ другими въ своихъ мысляхъ. По крайней мѣрѣ для того ли они воспитывали юношей, чтобы найти дѣтя, своестрогихъ блюстителей. Они не имѣли никакихъ ^{оттѣ} сообщеній съ людьми, и свѣтомъ своей премудрости освѣщали одну только пустоту, подобно гробовой лампадѣ въ мрачномъ подземельѣ. У самаго Фереграда были одни только слушатели, а не ученики.

---

(1) Семь Мудрецовъ мудрствовали болѣе для себя, нежели для другихъ. См. глав. VI. *Философія Итал. Шесера.*

Я не слишкомъ старался открывать вкусъ въ знаніяхъ, но тѣмъ болѣе давалъ чувствовать ихъ необходимость. Меня посѣщали всѣ жители Кротоны, и не меньшую оказывали ревность самыя главные особы въ городѣ. Въ такомъ спеченіи народа любопытство увеличивалось со дня на день. Этотъ таинственный занавѣсъ, раздѣляющій наставника отъ толпы слушателей, возбудилъ весьма многихъ противу меня; чего я и ожидалъ съ самаго начала.

Черезъ два года и чужестранцы въ довольно великомъ числѣ присоединились къ Кротонцамъ въ мою Школу, и удивлялись ихъ молчаливости. Мои уроки были очень часты, но непродолжительны, и мои символы заставляли многихъ думать и въ отдаленіи отъ меня самаго. Многие изъ нихъ перенеслись даже и за городскую стѣну и прошекли всю Авзонію до самаго Рима. Эта возникающая республика прислала ко мнѣ многихъ воспитанниковъ; а другіе прибыли еще изъ Сициліи. Но перблывость и добріе непрестанно держали ихъ въ своихъ узахъ до шрехъ лѣтъ. Наконецъ уже усиленно принуждали меня допустить сію

многочисленную толпу въ *Критеріи*, которую я торжественно назначилъ. Каждый съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ отъ меня сей рѣшительной минуты.

Домашнія дѣла мои долго служили мнѣ причиною къ опговоркѣ, или по крайней мѣрѣ къ опдаленію минуты, долженствующей ознаменоваться допущеніемъ къ тайнствамъ, всѣми споль непериблдиво ожидаемымъ.

XXX.

Пифагоръ предпринимаетъ опдалить послѣдній долгъ Фересиду.

На первомъ году супружества моего съ Теаной я содѣлался отцемъ дочери Дамо. Черезъ годъ и три мѣсяца родился еще у меня сынъ. Мнѣ должно было чрезъ кого нибудь выхлопотать себѣ наслѣдство въ Самосѣ послѣ моихъ предковъ. Наконецъ я уже намѣренъ былъ уступить сильнымъ прозьбамъ, которыя переходили уже въ неудовольствіе, какъ одна непріятная нечаянность при-

нудила меня оплучиться изъ Кротонъ. До меня дошелъ слухъ о неизлѣчимой болѣзни, приключившейся почтенному учителю моему Фересиду, возвратившемуся въ Делосъ, и оставленному безъ малѣйшаго состраданія самому себѣ на семъ островѣ, недостойномъ видѣть и послѣдняго даже вздоха великой души его. Я рѣшился немедленно отправиться въ путь, чшобы опдать послѣдній долгъ смертному, которому я былъ обязанъ болѣе нежели существованіемъ. Харондъ, Залевкъ и Абарисъ, подѣсмотрѣніемъ мудраго Пипанакпа, отца моей супруги, были опредѣлены мною къ повторенію уроковъ моихъ до самаго моего возвращенія. Одинъ только Замолксъ мнѣ сопутствовалъ.

При благопріятномъ дуновеніи вѣтра выступилъ я изъ Ионическаго моря и былъ въ Архипелагѣ между Цикладскими островами, изъ которыхъ Делосъ есть главный. Его, среди прочихъ острововъ, можно почесать какъ бы за камень въ домъ, который нагрѣваетъ всѣ комзашы. Золъ и кормчій мой какъ будто спорили между собою въ успѣхахъ служилъ моему нетерпѣнію. Я уже воображалъ, что нахожусь вмѣстѣ съ Фересидомъ, един-

ственнымъ предметомъ всѣхъ моихъ желаній, и надѣялся удовлетворить ихъ въ ту самую минуту, какъ только сойду съ корабля. Юный воспитанникъ мой, который не упускалъ ни малѣйшаго случая къ услугамъ, какія только можетъ оказывать самый вѣрнѣйшій слуга, согласился, непременно прошивъ воли своей, на мое желаніе не скрывать отъ любопытныхъ островитянъ моего имени.

Я достигъ Делоса ужъ ввечеру, въ послѣдній день славнаго торжества, отправляемаго тамо въ честь Діаны и Аполлона чрезъ каждые четыре года. Меня тотчасъ окружила многочисленная толпа, повторяя безпрестанно: „Эпо Пивагоръ, проникшій въ Тивскія таинства, побѣдитель Фаларида. Онъ конечно хочетъ также служить и при олтаряхъ Делосскихъ.“ — Я пошелъ прямо къ Аполлонову храму снова посмотрѣть на статую, которая, говоряшь, существуетъ со временъ Геркулеса, и есть дѣло собственнѣйшѣ трудовъ его, или по крайней мѣрѣ пожертвованіе Аполлону отъ сего великаго человека.

Деліаки (*) и другіе купцы, торгующіе близъ храма животною, приносимыми въ жертву, обступили меня. Я съ негодованіемъ отогналъ ихъ отъ себя: „Прочь!“ — сказалъ я имъ, возвысивъ голосъ, чтобъ всему изумленному народу было слышно: „пусть отсохнетъ моя рука, прежде нежели обогрится кровію! пусть другіе благочестивые невѣжды умерщвляютъ невинныхъ животныхъ при подножіи олтаря Діанина! Долгъ поклоненія, который я хотѣлъ исполнить предъ великимъ Аполлономъ, не будетъ стоить жизни на его священномъ преножикѣ и одного изъ существъ, коихъ нѣжнымъ отцемъ его почитаютъ. Жертва моя сколько же будетъ чиста, какъ и лучи дневнаго свѣтила. Не думая приносить въ жертву животныхъ, я всегда буду почитать за преступленіе класть на олтарь пѣтуховъ Делосскихъ въ жертву богамъ. Клянусь лирою, священнымъ символомъ сего острова. Делосцы! освѣчайте мнѣ: Церера не есть ли божество равное Аполлону въ величествѣ?“

(*) *Деліаки*, народъ торгующій яйцами, каплунами и живностію.

Въ день торжества ея обогрете ли вы кровію ея жертвенникъ, или жертвенникъ Паллады, *предусмотрительной* богини (*)? Но для васъ довольно принести симъ двумъ божествамъ большой хлѣбъ въ жертву изъ самой лучшей муки, и они всегда благосклонно принимаютъ ваше усердіе. Делосцы! я также поступлю и въ жертвоприношеніи Аполлону. . . Замолкѣ! принеси мнѣ цвѣтѣвъ, плодовъ, муки и ладану. Мудрый Фересидъ научилъ меня нѣкогда такимъ образомъ совершать богамъ жертвоприношеніе.“

„Чужестранецъ! воскликнулъ верховный жрецъ Делоса: какое нечестивое слово вырвалось изъ устъ твоихъ! Не оскверняй сего храма, произнося имя нечестивца, отверженнаго и небомъ и землею. Мы возпрещаемъ самое приближеніе къ симъ мѣстамъ псамъ нечистымъ, которые взаимными знаками любострастной похоти заставили бы краснѣть непорочное божество наше: но присутствіе хулишеля святыни осквернитъ еще болѣе сіе святое мѣсто.“

Пивагоръ. Брось эти мысли, служитель боговъ! Истинное благочестіе

(*) Коей послѣ приписывали *провидѣніе.*

состоитъ въ признательности. Горе неблагодарнымъ, которые попускаютъ потыкать въ недостойномъ презрѣніи мудреца, просвѣтившаго вселенную своими талантами и добродѣтелями. Суевѣрные островитяне! попомство уличитъ васъ въ беззаконіи, помрачающѣмъ все сіяніе торжествъ Делосскихъ. Вы никогда не были неблагодарными, что доказываетъ ваше богочщеніе, которое вы соблюдаете предъ Аполлономъ, вашимъ благодѣтелемъ.

Вольность разговора моего привела въ изумленіе. Я примѣтилъ это и, удвоилъ свою смѣлость: „Жители Делоса! научитесь пользоваться въ полномъ шѣмъ правиломъ, написаннымъ на наружной поверхности храма вашего, которое вы заставляете повторять: — „Для чловѣка нѣтъ ничего драгоценнѣе правосудія.“ . . .

Верховный жрецъ не смѣлъ возражать мнѣ. Присутствующіе пошупали глаза, и всѣ въ великомъ смущеніи разошлись другъ за другомъ, выключая одной старушки, которая, оставшись одна, потчасъ подошла ко мнѣ, и сказала тихимъ голосомъ: „Чужестранецъ! ты

одинъ только осмѣлился говорить такъ настоятельно въ пользу злополучнаго Фересиды. Онъ въ презрѣннѣ у всего острова; и безъ моей слабой помощи, можетъ быть, не существовалъ бы уже болѣе. Это настоящая истина: онъ рѣшительно отказывалъ богамъ въ Гекатомбѣ животныхъ (*), и уже наказанъ слишкомъ жестоко. Можно ли еще чего желать тому человѣку, который сполько претерпѣваетъ?»

Пиѳагоръ. Благородная женщина! препроводи меня въ его жилище. Я непременно хочу быть у него, чтобы отдать долгъ признашельнаго дружества.

Старушка. Онъ ни съ кѣмъ не хочетъ видѣться. Я съ трудомъ могла его уговорить принять мои услуги и убѣжище подъ моею уединенною кровлею.

Разговаривая со мною такимъ образомъ, препровела она меня въ отдаленное мѣсто. Мы вошли, и я подошелъ прямо къ убогой постелѣ, прикрытой доскушками обветшалаго одѣянія.

Пиѳагоръ. Любезный и почтенный Фересидъ! наставникъ мой!

(*) Жертва, состоящая изъ ста воловъ.

„Не приближайся,“ отвѣтствовалъ мнѣ слабый голосъ.

Пиѳагоръ. Узнай ученика твоего. Не уже ли ты не хочешь видѣть Пиѳатора, и слышать его голосъ? —

Фересидъ. Ахъ! это ты. . . . воззри! (Онъ протянулъ мнѣ свою руку, которая, какъ у скелета, вся иссохла.) Лице мое и прочія части тѣла подобны рукѣ моей. Ты во мнѣ видишь жертву мщенія жрецовъ. Преслѣдуемъ жрецами страны опечествленной за тѣ сужденія, которыя тебѣ извѣстны, надѣялся я найти защиту противу ихъ въ Делосѣ; но я не могъ здѣсь пробыть долго въ неизвѣстности. Время великаго торжества приближалось. Я не пошелъ въ храмъ; первосвященникъ примѣтилъ мое отсутствіе, и обвинилъ меня предъ глазами островитянъ. Я не скрывалъ своихъ мыслей о богопочтеніи, какъ наконецъ провозгласили меня богоотступникомъ. Всѣмъ желательно было, чтобы я повторилъ нѣкоторыя слова, произнесенныя мною въ негодованія противу ихъ. „Нѣтъ! сказалъ я однажды, я никогда не пожертвую богамъ кровью и тѣломъ живош-

ныхъ полезныхъ, незлобивыхъ, въ удовлетвореніе кровожадной алчности служителей олушаря Діаны и Аполлона. “ Верховный жрецъ обратился къ ошмщенію, и я непременно долженъ былъ ожидать этого. Онъ призывалъ гнѣвъ боговъ на главу мою, и изрыгалъ ихъ именемъ священныя на меня проклятія. И съ той самой минуты безразсудные островитяне, рабобспивующіе гласу жрецовъ своихъ, немилосердо отказали мнѣ въ сосѣдственной взаимности. Всякой убѣгалъ моей вспрѣчи; никто не хотѣлъ имѣть ни малѣйшаго со мною сообщенія. Я принужденъ былъ себѣ отказывать въ вещахъ, самыхъ необходимыхъ къ моему существованію. И если бы не оставалось еще въ душѣ островитянъ страха раздражить боговъ нарушеніемъ права гостепріимства къ чужестранцу, то бы они повергли меня живаго въ морскую пучину, или отказали бы въ воздухѣ, необходимомъ къ дышанію, если бы только было возможно. Употребленіе огня и воды было уже запрещено мнѣ. Меня довели до крайности пишанья опирательною и вреднѣйшею яшвою. Ядошвор-

ная зараза разлилась въ крови моей, клейкой пошъ выступилъ изъ всѣхъ членовъ. Одержимъ смертельной заразой, продолженіемъ бѣдственной жизни своей обязанъ я слабымъ трудамъ одной женщины, въ коей дряхлая старость не могла охладить чувствій состраданія. Собраніе жрецовъ, умбующихъ воспользо-ваться всякаго рода обстоятельствомъ, шоржесивуешъ, доказывая безъ малѣйшаго труда легковѣрному народу, что ужасное мое положеніе есть явное наказаніе разгнѣваннаго божества сего острова.

Пивагоръ. О мудрый наставникъ мой! не уже ли ты долженъ погибнуть одною смертію со вздорными спихошворцами? Алкманъ и Фересидъ должны ли подвергнуться равной участи?

Фересидъ. Тщешно стараюсь я уврачевать себя, предпринимая жевать дикую мяту; щещинѣ употребляю я полченой чеснокъ съ уксусомъ и селистрой, такъ какъ и рѣдичной сокъ; смерть моя приближается; но, любезный Пивагоръ! я умру гораздо довольнѣе, увидѣвшись съ тобою. И такъ оставь меня, не мѣшай окончить мнѣ бѣдственное существованіе;

никакія предохранительныя пособія не будутъ дѣйствительны. Твои попеченія не подадутъ мнѣ ни малѣйшей помощи, и лишь только принесутъ вредъ моему здоровью. Попекись о собственной твоей жизни въ пользу истинны, которой свѣтилаиикъ я сообщилъ тебѣ.

П и в а г о р ъ. Нѣтъ, я тебя не оставляю, любезный учитель мой! — Мое мѣсто у твоего ложа: я хочу раздѣлить съ сею добродѣтельною женщиною тѣ обязанности, въ коихъ богошеступники отказываютъ талантамъ и мудрости.

Фересидъ завернулся въ свою покрывку. — Я съ великимъ трудомъ могъ убѣдить его къ испытанію всѣхъ пособій врачебной науки для облегченія его спаданій, если бы не могъ я надѣяться на совершенное ихъ уврачеваніе. Наконецъ я нашелъ драгоцѣнное средство, и продолжилъ многими днями остатокъ его жизни, или по крайней мѣрѣ нашелъ средство усладить кончину его; но срокъ насталъ, и рука дружества закрыла глаза его.

Вотъ послѣднія слова Фересиды: „Собери всѣ мои сочиненія, и тѣ избѣ

нихъ выдай въ свѣтъ, которыя найдешь того достойными. Чужь касаясь до меня, я не всѣми ими равно доволенъ; я много еще не открывалъ въ нихъ, много писалъ загадками. . . .“

Верховный жрецъ покушался возбуждать противу меня народъ во множествѣ; но тщетно: мои попеченія о Фересидѣ при послѣднихъ дняхъ жизни его и послѣ самой смерти совершенно всѣхъ обезоруживали. Я перенесъ тѣло его на Сиросъ, и препоручилъ смотрѣніе сей самой женщинѣ, которая предупредила меня своимъ о немъ попеченіемъ, и не допустила до крайней нужды его старость. Исполнивъ сей благочестивый долгъ, я возвратился въ Кропону чрезъ три мѣсяца моего отсутствія.

Въ печальномъ смущеніи оставялъ я Делосъ, какъ вдругъ попадается мнѣ Віонъ, Кадмовъ Исторіографъ; онъ только вышелъ на берегъ, и хотѣлъ видѣться съ Фересидомъ, чтобы утѣшить его. Но я остановилъ его и сказалъ: „Ты поздно уже прибылъ; уже нѣтъ болѣе великаго человека! осталось одно только воспоминаніе о его мудрости и о тоненіяхъ, которыя она навлекла на него. При

бавь къ Исторіи новую Главу въ память сего великаго извѣ Мужей — въ память Фересиды. "

XXXI.

*Возвращеніе Пифагора въ Кронону.
Политическое состояніе и нравы
сего города.*

Мнѣ пришло на мысль не вдругъ вступить въ мою Школу и между прочимъ развѣдать, что произвело въ ней мое отсутствіе; почему я и остановился въ томъ гротѣ, въ которомъ находился предъ первымъ вступленіемъ моимъ во владѣнія Крононы. Замолкъ пошелъ тайно къ моему семейству и къ друзьямъ моимъ съ извѣстіемъ о моемъ прибытіи. За нѣсколько дней предъ тѣмъ, какъ я остановился недалеко отъ Крононы, не желая прямо вступить въ него, встрѣчается со мною Милонъ, запыхавшись отъ поспѣшности; солнце тогда было на половинѣ пути своего. „Наставникъ мой! сказалъ онъ мнѣ, присутствіе твое ни-

когда не было столько нужно для моихъ соотечественниковъ, какъ теперь; страшное правосудіе уже готово совершиться въ предѣлахъ нашихъ. Ты однимъ словомъ можешь спасти жизнь пяти сотъ семействъ. Вошъ что случилось: предъ твоимъ отбѣздомъ увѣдомляли тебя о внутреннемъ возмущеніи, возникшемъ между Сибаритами, собственнымъ нашимъ народомъ; но теперь уже оно возрасло до высочайшей степени. Надмѣнный и злокозненный духъ Фелиса, который всегда удерживалъ за собою первое мѣсто въ правительствѣ, управляя симъ возмущеніемъ, не встрѣчая ни малѣйшаго себѣ сопротивленія. Чтобы совершенно разположить къ себѣ довѣренность всего народа, приговорилъ наконецъ сослать въ ссылку пятьсотъ семействъ, и отобравши отъ нихъ всю ихъ собственность, вознаградилъ ею множество народа, которое уже провозглашаетъ его своимъ благотворителемъ. Всѣ сіи изгнанники нынѣ поутру прибѣжали въ Кронону, и собравшись на главной площади, обнимали олтари наши, и совершенно препоручали себя покровительству нашихъ боговъ. При видѣ

его первое движеніе Кротонцевъ было достойно уроковъ, тобою имъ преподанныхъ; они обѣщали пособіе и защиту несчастнымъ изгнанникамъ; но почти въ сіе же самое время является полномочный Посолъ отъ Фелиса съ объявленіемъ войны, какъ скоро мы настоятельно вознамѣримся удержатъ подъ своею защитою, въ стѣнахъ своихъ, семейства преступныхъ. Сей нечаянный случай уже поколебалъ народъ, усрашенный угрозами Сибаритянина, и Сенатъ, нарочно собранный, кажется, раздѣляетъ нечаянный страхъ сей, и въ сію минушу уже не пожертвовали ли, можетъ быть, они правомъ гостепріимства общественной, какъ говорятъ, безопасности. Я прибѣжалъ къ тебѣ, Учитель мой, надѣясь убѣдить тебя къ поспѣшнѣйшему вступленію въ Кротону, и чтобы ты, воспользовавшись симъ случаемъ, ознаменовалъ успѣхи Школы твоей великимъ дѣломъ премудрости.“

Пизагоръ. Милочъ! возвратись на главную площадь, и постарайся продолжи въ нервшимости совѣтъ Сенама до самаго наступленія ночи. Тогда ожидай моего прибытія. . . Ступай. . . Но вы-

слушай еще. . . Надѣнь на себя всѣ доспѣхи Теркулесовы, и будь въ готовності служить мнѣ при случаѣ пособіемъ.

Какъ только смерклося, то и отправился я въ путь. Окруженъ прежними учениками моими, съ возженными въ рукахъ факелами, инопчасъ являюсь я къ городскимъ воротамъ. Молочъ, такъ какъ мы заранѣе условились, идетъ предомною: львиная кожа простиралась съ головы его по всему шуловищу; перевязь его была унижена всѣми шѣми вѣнками, пожатыми имъ на Пизанскихъ играхъ; въ лѣвой рукѣ его былъ пламенбюшій факелъ, а въ правой увѣсистая булава, которою онъ около себя помахивалъ.

Печальное путешествіе мое въ Делосъ ослабило мое здоровье; судя по блѣдности лица моего и по безсилію членовъ, надобно было думать, что я сходилъ въ царство Плутона, чтобы выхлопотать возвращеніе отшуда Фересида.

При видѣ насъ всеобщія восклицанія повторялись ежеминушно: „Пизагоръ возвращается изъ преисподнихъ! Посмотрите, вошъ онъ! Боги снова послали его къ намъ присутствовать въ нашемъ

совѣтъ! . . . Сенаторы! прекратите споры ваши, и не дерзайте сдѣлать никакого опредѣленія, не выслушавъ прежде Пигагора, который есть душа боговъ и челоуѣковъ!“

Народъ давалъ намъ дорогу, и мы прошли въ самую средину окружности, занимаемой Сенапомъ. Посолъ Фелиса требовалъ скорѣйшаго отвѣта, и опцы изгнанныхъ семействъ въ мучительномъ безпокойствѣ ожидали рѣшенія судьбы своей. Мы указали мѣсто между верховными Правителями, и младшій изъ нихъ уступилъ намъ свой стулъ. Милонъ не отходилъ отъ меня, и стоялъ за мною во все сіе явленіе съ своею булавою и факеломъ. Абарисъ, Харонъ, Залевъ и Замолкъ стояли на ступеняхъ предъ своимъ Учителемъ. Я, не показывая ни малѣйшаго желанія узнать обстоятельство, по глубокомъ молчаніи, началъ такимъ образомъ:

„Такъ, народъ Кротонскій! я читалъ на мѣдныхъ доскахъ, сохраняемыхъ въ Делосѣ, описаніе положенія Елисейскихъ полей, и возымѣлъ неслыханное желаніе сотовариществовать одному славнѣйшему изъ наставниковъ моихъ, ко-

порый въ моихъ объятіяхъ испустилъ духъ жизни; и я бы остался навсегда съ великимъ Фересидомъ, если бы слухъ о нечаянности, которая васъ беспокоитъ, не достигъ и до насъ. „Возвратись на землю! потчасъ сказалъ мнѣ мудрецъ Сциросскій, предостереги отъ поспыднаго беззаконія потъ городъ, который ты избралъ послѣднимъ для себя отечествомъ. Закъ, Миносъ и Радамантъ уполномочиваютъ тебя говорить все предъ новыми твоими соотечественниками.“

„Кротонцы! хотя бы и могло что-нибудь съ вами случиться, будьте всегда справедливы, заслуживайте всегда честь избранія въ свидѣтели законовъ и правосудія. Гомеръ наказанъ въ шарпартъ за то, что клятвопреступленіе почиталъ дѣломъ, предначертаннымъ въ судьбахъ боговъ. Пятьсотъ семействъ Сибаритскихъ изгнаны изъ отечественнаго города, и ихъ имущество содѣляется народною собственностію. Прилично ли такимъ образомъ уравнивать бѣдность съ богатствомъ? Семейства ограбленныя и лишенныя пристанища обратили слезящійся взоръ къ Кротонъ,

требую пристанища и нужного пропитанія, и надѣясь съ совершенною увѣренностію получитьь первыя пособія гостепріимства. Виновникъ ихъ бѣдствія опять ихъ требуетъ, и безъ сомнѣнія за тѣмъ, чтобъ наказатъ ихъ неповиновеніе, прошивъ котораго они погрѣшили чрезъ несогласіе на голодную смерть на тѣхъ берегахъ, гдѣ хищничество угрожало ихъ наслѣдію.“

„Кротонцы! вамъ грозятъ войною въ случаѣ упорства въ вашемъ челоулюбіи и въ вѣрности къ обязательствамъ: и такъ пускай возгорится война. — Милонъ! сынъ Діотимовъ, Эакъ, Радамантъ и Миносъ препоручаютъ тебѣ въ личности распорядженіе сей войны и казнь Фелиса, котораго давно бы уже не было въ живыхъ, если бы Геркулесъ, котораго ты подобіе теперь на себѣ имѣешь, снова путешествовалъ по симъ владѣніямъ.“

„Кротонцы! не уже ли забыли вы, что моровая язва и продолжительные внутренніе раздоры были вамъ наказаніемъ за то, что лишили вы жизни пятьдесятъ юныхъ гражданъ, которые обвиняли подножіе Минервиной статуи во

время грабительства, производимаго въ городъ Сирисъ?“

„Народъ Кротонскій! ты, котораго карусель столько прославила, будь хорошимъ бойцемъ; но не нападай ни на кого; не ищи нигдѣ защиты и въ то время, когда самъ пострадаешь отъ нападенія; но защищай тѣхъ, которые повергаются въ твое нѣдро, какъ въ безопасное пристанище.“

„Кротонцы! не дерзайте полагать славы своей въ грабежъ и разореніи городовъ смежныхъ; но старайтесь собственнй свой городъ содѣлать мѣстомъ свободы, открытымъ во всякое время всѣмъ угнетеннымъ людямъ, прибѣгающимъ къ вамъ со всѣхъ трехъ частей свѣта.“

„Кротонцы! вы не отдадите пятьсотъ семействъ, которыя избрали васъ своими защитниками, въ руки ихъ непріятелей. Сибаритяне хотятъ взять ихъ вооруженною рукою. Подъ предводительствомъ Фелиса они прибѣгутъ сюда сражаться съ вами. Милонъ, повелѣвая вами, разсѣетъ сіе нечестивое скопище. Вы будете побѣдителями, и сіе достохвальное дѣло изгладитъ тотъ стыдъ,

который навлекло на главу вашу послѣднее сраженіе ваше съ Локріанцами.“

„Посоль Фелиса и Сибаритянъ! извѣсти ихъ, что они могутъ выступить въ походъ; ихъ ожидаютъ здѣсь боги, мстители неправосудія, и Кропонцы, покровители угнетенной невинности.“

Я замолчалъ. Раздались одни только восклицанія: война! — война! —

Но я перехватилъ: „Кропонцы! я общалъ вамъ побѣду; но не невозможно и проиграть ее. — Если бы это и опредѣлено вамъ было, то я все присовѣбую вамъ воевать. Поносная жизнь ничего не стоитъ предъ славною смертію. — Кропонцы! еще одно слово: продолжая быть первымъ народомъ относи-тельно къ карусели, берегитесь содѣлаться послѣднимъ въ правосудіи и благородномъ состраданіи.“

Я не могъ продолжать далѣе. —

„Война! — война!“ — раздалось со всѣхъ сторонъ.

Возлюбленные ученики мои! остальное вамъ извѣстно.

Кропона едва ли имѣла третью долю тѣхъ силъ, которыя ей противуполагали Сибаритяне. Она, въ продолженіи

двухъ мѣсяцовъ войны, была доведена до ослабленія и совершеннаго изнуренія силъ. Сей походъ начался весьма щастливо. Милонъ, предводительствуя Кропонскою арміею, лишь только успѣлъ выйти изъ города, какъ поспѣлъ Елеенъ Каллій, гадатель Фелисовъ, бѣжитъ къ нему на встрѣчу съ сими словами: „Храбрые воины! кричалъ онъ къ нашимъ, спускайте со всею увѣренностію; внутренность закланыхъ жертвъ не предвѣщаетъ ничего благопріятнаго для Сибаритянъ; но поелику они не внимаютъ моему гласу, и рѣшительно идутъ на свою погибель, то я хочу присоединиться къ тѣмъ, которыхъ по видимому сами боги руководствуютъ къ побѣдѣ.“

Послѣднее дѣйствіе, которымъ кончилась сія кампанія въ пользу Кропона, совершилось посредствомъ нѣкоторой хитрости. Можно бы было утвердить рѣшительно, что при всякомъ случаѣ въ жизни хитрость и предразсудки гораздо сильнѣе дѣйствуютъ, нежели благоразуміе и храбрость. Чтобы поскорѣе рѣшить успѣхъ войны, въ продолженіи которой каждая минута медленности стоила бы великаго пролитія крови, я рѣ-

шился сообщить втайнѣ Милону, которому было назначено предводительствовать надъ полками, о нѣкоторомъ обстоятельстве, пришедшемъ мнѣ на мысль. У Сибаритянъ, сказалъ я ему, есть въ обыкновеніи обучать танцамъ лошадей своихъ. Какъ скоро сблизятся между собою двѣ противоборствующія арміи, то ты вели своимъ трубамъ на голосъ, извѣстный симъ обученнымъ и послушнымъ четверногимъ. Едва дойдетъ до ушей ихъ сей звукъ, какъ тотчасъ и начнутъ онѣ оплываться одна предъ другою въ танцевальномъ искусствѣ, повторяя показанные имъ уроки; онѣ тотчасъ станутъ на дыбы, и всадникамъ останется только указывать своимъ лошадямъ въ танцевальныхъ маневрахъ. Въ одно мгновеніе распространится безпорядокъ во всей Сибаритской конницѣ, и Кронона останется побѣдителемъ.

Милонъ согласился на слова мои: онъ воспользовался сею военною хитростію съ особеннымъ благоразуміемъ и точностію; успѣхъ сраженія увѣнчалъ славою Крононцевъ, но вмѣстѣ привлекъ за собою и ужасныя послѣдствія. Кро-

вопролитіе было сильное съ обѣихъ сторонъ; но отступленіе Сибаритянъ столь было стремительно, что уже ни повелительный голосъ Герольда, ни полномочіе самаго Полководца ни мало были недѣйствительны.

Я принужденъ былъ показаться на полѣ кровопролитной брани и закричать побѣдителямъ: „Крононцы! уважьте же и невинныхъ дѣвѣ и дѣтей побѣжденнаго вами непріятеля! Права истиннаго Героя не простираются до позволеннаго. Не забудьте Аіакса, сына Оилеи, пораженнаго перуномъ за то, что онъ обезчестилъ Кассандру.“

Внезапное мое присутствіе наложило узду на многочисленную толпу народа, приведенную въ безпорядокъ.

Главная причина сихъ военныхъ движеній содѣлалась первѣйшею жертвою поносной смерти; Оелисъ съ своими соумышленниками былъ умерщвленъ тою самою толпою народною, которой слабую легковѣрность столь удачно усилъ оболгать онъ. Тщешно прибѣгали они къ олтарямъ; богошворимые идолы плавали въ крови ихъ; сія нечестивая кровь разлилась рѣкою внутри храмовъ, содѣлав-

шихся ихъ гробомъ; ибо послѣ и двери и окна были въ нихъ закладены: столько то мало чернь наблюдаетъ умьренность во мщеніи, равно какъ и въ ласкательствѣ! Ужасный урокъ, который и на другихъ не болѣе сего подѣйствуетъ! —

Сей случай принесъ болѣе чести и выгодъ самой Крононѣ, нежели нашей Школѣ; но я спыжусь, объясняясь предъ вами такимъ образомъ. Ненависть, отъ которой мы безирестанно во всѣхъ случаяхъ спраждемъ, не упустишь этого случая, и помѣстивъ меня въ числѣ наемныхъ хвастуновъ, съ копылемъ, на публичной площади. Для меня казалось бы гораздо безплоднѣе рѣшить глубокія и запутанныя правила Геометріи, нежели разсудить безпристрастно, позволительно ли для Философа надѣвъ иногда на себя платье, свойственное шарлашану; вымыслить несбыточное путешествіе въ царство Плутона; представить въ посредники Эака, Миноса и Радаманта; свидѣтельствовать Геркулесомъ и Фересидомъ; окружить себя факелами, и наконецъ представиться блѣдыми и изнуреннымъ. . . . Все это досшойно сожалѣнія,

И потомство, содѣлавшись оптолоскомъ ревнивыхъ моихъ современниковъ, спанетъ, можетъ быть, жестоко упрекать меня. Я могъ бы однимъ словомъ оправдать себя: я произвелъ въ дѣйство доброе намѣреніе, и совершенный успѣхъ увѣнчалъ его; но знаю, что сего и для васъ и для меня еще не довольно. Впрочемъ я скажу только то, что мудрецъ, который не водится подобными планами, долженъ запереться въ своемъ домѣ, и, проспо сказать, законопачить себя; и я бы торжественно уступилъ ему честь просвѣщать народъ однимъ свѣтомъ разума. Но если бы я водился однимъ его свѣтильникомъ, то что бы изъ того вышло? Кронона возвратила бы своимъ непріятелямъ пять сотъ несчастныхъ семействъ, которыя, можетъ быть, были бы умерщвлены въ жертву богамъ; или, блуждая еще нѣсколько времени, они бы наконецъ нашли народъ благородный и могущественный, и война все бы была неизбежна. Сибаритяне принудили бы Крононцевъ соединиться съ ними къ нападенію, или чтобы самимъ защищаться; и сей городъ рано или поздно подвергся бы непременно такому же жребію, какъ и

теперь его сосѣдственный. — Безчестіе и разореніе были бы теперь его удебломъ.

Я не обманываюсь въ сихъ заключеніяхъ, льстящихъ и самолюбію и должности человѣческа.

Наконецъ возвратился я въ свою Школу, общавшись внутренно никогда не оставлять ее; но такая скромность навлекла на меня новыя укоризны. Я примѣтилъ, какія ненависть выводила изъ сего свои заключенія: „Бываютъ минуты, говорила она, когда Пиагоръ имѣетъ слабость гордиться; но гордость его не слишкомъ сильна и непродолжительна. Та блистательная роль, которую удачно игралъ онъ въ продолженіе одного дня, произвела тайную ненависть въ Сенаторахъ, принужденныхъ иногда блѣднѣть предъ лицомъ его; и теперь онъ хочетъ укрываться, опасаясь помрачить могущественныхъ непріятелей, имѣющихъ сильный голосъ въ Государствѣ. Онъ отдастъ злодѣяннѣ на волю являться въ отвратительномъ видѣ на томъ театрѣ, гдѣ одинъ только разъ представилъ онъ шоржество добродѣтели.“

Я былъ нечувствителенъ къ симъ колкимъ упрекамъ, и холодный взглядъ на все окружающее утвердилъ меня въ моемъ намѣреніи.

Возлюбленные ученики мои! на что теперь намъ обратить свои взоры? Народъ и Сенатъ, вотъ два главные предмета; начнемъ съ послѣдняго. Какое почтенное сословіе! сколько оно достойноствъ, которымъ обязано своимъ выборомъ! Изъ тысячи сихъ головъ сколько выберется здравомыслящихъ? Я не пребую, чтобы тысячи сихъ Сенаторовъ имѣли всѣ обширныя понятія; безъ этого обойтись очень непрудно. Теніи бываютъ нужны въ случаяхъ довольно рѣдкихъ; но опытное сѣденіе о людяхъ, о вещахъ, и непорочная жизнь; но въ которое особенное достоинство души, которымъ бы оцзывались всѣ поступки; но первѣйшія познанія въ правосудіи и равенствѣ; но та общительность въ имуществвахъ, которая влечетъ за собою взаимную довѣренность, кажется, не могутъ почестся излишними, чтобы желать ихъ видѣть въ той особѣ, которая избрана съ общаго согласія служить приѣромъ, и предписывать правила для

другихъ людей. Но Сенатъ Кротонскій совсѣмъ не имѣетъ сихъ принадлежностей. Сии тысяча Сенаторовъ справедливѣе могутъ называться чернью, нежели тѣ миллионы людей, которые ввѣрены ихъ попеченіямъ. Въ деревняхъ пастухъ по существу своему всегда имѣетъ нѣкоторое превосходство предъ своимъ стадомъ; но въ Кротонѣ пастухи съ своими собаками могутъ почестся столь же презрѣнными шварями, какъ и самое стадо скотовъ, отданное имъ подъ стражу. Они водятся страстями самыми низкими, стараются о пустыхъ выгодахъ, питаются въ себѣ предразсудки самыя глупыя; да и могло ли быть иначе? При какихъ находились они мѣстахъ предъ вступленіемъ въ святилище Фемиды? Одни были жрецами Геркулеса, или Приапа, и пресыщались жертвеннымъ лакомствомъ; другіе, подлую свою породу производя отъ какого-нибудь мѣстнаго полубога, нелѣпо по существу баснею о немъ повѣствуемата, взираютъ на прочихъ съ надмѣнностію и небреженіемъ. Но сии еще превосходнѣе — они, назидая общее зло, основывали собственное возвышеніе на разореніи себѣ подобныхъ.

А тѣ, бросивъ соху, которую сами посрамили, разживались безчестнымъ барышническимъ, и въ самомъ нѣдрѣ изобилія водворяли нищету и убожество. Одни, будучи ревностными сынами Беллоны, вмѣсто того, чтобы достойно нести на себѣ имя Героя, ограничивали всѣ свои познанія искусствомъ убивать людей; другіе, совсѣмъ не имѣя своихъ идей, извѣстны были по однимъ только патетскимъ копіямъ съ Гомеровыхъ Поэмъ, въ которыхъ совсѣмъ и не помышляли о вкусѣ, и имѣли въ виду только то, чтобы прославиться на щетъ Генія великаго человѣка. Есть также между ими и такого рода, которые, отказавшись отъ стариннаго Авгурскаго ремесла своего, чтобы только быть допущенными къ трибуну, но продолжая лицебритъ и въ семъ званіи, прикрываютъ какъ бы нѣкоторую таинственность подъ длинной своей епанчею, чтобы укрыться отъ взора Философа, или чтобы имъ казаться въ глазахъ безразсудной черни. Ихъ почитаютъ глубокомысленными, попому что всѣ ихъ рѣшенія темны, невразумительны; ихъ почитаютъ мудрецами, между тѣмъ какъ они только

одарены способностію разсуждать, и всегда тѣ же Аугуры подѣ Сенаторской маншіей. Таковѣ - по по большой части бываетѣ выборѣ народа къ понесенію священной обязанности законодателя; и шакѣ - по легко посрамляется самѣ наиблизательнѣйшій въ Государствѣ! Сіе имя, которое должно произноситься съ почтеніемѣ, достойнымѣ божества, дано почти безѣ всякаго различія гражда-намѣ, которые сами сего добивались, и вопѣ какѣ наконецѣ всутьѣ они на себѣ сіе достоинство, первѣйшее какѣ по сво-ей важности, шакѣ и по отношенію къ способностямѣ!

Сіе шѣло, состоящее изѣ толкаго числа вредныхѣ членовѣ, раздѣляется на разныя секты. Одна провозглашаетѣ *верховную власть* въ полномочіи одного только лица, чшобы послѣ приобрѣсти всю благосклонность, ползая у ногѣ его; другая защищаетѣ *демократію*, чшобы послѣ владычествовать надѣ народомѣ, обольщая его. Сіа превозноситѣ свободу, надѣясь искоренить всѣ прошивоборствующія стороны, и именемѣ вельности деспотически повелѣвать всѣми; а ша идетѣ прошиву независимости, утверждая, чшобы она совсѣмѣ не сшво-

рена для народа, потому чшобы сіа сторона смѣло надѣется на лучшіе успѣхи отѣ рабства, нежели отѣ анархіи. — Естлижѣ и есть между многими нѣкоторые благонамѣренныя Сенаторы, спшющіе почтенія по образу своихѣ похваль-ныхѣ сужденій; то ихѣ безсиліе, или лучше сказать ничтожество уподобляетѣ ихѣ *лсалз*, которые умѣютѣ только огрызаться со спшадомѣ, и лизать руку у свирѣпаго пастуха.

Какой успѣхѣ получили Кропонцы, переходя попеременно къ различному образу правленія прежде нашего прибытія въ сію страну? Развратившись гораздо болѣе Сибаритянѣ, они были настоящими звѣрями; они долго повиновались одному владыкѣ, который въ короткое время успѣлъ сдѣлать изѣ нихѣ все, что хотѣлъ; онѣ продавалѣ, обмѣнивалѣ, шригѣ, обдиралѣ и умерщвлялѣ свой двуногій скотѣ, не помышляя ни кому отдавать отчеза въ дѣлахѣ своихѣ, кромѣ боговѣ; а жрецы, сіи пристрастные посредники между богами и Царями, безѣ малѣйшаго шруда примиряли ихѣ съ божествомѣ; народѣ платилѣ собственностію за сіе посредничество.

Возвращаясь къ самому себѣ по какимъ-то постороннимъ побужденіямъ, всѣмъ того и не понимая, городъ Кропона какъ больной, одержимый продолжительными припадками, избавясь отъ оныхъ, получаетъ болѣзнь еще мучительнѣйшую. Онъ одного образа правленія онъ переходитъ ко всѣмъ, или лучше сказать ко многимъ, не примѣчая того, что такимъ образомъ пробѣгаетъ онъ гибельный кругъ, и безпрестанно возвращается на то мѣсто, откуда началъ свое стремленіе; ибо правленіе многихъ все еще основано на полномочіи одного владыки. Самый наименѣе способнѣйшій изъ среды начальниковъ безъ малѣйшаго труда пріобрѣтаетъ болѣе или менѣе видную власть надъ умами сильныхъ своихъ сотоварищей; но такъ какъ все, что ни дѣлается, добро ли то или зло, дѣлается отъ имени всѣхъ, то уже все и становится позволительнымъ, законнымъ; чрезвычайная во всемъ мѣра уже обращается въ привычку. Впрочемъ ни на комъ взыскашь сего не возможно; еслили народъ много претерпѣваетъ, то причиною этому собственное его желаніе; онъ самъ имѣетъ сильный голосъ. Ему стоить только по-

казаться и объявить свое желаніе, то первый ручей крови, который струится предъ его глазами, и не возвращается уже къ своему источнику, чтобъ остановиться бѣгъ свой, чрезъ нѣсколько дней содѣлается уже стремительнымъ потокомъ. Когда мы только прибыли въ Кропону, то всѣ публичныя площади были еще обогреты кровію. Я спросилъ тогда: „Граждане! кто изъ вашихъ непріятелей испустилъ здѣсь кровь свою, которой струя вижу?“

Они мнѣ отвѣтствовали съ видомъ столь же спокойнымъ, съ каковымъ взирали и на сіи кровавыя капли: „Эта кровь принадлежитъ намъ. Одна половина города умертвила другую.“

Пи а г о р ъ. И такъ вы обуревались внутреннею войною? —

К р о п о н е ц ъ. Не въ полномъ смыслѣ; потому что смерть владычествовала на одномъ только эшафотѣ.

Пи а г о р ъ. И вы позволили ей сіи ужасы?

К р о п о н е ц ъ. Вины за это верховную власть — почтенный Сенатъ нашъ.

Пи а г о р ъ. Но достойные Сенаторы укажутъ мнѣ на васъ. Уличай,

скажутъ они мнѣ, народъ, въ отношеніи къ коему мы ничто другое, какъ пвари; они почти согласны съ законами Дракона, смотрѣть, не говоря ни слова, безъ малѣйшаго участія, на сіе кровопролитное позорище. . . Граждане! теперь, когда зрѣніе ваше очищено, безъ сомнѣнія вы не смѣете обратиться даже и на самихъ себя.

Кротонецъ. А почему? — Намъ не занимаетъ сіе воспоминаніе; при томъ же зло неозвратно. Оно долго не возобновится, потому что мы рѣшились уже опаздывать далѣе въ такой силѣ и важности предметамъ проблематическимъ; есть нѣчто болѣе вещественное: это удовольствіе. Мы начинаемъ думать, что Сибаритяне есть народъ все еще премудрѣйшій изъ всѣхъ на землѣ; и что гораздо лучше приносить жертвы Бахусу и Граціамъ надъ гробомъ предковъ нашихъ, нежели, отворивъ его, подавлять ихъ новыми жертвами. Но вотъ наше положеніе: мы оставляемъ нашимъ Сенаторамъ на волю дѣйствовать, такъ какъ и прежде позволяли избираться въ Короли. Но бури политическія всегда почти бывають сшоль же трудны

къ утишенію, какъ и бури въ Природѣ. Прежде всего надобно жить, и стараться находить услажденіе въ жизни; а остальное мы отдаемъ на произволъ богамъ.

Возлюбленные ученики мои! послѣ тѣхъ внезапныхъ переменъ, которыхъ подробное повѣствованіе слишкомъ дорого для меня стоило, чтобъ, возвратившись сюда, возбудить вниманіе къ словамъ моимъ, — Кротона сдѣлалась опять тѣмъ же, чѣмъ и была, — скопищемъ гражданъ, преисполненныхъ льстиваго лицемерія, безъ малѣйшаго понятія о общезиши, и управляемыхъ Сенаторами, которые показываютъ злодѣянія въ меньшемъ количествѣ, нежели ихъ предшественники; потому что сіи послѣдніе рождены гораздо съ меньшою способностію дѣятельности, и народъ съ большимъ удовольствіемъ, нежели когда-нибудь, благоговѣть предъ законами, исходящими изъ устъ сихъ достопочтенныхъ особъ. Непостоянство въ ихъ правилахъ, разногласіе въ законахъ, соблазнительный примѣръ и поведеніе ихъ, въ личности взятое, для умовъ совсѣмъ было нечувствительное; и имъ все возможно

было дѣлать безъ малѣйшаго взысканія. Одного только наказанія они не могли избѣгнутьъ; оно состояло въ нѣсколькихъ выговорахъ, болѣе или менѣе колкихъ; но особеннаго рода латы, защищая ихъ, дѣлали совсѣмъ нечувствительными; да и самыя угрызенія совѣсти едва ли могли пронизать сквозь сей панцырь. Управляющіе и управляемые, взаимно пренебрегая другъ друга, хотя и равно оправдывались; они какъ будто сдѣлали тайный заговоръ между собою идти другъ противъ друга. Одни говорятъ: *дѣлайте изъ насъ, что вы хотите*. Другіе повсюду говорятъ: *говорите объ насъ, что вамъ угодно*. Граждане живутъ между собою такъ, какъ бы совсѣмъ не имѣли предписанныхъ законовъ, и уступаютъ развѣ однимъ только правамъ необходимости. Сенатъ и Правительство, чтобъ удержанъ себя на своемъ мѣстѣ, отвращаютъ взоры свои отъ всѣхъ пороковъ, а между тѣмъ и не наказываютъ ихъ; и сіе имъ доволъ будетъ невозможно, доколѣ сами будутъ оставаться первыми соумышленниками въ злодѣянιάхъ. Жрецы нѣсколько уже вышли изъ довѣренности; однакожь довольно еще сохранили ее къ тому, чтобъ

удержать за собою благосклонность со стороны полководцевъ. Женщины также усилились въ правахъ своихъ; пагубная роскошь и прелести любви содѣлались ихъ божествами. Поединщики прославились болѣе, нежели когда-нибудь. — Кротонцы, нѣсколько образованные, соединивши вмѣстѣ всѣ свои мнѣнія, могли бы составить такую массу, которая бы удобна была взвѣсить и оцѣнить всѣ причудливыя бредни Правительства и заблужденія Сената. Сіе высокое занятіе казалось для нихъ гораздо болѣе труднымъ, нежели сколько оно было выгодно относительно къ ихъ небольшимъ наслажденіямъ. Но они о томъ совсѣмъ и не старались, и Начальство очень дорого покупало такое молчаніе. Подобно Молоскамъ (Эпирскимъ собакамъ), которыхъ похитители скотовъ легко усыпляютъ, они обласкали и подкупили сихъ ученыхъ людей; давали имъ во владѣніе великолѣпныя палаты, гдѣ сіи послѣдніе пріятныя часы занятій убивали пустыми и постыдными изысканіями. Большая часть изъ нихъ, желая заслужить двойную плату, добровольно беретъ на себя трудъ о истребленіи демо-

кратическихъ цѣпей, въ которыхъ народъ усыпленъ былъ; а посему сей классъ гражданъ, который самъ по себѣ могъ бы спасти и разумъ и свободу (1), содѣлался наконецъ презрѣнной кастой, и найдостойнѣйшій сего презрѣнія.

Въ такомъ - то состояніи нашелъ я сей городъ по моемъ возвращеніи изъ Делоса; и не лзя не повѣрить словамъ моимъ, потому что онъ и теперь еще не поправился. Наше учрежденіе приносило пользу только въ частности; однакожь послѣ произшествія, случившагося съ Сибаритянами, я содѣлался такимъ лицомъ, въ которомъ всѣ стороны искали своего защитника. Сенаторы, худо понимая меня, предлагали мнѣ мѣсто посреди своего сословія, и сія благосклонность тѣмъ болѣе была притворная, что они симъ исполняли только общую волю народа. Они думали, что на это было

(1) Сіе изображеніе политическихъ нравовъ города Крононы было начертано послѣ безчестныхъ поступковъ съ Писагдромъ со стороны гражданъ и ихъ начальства. См. Jamb. XXXV. Diog. Laër. VIII. Acad. inscript. Томъ. XLV въ. 4.

вмѣстѣ и мое желаніе; они и не могли примѣтить того сильнаго пренебреженія, съ которымъ взиралъ я на сихъ особъ, и на ихъ достоинство, котораго не способенъ носить чловѣкъ благородный, считающій самаго себя.

Впрочемъ признаюсь, что я некогда наслаждался удовольствіемъ мщенія подобномъ успѣховъ той роли, которую воображалъ я взять на себя. Хорошо, если правители какого нибудь народа, напыщенные своимъ всемогуществомъ, знаютъ, что Философъ, котораго и самое воспоминаніе стараются они испребитъ изъ памяти, имѣетъ въ рукахъ оружіе особенной, такъ сказать, закалки, имѣе еще неизвѣстной; хорошо, когда они знаютъ, что если Философъ оставитъ ихъ спокойно пользоваться верховною своею властію, — то это потому только, что онъ толпу народную не находитъ достойною имѣть надъ собою прозорливѣйшихъ начальниковъ. Не есть необходимо, чтобы сражемъ свинаго стада былъ Ороей, или Эпименидъ. Сіи Сенаторы, носящіе на себѣ первѣйшія обязанности въ назиданіи общественнаго блага, не преминули также предлагать мнѣ

въ жилище свои великолѣпныя палаты, и принуждали составить съ учениками моими Кропонскій *Палладіумъ*; они настоятельно призывали меня, безъ сомнѣнія удерживая за собою собственное право, въ свое сословіе, и налагали на меня имена нераздѣльныя съ уваженіемъ отъ всего народа и его приверженностію, которой, они думали, особенно искалъ я. Они бы опдали большую мнѣ справедливоспъ, еспьли бы могли прочитати мою душу. Сильная страсть къ владычеству, которое они провозглашаютъ общенародно, желая замѣнить имъ недостатокъ общей довѣренности, недостатокъ способностей ума и душевныхъ качествъ, — въ глазахъ моихъ еспъ самый слабый изъ всѣхъ гнездящихся въ нихъ пороковъ. Сіи люди безъ малѣйшей искры благородства души измѣряли меня своею высокостію. Классъ людей Ученыхъ въ Кропонѣ, по примѣру своихъ покровителей, также говорилъ мнѣ: „По крайней мѣрѣ ты не откажешься присутствовать иногда между нами.“ — Я почти выходилъ изъ терпѣнія отъ сихъ притворныхъ приглашеній, которыя по видимому приносили мнѣ безчестіе, касаясь до сообщенія съ сими людьми.

Народъ много разъ собирался толпами предъ храмомъ Музъ, желая меня видѣть и говорить со мною. Я приказывалъ произносить имъ въ отвѣтъ, что цѣною гостепріимства, которое они мнѣ оказали, образъ мыслей моихъ ни мало не ослабитъ обыкновенной строгости отъ безпрестанныхъ ихъ требованій, и что они совсѣмъ меня не увидятъ. Вамъ извѣстно, любезные ученики мои, сдержалъ ли я свое слово.

Мое совершенное уединеніе, кажется, должно было обезоруживать моихъ ненавистниковъ. Отказавшись отъ почестей, я имѣлъ право надѣяться, что принужу своихъ непріятелей прекратить различнаго образа тоненія, изобрѣшенныя противу меня. Но это не помогло ни мало; они безпрестанно ухищряются въ своихъ умыслахъ, которые никогда не будутъ умысломъ Пенедопинымъ. Во ожиданіи окончанія сихъ козней, воспользуемся настоящимъ. Я хочу запечатлѣть жизнь мою показаніемъ *сущности истиннаго ученія*, которая служитъ основаніемъ тѣхъ правилъ, изустно мною вамъ преподаваемыхъ съ тѣмъ, чтобъ вы сообщали ихъ смежнымъ съ нами наро-

дамъ. Перствъ Гарпократовъ не долженъ уже болѣе налагать молчаніе на уста мои. Юные друзья! размышляйте въ молчаніи о послѣднихъ словахъ моихъ (1).

XXXII.

Главныя начала Пифагоровой системы.

Слово *Богъ* на различныхъ языкахъ всѣхъ народовъ доколѣ останется наибильнѣйшимъ въ своемъ значеніи, доколѣ способность умствовать сохранится въ людяхъ; потому что Богъ есть все (2). Богъ есть одинъ; потому что другаго Его и быть не можетъ.

Богъ есть Существо неудобозвѣстное; разсуждая о Немъ, всѣ слова останутся слабы и недостаточны. Му-

(1) *O juvenes! tacita colite haec pia sacra quiete.*

Говорилъ Пифагоръ къ ученикамъ своимъ въ заглавіи одного своего сочиненія. *Encycl. Method. Philosophie des Juifs.*

(2) *Deus meus et omnia.* См. стр. 122. въ *Pythagoras Steph. Rhoderici.*

рецъ не говоритъ о Богѣ; для него довольно начертать на песокъ единицу — вотъ Богъ его. Единица, умноженная въ самой себѣ, составляетъ цѣлость чиселъ (1); равно и Богъ, помножась самимъ Собою (2), составляетъ все, — слѣдовательно *все* есть Богъ.

И такъ Богъ необходимъ для вселенной, равно какъ и единица для чиселъ (3). Единица есть все, относительно къ числамъ (4); числа всѣ происходятъ отъ единицы.

Богъ есть Существо, относительное ко всему. *Adod* (5), одно только имя, которое Ему прилично, одно только сіе слово можетъ опредѣлить Его.

(1) *Numerus est multitudo unitatum.* Евклидъ Пифагореецъ.

(2) Никомахъ называлъ сіе *Богословіей Ариемелической.*

(3) Еслили самое большое число будетъ десятокъ, между нѣмъ какъ ближайшее, изъ котораго произошелъ онъ, есть девятое: то Богъ все останется единицею. *Посл. Афенагор. пер. Арнодомъ Ферье. 1577.*

(4) Пифагоръ признавалъ Бога не внѣ, но въ самомъ мірѣ; и сей догматъ одобряетъ Св. Юстинъ муч. *Ист. Крилт. Филос. Десланда. II. 39.*

(5) *Adod* означаетъ единого. *Макроб. I. 18.*

Единица есть одно число, число полное, совершенное, неразделимое, и которое заключаетъ въ себѣ цѣлостъ.

Богъ есть Существо единое, полное, совершенное. — Чтобы опредѣлить Бога, Мудрецъ пишетъ точку. Богъ рождаетъ міръ, такъ какъ точка рождаетъ четвероугольникъ. Четвероугольникъ есть ничто другое, какъ повторяемая, или продолженная точка.

Богъ, единица и точка, суть три вещи, составляющія одно и то же.

Все, что ни есть, существуетъ по числу, въсу и мѣрѣ, или гармоніи; а по сему — то *порядокъ* и *Богъ* суть два выраженія, совершенно сходныя между собою.

И такъ, если васъ спрашиваютъ: въ чемъ состоитъ здравіе? Говорите: въ *гармоніи*.

А добродѣтель? — Въ гармоніи.

Красота? — Въ гармоніи.

Доброта? — Въ гармоніи.

Что есть Богъ? — Также гармонія.

Гармонія есть душа вселенной.

Богъ есть единъ; Онъ не существуетъ, какъ нѣкоторые мыслятъ, внѣ міра, но въ самомъ мірѣ, и притомъ весь и

во всемъ. Въ Немъ образуются всѣ существа, подобно Ему безсмертныя; ихъ произведенія суть дѣла рукъ Его. — Богъ есть душа всѣхъ вещей.

Богъ существуетъ во вселенной, а вселенная существуетъ чрезъ Бога. — Міръ и Богъ составляютъ одно.

Червь рабоблестивуетъ предъ Юпитеромъ и его блистательными превращеніями; она думаетъ, что и Мудрецъ не можетъ простираться далѣе сего въ своихъ сужденіяхъ.

Богъ есть вмѣстилище душъ нашихъ (1).

Не станемъ повторять съ Иудеями (*), что *Одинъ сотворилъ все*; скажемъ лучше, что *все заключается въ Одно*. Скажемъ еще, что человекъ, сей опломокъ великой Единицы, слабѣнъ и непостояненъ въ существѣ своемъ. Одна только великая Единица неизмѣняема.

Если васъ спрашиваютъ: какое изъ всѣхъ познаній человѣческихъ есть

(1) Пифагоръ полагалъ, что Богъ есть Духъ, разлитый во всѣхъ вещахъ въ Природѣ, отъ Котораго произвели и наши души. *Montaigne, essais. II.*

(*) Пифагоръ зналъ *книги Бытія*.

лучшее? Говорите, что это есть познание чисел; потому что оно есть самое справедливое, справедливѣе, нежели познание тѣлъ. Тѣла преобразуются. Мы разсуждаемъ объ нихъ, оканчиваемъ свое разсужденіе, и они уже становящіяся со-всѣмъ не тѣ, каковыми казались въ его началѣ. Напротивъ того числа не перемѣняются и въ самой вѣчности. Оставимъ Финикіянамъ торговля выкладки; обратимся къ высокимъ заключеніямъ о священномъ познаніи чиселъ. — Воздадимъ родъ нѣкотораго поклоненія *тепверугольнику* и великой *Единицѣ*, его производящей, чтобъ чрезъ сіе довести народъ до того, дабы онъ нѣкогда позналъ Природу, и познавалъ одну только ту (1), отъ которой произтекаютъ стихійныя силы, кои умъ человѣческій, въ свою пользу, раздѣливъ на четверо.

(1) Пифагоръ зналъ сіе высокое начало Физики, по которому сполько прославилось въ наши времена. Сіе начало заключаетъ въ себѣ то, что матерія есть единственна въ самой себѣ; но различіе въ сложеніи сихъ часпицъ составляетъ то, что называютъ *стихіями*. Jouriv. Sav.

Возлюбленные ученики мои! естли насъ спросятъ, почему у жителей Аравіи, Ассиріи, Халдеи, Египта, Греціи, Персіи, Лидіи и Эпруріи Лидійской колоніи и пр. и пр. имя Бѣгъ состоитъ только изъ четырехъ литеръ? Мы скажемъ: потому, что сіе слово заключаетъ въ себѣ главныя свойства Природы.

Впрочемъ, пакъ какъ еще полпа народная не допущена мною къ таинствамъ, то станемъ объяснять различныя свойства нашихъ посланій, по которымъ надписывается въ нихъ слово: *душа вселенныя и боги* (1). Первое выраженіе привлекаетъ къ себѣ все вниманіе, въ которомъ должно сомнѣваться касательно послѣдняго.

Естли васъ спросятъ: что есть Природа? Скажите, что она есть источникъ, который никогда не останавливается въ пути своемъ.

(1) По примѣру Пифагора, Платонъ писалъ къ Діонисію, Королю Сицилійскому: „Въ письмахъ моихъ къ тебѣ рекомендабельныхъ, въ которыхъ неперпѣливо ожидалъ я успѣха, начерпываю въ началѣ слово *Богъ*; но въ которыхъ сердце мое ни малѣйшаго не пріемлетъ участія, всегда найдешь *пять* слово *боги*.“

Естьли же спросятъ: что есть Природа, или Богъ? — то скажите: кругъ, котораго центръ вездѣ; но который границъ нигдѣ не имѣетъ (*).

Что есть Богъ? — Природа.

Что есть Природа? — Богъ.

Природа и Богъ составляютъ одно и то же, и образуютъ собою одно только цѣлое.

Богъ опять есть Природа, только взятая въ совокупности. Природа есть то, чего не льзя видѣть въ Богѣ. — Богъ есть то, что можно содержать въ Природѣ. — Богъ есть жизнь, душа Природы; Природа есть тѣло Бога. Чтobb имѣть точное познаніе о Богѣ (1), старайся ближе познавать Природу.

Спрашивается: что есть Вселенная? Должно ошвѣтсшвовать: Богъ; а Богъ? — Вселенная.

(*) Сіе высокое опредѣленіе приписываютъ также и Тимею, ученику Пифагорову; но онъ заимсшвовалъ его отъ своего Учителья.

(1) *Pythagoras, quem quasi magistrum suum Philosophia ipsa suscepit, de natura Dei sic locutus est: „ Animus per omnes mundi partes commans atque diffusus, ex quo omnia, quae nascuntur animalia, vitam capiunt. Salvianus de Providentia. I. 4.*

Прибавьте еще, что Вселенная и Богъ суть одно и то же, и составляютъ все. Нѣтъ соединенія совершеннѣе того, которое находится между Природою и Богомъ; естьли бы Имъ и возможно было хотя на минушу разлучиться, то Они уже вѣрно бы навсегда сущесшвовать перестали.

Душа и тѣло, которыя не могутъ быть одно безъ другаго, представляють живое изображеніе Природы и Бога, такъ какъ и сами отъ нихъ же происпекаютъ.

Спрашивается опять: Что есть Богъ? Единое цѣлое, въ которомъ содержаща всѣ сущесшва.

Что есть Богъ? — Порядокъ, по коему вселенная сущесшвуетъ и сохраняется въ такомъ положеніи, какъ мы ее видимъ.

Что есть Богъ? — Богъ есть хаосъ, совокупившійся въ одно цѣлое, въ видимость.

Что есть Богъ? — Все, что есть лучшее и совершеннѣйшее (1).

(1) Пифагоръ очень сходно изображаетъ истинну; онъ полагаетъ, что понятіе о сей первой причинѣ, о Сущесшвѣ сущесшвъ, должно быть неограниченно, и

Естьли кто предлагаетъ вамъ сей вопросъ возвышеннымъ голосомъ, то отвѣчайте однимъ только выразительнымъ знакомъ молчанія (*). — Когда невѣжда дерзнетъ еще спросить васъ, то удалитесь.

Хотите ли вы уподобиться богамъ? — Умѣйте, подобно имъ, быть молчаливыми (1).

Естьли спросятъ васъ: имѣетъ ли Бога Мудрецъ? То отвѣчайте, что Богъ Мудраго собственный его Гений!

Естьли спросятъ: что суть боги? — Это . всѣ существа, васъ превышающія. Солнце и прочія свѣтила, Мудрецы и благодѣлательные люди суть боги.

Гдѣ Богъ находится? — Вездѣ и нигдѣ.

Естьли же и опять спросятъ: кто Онъ? — Опять скажите, что Богъ есть душа всѣхъ тѣлъ, душа вселенная (2).

неизъяснимо; Оно есть не иное что, какъ верхняя пружина нашего воображенія, ведущая къ совершенству чрезъ разпространеніе сего понятія по способностямъ каждаго. *Montaigne, essais. II. 12.*

(*) Поднеси указательный палецъ ко рту.

(1) Царь Давидъ псаломствуетъ въ одномъ изъ Псалмовъ своихъ: *Te d'cet filentium, Deus.*

(2) Пифагоръ полагаетъ, что Богъ есть душа, разлиная по всѣмъ существамъ въ

Боги суть части Природы; а Богъ есть сама Природа, великое животное, животное - все.

Виноградникъ представляетъ Бахуса съ виноградною вѣтвю. Изъ чегожъ Мудрецъ составляетъ Божество свое? Онъ заимствуетъ Бога изъ всей Природы. И шакъ что же есть Богъ? — Для Мудреца, Богъ есть разумъ; для народа Богъ есть все то, чѣмъ хотятъ Его сдѣлать (1) стихотворцы и жрецы.

Естьли же самъ народъ спроситъ, что есть Богъ? — Мы будемъ отвѣтствовать ему шакъ: Богъ есть все, что

Природѣ, и изъ которой извлечены человѣческія души. . . Циц. о существѣ боговъ . . . Изъ сего видѣть можно, что Пифагоръ не понималъ духовности въ собственномъ смыслѣ, и что подъ сего душою, которую раздѣлялъ онъ по всѣмъ существамъ во вселенной, разумѣлъ онъ только то, что находится утонченнѣйшаго и наимнѣйшаго въ матеріи. *Оливель.*

(1) Замѣчаніе изъ *отверстой двери*. Абр. Рожера, стр. 139. въ 4. Диогенъ Лаэртій говоритъ о Пифагорѣ въ его жизни, что онъ, сочиняя одну книгу, началъ такъ: Что касается до боговъ, я не могу понять, есть ли изъ нихъ иѣкоторые, или совсѣмъ нѣтъ.

Часть VI.

К К

ты ни видишь, все, что ни слышишь, все, что ни осязаешь (1). Деньъ Богъ есть солнце, а ночью луна. Богъ есть воздухъ, которымъ ты дышешь; вода, которая тебя прохлаждаетъ; плоды, которыми ты питаешься. Вредя себѣ, ты и Его повреждаешь; сберегая себя, сберегаешь и Бога. Люби Его въ себѣ самомъ, и себя въ Немъ. Богъ есть все.

Всеобщая душа есть игра пружинъ великаго цѣлаго, дѣйствующаго на самаго себя.

Частныя души (2) суть игра частей, составляющихъ цѣлое.

Души, которыя родились вмѣстѣ съ міромъ, до полъ существовать будутъ, доколѣ и Онъ (3). Подобно Ему, онѣ не воспріяли начала, равно не будутъ имѣть и конца.

(1) Можно замѣтить изъ сочиненій Пифагорейцевъ, что Пифагоръ предполагалъ матерію въ вѣчномъ началѣ. *Аббатъ Фуше. Acad. inscript.*

(2) Спиноза былъ Пифагореецъ. *Epist. 29. inter opera posthuma.*

(3) *Pythagoras ipse etiam putavit mundum non habuisse originem.* Спр. 202. въ *Pythagoras Steph. Rodirici.*

Естьли васъ спросятъ: что есть мысль? — то скажите, вмѣстѣ съ однимъ просвѣщеннѣйшимъ Мужемъ въ Египтѣ, что тѣло есть мѣдной сосудъ, который посредствомъ колебанія производитъ звукъ, мысли и рѣчи, ея дщери.

Естьли спросятъ: что мы представляемъ собою по окончаніи жизни нашей? — Отвѣстивуйте: то же что и источникъ, когда онъ перелетя въ ближней рѣкѣ, и рѣка, впадая въ Океанъ, откуда можетъ бытъ получила и начало свое.

Ничто есть слово безгласное. — *Смерть* есть слово несобственное. — *Душа и жизнь* слиты между собою. — *Человѣкъ* и прочія одушевленные существа, хотя бы и не сходствовали съ нимъ, суть малые міры.

Всѣ существа составлены изъ одинакихъ частицъ, но устройство сихъ частицъ не всегда одинаково; оно бываетъ болѣе или менѣе щастливо по извѣстнымъ соотношеніямъ, которыя въ однихъ только послѣдствіяхъ мы примѣчаемъ. Цѣль или совокупность насъ очаровываетъ; а эта цѣль, удерживающая все, есть необходимость, предопредѣленіе. Права сей

необходимости простираются даже на самого Бога (1).

Но остановимся здѣсь, и принаровимъ сѣи начала къ экономіи человѣческой жизни. — Египтяне еще гораздо прежде насъ говорили, что Судьба, въ коей полагали они душу главнѣйшихъ боговъ своихъ, принимаетъ за руку человѣка изъ самой колыбели, и ведетъ его такимъ образомъ до самой двери гроба. И такъ, если все то непременно будетъ, что должно быть, и если Провидѣніе Природы есть ничто другое, какъ Судьба; такъ какое же законы имѣютъ право осуждать на казнь и на эшафоты? такъ на что судьи и сыщики? или, къ чему служатъ заточенія?

Народъ! опними у своего начальства возможность вредить; а вы, верховныя Власти, не угнетайте народъ, но положите только границы симъ рожденнымъ въ злополучной долѣ людямъ, которыя бы удерживали ихъ отъ злотворенія подобнымъ себѣ. Законодатели! истребите слово *казнь*, сѣю синониму

(1) Фалесъ и Пифагоръ покорили Бога предопредѣленію. *Montiagne, essais. II. 12.*

мщенія и несправедливости; водворите на мѣсто ихъ *предусмотрительность* и *воспрещеніе*. Люди! спрашитесь показывать примѣръ жестокости собою; вы должны чувствовать, сколько расположена къ вамъ сама Природа. Будьте увѣрены, что смертоубійца вредитъ болѣе собственнымъ правиламъ, нежели общему порядку. Природа попускаетъ ему влачить преступническую жизнь. Отецъ не имѣетъ причины сломать домъ за то, что кирпичъ, слетѣвшій отъ вѣтра съ его кровли, сыну его далъ смертельную рану въ голову. Будемъ повторять безпрестанно, что злодѣй есть человѣкъ несчастливый отъ природы. Дѣлать добро не болѣе отъ него самого зависитъ, какъ и отъ пьянаго человѣка идти по прямой линіи.

„Но кажется, отъ собственной воли пьянаго зависѣло не быть пьянымъ.“

Щастливое сравненіе: пьяный съ презвымъ различается только тѣмъ, что презвый имѣетъ жажду къ водѣ, а пьяный къ одному только вину. Сѣи неминуемая послѣдствія высокихъ истинъ служатъ главнымъ основаніемъ всякому благонамѣренному законодательству,

коль скоро люди перестанутъ быть народомъ. Пока еще не приближились сія эпоха, постараемся ихъ предуготовить для себя, и наконецъ ими воспользуемся. Философы суть тѣ, которые во всей полнотѣ пользуются своимъ разумомъ, или по крайней мѣрѣ лучше прочихъ. Вотъ побудительная причина и цѣль нашего собранія!

Будемъ снисходительнѣе другъ къ другу; станемъ взирать на наши недостатки, на наши пороки, какъ на нечаянности, заслуживающія сожалѣнія. Если кто судитъ объ насъ съ худой стороны, то мы откроемъ, какой вредъ наноситъ бѣдѣ его зрѣнію, и поищемъ средствъ вылечить его.

Сія система всеобщаго благорасположенія происходитъ прямо отъ необходимости вещей, или отъ того предопредѣленія, которое не только людей, но и самыхъ боговъ обуздываетъ. Поэты, и особенно Гомеръ, исказили сію прекрасную теорію, столь же простую, какъ и сама Природа. Возстановимъ ее, и будемъ расширяться далѣе, нежели сколько возможно въ таинствахъ посвященія. Другіе рабобисвуютъ предъ са-

мымъ началомъ, и симъ довольствуются, не безпокоясь вникать въ послѣдствія. Можетъ быть осмѣиваютъ это тѣ трудъ новопосвященнымъ; и я постараюсь соблюсти свое право. Для чего бы такое обыкновеніе осмѣивалось, еще на долго въ числѣ таинствъ нашей Школы? Чего бы можно было опасаться, позволивъ великому числу народа во всемъ участвовать безъ пустыхъ оплательствъ?

Множество міровъ есть другой пунктъ въ нашемъ ученіи, который мы безпрепятственно можемъ внушить народу, чтобы вылечить въ немъ болѣзненные припадки національнаго эгоизма. Познакомимъ его съ понятіемъ великаго цѣлаго, и скажемъ: „Такъ какъ владѣнія каждого города еще не граничатъ собою пространства цѣлаго шара земнаго: то и земля, на коей люди играютъ первое лицо между существами, не составляетъ еще цѣлой вселенной; весь міръ неизмѣримъ въ своемъ пространствѣ. Самомалѣйшая звѣзда, сверкающая въ лазуревомъ сводѣ, есть такое же солнце, какое и насъ озаряетъ; подобно ему, она служитъ вмѣсто оси

и центра полной планетной системѣ. Вокругъ ее, такъ какъ и около нашего солнца, другіе міры, другіе шары продолжаютъ свое кругообращеніе, и служатъ также позорищемъ блистательныхъ феноменовъ.

Изъ сей теоріи народъ непрѣменно выведетъ сіи послѣдствія: что такой-то городъ, что цѣлая Имперія, что всѣ владѣнія, покоренныя рукою Сезосприса и Кира, занимаютъ собою пространство едва примѣтное въ неизмѣримой цѣпи вещей; что человекъ, самый великій, самый славный, едва ли можетъ быть различенъ въ безчисленномъ множествѣ существъ; что народъ, самый сильный, самый надмѣнный, есть муравей, котораго одна соломинка, несомая въпрямъ, въ состояніи раздавить совершенно; что должно прежде лишиться разсудка, чтобы спорить съ оружіемъ въ рукахъ за нѣсколько стадій земли, или за преимущество, или за одно только шило; что нѣтъ раздѣленія между Монархіей, Республикой и смѣшаннымъ Правленіемъ, коими съ такимъ подобострастіемъ водятся люди въ обществѣ, имѣющъ шу только силу, что

обольщаютъ несчастныхъ честолюбцевъ, а съ ними и чернь, сіе спадо послушныхъ скотовъ; наконецъ, что мгновенныя политическія перемѣны суть не что другое, какъ игра дѣтей неблаговоспитанныхъ.

Множество міровъ, простирающееся до безконечности, также возбуждаетъ въ насъ безпристрастіе и даже родъ нѣкотораго презрѣнія къ общественнымъ должностямъ и достоинствамъ. Безпрестанно воображая неизмѣримость Природы, окружаясь озовсюду великими предметами, и принаровивъ наконецъ самое содержаніе и цѣль нашего ученія къ равно возвышенной точкѣ; когда мы, пріобыкнувъ къ выпренимъ представленіямъ, вдругъ обратимъ свои взоры на то, что вокругъ насъ происходилъ — то какія чувства возродятся тогда въ душѣ нашей, кромѣ жалости или негодованія? Сколь бы всѣ сіи начальники, надушые отличіемъ своихъ достоинствъ, и почитающіе себя первѣйшими въ кругу людей, потому только, что ходящъ по головамъ скотовъ своего спада, сколько бы они показались намъ малыми и недостойными посмѣянія, если бы только

ограничивали себя представлениемъ по-
смѣшища собою!

Естьли существа, населяющія Луну,
имѣютъ гораздо лучшее зрѣніе предъ обита-
телями Земли, и могутъ различать пред-
меты, находящіеся на поверхности пла-
неты нашей: то что они должны по-
мыслить о Даріѣ во всей его славіи и
величествѣ, возсѣдающемъ на алмазномъ
пронѣ? Что они должны сказать объ
сихъ Архонтахъ, объ сихъ Эфорахъ и
Трибунахъ, напыщенныхъ полномочіемъ
своего голоса, на минушу сильного въ цѣ-
ломъ Государствѣ, и однодневнымъ на
нихъ надбѣніемъ отъ всего многочислен-
наго народа? Что должны они думать
о тысячѣ сихъ Сенапоровъ Кротонскихъ,
которые спавятъ себя выше всего чело-
вѣчества, когда одѣваются въ формен-
ное свое платье? — Кротонъ, Аѣины,
Спарта и самый даже Римъ представи-
лись бы имъ, безъ сомнѣнія, вихремъ
атомовъ, самомалѣйшихъ пылинокъ, ко-
торыя легчайшее дыханіе зефира уно-
ситъ и разсѣваетъ во всѣ стороны. И
такъ станемъ заранѣе гордиться тѣмъ,
что отречемъ отъ всего того, къ чему
обязываетъ насъ политика, и посвятимъ

все наше существованіе на ученіе Гис-
пины, на созерцаніе общественнаго по-
рядка. Оплачемъ участь прочихъ лю-
дей, намъ подобныхъ, потому болѣе,
что они хотя и принуждаютъ самихъ
себя, но все однакожь стараются нахо-
дить для себя услажденія выше тѣхъ
блистательныхъ должностей, которыя
несутъ на себѣ; они не могли изобрѣсти
того разстоянія, которое отдѣляетъ
Мудреца, не старающагося о другомъ
пишлѣ, отъ тѣхъ мяшежныхъ существъ,
отъ тѣхъ гнусныхъ насѣкомыхъ, ко-
торыя роятся подъ пурпуромъ въ кру-
ту челоуѣческаго рода. Люди всякаго
состоянія! вы поступаете благо разумно,
избѣгая связи съ Философомъ, который
не хочетъ быть ничемъ.

Смертные слабые и суешные! не за-
будьте о двухъ перстахъ, изображенныхъ
на гробницѣ Сарданапала. Подлинно всѣ
дѣла челоуѣческія не болѣе значатъ,
какъ и щелчокъ, произведенный двумя
перстами.

Возлюбленные ученики мои! догматъ
о преселеніи душъ, или перерожденіи,
можетъ служить для насъ эгидою, какъ
къ безопасенію самихъ насъ, такъ равно

и надежнымъ средствомъ къ тому, чтобы возбудить въ людяхъ тѣ чувства, которыя наиболее способствуютъ къ ихъ счастью.

Преселеніе душъ (1) есть первѣйшая изъ естественныхъ истинъ и наибольшая въ послѣдствіяхъ. На ней основана вся великая система существъ (2). Преемственное прехожденіе душъ въ различныя тѣла образуетъ ту цѣпь, которую мы называемъ всеобщей душою; или, чтобы изъясниться съ большею точностію, составныя части тѣлъ, находясь въ безпрестанной игрѣ, заключая въ себѣ тѣ же самыя свойства, которыхъ начальный узелъ представляется намъ въ великой душѣ всею міра, вѣчно перемѣняются свои виды, и превра-

---

(1) Платонова система преселенія душъ предполагаетъ оныя несправедливости, еслили будутъ въ презрѣніи у тѣхъ, которые не довольно имѣютъ разсудка, чтобы проникнуть въ причины, коими оныя бывають движимы. — *Дидероль*.

(2) Платонъ, избѣгая безпредѣльнаго числа въ произведеніяхъ существъ, упоминалъ о преселеніи и ихъ перерожденіи. — Алф. Костадавъ, *разсуд. о призн.* Том. I.

щаются одна въ другую по непремѣннымъ законамъ необходимости. Человѣкъ, добрый нынѣшнимъ у шромъ, ввечеру можетъ содѣлаться злодѣемъ (*). — Одинъ и тотъ же лучъ солнца способствуетъ созрѣвать питательной пшеницѣ и опять ее умерщвляетъ. Одни и тѣ же соки подвержены перемѣнамъ самымъ противнымъ. Элементы, которые составляли лицо Фалариды и Туллія, расположенные съ нѣкоторой слабой перемѣной, могутъ произвести другаго Антигона, другаго Януса. Я, Платонъ, который подѣ этимъ именемъ всегда предсказалъ при видѣ убійственнаго оружія, вознесеннаго на пораженіе несмысленнаго животнаго, самъ же, можетъ быть, жаждаль человеческой крови во время Троянской осады, подѣ видомъ Греческаго воина. Вѣршая подвижность въ составныхъ частяхъ матеріи и безпредѣльное число сдѣланий и перемѣнъ, возможныхъ ихъ сложенію, одни могутъ дать довольною причину всѣмъ противо-

---

(*). Мы перемѣняемъ свой вкусъ, свои наклонности и свойства не только каждыя семь лѣтъ, но еще каждыя 7 дней, и даже каждыя 7 часовъ.

положностямъ, содержащимся въ Природѣ вещей, и всѣмъ непостояннымъ явленіямъ въ состояніи человѣка. Но въ то же самое время сей человѣческой образъ содѣлывается уже однимъ изъ тѣхъ безчисленныхъ, которые должны принимать на себя тѣла стихійныя. Изъ сего слѣдуетъ, что человѣкъ, такъ какъ и всѣ прочія существа одушевленные, даже и тѣ, которыя совсѣмъ и не казались быть такими, могутъ попеременно дѣлаться всѣмъ тѣмъ, что только мысль почитаетъ возможнымъ, и при томъ не оказывая себя ни больше, ни меньше несправедливымъ и виновнымъ подъ однимъ видомъ, какъ и подъ другимъ. Выборъ вида не зависитъ отъ нашей воли, равно какъ и самое поведение при ономъ. Воинъ подъ тяжкимъ вооруженіемъ не можетъ быть столько же легокъ, какъ и птица, покрывая пончаящимъ пухомъ.

Рожденіе человѣка, такъ какъ и самая смерть, есть не что другое, какъ переходъ души. Воспитаніе есть то же самое, только въ другомъ родѣ; и даже товарищескіе совѣты могутъ почестъся началомъ онаго. Все въ Природѣ основа-

но на преселеніи, такъ какъ и въ обществѣ; во чревѣ матерней, такъ какъ и въ Школѣ Мудрецовъ. Люди, и такъ уже ограниченные чрезъ окружающіе ихъ предметы, умѣряются еще взаимно между собою. Не лзя утверждать про себя рѣшительно, что я былъ храбрый Ахиллесъ и мудрый Несторъ; но намъ позволительно только сказать: „Я могъ быть храбрымъ Ахиллесомъ и мудрымъ Несторомъ, или я могу имъ сдѣлаться. Я составленъ изъ однихъ съ ними частицъ. Существо мое подобно ихъ существу, потому что оно есть такая же частица, отдѣленная отъ того Существа единственнаго, которое есть все.“

Конечно мы будемъ радоваться, коль скоро удастся намъ преселеніе щастливое и почтенное. Но и въ противномъ случаѣ не должны опчаяваться ни о самихъ себѣ, ни о себѣ подобныхъ, потому что мы всѣ призваны на то, чтобы играть попеременно роли всякаго рода.

Познаніе чиселъ, служащее ко всему; особенно можетъ быть приспособлено къ теоріи преселенія. Вѣчная преемственность вещей, и непостоянство самой

матеріи (1) весьма сходственно представляется намъ въ перемѣщеніи количества числъ, которые сами по себѣ ничего изъ себя не представляютъ. Они при одной только перемѣнѣ приставочныхъ чиселъ приобрѣтаютъ болѣе или менѣе важности. Изъ сего выходитъ, что тотъ же самый характеръ, по различію мѣста имъ занимаемаго, получаетъ способность какъ бы отъ сего же самаго мѣста, представлять собою много, или совсѣмъ ничего. Сей законъ падаетъ также на тѣла одушевленные, и на всѣ тѣ, которыя составляютъ цѣлую, нераздѣлимую массу. Тѣ же самыя составныя части, которыя послужили къ образованію божественнаго Гомера, могутъ также служить и къ произведенію извѣстнаго долтоухаго изъ числа четвероногихъ.

Сей шаръ и все, въ немъ содержащееся, можно бы было сравнить съ сосудомъ, употребляемымъ при избраніи къ объявленію голосовъ, наполненнымъ чисельными знаками, на которые безпрестанно бы дѣйствовала рука необходимости При-

(1) Пифагоръ утверждалъ, что всякая матерія есть текуча и непостоянна. Montaigne, *essais*. II. 12.

роды, рука Судьбы, и смѣшивали ихъ между собою въ такомъ безпорядкѣ, какой только вообразить возможно.

Предъ чернью всего этого объяснить не должно; вотъ какъ надобно исполковать ей догматъ преселенія: „О вы, граждане всѣхъ состояній! вы умрете въ одномъ только тѣлѣ, и то не навсегда; не одну сію жизнь вамъ пройти надлежитъ; вы и такъ уже жили, прежде нежели родились, и еще будете жить послѣ своей кончины. Труды, которые вы теперь сносите; безъ сомнѣнія служатъ однимъ только возмездіемъ за прощупки, учиненные вами въ предыдущемъ состояніи, которое уже теперь совсѣмъ искоренилось изъ вашей памяти. И если вы попустите себѣ новыя злодѣянія, то знайте, что за нихъ не получите прощенія по своей кончинѣ. Вы оставите сію жизнь для того только, чтобъ вступить въ другую, и подвергнуться необходимому своему приговору. Фаларидъ, хотя уже и наказанный въ адскомъ быкъ собственнаго его изобрѣтенія, подвергся еще новымъ мученіямъ по прохожденіи въ новое тѣло. Душа его, можетъ быть, заключена теперь въ

какомъ нибудь быкъ, котораго ножь священнослужителя при подножии олшаря поражать долженъ. А можетъ быть, сообразно съ учениемъ Ганга, онъ содѣлался коршуномъ. Семирамида, которая при жизни своей издала законъ, называть ее голубицей, подверглась самому странному превращенію, согласному съ ея пристрастіемъ къ кровопролитію и своевольству; и можетъ быть ее-то и умерщвляете вы теперь подъ видомъ кровожадной куницы, или волчицы, пресыщающейся человѣческимъ мясомъ.“

Непостоянный и лицебрный судія превратится когда нибудь въ одну изъ тѣхъ собакъ, которыя грызаются на бѣдняка, а къ богачу ласкаются.

Скажемъ горделивцу: „Твоя душа соединится съ составомъ каплуна Самоскаго, назначеннаго къ столу обжорливаго Деспота.“

Напротивъ того честный мущина и дѣломудренная женщина получаютъ себѣ справедливое мздовоздаяніе чрезъ сіе преселеніе души. Когда разговоры мои премудры, то во мнѣ возраждается Орфей; одинъ съ нимъ духъ теперь во мнѣ дѣйствуетъ.

Возлюбленные ученики мои! догматъ перерожденія многократно способствовалъ мнѣ отвратить народъ отъ умерщвленія животныхъ, и убѣдить его не питаться ихъ мясомъ (*). Ахъ! возможно ли было ему сохранить въ себѣ чувство челоѣчества? Онъ не могъ сдѣлать ни одного шагу въ странѣ своей, чтобъ не пролить обильныхъ источниковъ крови. Преддверіе храмовъ его и всѣ переходы усыпаны были трепещущими членами животныхъ. Невинный агнецъ съ своею матерью и юная пелица падаютъ ежечасно подъ ножемъ жертвеннымъ и мясничнымъ. Должно ли дивиться таковой жестокости въ нравахъ, обнаруживающейся внутри городовъ самыхъ образованныхъ, при первомъ смятеніи, при первой искрѣ возмущенія политическаго? И такъ будемъ говорить любовникамъ и супругамъ: „Не умерщвляйте крошкой голубки и унылой горлицы; трепещите,

(*) Народъ еще и теперь можетъ назваться Пиеагорейцемъ, относительно къ догмату преселенія души, которому онъ вѣритъ; онъ ежедневно повторяетъ: „*Что умерщвлялъ сіе животное? Тебѣ неизвѣстно, чѣмъ ты послѣ будешь.*“

помысливъ, что можетъ быть въ гоповитѣ къ столу своему тѣла вѣрныхъ и возлюбленныхъ подруговъ вашихъ. . . Эпакормная телица, которую ты раздробляешь на части, потому что она не приноситъ уже молока тебѣ, можетъ быть собственная мать твоя. Душа твоего друга преселилась въ сіе тѣло, и приняла видъ сего юнаго овна, котораго назначаешь ты къ плугу; не обременяй его свыше силъ, и при старости или изнеможеніи не продавай мяснику: это знакъ неблагодарности; страшись преступать законы дружества. Сердце брата твоего бьется можетъ быть въ тѣлѣ сей вѣрной собаки, которая охраняетъ стада твои; не плати ей излишнею спрогосною за самадѣйшій проступокъ: ты измѣнишь братской должности.“ Сія теорія, принаровленная къ ежедневнымъ упражненіямъ, можетъ служить важнымъ шагомъ для человѣка къ усовершенствованію. Если философія достигла до того, чтобы нужды людей, а особенно потребности жизни, приспособить, какъ можно, къ простѣйшимъ правиламъ, то народъ остался уже въ полной свободѣ просвѣщать себя. Онъ до

сихъ самыхъ поръ едва можетъ найти довольно времени, чтобы посредствомъ работы достать себѣ пищу; народъ воздержный и занимающийся земледѣліемъ непременно долженъ имѣть крошкіе нравы и понятія не столько шупья, какъ у гражданъ такого города, который совершенно предался пагубной роскоши. Есть цѣлыя колоніи, которыя питаются однимъ только молокомъ, и живутъ здорово и долго.

Насѣбы непременно стали укорять въ непрощительномъ эгоизмѣ, если бы мы изъ презрѣнія не обращали взоровъ своихъ на толпу, насѣбъ окружающую. И такъ постараемся заняться эшимъ пунктомъ. Не будемъ философами для однихъ только самихъ себя; но прежде нежели вступимъ народъ во *святѣлище таинствъ разума*, согласится ли онъ подвергнуться необходимымъ испытаніямъ? — Разборъ въ пищу, умѣренность въ упражненіяхъ, снѣихійныя науки, независимость, равенство: вотъ потребности, необходимыя къ тому, чтобы быть допущеннымъ къ чистымъ наслажденіямъ мудрости. Увы! она надолго еще останется удѣломъ меньшаго числа людей.

и загадкою для множества. Лестно достигнуть до того, на что не покушался еще Геркулесъ и самые семь Мудрецовъ. Они дѣйствовали на тирановъ: въ этомъ нѣтъ большой трудности. Укротить Деспота, или совершенно отъ него освободиться, не есть дѣло мудреное; но настроишь народъ противъ тиранніи, и привешь въ состояніе бѣдственное, назидашь самому собственныя выгоды, возродишь внутри его истинное достоинство свободы и способность пользоваться ею во всей полнотѣ, — этотъ пунктъ есть выше силъ человѣческихъ. Теперь вознесемъ, покаместъ предъ лицомъ его зданіе счастья, основанное на разумѣ. Можетъ быть онъ возхоцетъ намъ уподобиться; — чернь, подобно дымящъ, переимчива отъ Природы. — Впрочемъ пребудемъ вѣрными догматамъ нашей Школы.

Философія не есть еще мудрость: Впрочемъ одна ведетъ къ другой. Чѣмъ достойно поклоняться имъ, надобно жизнь вести мирную въ удаленіи, въ неизвѣстности, и въ забвеніи всего того, что

не составляетъ ихъ сущности, каковыхъ вещей находится очень много.

Вмѣшиваясь въ мѣлкя политическя выгоды, въ подробности сего презрѣннаго и ничтожнаго знанія, которое навлекаетъ съ собою поношеніе и злополучіе на родъ человѣческой, не есть дѣло Философа, а еще менѣе Мудреца.

Философъ, и наипаче Мудрецъ, чуждъ всякаго господствованія, какъ верховнаго, такъ и нижшаго; какъ Монархическаго, такъ и народнаго. Ему свойственно властительство, гораздо благороднѣйшее; во внутренности своего Музеума, такъ какъ Прометей въ мастерской своей, но съ успѣхомъ не столько спремительнымъ, онъ превращаетъ въ существенныхъ людей грубыя массы народа.

Знаніе не есть Философія; цѣлая толпа Ученыхъ работаютъ, кропаютъ и потѣютъ на щетъ Философа; они собираютъ и общипываютъ тѣ матеріалы, изъ которыхъ бы онъ хотѣлъ составить цѣлый томъ; онъ любитъ пою важностію, которую они на себя принимаютъ, и скромно позволяетъ имъ помѣститься выше самаго себя; онъ занимаетъ

ся ихъ суетностію, и принимаетъ участіе какъ въ нихъ самихъ, такъ и въ ихъ ребяческихъ предпріятіяхъ.

Опеченство для Философа, такъ какъ и для Мудреца, есть собственное его семейство. Но чтобы найти и другое, онъ ожидаетъ возвращенія первобытнаго равенства. Но и тогда гдѣ найдетъ онъ себѣ подобныхъ, себѣ равныхъ? Не скучаетъ ли онъ среди самаго множества? — Не негодуетъ ли и не гнушается ли онъ въ кругу подлыхъ и злонамбранныхъ путеводинцевъ? Философъ имѣетъ однихъ только согражданъ; у него нѣтъ соотечественниковъ. Голосъ Философа ни мало не сроденъ, подобно гласу народныхъ льстецовъ и ихъ начальниковъ, къ провозглашенію Деспотизма или Анархіи. Гласъ Философа смѣло обличаетъ какъ управляющихъ, такъ и управляемыхъ, когда они къ нему прибѣгнувъ съ твердою увѣренностію на одобреніе отъ него своихъ мерзкихъ поступковъ.

Мудрецъ, то есть существо совершеннѣйшее въ Природѣ (1), не выдаетъ

(1) *Hominis virtus est hominis naturae perfectio.*
Bruck, 1068.

себя за Бога; но онъ не старается искоренять и того лестнаго заблужденія, въ которомъ народъ заключаетъ объ немъ болѣе, нежели о человѣкѣ. Если бы чернь въ его лицѣ находила себѣ равнаго, то бы не внимала назидательнымъ словамъ его. Эпо служитъ къ пользѣ самой истинны, если народъ опредѣляетъ существо Мудреца промежуткомъ отъ земнаго къ небесному.

Впрочемъ Философъ, такъ какъ и Мудрецъ, признаетъ власть законовъ (1); но тогда только, когда они основательны и сообразны съ приличіемъ и благоприспоспосностию.

Философъ не ищетъ ничего ни въ народѣ, ни въ его начальникахъ, ни въ фортунахъ, семъ слѣпомъ идолѣ народа и начальства; Мудрецъ не имѣетъ господина надъ собою (2).

Мудрецъ силенъ безъ посредничества; но силенъ болѣе въ защищеніи, нежели въ нападеніи.

(1) *Legitimo de centique imperio pareat.* Bruc. 1069.
(2) *Sapiens nihil non eorum expectare debet.* Br.
Часть VI. М. М.

Философъ не водится предрасудками народа; онъ не болѣе защищаетъ Демократію, какъ и Монархію; но въ Монархіи ли, въ республиканскомъ ли правленіи, онъ вездѣ является въ своемъ натуральномъ видѣ, вездѣ, гдѣ только встрѣчается онъ истинны, достойныя обнародованія.

Богъ Гомеровъ имѣетъ черныя брови и золотые волосы; но Бога Философа не найдешь въ публичныхъ народныхъ храмахъ. Его Богъ находишь вездѣ, въ немъ и внѣ его; днемъ онъ видитъ его во всемъ, что только освѣщается лучами солнца, а ночью въ каждой блистательной точкѣ эфира. Онъ его видитъ даже и тогда, когда закрываетъ глаза свои. Богъ Философа есть высокая мысль, родившаяся въ его мозгѣ; благородное чувство, почерпнутое въ самой душѣ его. Богъ Философа есть все то, что есть хорошее и доброе.

Природа, въ совокупности — взятая, есть единственное божество Мудреца; народъ напротивъ того имѣетъ столько боговъ, сколько есть частей въ Природѣ.

Однажды предложили мнѣ, съ тѣмъ, чтобы привести меня въ замѣшатель-

ство, слѣдующее: „Пифагоръ! изобрази намъ того Бога, въ котораго ты вѣруешь.“ И я безъ малѣйшаго запинанія отвѣщивалъ: „Богъ мой тѣломъ Своимъ уподобляется свѣту, а душой истиннѣ.“

Небо явственно оказываетъ свои вліянія на землю; а земля хотѣла ему противопоставить, но тщетно; населяя его божествами, она не придала ему болѣе полноты, нежели сколько имѣло оно въ самомъ дѣлѣ. Свѣтила всегда заславляли боговъ блѣднѣть передъ собою. Но постараемся, чтобы народъ сливалъ ихъ воедино, и вмѣсто благочестиваго поклоненія, довольствовался бы одною только грубою Астрономіею.

Не будемъ говорить народу, что Богъ есть *число чиселъ*, или цѣлое, содержащее въ себѣ всѣ части; онъ не пойметъ этого: ему надобны другіе боги.

Скажемъ лучше ему такъ: „За симъ движущимся небомъ находится другое неподвижное, гдѣ Богъ боговъ своихъ присутствуетъ.“ Скажемъ также ему, что каждый смертный имѣетъ въ небесахъ своего Генія; равно какъ и совокупность ихъ имѣетъ своихъ спутниковъ.

Такъ какъ мы теперь имѣемъ нужду въ богахъ для черни, то и должны представить ей Бога въ чертахъ, которыя бы она различить могла. Скажемъ ей, что существо боговъ есть органическое. Скажемъ, что Богъ есть не что другое, какъ небо; луна и солнце суть глаза Его, а прочія части Его состоятъ изъ тверди. Божество, неподлежащее чувствамъ, было бы совсѣмъ невразумительно для народа, который, кромѣ чувствъ, ничего не имѣетъ.

Все то, въ чемъ Философъ не можетъ дать отчета самому себѣ, не можетъ быть для него ни Богомъ, ни закономъ. Онъ имѣетъ нужду въ побудительныхъ причинахъ; какъ для того, чтобы вѣрить, такъ и для того, чтобы повиноваться.

Философъ не согласится добровольно на то нескромное желаніе, которое открываетъ предъ нимъ народъ, касательно новаго законодательства. Древнія глубокия рѣзбы и украшеніе болѣе приличествуютъ тѣмъ людямъ, которыхъ по праву можно именовать чернью. Истинная новая кажется совершенно непонятною

для множества; это красное сукно, которое быка приводитъ въ бѣшенство.

Философы не разсуждаютъ о *Теогоніи* возвышенно на площади и предъ храмами. Если бы они здѣсь говорили, что Богъ есть самая Природа вещей, то бы ихъ внимательно слушали одни только жрецы, а народъ совсѣмъ и не понималъ бы. Мудрецъ любитъ спокойствіе, миръ въ столь кратковременной жизни. — Если бы мы осмѣлились произнести на публичной площади: *Мудрецъ есть божество*, то и жрецы и народъ возопили бы въ одинъ голосъ противу нечестія; между тѣмъ какъ разумъ, опличающій особенно Мудреца, есть въ самомъ дѣлѣ вещь святая, божественная.

Всякой изъ насъ долженъ остерегаться входить въ споръ съ жрецомъ; для насъ довольно сказать ему, коль скоро съ нимъ встрѣчимся: „Я могу обійтись и безъ твоего Бога, какой бы онъ ни былъ, истинной или ложной.“

Но для самихъ себя можемъ прибавить и то, что правленіе боговъ есть время Анархіи и междувременное правительство разума.

И такъ что же суть боги? — Мы будемъ оповѣстствовать, естли только народъ на тотъ разъ не будетъ внимать словамъ нашимъ, что боги суть дѣти, незаконно прижитые Страхомъ съ Необходимостію.

Пускай народъ еще нѣсколько времени думаетъ, что имъ управляетъ Богъ, Который все видитъ, что небо есть великое божество, предъ коимъ прочія свѣтила суть боги нижніе. Чернь можетъ быть ограничена одними только велѣніями. — Пускай народъ, сей вѣрный ополосокъ жрецовъ своихъ, именуемъ Богомъ и Провидѣніемъ Природы то, что мы разумемъ подъ необходимостію вещей и подъ предопредѣленіемъ (1). — Пускай называетъ онъ душою количество безчисленныхъ движеній, которой составные атомы дѣйствуютъ другъ на друга взаимно; и мы вмѣстѣ съ нимъ скажемъ, что артеріи и нервы тѣла суть связи души; а самое тѣло чело-

(1) *Universi causa fatum.* Laërt.
Mundo necessitas circumdata. Plutarch.
Anima numerus se ipsum movens. Plutarch.
plac. phil.

вѣческое, относительно къ ней, представляемъ шпору; скажемъ еще, что всѣ души сообщаются между собою, и что ранить или умертвить живого, значить вмѣстѣ поубійствовать и на человека. — Станемъ часто повпорять ему, что одна и та же душа изъ кроша можетъ преемственно заступить мѣсто и въ кольцо солнцевомъ; что боги суть свѣтила, и что сіи свѣтила, которыя блистаютъ на небѣ, были нѣкогда Мудрецами и просвѣщали землю. Скажемъ несчастливцамъ, принужденнымъ къ легковѣрности, что естли они претерпѣваютъ на семъ земномъ шарѣ, то будутъ гораздо шаспливѣе въ другихъ планетахъ. Скажемъ имъ, что смерть есть не что другое, какъ прехожденіе изъ одной звѣзды въ другую. Скажемъ имъ, что достигши, между знаками Рака и Льва, Бахусовой чаши, они упіются забвеніемъ всѣхъ гореспей. Сатурнова планета откроетъ имъ истинну; Юпитеръ вдохнетъ силу дѣятельности; Марсъ возметъ неуспрашимость проповѣствовать злу; Солнце придастъ ясность зрѣнію; Венера родитъ способность на-

слажденія, а Меркурій готовность выражать мысли.

Прибавимъ вмѣстѣ и то, что каждая вещь на земли, равно какъ и на небѣ, находится въ лучшемъ для нее существованіи. Сіе великое начало опирается ко всему и разпутываетъ для насъ многія установленія, какъ гражданскія, такъ духовныя и Философскія; оно произтекаетъ отъ необходимости, сего закона, обильнѣйшаго въ соотношеніяхъ.

Все въ мірѣ имѣетъ предписанныя себѣ границы, и поддерживается по законамъ необходимаго сдѣленія: персть всемогущаго предопредѣленія предписываетъ на мозгу и въ самомъ сердцѣ человека при его рожденіи все, что должно съ нимъ случиться на пути жизни, до самаго грознаго часа смерти.

Естьли же непременно случится все то, что быть должно, такъ для чегожь приносить въ жертву животныхъ на олтарь боговъ? Для чего умерщвляютъ человечество на полѣ сраженія? — Люди, и самые даже боги, все покорены законамъ великой богини *Адрасти* (*).

(*) Судьба. См. *Федра* Платонова, который весьма часто идеализируетъ.

Для смертныхъ остается одинъ урокъ еще пріятнѣйшій. Ахъ, друзья мои! не ужели только сказать имъ должно: „Оставьте боговъ при собственныхъ правахъ ихъ (1): они ни мало не дѣйствуютъ на существо вещей. Живите спокойно между собою, и, подобно правильному шеченію временъ года, не снрайтесь перемѣнять образа жизни; употребляйте все, что пользуетесь; не употребляйте ничего во зло; бросьте полишику, которая не болѣе дѣйствуетъ на свойства и на страсти человеческія, какъ и богопочтеніе; послушайте съ честолюбцами такъ какъ послушаете со львами; протоняйте ихъ въ пространныя пустыни: будучи сами въ себѣ весьма слабы, они имѣютъ ту только власть, которую имъ позволяютъ; они родятся съ тѣмъ, чтобы мучить самихъ себя; и такъ не допускайте, чтобы они содѣлались мучителями и другихъ людей, людей мира обивыхъ.“

(1) Мудрѣйшіе изъ язычниковъ занимались сею мыслию (что существуютъ боги), потому что они почитали ея способною возбуждать въ народѣ страхъ и почтеніе. — *Жакелотъ, былт. Бож. — Цйцер. о законѣ. II. Часть. VI.*

Нѣпѣ; этого мало: постараемся укоренить сіи плодовиыя начала между народомъ; если они ими и не воспользуются, то мы обратимъ сіе насажденіе въ свою пользу: оно намъ послужитъ съ пользою въ планѣ всеобщей вольности. Вознесемъ, при помощи сей истинны, къ той почкѣ, гдѣ могли бы мы сказать: „Кто желаетъ намъ зла, тотъ по видимому опредѣленъ къ этому; такъ какъ змѣя сотворена къ тому, чтобы уязвлять неосторожнаго путешественника. Будемъ осторожны въ пути нашемъ, и пускай пресмыкающееся животное ищетъ другой себѣ жертвы.“

Сіе насъ руководствуетъ также и къ той великой цѣли, то есть, чтобы жить *съ собою и для самихъ себя*, чего мы никогда не могли бы лучше сдѣлать. Постараемся предостеречь другихъ отъ опасности; впрочемъ такъ, чтобы чрезъ сіе и для самихъ себя не приготовить совершенной гибели.

Важнѣйшее послѣдствіе сей великой истинны состоитъ въ слѣдующемъ: все, что ни есть, можетъ и должно было случиться. Оно руководствуетъ къ познанію *вѣчнаго закона*, высшаго всѣхъ

прочихъ, способнаго служить для нихъ основаніемъ. Возвышаясь надъ всѣми политическими переменами, сей законъ, назидательный для общественнаго порядка, пребудетъ отъ всѣхъ людей, равно какъ и отъ прочихъ существъ, святѣйшаго обща, заключающагося въ томъ, чтобы способствовать къ соблюденію порядка, въ вещахъ существующаго. — Да будутъ прокляты нечестивые возмутители всеобщей гармоніи! Человѣкъ, при самомъ рожденіи, внутренно клянется во всю жизнь свою стараться о сохраненіи естественнаго порядка, ничего не перемѣнять въ немъ и возвращать къ нему всѣхъ тѣхъ, которые уклонились отъ долгаго пути своего. И такъ жрецы, люди сѣнскіе и военные, почти всѣ представляютъ собою клятвопреступниковъ.

Человѣкъ великаго духа, который ежедневно занимается ослабленіемъ и уничтоженіемъ древняго суевѣрія и предрассудковъ, и современниковъ своихъ приближаетъ ежедневно на шагъ къ правленію Природы, — есть Мудрецъ и представляетъ въ лицѣ своемъ изображеніе всего того, чѣмъ должны быть люди.

Возлюбленные ученики мои! злоба захочешь воспользоваться собсвенными словами нашими и скажешь: „Поелику всякая вещь на небѣ и на землѣ существуетъ въ такомъ видѣ, въ какомъ могла и долженствовала быть; и такъ какъ овцы на землѣ, бывъ навсегда покорены власти, управляются пастырами: то изъ сего заключить можно, что Деспоты и невольники существуютъ по законамъ Природы, которая ни раздражается, ни соболѣзнуетъ о ихъ жребіи.“

Мы станемъ отвѣтствовать на сіе: Такъ точно, подобно пресмыкающимся животнымъ и огнедышущимъ горамъ. Самый хаосъ заключаетъ въ себѣ составныя части порядка; злодѣяніе и первѣйшія добродѣтели рождаются отъ ихъ сцѣпленія. — Зло непременно должно существовать. Повторимъ еще: горе существамъ, осужденнымъ на жизнь преступническую! Они непременно должны подвергнуться своему жребію, и нести его безпрекословно до той самой минуты, въ которую предписана ему новая, неожиданная переменна. Злодѣй есть больной, который въ мозгу своемъ иметъ натуральное разположеніе къ болѣзнен-

нымъ припадкамъ. Смерть есть кризисъ, тотъ переломъ болѣзни, коюрой долженъ возвратиться его къ здоровію; а по сему-то также и все во вселенной основано на взаимности. Мудрецъ, человекъ добродѣтельный, человекъ-Геній, не долженъ слишкомъ возноситься состояніемъ здоровья, которымъ онъ наслаждается. Можетъ быть бѣдственное и преступническое существованіе ожидаетъ его за предѣлами гроба. Выборъ жребія не зависитъ отъ нашей воли. Мы переходимъ преимущественно отъ преступления къ добродѣтели, отъ добра къ злу, такъ какъ отъ ночного мрака къ дневному свѣту, отъ смерти къ жизни. Научимся исполнять сіи различныя назначенія безъ репы и безъ суетности. Станемъ попеременно то любить самихъ себя, то соболѣзновать о своей участи. По могущественному всеобщему закону необходимости прикованные нынѣ къ сему самому шару, котораго завтра будемъ спутниками, мы вездѣ должны признавать Высочайшую десницу предопредѣленія.

Сіе ученіе, котораго одни только нравственные послѣдствія должно предсказывать черни, ведетъ насъ прямо

къ *человѣколюбію* (1). Я такъ называю ту общую дружбу, которую желалъ бы поселить во всѣхъ людяхъ, даже и между самыми злодѣями. Такъ! подадимъ мы первые примѣры всему свѣту, примѣры сего общественнаго миролюбія, которое сама Природа сдѣлала закономъ для всѣхъ существъ. Въ ту самую минуту, когда сія добродѣтель *человѣколюбія*, коей законы мы теперь одни соблюдать предпринимаемъ, содѣлается первымъ правиломъ для всего человѣчества: Марсъ переломитъ *человѣкоубійственный мечь* свой; Беллона погаситъ пламенникъ раздоровъ; и они оба опять займутъ мѣсто въ воображеніи Писовъ. Преступленіе и злополучія пятнаются въ совокупности въсырѣбія *человѣческаго на семь шаръ*; но при гласѣ *человѣколюбія* злодѣянія исчезнутъ — Зло, нераздѣлимое съ добромъ, останется только для того, чтобы служить намъ оппѣнкомъ для свѣта. Здѣсь не разумѣю я того, чтобы добрые

---

(1) Мы одолжены Пифагору изобрѣщеніемъ сего слова; онъ первый подаль примѣры того, что подъ сими словами разумѣть должно. *Дасіерьъ.*

и злые согласіемъ и дружелюбіемъ соединились между собою; но что они оставляютъ борьбу, и одинъ ничего не потерпитъ отъ другаго. Они раздѣляются между собою, такъ какъ ночь исчезаетъ при лучахъ солнца: агнецъ удалится въ свое убѣжище, къ доброй матери, между тѣмъ какъ волки ограничатъ себя въ густотѣ лѣсовъ, и будутъ угрызаны другъ друга.

Но чтобы вознаградить строгость великаго начала, которое мы теперь предложили, скажемъ вообще всѣмъ, какъ народу, такъ и его начальникамъ, что *человѣкъ содѣлывается несчастнымъ всегда отъ собственныхъ своихъ погрѣшностей*; и сія другая истина ни мало не противоборствуетъ первой. Что существуетъ, то непременно должно существовать; и такъ зло непременно должно сопутствовать неслогоразумію и недальновидности. Природа опдала намъ на волю послаблять строгость законовъ ея, впрочемъ не совѣмъ ихъ нарушая. Купецъ, алчный къ богатству, совѣмъ не заслуживаетъ сожалѣнія, и самъ не имѣетъ права жаловаться на судьбу свою, когда претерпѣваетъ кораблекру-

шеніе: кто принуждалъ его ославлять опечесивенный берегъ, чтобъ жертвовать надежнымъ неизвѣстному? — „Но, скажетъ онъ, родясь съ большею въ крови быстротою, съ большею пылкостью, нежели Мудрецъ, я не имѣлъ ни малѣйшаго права, ни силъ довольныхъ, чтобъ прошивустоять стремленію сей безпокойной власти, которая довела меня до того, что я, оставя мирный берегъ, препоручилъ себя непостоянству волнъ бурной стихіи.“

Опвѣствованіе на сіе должно такимъ образомъ: „Воспитаніе бы должно было поправить несовершенство своего характера. Но твои родители не умѣли, или не хотѣли исправлять пороковъ твоихъ склонностей; и такъ обвиняй только ихъ, или не говори ни слова.“

И такъ благополучіе зависитъ вообще отъ Природы и отъ самаго человѣка.

Храмъ щастія, къ которому всѣ люди усремляютъ стопы свои, хотя и ложными путями, имѣетъ сильнѣйшаго себѣ непріятели въ *демонѣ* какой-то *собственности*.

Всякій смертный, безъ сомнѣнія, есть владѣлецъ, но только самаго себя,

то есть своей личности, своего нераздѣлимаго, своего Генія, своихъ добродѣтелей; такъ какъ солнце, земля и все, въ нихъ содержащееся, принадлежатъ всему міру. Всѣ политическія невыгоды произтекаютъ отъ собственности общихъ и частныхъ. Если бы мы могли увѣрить народъ въ справедливости и дѣйствительности сихъ двухъ законовъ Природы, которые составляютъ одинъ и тотъ же: *Погитайте все общіе, не имѣйте у себя ничего собственнаго*; то бы дѣло всеобщаго возрожденія было окончано: человѣкъ сохранилъ бы себя добрымъ въ существѣ своемъ; люди перестали бы быть злыми по необходимости, и вмѣстѣ исчезло бы сребролюбіе, тщеславіе, война, различныя злоупотребленія и излишество въ прихотяхъ. Сама Природа была бы вспомоществуема смертными, смертными, совершенно понимающими Природу; и тогда — то все на семь шаговъ содѣлается по истиннѣ законнымъ, необходимымъ.

Но сказать великому народу Египта или Персіи: „Обитатели Нила, Евфрата и Инда! *не имѣйте ничего собственнаго*,” это значило бы, говорить предъ

многочисленнымъ народомъ, такъ какъ и въ пущинахъ. Но старайся произвести въ дѣло сей мудрый размѣръ въ небольшомъ владѣніи: „Крошечцы! *имѣйте все общее*“ — это было бы, навлечь на себя подозрѣніе, представить изъ себя нечувствительнаго. Какое же къ сему средство остается (Философу? Что онъ предприметъ въ такомъ случаѣ, чтобы извлечь и спасти отъ забвенія сію первую истинну, сію первую добродѣтель, основаніе всѣхъ прочихъ, не возбуждивши подозрѣнія противъ ее, и не предупредивъ пища для злобы алчной и ненасытимой?

Я нахожу одно только средство надежное: показать на самомъ дѣлѣ сію высокую теорію, и представить примѣръ ея изъ семейства людей благомыслящихъ.

Тотъ строгій и основательный упрекъ, которой безчестный Періандръ не премануль предложить семи Мудрецамъ, обратившимся при столѣ его, былъ слѣдующій: „Ваши намѣренія прекрасны; но будущи ли они равно и успѣшны? — Возможно ли только произвести ихъ

въ дѣло? Въ этомъ можно сомнѣваться до-толѣ, доколѣ не оправдаешь насъ опытъ.“

Сіи тираны не болѣе опасаются Мудрецовъ, какъ и самыхъ боговъ, потому что превосходныя правила безсильны противустояшь ударами вольнодумства. И такъ обличимъ Деспотовъ, гнушающихся нами, и народъ, насъ пренебрегающій. Да существуешь наконецъ на землѣ свободное и непринужденное сообщеніе между всѣми людьми, такъ какъ у птицъ небесныхъ и у всѣхъ животныхъ, обитающихъ въ водѣ и земноводныхъ. Мы предложили уже правило. Теперь представимъ отчасти нѣкоторый образецъ, и докажемъ остальнымъ членамъ человеческого рода своими нравами, сообразными съ нашимъ ученіемъ, что одно только добровольное отреченіе отъ своихъ обязанностей способствуетъ содѣлать насъ Мудрецами, щастливцами. Народъ, хотя и принимаетъ слова наши, но все еще колеблется. Коль же скоро увидишь, что и поведеніе наше сообразно съ словами, то, можешь быть, цѣлое владѣніе рѣшился съ удовольствіемъ испытать тотъ родъ жизни, который увѣчанъ уже успѣхами во многочисленнѣйшій Школѣ Философовъ.

Но симъ я не достигъ еще того пункта, на которомъ намъ ренъ остановиться. Я хочу продолжать доходить, доколь не достигну той цѣли, которая бы достойна была всѣхъ вмѣстѣ вѣковъ, какъ Олимпійскихъ, такъ Исхмейскихъ и прочихъ.

Коль скоро люди приняли бы за правило, не имѣть у себя ничего лично собственностию, но пользоваться общимъ, такъ какъ всѣ они дышатъ однимъ и тѣмъ же воздухомъ; то имъ стоило бы сдѣлать одинъ только шагъ, чтобы достигнуть наконецъ равенства, матери безцѣннаго мира, добродѣтели и благоденствія. Но я хочу показать на самомъ дѣлѣ пользу сего равенства (1), чтобы оно не оставалось однимъ только закономъ, слѣпо предписаннымъ. Мнѣ не хотѣлось бы, чтобы известные люди могли еще долгое время говорить безпреступственно: „Пускай (Философъ кричитъ необразованной черни, что солнце освѣщаетъ весь міръ; слова его останутся безъ успѣха, и у насъ съ народомъ вѣчно ничего не будетъ общаго, кромѣ одного только солнца.“

(1) *Erga pares non fictam aequabilitatem.* Jambl.

Равенство есть главный предметъ всѣхъ моихъ желаній. Пріятнѣйшею наградою всѣхъ трудовъ моихъ останется сіе священное равенство, которое позволяетъ насаждать намъ правительству, почитая его пріятною химерою, въ самомъ дѣлѣ невозможною. Но безъ сегошо равенства истинно не можетъ быть ни непорочности въ правахъ, ни законной независимости, ни мудрой политики, ни твердыхъ законовъ. Люди всегда достойны другъ друга. Человѣкъ не можетъ быть совершенно подобенъ одинъ другому; но онъ ему равенъ въ строгомъ смыслѣ. Равенство между двумя людьми всегда существуетъ.

Гражданское общество само по себѣ сдѣлало особенные толки, совсѣмъ непримичные симъ великимъ теоремамъ. По сему - то не должно открывать ихъ народу, не сдѣлавши особенныхъ заключеній и нѣкопорого предуготовленія; потому что родъ человѣческой спойнѣ теперь на такой степени, съ которой не можетъ уже распознавать цѣхъ истинъ, которыми онъ пользовался въ первобытномъ состояніи непорочности своихъ правовъ.

Равенство какъ натуральное, такъ и вновь учрежденное, лишилось правъ своихъ въ людяхъ, содѣлавшихся народомъ: они даже ни на одинъ день не въ состояніи соблюсти его и имъ воспользоваться; они не понимаютъ ни прелести, ни цѣны его. Теперь сей образъ правленія можетъ быть терпимъ и позволенъ между тѣми только просвѣщенными и миролюбивыми смертными, которые составляютъ собою средній классъ въ обществѣ, и живутъ безпорочно въ честной умѣренности. Сими — то только, и въ частности нами, возлюбленные ученики мои! принадлежитъ право основать, безъ замедленія, *республику равенства*, и подъ тѣнію сего покровя провозгласишь сообразные ей законы. — Мы всѣ, безъ исключенія, рождены съ такими совершенствами, въ какихъ родъ человѣческой имѣетъ нужду для своего существованія и охраненія: но въ тоже самое время имѣемъ склонность къ злу, равно какъ и способность дѣлать добро. Наши добрыя или худыя качества не совсѣмъ зависятъ отъ насъ самихъ: ими обязуемся мы своему рожденію и потомъ воспитанію, которое получаемъ отъ своихъ родителей. Будучи необходимо мудрыми и

счастливыми при мудромъ чьемъ нибудь управленіи нашими склонностями, мы содѣлаваемся также необходимо злополучными и нечувствительными при противныхъ сему средствахъ. Душа дышитъ есть ничто другое, какъ произхожденіе, или *плодъ* родительскаго *мозга* (*). Если испорченъ самый источникъ, то и пошакъ въ продолженіи своемъ не можетъ быть свѣжимъ и чистымъ.

Предложимъ сперва начало, и потомъ скажемъ: „Каково бы ни было швое назначеніе, не ропщи: въ челоѣкѣ, такъ какъ и въ прочихъ существахъ, не болѣе заключается добраго, какъ и злаго; не болѣе темноты, какъ и свѣта; не болѣе холоднаго, какъ и горячаго; не болѣе сухаго, какъ и влажнаго. *Равенство* есть главный законъ вселенной.“

Это непосредственно слѣдуетъ изъ первыхъ началъ нашихъ, и опять ведетъ насъ къ тому же самому пункту. Я чрезъ сіе разумѣю, что и безпрестанно повторять буду, то всеобщее дружелюбіе, *чувство теловѣчества*, которое для насъ должноствовало бы замѣнить самое

(*) *Une goutte du cerveau*; собственное выраженіе Пифагора.

правосуліе, ту примірную добродѣтель, кошоую вдохнула въ насъ Природа для послабленія строгоспи нѣкошорыхъ правилъ, и чшобы замѣнишь ея хошя нѣсколькo ошсущствіе равенства, въ чемъ ничто кромѣ ея служишь намъ не можешь. Будемъ челоуколюбивы, и мы навсегда останемся справедливыми. Мы не имѣемъ права ожесточаться одинъ противъ другаго; и въ семъ и инстинктъ болѣе дѣйствуетъ на прочихъ животныхъ, нежели разумъ, относительно къ челоуку. Терпѣливый осель переносишь безъ ропота худые поступки своего господина, и кажешся, говоришь: „Для чего рожденъ я съ длинными ушами? Корошкія уши избавляюшь лошадь той шягоспи, кошоую на меня налагаюшь. Должно ли мнѣ негодовать на осоку, чшо она колишь мнѣ ноздри, когда я бмъ ее, шакъ какъ и на челоука неблаговоспишаннаго за то, чшо онъ столь немилосердо заспаиваетъ меня чувствоватъ свое надо мною превосходство? Здѣсь каждый несетъ на себѣ бремя своихъ шягоспей.“

Челоукъ есть такое животное, въ цѣпи всѣхъ прочихъ, кошоое менѣе всѣхъ должно жаловаться. Осель не мо-

жетъ достичъ проворства обезьяны; а обезьяна, занимая въ кругу существъ промежуткъ между инстинктомъ и разумомъ, не можетъ шакже послѣдовать ему въ своихъ поступкахъ. Тѣло челоуческое есть одинъ только *инструментъ*, способный издавать всякаго рода звуки и пробѣгать цѣлую азбуку. Челоукъ способенъ ко всѣмъ родамъ жизни, равно какъ и можетъ переносить всѣ климаты; и сія однакожь его ко всему способность не освобождаетъ его отъ той необходимости вещей, кошою права простираюшся и на все прочее. Но хошя и увлекается онъ стремительностію предопредѣленія, по крайней мѣрѣ, занявшись внимательнѣе самимъ собою, можетъ умѣрять до извѣстной степени непреодолимый рубежъ рока; и это - то особенно надобно намъ внушить народу.

Но сколько должно испытать неудовольствій въ семъ благородномъ предпріятіи! Впрочемъ это не должно насъ останавливать: любовь къ мудрости и истинѣ будетъ единственною нашею страстію. Никакое препятствіе не въ состояніи удержатъ отъ намѣремаго предмета того, кто пишаетъ въ себѣ страсть.

сво. Неблагодарность народную мы не признаем сильнѣйшимъ для себя неприятелемъ: мы имѣемъ въ виду вѣчно жесточайшее всѣхъ гоненій. Ахъ! для насъ ужасно будетъ видѣть томъ день, когда начала наши примутъ другое, недостойное направленіе. Честолюбцы воспользуются нашею теоріею равенства для того, чтобы возбудить народъ къ мгновенному переходу отъ рабства къ Анархii. Другіе истолкуютъ пространство и, въ мечешивую сторону, нашу общипельность всего собственнаго (1); они введутъ беззаконное свяшоташство и въ священныи храмъ непорочности, въ храмъ Гименя.

Но не станемъ дожидаться своего непріятеля; поидемъ съ твердою грудью противъ всѣхъ его ухищреній и сразимъ его, ештли можно, въ самой главной кварширь! Жрецы на служеніи боговъ основали все свое могущество и собственныя выгоды. Низпровергнемъ сіе основаніе,

(1) Между друзьями все должно быть общее. Пифагоръ первый пуспилъ въ свѣтъ сіе правило, и никто точнѣе его самаго не сообразовался съ нимъ. — Замѣч. на Франц. перев. Греческихъ писемъ, Алцифрона.

подозрительное и совершенно гибельное для нравственности; скажемъ народу, прежде нежели онъ соберется въ свои храмы: „Ахъ, друзья мои! куда вы стремились съ такою поспѣшностію? Конечно боги существуютъ; но вы совсѣмъ не понимаете того, что и самими богами разполагаетъ высочайшее предопредѣленіе, которому все повинуется. И пакъ что жъ вы хотите дѣлать? Умилостивлять боговъ, которые, ештли только внимаютъ молитвамъ вашимъ, совсѣмъ не въ состояніи удовлетворить васъ; а хоща бы даже и имѣли право и возможность принять ваши неосновательныя прозьбы, то увѣрены ли вы довольно въ самихъ себѣ, что понимаете въ точности все то, что для васъ потребно, и то, чего недостаемъ вамъ (1)? Понимаете ли вы, что для васъ прилично? И ештли желаніе одного изъ васъ противорѣчитъ желанію другаго; ештли выгоды одного пред-

(1) Иные утверждаютъ, что должны просить боговъ обо всемъ томъ, что сами считаютъ для себя нужнымъ; но Пифагоръ говоритъ, что нѣтъ ни одного чело-вѣка, который бы истинно зналъ, что ему прилично и полезно. — Лаопшъ Ле-ваіеръ; *Oratius Tubero Dial. V.*

полагають разореніе другого: по какимъ образомъ боги ваши, при самомъ легкомъ къ вамъ разположеніи, возмощь сдѣлать то, чтобы въ одно и то же время свѣтило солнце и шелъ дождь на два поля сосѣднія? И такъ скажемъ: познай, народъ, неспособность и неосновательность прошеній, исходящихъ изъ устъ своихъ, или изъ устъ служителя олтарей, водимаго собственными выгодами.“

„Граждане! вы равны между собою, вы также равны и съ тѣми богами, которыхъ помѣщаютъ выше васъ; и надъ вами и надъ ними, для взаимнаго согласія, Судьба въ крѣпкой десницѣ своей держитъ чертѣжъ равенства. Не заботясь о будущности, не разпространяясь въ бесполезныхъ моленіяхъ, пользуйтесь настоящимъ, которое скоро пройдетъ. Любите самихъ себя, и старайтесь собственными силами совершить дѣло общаго счастья, не озабочивая симъ вашихъ суевѣровъ.“

Народъ! познай среди Школы нашей, сколь удобно многимъ соннямъ людей жить въ совершенномъ равенствѣ и счастьи, отдавшись совершенно руководству Природы и совѣтамъ разума; и возвращаясь въ

свое семейство, занимайпесь сею мыслию: „для чегожь многимъ миллионамъ людей не рѣшишься на то, въ чемъ успѣвають сотни имъ подобныхъ?“

Но намъ нужна еще большая осторожность къ избѣжанію типла возмущеній, коего, можетъ быть, будутъ стоить намъ сіи разсужденія со стороны жрецовъ и начальства, которые называютъ всегда нарушеніемъ общаго порядка, и возбуждаютъ всѣхъ противоборствовать, коль скоро дѣло идетъ объ оплущеніи нѣкоторыхъ людей, по ихъ счетамъ, весьма прозорливыхъ. — Не давая вида, что мы занимаемся обществомъ смертныхъ, представимъ предъ ихъ глаза, не говоря ни слова, основаніе сего образа существованія, которое справедливо можетъ похвастаться здоровымъ и безпорочнымъ. Находя насъ, не говорю болѣе, мудрыми, но болѣе ихъ довольными, при самоалѣйшихъ къ тому средствахъ, можетъ быть, они рѣшатся сблизиться съ нами, чтобы внимательнѣе разслушать и точнѣе уразумѣть насъ. — Любопытство заставитъ ихъ сдѣлать первые шаги; духъ подражанія, врожденный человеку, довершитъ оспальное. Однимъ

словомъ, станемъ надбяться всего отъ времени и отъ своихъ хорошихъ примбровъ. Такимъ-то образомъ свойственно Философу содблаться властелиномъ мнбвій и основателемъ секты. Онъ не долженъ шбсниться съ народомъ; народъ самъ долженъ спараться; это его дбло, чтобъ не опустишь ничего, падающаго отъ духовной прапезы Мудрецовъ, какъ какъ дькогда поступали Коринтяне, подъ начальствомъ Періандра. — Но мы сами первые будемъ остерегаться, чтобъ не поработишь себя той легковбрности, которая, можешь быть, прилична только народу; потому что народъ не можешь и не долженъ имбшь у себя ни мысли, ни чувствва собственнаго. Станемъ судишь обо всемъ, но только не словами, и научимся сомнбваться (1). Сомнбніе прилично сущесвамъ разумнымъ, которыя очень часто обманываются, коль скоро водяпся одними шолько чувствами, и которыя однакожь твердо увбрены въ сей великой аксіомъ, вмбстб и нравственной и физической, что все есть *относительно*. Докажемъ это примбромъ:

(1) *Plato Pythagoram venerabatur. credibile est. . . Pythagoricos de, mnibus ambiguos juisse. Pythagoras. Steph. Roderici. p. 145.*

Бблизна не существуетъ въ глазахъ нашихъ, ни въ самыхъ глазахъ. Цвбты происходятъ отъ различныхъ движеній, которыя предметы различнаго образования напечатлбвають въ нашемъ глазахъ. То, что мы означаемъ словомъ *цвбтъ*, не есть поражающее, ни поражаемое, но вбчто частное, послбдующее изъ того, что происходитъ между двумя предметами. Кло изъ насъ можешь доказать, что цвбтъ собакъ, или другому такого же рода животному, представляешся шотъ же, какой и намъ?

Міръ есть цблое, составленное изъ единицъ, или частицъ невидимыхъ (ш. е. атомовъ) и сущесвуетъ по движенію.

Если бы мы довольствовались однимъ шолько чувственнымъ представлениемъ, то открыли бы мы, что нашъ земной шаръ, будучи однако изъ звбздъ или планетъ и обращаясь около самаго себя въ своемъ кругообращеніи около центра, который есть солнце, дбляетъ день и ночь.

Свойство шблбъ происходитъ отъ смбшенія и раздбленія шбхъ частицъ,

которыя называются составными (1). Если допустить четыре стихии, то должно думать, что каждая из сих стихий составлена из невидимых частиц. Все явственные качества могут быть объяснены одним только расположением частиц невидимых.

Совсем не должно судить о свойствах вещи по их видимой величине. Все имеет равную тяжесть в руках предопределения, которыя наблюдаются справедливѣйшей вѣсѣ, нежели золотыя вѣсы Юпитера в Илиадѣ. Насѣкомое, продолжающее жизнь свою не болѣе одного дня, занимает должное себѣ мѣсто во вселенной, такъ какъ и слонъ; и оба сии существа равно совершенны. Сие замѣчаніе нѣсколько расширяваетъ трудные политическіе расчеты и небольшіе виды самолюбія; но оно вмѣстѣ улаживаетъ тонкую невинность, и утѣшаетъ ослѣпленнаго несчастливца.

Познавши однажды слабость своего разума и недовольную обширность познаний нашихъ къ тому, чтобы дойти до истины

(1) Это открыли наконецъ Эмпедоклъ и Демокритъ, оба Пифагорейцы.

наго свойства вещей, будутъ имѣть всякъ свое мнѣніе, не полагая однакожь его исключительнымъ правиломъ; не станемъ объявлять его закономъ для тѣхъ, которые держатся своей системы. Станемъ предлагать осторожнѣе свои мысли; потому что *нѣтъ истины говорить, погему такая-то вещь имѣетъ такой или такой видъ, а не другой, совершенно противный силѣ первымъ* (1).

Возмемъ на себя видъ сомнѣнія: сомнительность есть покрывало Философа (*). Если предметы заимствуютъ цвѣтъ отъ очей нашихъ здоровыхъ или больныхъ, то наши дѣйствія непременно согласуются съ образомъ зрѣнія. Посему мы изъ одной бы только благосклонности приписывали богамъ наши добродѣтели или пороки. Боги не имѣютъ ни малѣйшаго въ нихъ участія. Но Гомеръ сказалъ уже это прежде меня: „Ахъ! сии нечувствительные не понимаютъ, что одному только ихъ развращенію, а не жестокости боговъ, приписать должно

(1) Это было любимое изрѣченіе Пифагора, по свидѣтельству Авлюгея.

(*) Пифагорейцы приняли за основаніе своего ученія Пифагорово правило, столь возвышенно имъ преподанное.

ихъ несчастія и горести. Люди, которые вредятъ себѣ собственными безпорядками, должны жаловаться на самихъ себя; къ развращенности ведутъ ихъ собственные злыя склонности, а испорченное сердце указываетъ путь къ печали. Если же вредъ ихъ происходитъ отъ нихъ самихъ, то пускай однихъ себя и винятъ въ этомъ; однимъ словомъ, люди ни мало не зависятъ отъ боговъ (1) ни въ добрыхъ, ни въ худыхъ соотношеніяхъ. Сколько бы велики были они и вообще всѣ люди, если бы они могли произнести со всею внутреннею увѣренностію существа разумнаго: „Я обязанъ только самому себѣ своими добродѣтелями! Я не имѣю нужды прибѣгать къ существу постороннему (2) для ихъ сохраненія и приобрѣтенія новыхъ. Мудрость есть единый плодъ этого поля, которое я обрабатываю. Руки не вспомоществуютъ мнѣ въ семъ заня-

(1) Философы не хотѣли, чтобы добродѣтель зависѣла отъ Бога. — Арнодъ, *система Природы и Благодати*.

(2) Нѣтъ! я не имѣю нужды въ Богѣ, чтобы быть мудрымъ. Франц. Лукрецій.

тіи; ихъ довольно мнѣ для того, чтобы доставать пропитаніе и жить честно.

Говоря, что мы не зависимъ отъ боговъ, согласимся также, что равно и прочія существа отъ насъ не зависятъ, или не для насъ сотворены. — Живописныя, которыхъ мы умерщвляемъ, не наше твореніе, которымъ бы мы имѣли право располагать по своимъ прихотямъ. Земля, которую мы опустошаемъ своими орудіями, не есть собственность, намъ принадлежащая. И такъ не станемъ съ гордостію и неправосудіемъ повелѣвать всею вселенною, какъ бы зависящею отъ насъ въ частности.

Скажемъ вмѣстѣ съ народомъ и верховною ихъ властію, что *есть боги*; но ни съ нѣми ни съ другими не станемъ говорить, что сіи боги часто раздражаются, и могутъ причинить много зла: потому что такое мнѣніе влечетъ непременно за собою прощеніе злодѣю, а добродѣтельному рабское терпѣніе. Изъ сего бы вышло то послѣдствіе, что боги, такъ какъ у Гомера, защищаютъ сторону такого - то злодѣя, или ополчаются противъ такого - то Государя. Боги не въ состояніи сдѣлать никакого зла

людям (1). Юпитеръ никогда никому недовѣрялъ своихъ перуновъ. И такъ, народы земные, препоручаеше одному только Начальству книгу законовъ; боги не могутъ ни дѣлать нападеній, ни защищаться, ни мстить. Народъ, или Повелитель онато, который гнушается ихъ примѣромъ, пренебрегаютъ святыней, и ничего не опасаются. Сіе мифіе о богахъ способствовало бы къ истребленію тѣхъ легковѣрныхъ страховъ, которые обуреваютъ еще полу-невѣжественный народъ Фракійскій. При малѣйшемъ противномъ случаѣ онъ думаетъ, что жрецы Юноны возбудили на Олимпѣ богино мщеніе, достигши туда по безчисленному множеству лѣстницъ, поставленныхъ одна на другую.

Окажемъ также справедливость Гомеру, Гезіоду и всѣмъ тѣмъ, которые о богахъ говорили. Они въ нихъ не вѣровали. Единственный богъ Гомера былъ собственный его Геній (2). Но такъ же

(1) . . . . *At hoc quidem commune est omnium Philosophorum, nunquam nec irasci Deum, nec nocere.* Цицер. о должн. III. 28.

(2) Θεοδωρισὶς утверждаеши, что не только Диогоръ, Θεοдоръ, Эммегеръ, которые

думали и Греки, какъ и Мудрецы Египетскіе; они почитали ихъ за дѣпей, которыхъ надобно забавлять, потѣшать басенками.

Скажемъ всѣмъ, даже и самой черни: „Боги безъ добрыхъ качествъ суть одни только пустыя слова; но такъ же не можетъ существовать и ни одна добродѣтель безъ боговъ.“ Чтобы довести чернь къ единому наклоненію разума, начнемъ съ того, чтобы заставить ее признавать прежнихъ боговъ своихъ, то есть солнце и луну, землю и звѣзды, воду и огонь, въ такомъ видѣ, въ какомъ сама ихъ находить; а не въ такомъ, какъ представили ей ихъ басни подъ нелѣпыми мифологическими масками.

Вызовемъ ее (чернь) изъ храма, и przeprowadимъ по стопамъ Орфея къ тѣмъ возвышеннымъ мѣстамъ, откуда возможно ей будетъ созерцать Природу, сію общую мать боговъ и челоуковъ, въ видѣ величественномъ.

Заставимъ ее повторять съ добрымъ Гезіодомъ: „Боги, дѣти земли, родились

совершенно опровергали бышіе боговъ, суть безбожники; но такъ же и Гомеръ, Гезіодъ и проч. *De curat. graec. affect. serm. III.*

въ темнотѣ ночи.“ — Но вмѣстѣ постараемся споспѣшествовать и стихотворцамъ къ достиженію той цѣли, къ которой стремилась Мнемозина и первая Музы; постараемся убѣдить ихъ не воспѣвать никогда и ничего, кромѣ гармоніи Природы небесной и земной. Заставимъ ихъ увѣрять народъ въ своей прелестной Поэзіи, что боги суть тѣ бессмертныя и божественныя свѣтила, которыя въ себѣ заключаютъ и изливаютъ на насъ благодѣтельную теплоту, источникъ жизни. Пускай наконецъ объяснятъ они черни, что существо божественное есть тотъ эфирный огонь, котораго одинъ только лучъ созерцаемъ мы въ кольцо солнцевомъ. — Этотъ огонь проникаетъ во всѣ тѣла и развертываетъ въ нихъ зародышъ существованія; онъ обращается даже и въ самадѣйшихъ частицахъ великаго цѣлаго; и онъ - то составляетъ душу міра, изъ которой происходитъ и наша. Вотъ Богъ, достойный пѣсней Генія и восклицаній человѣческихъ!

Станемъ отвѣтствовать Кротонцамъ и жителямъ другихъ городовъ древней Италіи, которые требуютъ отъ насъ

законовъ: „Принравляйте ваши республики къ правленію всеенной. Примѣните взаимность во всѣхъ существахъ, управляющихъ и управляемыхъ попеременно. Вселенная потому только почтется можетъ нераздѣлимою, что часпи, находящіяся подъ луною, состоятъ въ безпрестанной гармоніи съ частями вышшими. Будучи совѣчны между собою, одни движутъ, а другія движутся. Солнце и прочія свѣтила назначаютъ землѣ движенія и оплодотворяютъ ее; земля повинуется подобно дышѣ, и то, что ей вѣбрили, развертываетъ въ свое время. О если бы мудрость сочетавалась съ шрудомъ, Геній съ силами, такъ какъ и земля съ солнцемъ! Необходимость есть цѣль, связующая все безъ исключенія. Тотъ же самый порядокъ долженъ царствовать и среди человѣческой политики, какъ и въ образованіи вещей. Природа есть республика нераздѣлимая, неразрушимая, коей члены, будучи равны между собою, дѣйствуютъ другъ на друга безъ малѣйшаго замѣшательства и безъ тиранніи; все происходитъ, все совершается въ ней и чрезъ нее. Она не принимаетъ никакого поощренія извнѣ;

она чужда всего того, что происходитъ за ея предѣлами, естли бы только могло что-нибудь существовать не въ ея недрахъ. Но она есть цѣлое, и образуетъ одно только цѣлое. Она одна. Всѣ тѣ способности, въ которыхъ она имѣетъ нужду, чтобъ поддержать себя и самой возславлять, заключаются въ ней одной, выключая только ничтожество.“

„Народы! вы всѣ дѣти, и такъ подражайте своей матери, всякъ въ своемъ кругу, въ предѣлахъ своего владѣнія, въ нѣдрахъ своего семейства. Ахъ! для чего преподавать сіи начала въ однихъ только таинствахъ Аписа и Цибеллы, Цереры и Бахуса?“

Для чего я не могу еще никому, кромѣ васъ, ближайшіе ученики мои! ввѣрить сей великой тайны, которую мы повторяли столь великими значеніями въ Оивахъ, въ Элевзисѣ и Самопрасѣ? Для чего одному только допущенному къ таинствамъ позволено знать, что всѣ боги, признаваемые прочими людьми, соединяются наконецъ съ душою вселенныя, и что міръ сей есть высочайшее существо существъ?

Можетъ ли почестся нескромностію обнародовать сію великую истинну, плодъ размышленія? и для чего угрожать ее жестокимъ наказаніемъ новопосвященному въ таинства за то, что онъ не могъ сбегать собственною для себя того, что должно было бытъ законнымъ наслѣдіемъ всѣхъ? Но хотя бы я и могъ сему подвергнуться, знайте, что сіи слова заключаются въ великихъ таинствахъ. Чтобъ почувствовать всю важность сей естественной теоріи, все объясняющей, кажется совсѣмъ не кстати прикрывать ее тройственнымъ покрываломъ, и ложною, обманчивою личиною. Изъ всѣхъ наукъ, которыя когда-нибудь будутъ преподаваемы людямъ, сія наиболѣе возвышаетъ ихъ въ собственныхъ глазахъ; посвященіе человека равняетъ его съ самимъ Богомъ: по сему содѣлывается онъ собственнымъ Его членомъ, частію нераздѣлимою съ бессмертнымъ существомъ Его. Всѣ люди содержатся въ Богѣ, а Богъ во всѣхъ людяхъ. Каждый изъ насъ можетъ, да и долженъ, говорить въ себѣ: „И я, и я также Богъ. Я членъ самодержавной власти всего міра. Огонь, которой меня одушевляетъ и просвѣщаетъ,

есть Солнца лучь. Душа, располагающая моимъ шѣломъ, есть самамалѣйшая частица той великой души, которая вселенную приводитъ въ движеніе; равно какъ и шѣло, въ которое облечена она, есть участокъ той матеріи, составляющей міръ и содержащей въ себѣ начало его образованія. Первая причина всего разлика повсюду; она находится во мнѣ. Впрочемъ лучше, нежели гдѣ-нибудь, обнаруживаетъ себя въ шѣрди, семъ главнымъ пребываніи всеобщей гармоніи. Солнце также представляешь собою меня; будучи теперь человекъ, завтра приму я на себя составъ одной изъ сихъ яркихъ звѣздъ, мелькающихъ надъ главою моею въ лазуревомъ сводѣ.“

Если бы всѣ люди могли равно достигать до сихъ высокихъ началъ, то сколь бы было пріятно для законодателя составить изъ нихъ общество друзей миролюбивыхъ, независимыхъ и исполненныхъ добродѣтели! Всѣ позорныя страсти, насъ унижающія, умолкли бы предъ сею прекрасною теоріею. Пусть всякъ изъ насъ скажетъ въ самомъ себѣ: міръ есть гармоническая совокупность безчисленнаго множества малыхъ міровъ,

ему подобныхъ. Я дополняю собою число сихъ малыхъ міровъ (1); почему я и долженъ оказать въ себѣ ту премудрость, ту правильность, то совершенство, которымъ самъ удивляюсь въ великомъ мірѣ. Въ противномъ случаѣ я уподоблюсь шѣмъ негоднымъ сосудамъ, которые бросаетъ Самосскій горшечникъ, и разбиваетъ, чтобъ сдѣлать изъ нихъ новые, гораздо чище и сходнѣе съ общей формой.

И такъ скажемъ и всѣмъ шѣмъ, которые когда-нибудь присоединятся къ намъ: „Во всѣхъ вашихъ мысляхъ, во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ не забывайте никогда, что вы составляете частныхъ боговъ, дѣтей Бога всеобщаго.“

Чтожь касается до насъ, то получивши особенное предъ всѣми право называться людьми, мы не должны довольствоваться шѣмъ, что хорошо, но должны простираться еще къ лучшему.

Спросимъ, на примѣрѣ, что можетъ почестся наисправедливѣйшимъ въ мірѣ (2)?

(1) Microcosme, малѣйшій міръ — выраженіе Пифагора.

(2) Пифагоръ величалъ такииъ образомъ ближайшихъ учениковъ своихъ. J. Schsser. *philosophia ital.* cap. XI.

Естьли намъ спануть отвѣтствовать въ тонѣ авгуровъ и ихъ слогомъ: „Справедливѣе всего въ свѣтѣ есть то, что люди всѣ вообще злы, и одинъ Богъ есть Существо благодѣтельное.“

Мы настаимъ и спросимъ еще: „Отъ чего же подъ покровительствомъ Существа благодѣтельнаго люди представляются злыми?“ — Или лучше не спанемъ продолжатъ своихъ вопросовъ, и сохранимъ для самихъ себя свою мудрость. Кто хочетъ быть мудрымъ и для другихъ, тотъ безразсудно хочетъ уподобиться *ослу Египетскому* (1), на котораго всякъ свое навьючиваетъ (*).

Говорятъ, что три только и есть вещи, употребленіе коихъ не всякому позволено: Юпитеровъ перунъ, Геркулова булава и Гомеровъ піишической духъ.

Но естьли скипетръ разума въ нашей еще волѣ, то постараемся употребить его въ свою пользу; побережемся, чтобъ не представить изъ себя, подобно

(1) *Omnes laedunt.* Плутарх. *Изиса и Озирисъ.*

(*) Въ память ненавистнаго Тифона.

Корибу Фригійскому, сыну Мигдона, который съ трудомъ выучившись считашъ до пяти, вздумалъ однажды перечесть морскія волны.

Будемъ чаще входить въ самихъ себя. Прошедшее есть для насъ смѣшеніе добра и зла; это залогъ, который будущность для насъ берегаетъ. Будемъ внимательны ко всему, чтобъ ни чѣмъ не обманушся.

То, что сдѣлалъ народъ Кропонскій въ знакъ особенной признательности, доведень до высочайшей степени ненависть, къ намъ питаемую. То опредѣленіе, обнародованное Сенаторами, по которому Италійская Греція, нами населяемая, всегда будетъ именоваться *великая Греція*, въ воспоминаніе тѣхъ великихъ истинъ, которыя мы осмѣлились открывать въ нашей Школѣ жителямъ сего города и всей страны сей, можетъ быть дорого будетъ намъ стоить; но причинилъ ли намъ кто такую обиду, какой бы мы и прежде сего событія не были подвержены?

Окончимъ свои разсужденія, продолженные, можетъ быть, свыше силъ нашихъ, и представимъ предъ глаза свои до-

машніе законы. Гоненіе приближается. Въ скоромъ времени намъ нужно будетъ освятить ихъ торжественнѣе, нежели когда-нибудь, собственною непоколебимостію въ примѣрномъ добромъ поведеніи.

XXXIII.

Внутреннее правленіе Пифагоровой Школы.

Чтобы отличить себя и ознаменовать на всякой случай нѣкоторою особенностію взаимное между собою сообщеніе, мы всѣ должны начертывать въ началѣ всѣхъ нашихъ посланій и другихъ писемъ пятиугольникъ жрецовъ. Пускай думаютъ, что это одна форма, только пустой обрядъ, слово, подъ которымъ желаемъ мы *здравія* (1); одинъ только Философъ умѣетъ имъ пользоваться.

Мы всѣ обязуемся также вырѣзать у себя на кольцо указательнаго пальца

---

(1) Пифагорейцы начертывали пятиугольникъ въ началѣ писемъ своихъ; онъ означаетъ пять лишней слова *вѣи* (здравіе). *Beausobre, hist. des Manich. T. II.*

свѣщильникъ подъ покрываломъ, и это будетъ преобразованиемъ нашей Школы. Его оппечашокъ на чистомъ сургучѣ запечатлѣетъ священные законы и тѣ дѣла, оправданныя собственнымъ нашимъ примѣромъ, копорыя препоручаю я сохранять дочери моей *Дало*. — Мы обязуемся носить длинную робу изъ чистаго льна (п. е. блага, а не цвѣтнаго), перемѣняя ее ежедневно и опоясываясь льнянымъ же поясомъ; бѣлый цвѣтъ прознаменуетъ доброе, а черный злое. — Мы воспрещаемъ питаться мясомъ животныхъ, особенно тѣмъ изъ насъ, копорыя посвящаютъ себя высокой должности законодателей. Они должны соблюдать особенную предъ прочими непорочность. Но та пища состоитъ изъ хлѣба и соевъ, изъ овощей и плодовъ, рѣдко изъ яицъ, изъ молока и меду. Поутру и въ вечеру занятія наши должны состоять въ согласномъ пѣніи, наигрывая на лирѣ, въ нѣкоторыхъ шблесныхъ упражненіяхъ и въ разбираниі дѣлъ какъ оконченныхъ, такъ и вновь принимаемыхъ. — Въ продолженіе дня мы должны заниматься нашимъ ученіемъ, ходишь ровными шагами по уединеннымъ

мѣстамъ, мыться въ банѣ, и умащать себя благовопіями (1). — Занавѣсъ безпрестанно долженъ быть опущенъ посреди нашего *музеума* (*), чтобъ раздѣлить его на два класса: на посвященный таинственнымъ началамъ нашего ученія (внутри покрыва), и на другой, предоставленный простымъ членамъ Школы нашей. — Опытъ молчанія въ продолженіе многихъ лѣтъ есть одинъ изъ спрожайшихъ законовъ нашихъ (**).

Но прежде всего поспребно познаніе наклонностей какъ самаго кандидата, такъ и нравовъ его семейства, по законамъ *Фізіогноміи* (2); съ его же спорны непремѣнное отреченіе отъ соб-

(1) Пифагорейцы одѣвались просто, ходили въ мыльни, не спривали волосъ своихъ и умащали ихъ благовопіемъ. *Athénée. IV.*

(*) Мѣсто ученія, посвященное Музамъ. Школа Пифагорова нѣмъ болѣе заслуживала сіе имя, что занимала преддверіе храма Музъ.

(**) *Молчаніе есть мудрость.* Пифагоръ и Саадій согласны между собою.

(2) Наука разбираетъ качество способностей и различіе нравовъ по расположенію наружности и по чертамъ лица. *Aulugelle.*

ственности имущесивъ, обращенныхъ въ общее владѣніе (1) новаго семейства, въ кругъ коего онъ вступаеиъ. — Умѣренность во снѣ, такъ какъ и въ пищѣ, числота души, равно какъ и опрѣтность въ одѣянн, воздержаніе отъ излишняго упражненія какъ въ ученіи, такъ и въ тѣлесныхъ занятіяхъ.

Да будетъ истреблено между нами всякое излишество въ работахъ ручныхъ и въ умственномъ упражненіи, какъ два злоупотребленія, равно пагубныя для усовершенствованія человѣческаго рода.

Память останется навсегда единственною книгою въ нашей Школѣ. Преступившій границы нескромности приметъ достойное возмездіе и изгонится навсегда изъ нашей Школы. Умершему въ нашемъ сообщеніи воздвигнемъ посреди насъ гробницу. Познаніе, содержащееся въ символахъ, принадлежитъ слушающимъ правила наши предъ занавѣсомъ; а испиала обнаженная есть удѣлъ *акроаматиковъ* (*).

(1) *Pythagoras jussit fortunas suas omnes inter se communes habere, et toto tempore una vivere. Jambl. XVIII.*

(*) Или *акроаматики*, внутренніе слушатели.

По сю сторону покрывала брюгоны, моралисты, Геометры; тамъ (т. е. внутри покрыва) натуралисты и законодатели и всѣ тѣ, которые занимаются *главными истинами*.

Женщины могутъ участвовать во внѣшнемъ ученіи. Всякій изъ насъ можетъ жениться, имѣть дѣтей и жить семьею среди нашего сообщества.

Мы встаемъ вмѣстѣ съ солнцемъ, чтобъ созерцать первые лучи его. Лира возвѣщаетъ окончаніе дня и нашихъ занятій; музыка есть Философія. — Пристойныя игры и пляски занимаютъ у насъ промежутокъ между занятіями и успокоеніемъ, то есть вечернее время.

Мы оставляемъ гордецамъ питло *мудраго*; но стараемся только о томъ, чтобъ заслужить не столько славное имя, имя *Философа*.

Философъ нашей Школы обращается только съ подобнымъ, съ равнымъ себѣ. Никому изъ насъ не позволяется имѣть дѣло съ мірскимъ человекомъ; но и къ намъ не смѣй никто приближаться! Въ банѣ всякъ долженъ быть одинъ наединѣ; за столомъ не болѣе девяти человекъ и не менѣе трехъ въ уединенныхъ прогулкахъ нашихъ.

Поутру, въ вечеру и предъ самымъ успокоеніемъ мы должны исполнять обрядъ возліянія предъ Нимфами источниковъ, и приносить въ жертву ладанъ блистательному и благотворительному Солнцу.

Ни звѣриная или рыбная ловля не должна имѣть мѣста въ нашихъ забавахъ, которыхъ ни одна капля крови, ни одинъ болѣзненный вздохъ оскверняетъ и возмущать не долженъ.

Мы отвергаемъ всякую плату отъ руки иностранца за преподаваніе нашихъ уроковъ; и уже ли должно плащать за одно воззрѣніе на солнце (1)? Философія не продается за деньги. Мы также безъ всякой платы должны пользоваться успѣхами и врачебнаго искусства (2).

Преподаваніе чистой и обнаженной истины предоставляется ночному времени и малому числу людей. Мы не будемъ оставлять глубокихъ умствованій об

(1) Отсюда и вышла пословица: *Solem mercede*.

(2) Гиппократъ послѣдовалъ во многихъ случаяхъ началамъ Пифагоровой системы врачеванія. *Dacier, vie de Pythagore*.

странахъ эфирныхъ (1), чтобы отъ нихъ переходить и къ потребностямъ нашей страны (2), старайся наиздашь ихъ въ то время, когда она призываетъ насъ къ дѣлу своего благоуспроенія.

Нашъ долгъ — дѣлать добро и проповѣдывать истину. — Прежде всего старайся оберегать свое здравіе. Безъ него нѣтъ ни ясныхъ дней въ жизни, ни Философіи. Мудрость состоитъ въ равновѣсіи вкусовъ и въ гармоніи тѣлесныхъ движеній.

Въ лѣтнее время не будетъ принесено отъ насъ ни одной жертвы Тимену, развѣ только зимою, и то очень немного; осенью еще менѣе, нѣсколько весною.

Потомство наше не должно быть многочисленно, но небольшое и отбор-

---

(1) Пифагоръ по праву былъ помѣщенъ между славнѣйшими Греческими Врачами. См. *de jeune Anacharsis* T. VI.

(2) Нравственность ихъ (т. е. Пифагорейцевъ), которой столь прекрасныя правила находятся въ Спобей, истинны содержатъ въ себѣ весьма полезныя и спасительныя для общества людей. Леккеркъ, *bibl. ch.* Том. X.

ное; трудно достигнуть Мудрости въ кругу большого семейства.

Начальство хочетъ обольщать своимъ блескомъ; напротивъ того мы внушаемъ почтеніе однимъ только достоинствомъ назидательности.

Пускай между нами старшіе представляютъ начальниковъ младшимъ.

Станемъ иногда приносить жертвы вмѣстѣ съ народомъ, или въ его присутствіи, но только съ тѣмъ, чтобы не наблюдать въ жертвоприношеніи его обычаевъ.

Поутру станемъ въ удивленіи поклоняться Природѣ; а ввечеру жертвовать изъявленіемъ своей признапельности славнымъ подвигамъ Героевъ.

Уроки наши должны быть часты, но не продолжительны. Употребленіемъ клелендра (*) мы должны пользоваться на одинъ только часъ.

Заниматься часъ строгими истинными есть правильной размѣръ, принаровленный къ человѣческому понятію.

(*) *Клелендръ*, орудіе древнихъ, удобное размѣряя печеніе времени посредствомъ водяныхъ капель. Водяные часы.

Позволимъ всякому изъ нашихъ слушателей предлагать намъ вопросы, или свои сомнѣнія на какую-нибудь истинну; и одно только нечестіе не станемъ удостоивать своего отвѣта.

Простимъ заранѣе тѣмъ, которые будутъ стараться найти соблазнъ въ нашемъ ученіи и его переиначить.

Человѣкъ разсудительной не можетъ желать зла комышлю слѣпаго, его поражающему.

Но при всемъ томъ блое покрывало всегда будетъ укрывать насъ отъ взора слушателей; можетъ быть мы возможемъ обращаться когда-нибудь съ меньшимъ видомъ таинственности.

Мы соглашаемся съ удовольствіемъ служить посредниками между друзьями, между братьями, между цѣлыми семействами, враждующими между собою; судіями несогласныхъ супруговъ; покровителями юношества, неопытности, сознающихъ въ своей слабости.

Впрочемъ, представляя себя строгими блюстителями правъ своихъ, мы не должны позволять себѣ въ чемъ-нибудь ошибаться: самое даже подозрѣніе не должно прикасаться къ намъ.

Мы изженемъ изъ своего сообщества тѣхъ, чьи дѣши принесутъ собою соблазнъ, для всѣхъ предосудительной.

Никто изъ насъ не долженъ имѣть сообщенія ни съ кѣмъ, кромѣ насъ самихъ.

Соблюдая съ раченіемъ собственную независимость, мы отречемся отъ покровительства начальства.

Кто умѣетъ располагать самимъ собою, тотъ не ищетъ покровительства.

Впрочемъ пускай начальники и всѣ наши сограждане бодрственно назидаютъ какъ образъ ученія нашего, такъ и самое поведеніе.

Станемъ избѣгать по возможности кляшвы, или по крайней мѣрѣ употреблять ее какъ можно рѣже, и развѣ въ случаяхъ необходимыхъ.

Могилой будетъ служить намъ земля, вмѣсто костра, сожигающаго тѣла усопшихъ.

Согласимся между собою называть *міромъ*, то есть лучшимъ произведеніемъ гармоніи и совершенства, что другіе разумѣютъ подъ именемъ вселенной, неба, шара земнаго.

Школа наша, сіе новое семейство, будетъ служить для насъ *малымъ*

міромъ (*), столь же благоустроеннымъ какъ и большой.

Первымъ и послѣднимъ закономъ нашего сообщества, закономъ, содержащимъ въ себѣ всѣ прочіе, станемъ почитать назиданіе той первобытной общинельно-спирити имѣній и самаго существованія, которой едва ли слабой опшѣнокъ остається въ человеческой памяти.

Никто изъ насъ не долженъ признавать ничего принадлежащимъ другому, ничего *твоимъ*, несобственнымъ: вотъ свойство нераздѣлимое съ нашею сущностію.

Тѣ изъ насъ, которые носятъ на себѣ санъ законодатель, должны безпрестанно имѣть на правой рукѣ кольцо, представляющее указательный палецъ, поднесенный ко рту, чтобы позабывшись не произнести чего при всѣхъ публично.

Если кто захочетъ убѣждать насъ въ необходимости человекоубійственныхъ оружій (1), то пропустимъ мимо ушей

(*) *Microsome*, слово изобрѣшенное Пифагоромъ.

(1) Пифагорейцы, въ отношеніи къ Ямблику, положили главнымъ общественнымъ закономъ, не воевать ни съ кѣмъ. Крощ. *Droit de guerre et de paix*. Кн. I. Гл. 26.

слова сіи, не давши никакого на нихъ отвѣща.

Въ несчастное время гоненія Философъ удалился на гробъ своихъ предковъ; тамъ, накинувъ на себя покрывало, онъ будетъ ожидать рѣшенія судьбы своей.

Скажу еще, возлюбленные ученики мои: когда въ вашего отечества случится вамъ быть въ гоненіи, и если въ помѣ городѣ, подобно Афинамъ, позволяется произнести три слова, прежде нежели совершится рѣшительный приговоръ; то заклинаю каждого изъ васъ, безбоязненно и съ твердымъ духомъ сказать предъ судіями и зрителями: „Граждане! я соблюлъ великое тройственное право человеческой жизни. Я родился, жилъ, и умираю за истинну, независимость и правосудіе: вотъ истинная Философія!“ —

XXXIV.

Кончина Пифагорова (*).

Школа сего Учителя возрасала со дня на день какъ въ числѣ учениковъ, такъ

(*) Справедливостію сего повѣствованія обязаны мы Лизису, тщательнѣйшему.
Часть VI. С С

и въ хорошемъ мнѣніи всего свѣта. Силонъ, молодой и богатой Кротонецъ, не будучи удостоенъ допущенія ко внутреннему таинственному учению, вмѣсто того, чтобы удвоить свои старанія къ большимъ успѣхамъ, занимался только изыскиваніемъ средствъ къ отмщенію за нанесенную чрезъ сіе ему обиду: поведеніе Учителя, казалось ему, могло способствовать къ совершенію намѣреаемаго имъ плана. Онъ успѣваетъ склонить многихъ Сенаторовъ къ тому, чтобы особеннымъ указомъ вытребовать Пифагора предъ Сословіе тысячи голосовъ (1).

Учитель (Пифагоръ) предсталъ предъ него немедленно. Мы всѣ хотѣли было ему соупствовать; но онъ сказалъ намъ: „Друзья! Сенатъ требовалъ одного только меня.“

Всѣ граждане Кротоны рѣшились присутствовать при семъ величественномъ

повѣдователю Пифагора. Лизисъ, бѣжавшій въ Беотию съ семействомъ Эпаминонда, сообщилъ сіе повѣствованіе главнымъ членамъ разсѣянной Италійской школы.

(1) Жизнь Пифагора. Дасіер. Спран. 85 и 86. —

зрѣлищъ; и я (Лизисъ), безъ вѣдома Учителя моего, достигъ туда же въ толпѣ народной, рѣшившись ни на минушу не потерять его изъ виду.

Предсѣдатель Сената началъ слѣдующимъ образомъ: „Пифагоръ! Школа, которой ты основатель и начальникъ, возбуждаетъ подозрѣнія въ большей части Кротонцевъ; твои положенія и успѣхи оныхъ назидательны для общественной свободы, и ты безъ сомнѣнія не можешь быть тѣмъ честоловцемъ, которой бы замышлялъ планъ тиранніи для новаго своего опечесства: мы считаемъ за удовольствіе отдавать тебѣ сію справедливость. Но въ твоихъ планахъ и разпоряженіи примѣчаются всѣ средства, достаточныя къ тому, чтобы содѣлаться Деспотомъ. Почему самый долгъ обязываетъ насъ, такъ какъ мы и имѣемъ право, требовать отмчета отъ гражданина подозрительнаго, хотя бы онъ достоинъ былъ и уваженія по своимъ заслугамъ. Разувѣрь гражданъ Кротоны, ужасающихся того права, которое они дали тебѣ сами надъ собою. Ты долженъ теперь объяснить намъ безъ

околичностей швое поведеніе, какъ открытое, такъ и приватное. Говори!“

Пиеагоръ отвѣщивалъ слѣдующимъ образомъ: „Граждане, Сенаторы и Начальники Кротоны! я прошелъ всѣ при части Свѣта, дѣлая свои замѣчанія. Я вопрошалъ всѣ Памятники; внималъ всѣмъ великимъ нашего времени Мужамъ: Фересиду, Біасу, Фалесу, Эпимениду, Зороастру, Хилону и Бруту. Я говорилъ съ Тирофонами Финикійскими, Египетскими и Элевзисскими; совѣщавался съ Мудрецами Эіопскими и Халдейскими, съ Индійскими Гимнософистами и Жрецами. Видѣлъ Вавилонъ и Спарту. Я вспомоществовалъ политической революціи въ Мемфисѣ и Самосѣ, въ Афинахъ и Римѣ, и еще самъ началъ и совершилъ въ Сициліи. Снабдивши себя опытностію вѣковъ и народовъ, достигъ наконецъ Кротоны, чтобы въ ней сложить съ себя сіе драгоценное бремя. Я имѣю право неоспоримое на признательность Кротонцевъ, и думалъ, что вы преобладали меня для того, чтобы торжественно засвидѣтельствовать ее предо мною именемъ всего великодушнаго народа, котораго вы представляете собою. . . Напро-

тивъ того вы меня призываете предъ лице всего Сословія для того только, чтобы требовать отъ меня отчета! — Вамъ сказали, что я имѣю всѣ нужныя средства къ возстановленію полномочной власти, и къ тому, чтобы представить изъ себя тирана сего гостепріимнаго города. — „Въ мои лѣта отдаю отъ отчетъ одной Природѣ только, а не людямъ.“ — Страна Кротонская требуетъ отъ меня причины моего пребыванія въ странахъ ея. — Въспомо отъвѣта, я призываю сюда женъ и дѣтей вашихъ. Граждане! весь этотъ народъ, сбѣжавшійся на сіе неожиданное зрѣлище, обязанъ мнѣ своими нравами и уваженіемъ смежныхъ народовъ. Но этого мало: будучи законодателемъ безъ посольства, заключившись въ нѣдрѣ моей Школы, я образовалъ многіе Италіянскіе города; народы толпами стекающія въ Кротону, какъ и прежде сего въ Креть, для того, чтобы испрашивать отъ меня себѣ законовъ и законодателей.“

„Народъ, Начальники и Сенаторы! возстаньте, и пойдемте всѣ принести жертву изящной Гармоніи въ томъ храмѣ, котораго Кротона, по моимъ совѣщаніямъ, воздвигла и посвятила Музамъ!“

„Кротонцы! къ сѣму памятнику присоедините и два столба, воздвигнутые на морскомъ берегу, которые подтвердятъ дѣтямъ вашимъ возрожденіе вашихъ нравовъ и законовъ. Самъ Геркулесъ поставилъ бы себѣ за честь сіе произведеніе.“

Учитель замолчалъ; словъ болѣе его не лзя было слышать: они терялись въ громкихъ и продолжительныхъ рукоплесканіяхъ, которыя въ оправданіе словъ его раздавались повсюду.

Предсѣдатель Сената всталъ съ своего мѣста и началъ такимъ образомъ: „Мудрый Пивагоръ! памятникъ, воздвигнутый тобою, останется вмѣстѣ памятникомъ для свѣта вѣчной нашей къ тебѣ признательности. Но прежде нежели мы послѣдуемъ за тобою во храмъ Музъ, всядь между Сенаторами и начальствомъ Кротоны. Займи Трибунальское мѣсто, которое мы изъ благоговѣнія къ тебѣ освятили незанятымъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ въ первой разъ тебѣ его предлагали, и удостой насъ снова твоими совѣтами.“

Пивагоръ. Правила, которыя я преподаю вамъ, не позволяютъ мнѣ всту-

пать ни въ какую общественную должность; я и безъ того занимаю должность Начальника, исключительную изъ всѣхъ прочихъ. Пойдемте во храмъ Музъ.

Пивагоръ прибавилъ еще, улыбаясь: „Но между тѣмъ, какъ вы меня къ сѣму принуждаете, я хочу дорогою рассказать вамъ еще нѣкоторое примѣчаніе; можетъ быть оно будетъ послѣднее. Я считаю сіе за вужное, судя по расположенію нѣкоторыхъ умовъ, возмущающихъ спокойствіе страны вашей.“

„Кротонцы! еслии вамъ предлагаютъ возвратиться къ правленію одного Владыки, и еслии воспоминаніе Фаларида и Тарквина Суперба уже изгладилось изъ вашей памяти, — то вспомните по крайней мѣрѣ о старинномъ (*) преданіи *Потавіи* (**), сей древней страны, основанной Аншеноромъ. Тамъ находится Оракуль, улажаемый Геріономъ для заглаженія политическихъ, безпорядковъ, имъ производимыхъ; и вотъ какимъ обра-

(*) Нѣкто Эфиппъ, комической стихопворецъ, ознаменовалъ его сими чертами особенными.

(**) Нынѣ *Падуа*.

Эомъ царствовалъ сей Государь (*), безпрестанно ужасающійся какъ своихъ собственныхъ подданныхъ, такъ и правосудно мстящихъ перуновъ боговъ (**). Это былъ бичъ, или еще хуже; онъ поморилъ голодомъ весь народъ свой: и по сему-то еще и нынѣ представляютъ его статую въ такомъ видѣ, что голова его покоится на многихъ шѣлахъ. И въ самомъ дѣлѣ, естли Государю сему хотѣлось бсть рыбы, то для него должно было наловить такое количество, которое было бы достаочно наполнить мѣднй котелъ, равный величиною тому пространству, занимаемому сотнею закровъ. Для варенія всей этой рыбы весь народъ собирался рубить дрова и возить ихъ на дворъ палатъ Геріоновыхъ. Чтobb наносить воды, потребно было цѣлое озеро, и безъ малаго восемь мѣсяцовъ времени, чтобы навозить соли. Пять галеръ безпрестанно плавали по водѣ, прислуживая въ варе-

(*) Такъ точно Спезихоръ въ аллегорической баснѣ, *Конь, олень и охотникъ*, предлагалъ свой благоразумный совѣтъ гражданамъ Имера въ Сициліи, опносительно къ тиранніи Фаларида.

(**) Ученые спорятъ, что слово *Gergon* означаетъ *молнію*.

ній рыбы, и гребцы ежеминутно приставали къ берегу для увѣдомленія начальства обв успѣхахъ варенія, и для того чтobb узнать, умбрить ли должно или увеличить степень жара къ наказанію шѣхъ, которые съ меньшимъ раченіемъ занимались приуготовленіями сего необычайнаго припаса для Геріоновой торгани. . . . Крошонцы! сія повѣсть возбуждаетъ васъ къ смѣху. Я не стану ее оканчивать; но согласись со мною, что она не совсѣмъ въроятна, и что не нужно большей хитрости къ тому, чтобы дать почувствовать и самой грубой черни всѣ неудобства правленія, ограниченнаго въ одномъ неблагоуравномъ лицѣ, которому все позволено. Этого таинственный урокъ, который еще не одинъ разъ можно будетъ повторить, и въ посабдующихъ вѣкахъ (*) не много оказалъ успѣховъ (**).

Принесли жертву Музамъ, Учитель нашъ былъ намъ возвращенъ, и опять

(*) Исторія *Гарганлуи*, повѣспвуемая Рабелесомъ, не была ли воспоминаніемъ сей повѣспвуемой Пиагоромъ?

(**) Сія слова, равно какъ и другія, вспрѣчающіяся мнѣнія и случаи доказываютъ въ Пиагорѣ духъ республиканца, огорченнаго жестокостію князьковъ его вѣка.

вступилъ въ свою Школу съ тѣмъ, чтобы никогда не оставлять ее. По крайней мѣрѣ онъ самъ желалъ сего, надѣясь испустить великій духъ свой на рукахъ учениковъ своихъ. Но судьба опредѣлила иначе. Торжество его еще болѣе воспламенило Силона къ ошмщенію: эпитѣтусный богачъ, не получивши желаемого успѣха въ Сенатѣ, льстилъ себя успѣхами, менѣе сомнительными, отъ черни, копорую онъ осыпалъ своею щедростію; а за деньги нѣтъ ничего невозможнаго сдѣлать изъ черни.

Въ одинъ день, чернь, руководствуемая Силономъ, подобно текущему источнику, врывается въ преддверіе Учительской Школы. Ближайшіе ученики его были собраны вокругъ Пифагора, сочиняющаго нѣкоторые новые законы по прозьбѣ многихъ добрыхъ гражданъ, желающихъ поднести ихъ въ тысящегласное Сословіе.

Послѣдуя гласу единого мужества и чувству справедливаго мщенія, мы могли бы разсѣять въ одно мгновеніе толпу сихъ дерзкихъ возмущенныхъ мирнаго нашего убѣжища. Но Учитель тотчасъ возобновилъ намъ свои правила, воспрещающія употребленіе всякихъ оружій, и мы принуждены были довольствоваться поль-

ко тѣмъ, чтобы смѣснившись около своего Учителя, противу - поставивъ силъ буйственности - одно наше достоодолжное уваженіе къ его добродѣтелямъ, къ его разуму и лѣтамъ. Впрочемъ въ послѣдствіи мы и сами сознались въ успѣхахъ сего философскаго равнодушія. Выломивъ двери и раздравши занавѣсъ, раздѣляющій насъ отъ мірскихъ людей, народъ ошступаетъ назадъ, объявъ священнымъ препятомъ; но сіе безмолвное признательное явленіе успѣло только болѣе поселить тѣмъ въ сердце Силона и его тусныхъ соумышленниковъ. При видѣ твердости нашей и недвижимости всего народа, они выходятъ изъ храма и помощію факеловъ зажигаютъ наше убѣжище. Весьма немногіе изъ насъ успѣли спастись отъ пламени; и я самъ одной только пылкости моего возраста обязанъ своею жизнію.

Геній Природы долженъ былъ сдѣлать чудо въ пользу Пифагора, что и случилось; потому что Учитель, не извѣстно какимъ образомъ, успѣлъ выдти изъ храма, объявшаго пламенемъ со всѣхъ сторонъ, здоровъ и невредимъ; онъ успѣлъ спастись отъ преслѣдованія своихъ непріятелей, которые имено одного

только его имѣли своимъ предметомъ. Безъ сомнѣнія сами боги соблюли его на этотъ разъ отъ гибели, и сдѣлали на минутоу невидимымъ. Но, увы! это было не навсегда. Оставивши городъ и блуждая по селамъ, Мудрецъ пришелъ просить пристанища въ *Локресъ*, въ которой входъ былъ отъсюду для него зашворенъ; въ *Тарентъ*, въ которомъ запрещено было ему открывать свои знанія; наконецъ прибылъ онъ къ *Метапонцамъ*, и тамъ испустилъ духъ свой, въ самомъ преддверіи храма *Музъ*, который сіи граждане, по примѣру *Кротонцевъ*, недавно соорудили.

Но для насъ еще осталась его *Философія*. Повсюду, гдѣ ни разсвѣтъ насъ жребій, мы клянемся оживить въ самихъ себѣ благороднѣйшую часть существа его, чтобы со временемъ вся вселенная, не смотря на жрецовъ, на тиранновъ и на легковѣрную чернь, которая попускаетъ имъ обольщать и угнѣтать себя, засвидѣтельствовала наконецъ съ благоговѣніемъ свою признательность предъ *Пифагорейцами*.

Конецъ VI и послѣдней Части Путешествій *Пифагоровыхъ*.

ИМЕНА ОСОБЪ,

соблаговолившихъ подписаться на сію книгу.

Въ Москвѣ:

- Его Высокопревосходительство Иванъ Осиповичъ Селифонцовъ.
 Его Превосходительство Афанасій Николаевичъ Зубовъ.
 — Иванъ Васильевичъ Черпковъ.
 — Николай Николаевичъ Баншышъ - Каменскій.
 — Иванъ Ивановичъ Демидовъ.
 — Николай Григорьевичъ Текушевъ.
 Его Высокородіе Александръ . . . Березинъ.
 — Лукьянъ Яковлевичъ Яковлевъ.
 — Федоръ Ивановичъ Аверинъ.
 Его Сіапельство Князь Николай Никишичъ Трубецкой.
 — Князь Николай Михайловичъ Козловскій
 — Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ.
 Ея Сіапельство Княгиня Анна Григорьевна Щербатова.
 Его Высокоблагородіе Михайла Васильевичъ Перловъ.
 — Василій Пепровичъ Шеншинъ.
 — Поликарпъ Афанасьевичъ Панковъ.
 — Яковъ Пепровичъ Похвисневъ.
 — Павелъ Андреевичъ Болошовъ.
 — Николай Александровичъ Скрыпицынъ.

- Его Высокоблагородіе Николай Спелановичъ Крошкой.
- Пётръ Спелановичъ Лихонинъ.
  - Николай Васильевичъ Неклюдонъ.
  - Иванъ Петровичъ Кречетниковъ.
  - Василій Васильевичъ Лазаревичъ.
  - Федоръ Дмитриевичъ Хвоцинскій.
  - Матвѣй Ивановичъ Тумашевскій.
  - Сергей Матвѣевичъ Савинъ.
  - Пётръ Яковлевичъ Абрамовъ.
  - Иванъ Антоновичъ Митрофановъ.
  - Александръ Петровичъ Дубовицкій.
  - Григорій Григорьевичъ Текушевъ.
  - Михайла Васильевичъ Мясоѣдовъ.
  - Деомидъ Аншиповичъ Соколовъ.
  - Сергей Федоровичъ Ягодинъ.
  - Иванъ Васильевичъ Трусевичъ.
- Николай Герасимовичъ Спаниславскій.
 Дмитрій Васильевичъ Нехачинъ.
 Иностранецъ Дефоршъ.
 Незвѣстные Особы на 18 экз.
- Ея Благородіе Матрена Сергеевна Славяшенская.
- Его Благородіе Александръ Игнашевичъ Зыковъ.
- Евгеній Семёновичъ Недоброво.
  - Иванъ Александровичъ Н . . . .
  - Федоръ Ивановичъ Сверчковъ.
  - Мемнонь Аникеевичъ Скороспѣловъ.
- Московской купецъ Матвѣй Петровичъ Глазуновъ на 17 экз.
- Филипъ Петровичъ Сверчковъ на 2 экз.
  - Семень Аникеевичъ Селивановскій на 18 экз.
  - Яковъ Ивановичъ Грезенковъ.
  - Иванъ Кондрашевичъ Сахаровъ.

- Московской купецъ Пётръ Николаевичъ Иниховъ на 11 экз.
- Алексѣй Васильевичъ Базуновъ на 25 экз.
  - Афанасій Григорьевичъ Колопилинъ на 3 экз.
  - Павелъ Афанасьевичъ Вавиловъ.
  - Федоръ Леонтьевичъ Свѣшниковъ на 22 экз.
  - Иванъ Ивановичъ Мѣщаниновъ.
  - Осипъ Петровичъ Чириковъ.
  - Иванъ Яковлевичъ Овчинниковъ.
  - Александръ Сергеевичъ Ширяевъ на 2 экз.
  - Василій Григорьевичъ Жигаревъ.
  - Алексѣй Алексѣевичъ Телепневъ.
  - Ефремъ Никифоровичъ Барышевъ.
- Въ С. П. Бургеъ: С. Петербургскій купецъ Иванъ Петровичъ Глазуновъ на 2 экз.
- Московской купецъ Иванъ Васильевичъ Базуновъ.
- Въ Астрахань: Астраханскій купецъ Иванъ Никифоровичъ Ананьевъ.
- Въ Оренбургеъ: Его Высокоблагородіе Михайла Афанасьевичъ Никифоровъ.
- Его Высокоблагородіе Павелъ Елисеичъ Величко . . . .
  - . . . . Яковъ Семеновичъ Прокоповичъ.
- Въ Смоленскъ: Его Высокоблагородіе Пётръ Платоновичъ Энгельгардъ.
- Въ Саратовъ: Его Благородіе Александръ Алексѣевичъ Поляковъ.
- Въ Ярославль: Ярославскаго Дома Призрѣнія Совѣтъ.
- Его Высокоблагородіе Иванъ Алексѣевичъ Назимовъ.

- Въ *Переколѣ*: Его Высокоблагородіе Петръ Ивановичъ Высопа.
- Въ *Твери*: Тверской купецъ Степанъ Федоровичъ Романовъ.
- Въ *Костромѣ*: Его Преосвященство Евгений, Епископъ Костромскій и Галицкій.
- Его Высокоблагородіе Иванъ Пепровичъ Яснопольскій.
- Въ *Мценскѣ*: Его Высокоблагородіе Василій Михайловичъ Кривцовъ.
- Въ *Кашинѣ*: Его Высокоблагородіе Николай Ивановичъ Кошкинъ.
- Въ *Галичѣ*: Галичской купецъ Василій Васильевичъ Зиновьевъ.
- Въ *Вялкѣ*: Его Превосходительство Павелъ Степановичъ Руничъ.
- Его Благородіе Василій Ферапонтовичъ Рудомешовъ.
- Въ *Бахмулѣ*: Его Высокоблагородіе Михайла . . . . Черновской.
- Въ *Данковѣ*: Его Высокоблагородіе Матвѣй Васильевичъ Бибиковъ.
- Въ *Хоролѣ*: Его Высокоблагородіе Иванъ Никишичъ Козловъ.
- Въ *Ефремовѣ*: Его Высокоблагородіе Афанасій Ларіоновичъ Сафоновъ.
- Въ *Тольмѣ*: Его Высокоблагородіе Крестьянъ Ивановичъ Фонъ - Зигель.
- Въ *Перьмѣ*: Его Высокоблагородіе Иванъ Кириловичъ Хрущовъ.
- . . . . Иванъ Ивановичъ Сорокинъ.
- Въ *Рязскѣ*: Его Превосходительство Алексѣй Михайловичъ Селиверстовъ.
- Въ *Вильнѣ*: Его Благородіе Степанъ . . . . Серебряковъ.
- Въ *Стародубѣ*: Его Благородіе Логинъ Парфеншьевичъ Деменьшевъ.

- Въ *Дорогобужѣ*: Его Благородіе Иванъ Матвѣевичъ Ушаковъ.
- Въ *Сѣвскѣ*: Его Сіятельство Князь Василій Юрьевичъ Мещерскій.
- Въ *Славрополѣ*: Его Высокоблагородіе Леоншій Ивановичъ Фонъ - Трейзенъ.
- Въ *Ораниенбургѣ*: Его Благородіе Яковъ Пепровичъ Похвисневъ.
- Въ *Николаевѣ*: Его Высокоблагородіе Иванъ Ивановичъ Ждановъ.
- Въ *Устюгѣ*: Устюгскій купецъ Федоръ Егоровичъ Шергинъ.
- Въ *Севастополѣ*: Вицъ - Адмиралъ и Командоръ Павелъ Васильевичъ Пустошкинъ. Севастопольской купецъ Иванъ Васильевичъ Богапыревъ.
- Въ *Полтавѣ*: Его Благородіе Григорій Федоровичъ Левенць.
- Въ *Курскѣ*: Московской купецъ Павелъ Григорьевичъ Гаголинъ на 2 экз.
- Въ *Корчевѣ*: Его Благородіе Алексѣй Александровичъ Павловъ.
- Въ *Красноярскѣ*: Купецъ Иванъ Евстратьевичъ Новиковъ.
-